

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«КОМПЛЕКСНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
им. Х. И. ИБРАГИМОВА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИ НАУК»
(ФГБУН «КНИИ им. Х. И. Ибрагимова РАН»)

На правах рукописи

Турпалов Лема Абдоллаевич

**РЕГИОНАЛЬНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В
КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ СОВЕТСКИХ СМИ
(1917–1938 гг.)**

Специальность 5.9.9 – Медиакоммуникации и журналистика

Диссертация

на соискание ученой степени

доктора филологических наук

Грозный – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ПРЕССА СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ПЕРЕХОДНЫЙ ОТ МОНАРХИИ К СОЦИАЛИЗМУ ПЕРИОД.....	30
§1.1. Трансформация системы печати Северного Кавказа под влиянием февральской буржуазно-демократической революции.....	30
§1.2. Политика большевистской партии в сфере печати в крае в период установления диктатуры пролетариата.....	62
ГЛАВА 2. ФОРМИРОВАНИЕ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ СИСТЕМЫ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В КРАЕ.....	100
§2.1. Восстановление советской власти и создание однопартийной системы периодической печати в национальных регионах Северного Кавказа.....	100
§2.2. Становление тоталитарной модели северокавказской журналистики в условиях сталинского режима.....	147
ГЛАВА 3. РАДИОЖУРНАЛИСТИКА КАК КОМПОНЕНТ КРАЕВОЙ СИСТЕМЫ СМИ.....	199
§3.1. Зарождение радиовещания на Северном Кавказе.....	199
§3.2. Северокавказская радиожурналистика в годы укрепления большевистского тоталитаризма.....	219
ГЛАВА 4. ПОЛИТИКА БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПАРТИИ В СФЕРЕ ПОДГОТОВКИ НАЦИОНАЛЬНЫХ КАДРОВ ЖУРНАЛИСТИКИ.....	242
§4.1. Организация системы обучения профессиональных журналистов в 1920–1930-е годы.....	242
§4.2. Особенности развития рабселькоровского движения в автономиях Северного Кавказа.....	265
ГЛАВА 5. ВКЛАД ЖУРНАЛИСТИКИ РЕГИОНА В СТАНОВЛЕНИЕ ТОТАЛИТАРНОГО РЕЖИМА.....	284
§5.1. Местная печать как инструмент манипулирования массовым сознанием.....	284

§5.2. Журналистика и журналисты Северного Кавказа в контексте репрессий Сталинского режима.....	322
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	350
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	356

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Процессы становления прессы национальностей Северного Кавказа протекали в русле общемировых закономерностей возникновения журналистики. В силу исторических обстоятельств эти процессы начинаются в разных странах и регионах в различное время в зависимости от уровня социально-экономического и культурного развития, появления объективных предпосылок. Соответственно в каждом регионе возникают и свои особенности развития системы журналистики.

Истоки зарождения письменности, книгопечатания народов Северного Кавказа уходят корнями в средние века и связаны с распространением в крае христианства и мусульманства. Именно с религией пришли сюда арабская, грузинская и церковнославянская письменности, а вместе с ними появились первые образованные представители, рукописные тексты, а затем и печатные издания. В этот период предпринимаются попытки зафиксировать на бумаге религиозные, фольклорные и авторские тексты, с использованием алфавитов, созданных отдельными персонами. Однако эти разрозненные попытки просветителей создать национальные письменности так и остались персональными, чисто познавательными проектами и не воплотились в государственные программы, потому не были реализованы. Ни общедоступная письменность, ни система образования на национальных языках не сложились вплоть до начала XX столетия. Поэтому все формы неперидического и несистемного издания отдельных текстов можно рассматривать только как предтечу журналистики края.

Собственно, региональная пресса зародилась в конце XIX – начале XX века с завершением колонизации Северного Кавказа Российской империей и развитием капитализма в крае. Серьезный импульс региональной журналистике придала революция 1905 года, но ее поражение затормозило демократические процессы, в том числе и становление многопартийной региональной прессы. В период революционных выступлений 1917 года и падения царского режима сложилась многопартийная северокавказская журналистика как важный компонент местных

национальных движений. Наиболее масштабную пропаганду в национальных окраинах, в частности на Северном Кавказе, развернула большевистская партия, опираясь на ставший популярным лозунг права народов на самоопределение.

В большой степени судьба режима партии большевиков после октябрьского переворота 1917 года зависела от того, поддержат или нет новую власть национальные окраины России. Между тем у Советской власти не было возможности обеспечить обещанное народовластие, а тем более решить острейшие экономические проблемы, преодолеть массовую нищету. И большевики, как это было и в период борьбы с другими левыми партиями за влияние на массы в условиях царизма, придя к власти, продолжали использовать тактику обещаний, которые и не собирались выполнять. Манипулирование массовым сознанием с использованием догматических, лживых постулатов для воздействия на малограмотные слои рабочих и крестьян стало обычной практикой большевиков. И основным средством в этой политике, конечно, была печать. Не случайно В.И. Ленин ведущее место в борьбе за построение социалистического режима отводил прессе, как коллективному агитатору, пропагандисту и организатору. Вот почему развитию системы прессы Советская власть уделяла пристальное внимание. Важной частью этой системы была печать национальных областей. Нужно отметить, что большинство малых народов России не только не располагало до этого своей журналистикой, литературой, но даже не имело собственной письменности, что затрудняло деятельность большевистской партии по пропаганде своих идей среди этой части населения. А тоталитарному режиму, конечно, необходимо держать под контролем массовое сознание всего общества. По этой причине новая власть уделяла особое внимание вопросам развития письменности, создания национальной прессы и литературы малых народов.

Этим и привлекли большевики угнетенные народы России, для развития которых, в том числе и культурного, царизм делал очень мало. В первую очередь, это касалось малых народностей, в частности, северокавказских. За редким исключением они фактически оставались непросвещенными, без собственной литературы, журналистики, профессионального искусства. Вместе с тем надо

отметить, что благодаря инициативам представителей зародившейся во второй половине XIX века местной интеллигенции и на Северном Кавказе появлялись редкие и недолговечные издания. Их можно рассматривать как предпосылки становления региональной системы журналистики в условиях Советской власти.

Процесс развития журналистики в национальных областях имел свои закономерности и особенности, как в становлении системы и типа изданий, так и в содержании выступлений печатных органов. На Северном Кавказе именно в годы строительства социализма зародилась национальные пресса, радиовещание, определились основные формы и методы работы коллективов редакций, были созданы национальные кадры журналистики. В течение первых пятилеток сформировалась система средств массовой информации и пропаганды северокавказских автономных республик, которая в дальнейшем совершенствовалась.

К началу социалистического строительства Северный Кавказ отличался не только пестротой национального состава, но и неоднородностью экономического, социально-политического и культурного развития различных районов. Эта специфика Северного Кавказа дает возможность изучить тенденции развития системы журналистики в национальных районах, находившихся на различных ступенях исторического развития.

Всестороннее исследование процесса формирования национальных систем средств массовой информации и пропаганды как идеологического инструмента тоталитарного режима – необходимое условие для понимания закономерностей развития региональной журналистики. Как подчеркивает исследователь северокавказской журналистики В.Д. Таказов, «без анализа всего богатства местной периодики история отечественной прессы всегда будет отличаться неполнотой и неточностью оценок. Без учета роли провинциальной периодики в отображении российской действительности невозможно дать правдивую характеристику всей истории отечественной журналистики» [190: 4]. Формирование системы журналистики на Северном Кавказе «происходило под влиянием закономерностей, обусловленных общественно-политическим,

экономическим и культурным развитием страны, а также региональной спецификой» [98: 5], которая заключалась в разнообразном национальном составе населения, своеобразном укладе жизни и вековыми традициями горцев. Если отбросить идеологическую составляющую процесса формирования системы СМИ в крае в тот период, то опыт местных СМИ имеет ценность и для сегодняшнего развития региональной журналистики в условиях, когда возрос интерес к возрождению национальной культуры. Нельзя не согласиться с утверждением Е.Л. Вартановой, «что определенные национальные особенности российских масс медиа продемонстрировали преемственность на протяжении нескольких столетий, в условиях общественных режимов, оставаясь культурными детерминантами социального развития» [49: 16]. Это в полной мере относится и к процессам развития системы журналистики народов Северного Кавказа. Безусловно, приобретает важное значение также опыт создания СМИ на двух языках в связи с актуальностью изучения проблем билингвизма в национальных республиках современной России.

Этим объясняется возросший интерес в последнее время к исследованию процесса зарождения и развития местной журналистики. Если в целом история развития советской прессы в годы построения социализма исследована достаточно полно, то специфические проблемы становления системы печати в республиках Северного Кавказа, особенности ее функционирования в научной литературе еще не обобщены. Выделение журналистики Южного региона для изучения правомерно, отмечают исследователи Е.В. Ахмадулин и А.И. Станько, и еще в дореволюционной России именно здесь функционировала одна из самых разветвленных систем печати среди провинций. «При исследовании печати интерес представляет не только специфика журналистики этого региона, – подчеркивают они, – но и общие черты, характерные для становления, развития и влияния на читательскую аудиторию всей провинциальной прессы. Исследование одного из звеньев общей цепи местной печати России имеет историко-теоретическое и методологическое значение. Полное представление о системе

печати в целом позволяет более правильно определить общие закономерности развития русской журналистики» [20: 7].

Еще один аспект деятельности системы большевистской прессы Северного Кавказа все еще остается малоисследованным – это вклад печати в идеологическое обеспечение диктатуры пролетариата, использование партией СМИ для расправы со своими противниками, в манипулировании массовым сознанием. Между тем, в историко-журналистской литературе оценка деятельности журналистики 20–30-х годов прошлого столетия далеко не однозначна. Тем не менее, при всей ее противоречивости, как все позитивное, так и негативное, явилось отражением времени, результатом проявления условий, в которых она функционировала и развивалась. Объективные условия в период социалистической модернизации страны сформировали тоталитарную модель журналистики. Не всегда мероприятия большевистского руководства страны по идеологическому обеспечению социалистического строительства соответствовали требованиям цивилизованного мира, объективным законам развития общества, а чаще всего носили субъективный характер. Соответственно и журналистика периода сталинизма являлась придатком тоталитаризма. Современное состояние разработанности проблемы позволяет выполнить обобщающее системное исследование особенностей и закономерностей формирования системы журналистики в автономиях Северного Кавказа в очерченный период.

Выбор темы продиктован тем, что накопленные в последние годы знания и доступность засекреченных в советский период материалов позволяют пересмотреть некоторые оценки и тезисы исследований, выполненных в эпоху коммунистического авторитаризма. Советская наука подходила к исследованию процессов становления и развития журналистики однобоко с позиций коммунистической доктрины, провозглашенной «единственно верной», без учета изданий иных политических направлений, должного критического анализа политики большевистской партии в сфере средств массовой коммуникации.

В то же время в самих исследованиях того времени содержится огромный пласт фактического материала, позволяющий дать объективную характеристику

практики СМИ советского периода, возможности которой были лишены авторы в условиях тоталитаризма. «На современном этапе развития журналистской науки возрастает необходимость в глубоком переосмыслении истории отечественной журналистики в предшествующий семидесятилетний ее период, – указывает на важность разработки нового взгляда на процессы развития советских СМИ исследователь Н.М. Тобольцева. – В течение всего этого времени в России существовала журналистика особого типа, которая использовалась властью в качестве инструмента социально-политического управления обществом и средством формирования авторитарно-тоталитарного мышления» [195: 8].

Актуальность исследования журналистики национальных регионов России также обусловлена, во-первых, необходимостью разработки новой стратегии национальной политики в условиях глобализации информационного пространства, борьбы с терроризмом, в том числе информационным, во-вторых, активизацией национальных движений и появлением новых тенденций в развитии и функционировании систем местных СМИ. В частности, нельзя сформировать объективный взгляд на процессы становления системы журналистики на Северном Кавказе, не пересмотрев сложившиеся в советской науке стереотипы.

Степень разработанности проблемы. Как предпосылки системного исследования многонациональной журналистики Северного Кавказа можно рассматривать статьи обозревателей специализированных журналов 1920-1930-х годов «Красная печать», «Журналист», «Большевицкая печать», «Революция и национальности», «Жизнь национальностей», а также краевых – «Революция и горец», «Колхозная печать»: С. Аكوпова, Анур, Г. Апресяна, А. Аршаруни, А. Бегеулова, В. Беляева, С. Богдатьяева, Д. Делерта, Е. Зюзюкова, Х. Кожевникова, Н. Пилацкой, П.В. Рысакова, А. Семякина, И. Тамбиева, В.К. Хащенко, И. Щацкого, Д. Шварца, Г. Ястребова [298.1, 293.3, 293.4, 290.2, 295.1, 297.2, 293.7, 293.8, 283.14, 293.15, 293.18, 290.3, 293.16, 293.17, 297.4, 297.5, 294.2, 286.2, 293.37, 289.1, 286.7, 286.8, 297.20, 297, 21, 294.5, 290.16, 293.49, 293.50, 290.21, 293.51, 290. 22]. Безусловно, первые аналитические публикации, в которых рассматривались процессы становления национальной прессы на Северном Кавказе, были

выполнены строго с большевистских позиций и носили вульгарно-социологический характер. Как правило, в них содержался анализ контента и оформления национальных изданий не столько научный, сколько политический. Такими же идеологическими штампами характеризовались доклады, статьи по вопросам развития печати местных партийных и советских руководителей У. Д. Алиева, Д. Коркмасова, И. Карачайлы (Хубиева) [7, 8, 9, 10, 107, 297.1, 290.14, 297.14].

В перечисленных работах упор делался на вопросы «политической зрелости» национальной журналистики. На самом деле под зрелостью подразумевалась готовность выполнять директивы большевистской партократии.

Методологические установки авторов обзоров национальной прессы, являвшихся, как правило, одновременно партийными функционерами, формировали упрощенные, примитивные, в итоге неверные оценки функционирования региональной журналистики. Однако эти тексты имеют познавательное значение и все еще остаются важными источниками современных научных исследований, посвященных истории национальной журналистики, поскольку в них с опорой на большой фактический материал излагаются некоторые узловые вопросы деятельности партии по созданию сети местных периодических изданий, радиовещания, отмечаются особенности форм и методов работы краевых СМИ. Некоторые из этих обзоров довольно информативны и позволяют выявить особенности становления системы журналистики региона.

В некоторой степени попытки научного анализа процессов зарождения и становления журналистики Северного Кавказа содержатся в статьях того периода Б.М. Городецкого, Г.К. Марторисиана, Г. Тягленко [297.11, 297.12, 146, 202]. Но в целом работы посвящены вопросам политической выдержанности местных изданий и носят декларативный характер.

Первопроходцами системного изучения процессов возникновения и развития большевистской печати в многонациональной стране стали А.Л. Мишурис, Б.Д. Дацюг, Я.Н. Засурский, И.В. Кузнецов, Р.П. Овсепян [152, 153, 110, 172, 161, 162, 163, 164, 165, 166]. В их работах разработана методология исследования системы

журналистики бывшего СССР на всех этапах ее формирования. Опирались они, естественно, на коммунистические постулаты и оценивали журналистику с классовых позиций. Однако в этих работах рассматриваются закономерности строительства модели журналистики тоталитарного режима в целом, а особенности формирования системы СМИ национальных меньшинств затрагиваются поверхностно. Бóльший акцент на историю СМИ национальностей сделан в трудах Р.П. Овсепяна. Вместе с тем автор уделял основное внимание журналистике народов, которые имели статус союзных республик в составе СССР. Процессы становления системы СМИ малых народов, в том числе и народов Северного Кавказа, в его исследованиях не получили достаточно полного освещения.

Научная школа истории журналистики Северного Кавказа стала складываться в 1960-е годы. Связано это было с тем, что появились дипломированные выпускники факультетов журналистики – представители коренных северокавказских народов. Были защищены первые кандидатские диссертации Д.Н. Ахмедовым, М.Д. Бутаевым, М.А. Гуриевым, Х.Я. Беретарь [24, 35, 41, 66], изданы брошюры Х. Сабанчиева, С. Лорсанукаева и А. Мякиева [181, 134, 156]. Объектом их внимания, прежде всего, стали процессы становления системы региональной периодической печати периода, получившего название «социалистическое строительство» и охватывающего в соответствии со сложившейся в отечественной истории хронологией октябрь 1917 – 1938 гг. Это было обусловлено тем, что народности Северного Кавказа обрели письменность, литературный язык, регулярно издающуюся национальную прессу именно в этот отрезок истории. Но на том этапе у исследователей не было возможности дать общую картину тенденций развития журналистики края в годы социалистической модернизации. По сути дела, объектом исследования в данный период стали только системы журналистики отдельных республик: Дагестана, Адыгеи, Северной Осетии. История журналистики остальных республик была затронута только фрагментарно в небольших брошюрах и статьях.

В 1970-1980-е годы изучение краевой журналистики, в частности, периода укрепления советской власти, стало более многоплановым и системным,

расширились географические рамки. В научный оборот вошли системы СМИ практически всех автономий региона. В работах Э.А. Исаева, М.Д. Бутаева, Д.Н. Ахмедова, Г.Г. Арипова, Ф.Ш. Ошноковой, М.Х. Герандокова, Э.А. Дзиева [88, 89, 42, 44, 45, 17, 170, 60, 76] выявляются особенности развития партийно-советской прессы отдельных автономий, ее вклад в экономическое, политическое, социально-культурное развитие всех национальных регионов Северного Кавказа. Однако научные работы тиражировали трафаретные утверждения о ведущей роли в социалистическом строительстве и широкой популярности местной большевистской прессы. Исследовательская деятельность была ограничена цензурными запретами и установками руководства коммунистической партии, обладавшей монопольной властью в стране. Историческая наука рассматривалась как средство манипулирования массовым сознанием, а не инструмент познания прошлого. «Идеологические установки во многом определяли принципы отбора источников и влияли на интерпретацию фактического материала, – утверждает Л.А. Молчанов. – Очень часто принципы объективности и научности жестко подменялись принципом коммунистической партийности. Искажался подход к принципу историзма. Под разными предлогами регламентировались правила работы над архивными источниками» [154: 7]. Как следствие, научные работы выглядели однообразными, в них содержались однотипные тезисы о руководящей роли большевистской партии.

В данных работах недостаточно высвечены процессы становления системы СМИ в крае, формирования типа национальных периодических изданий, подготовки национальных журналистских кадров. Чрезмерная политизация общественных наук не позволяла полноценно рассмотреть процессы становления и развития системы местной советской журналистики.

В эти годы были предприняты отдельные попытки рассмотреть комплексно особенности становления СМИ всего Северного Кавказа [139, 140, 200, 22]. Опыт партийных организаций автономных республик региона в создании и использовании печати в период восстановления народного хозяйства был исследован в работах А.А. Магометова. Автор указывает на некоторые тенденции

строительства государственной сети газет в 1921-1925 гг. в Чечено-Ингушетии, Северной Осетии и Кабардино-Балкарии, на специфику форм и методов партийного руководства местными периодическими изданиями, массовой работы редакций. Выводы А.А. Магометова представляют научный интерес при определении общих тенденций развития национальной прессы на Северном Кавказе. Однако в книге не ставилась цель исследовать процессы формирования системы СМИ всего края в период установления и укрепления диктатуры большевистской партократии. Диссертация Л.А. Турпалова в основном была посвящена прессе Чечено-Ингушетии и в ней использованы только отдельные материалы других автономий для сравнения. Впервые попытку охарактеризовать становление национальных систем СМИ всех северокавказских автономий в условиях социалистического строительства предпринял один из патриархов краевой историко-журналистской науки Д.Н. Ахмедов. Однако в его работе история журналистики каждого субъекта рассматривается отдельно, поэтому не выявлены общие тенденции развития, незначительно затронуты проблемы взаимодействия журналистского сообщества края, сотрудничества редакционных коллективов разных регионов.

Подавляющее большинство исследований, выполненных в советский период в условиях идеологического монополизма, игнорируют небольшевистские издания периода 1917-1920-х годов, оценки изданий даются только с позиции принадлежности к большевистской партии. Даже работам перестроечного периода характерны догматизация классового подхода в методологии исследования, слабая дифференциация структуры исследовательской проблематики. Недоступность многих ключевых источников и политико-идеологический контроль со стороны коммунистической партии привели к тому, что большинство из этих работ сегодня концептуально, методологически и эмпирически устарели.

Одним из главных предметов исследования в этих трудах выступали деятельность большевистской партии по развитию тоталитарной модели советской журналистики, идеологическое обеспечение социалистических преобразований. Например, подчеркивалась роль большевистской партии в становлении

национальной журналистики, характеризовался вклад местных СМИ в укрепление диктатуры пролетариата на окраинах. Вместе с тем не затрагивалась тема участия органов журналистики в расправе над кадрами интеллигенции, в обосновании, как необходимости, репрессий сталинского режима, в антирелигиозной пропаганде. А вопросы цензуры со стороны большевистской партии вообще оставались вне поля зрения историко-журналистских работ.

После развала коммунистического режима ситуация несколько изменилась. В то же время, если история СМИ общегосударственных и крупных региональных центров освещена с новых позиций достаточно широко, то вопросы функционирования в рассматриваемый период журналистики провинциальной, особенно в национальных республиках, все еще радикально не переосмыслены в научной литературе. Сегодня становится все более очевидным, что для создания фундаментальной истории отечественной журналистики, прослеживающей все основные закономерности ее развития, недостаточно исследования общероссийских средств массовой информации, необходимо в полной мере опираться также на материалы местных и национальных каналов масс медиа.

В постсоветских научных работах, посвященных СМИ Северного Кавказа, в определенной степени преодолевается односторонний, с позиции коммунистической идеологии, подход к исследованию системы региональной журналистики периода большевистского тоталитаризма. Так, в трудах Д.Н. Ахмедова и А. Камалова, М. Бутгаева и Р. Идрисова, М.Ш. Гусейновой, Г.А. Магомедова, М.Б. Каражаевой, Ф.А. Магулаевой, Л.Р. Амерхановой, Э.Н. Урусовой анализируются процессы становления системы печати на Северном Кавказе в условиях сталинского тоталитаризма [25, 26, 46, 69, 137, 101, 141, 12, 203]. Историк Ф. Магулаева с современных позиций прослеживает истоки зарождения и этапы формирования прессы в Карачае. Достоинством исследования является то, что в нем рассматриваются не только большевистские издания Карачая, но также местная печать белого движения. Автор верно характеризует роль партийных органов в деле руководства прессой, которая из органа

просвещения и информации превратилась в годы формирования сталинского тоталитарного режима в пропагандистский рупор коммунистической партии.

Особняком стоит монография С.Д. Магомаева «Газета «Даймохк» и ее журналисты. Сборник исторических и портретных очерков к 95-летию газеты» [136]. Она, как и работа С. Лорсанукаева, посвящена основоположнице прессы на чеченском языке. Однако впервые в историографии истории журналистики Чечни монография написана на родном языке, что повышает ее ценность. Вместе с тем в книге преобладает не научный анализ, а публицистическое изложение, мемуарные моменты. В то же время в ней собран большой фактологический и исторический материал, который представляет научный интерес и имеет ценность для ученых.

В 2018-2019 годах Северо-Осетинский государственный университет им. К. Хетагурова выпустил двухтомную хрестоматию «История журналистики Осетии», в которую вошли как произведения ведущих национальных публицистов XIX – первой половины XX в., так и отдельные научно-исследовательские работы [90, 91]. Впоследствии двухтомник был издан на осетинском языке.

Но большинство исследований затрагивают всего один аспект проблемы – организацию и функционирование систем СМИ отдельных автономий региона. В постсоветские годы появились исследования, в которых предпринимаются попытки рассмотреть общие тенденции развития журналистики края в годы социалистического строительства с современных позиций [191, 214, 201]. В диссертации Х.А. Текеевой затронуты вопросы функционирования прессы Осетии, Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии в 1920-1930-е годы. Однако автор не ставил цель охватить все субъекты региона. В исследованиях З.Ю. Хуако выявляются общие процессы и проблемы становления прессы народностей Северного Кавказа в годы строительства социализма. Автор акцентирует внимание на вопросах организации периодической печати в крае в ходе социалистического строительства, партийного контроля над краевой прессой.

Вместе с тем, говорить о полной разработанности темы преждевременно, все еще остаются «белые пятна» в истории журналистики Северного Кавказа советского периода. Кроме того, в трудах постсоветского периода проявляются

рецидивы методологии исследования журналистики из недавнего советского прошлого. По крайней мере, провинциальная система СМИ, особенно в национальных регионах Северного Кавказа, пока в недостаточной степени стала объектом изучения с новых позиций. Малоисследованными остаются общие процессы становления системы СМИ края, вопросы формирования типа национальных периодических изданий, подготовки национальных журналистских кадров. Также не уделено должного внимания теоретическим проблемам, касающимся тенденций развития системы СМИ всего региона, закономерностей и особенностей ее становления и функционирования. Как справедливо замечает Т.П. Хлынина, в современных историко-журналистских исследованиях все еще прослеживается абстрагирование от «многофакторности предмета и многоаспектности проблем, даже признаваемых ими на теоретическом уровне...» [205: 8]. В полной мере это относится и к работам, посвященным истории журналистики Северного Кавказа.

В исследованиях ростовской научной школы (Е.А. Корнилова, Е. В. Ахмадулина, А. И. Станько и Т. Ф. Капитана [109, 20, 98]) больше внимания уделяется вопросам развития прессы Дона, а система журналистики национальных регионов края рассматривается обзорно, с опорой на исследования местных ученых. Столь широкий охват, естественно, не позволяет сконцентрировать внимание на характерных для прессы автономий края особенностях. Вместе с тем, методологические вопросы, разработанные в данных работах, безусловно, представляют интерес для историков региональных СМИ.

Нужно отметить, что мало изучена история зарождения и становления радиожурналистики в крае. К сожалению, для полноценного исследования процессов развития и особенностей функционирования этого вида журналистики в регионе практически не сохранились материалы, документы. Поэтому в научной литературе редко встретишь труды, посвященные этой теме. Выпущенные в советскую эпоху брошюры М.Х. Гамидова, А. Азизханова и С.М. Лагутина [6, 57, 117] относятся к мемуарной литературе и не содержат научный анализ процессов становления краевой радиожурналистики. В определенной степени этот пробел

восполняется в работах М.М. Бженникова, А.Д. Кусаева и Т.Ю. Чиненной [36, 115, 217], в которых прослеживаются отдельные страницы развития радиовещания в Кабардино-Балкарии, Чечне и Дагестане. Однако в первых двух изданиях преобладает публицистика и не всегда придерживаются заявленной темы. В то же время в этих работах собран исторический материал о деятельности первых северокавказских радиостанций, который представляет научный интерес. Единственное в историографии истории северокавказской журналистики полноценное научное исследование, посвященное развитию радиожурналистики Дагестана в рассматриваемый период, выполнено Т.Ю. Чиненной. Несколько расширить эмпирическую базу исследований по истории радиовещания позволяют архивные источники. Но применительно к первой половине 1920-30-м годам нельзя говорить о достаточном их количестве, поскольку довольно большая часть документов не сохранилась в архивах в силу различных причин [27: 74]. Магнитной записи в те годы не существовало. То есть все еще остается актуальной проблема обобщения опыта создания и функционирования этого вида журналистики в автономиях Северного Кавказа.

Не стал объектом исследования такой аспект генезиса местной журналистики, как ее вклад в создание культа личности Сталина и идеологическое обеспечение политических репрессий 1920-30-х годов. До сих пор нет специальных научных трудов, посвященных данной проблеме. Поэтому все еще актуальна задача переосмысления и дополнения научных представлений об истории системы журналистики региона. Как отмечает Н. М. Тобольцева, «...в большинстве исследований система средств массовой информации рассматривается как функционирующая автономно от иерархической вертикальной структуры власти. Но в условиях тоталитарного режима это невозможно. Таким образом она может развиваться только в обществе, обладающем демократическими свободами. Со всей определенностью можно сказать, что такого в России не было. А в авторитарных режимах журналистика является лишь инструментом тотального воздействия власти на общество» [195: 5].

Работы Г.В. Жиркова, А.А. Антонова-Овсеенко, Н.М. Тобольцевой, Е.П. Волковой, А.В. Видяевой [15, 80, 81, 50, 52, 195], в которых рассматривается эта проблема в целом, дают ориентир для исследования большевистского авторитарного дискурса национальной журналистики Северного Кавказа. Так, в исследованиях Г.В. Жиркова прослеживается история становления цензуры в России и СССР. Особое внимание уделено укреплению большевистского контроля над прессой в годы укрепления тоталитаризма. Автор выделяет как позитивные, так и негативные особенности развития советской журналистики сталинского периода с его системой манипулирования общественным мнением (принцип бдительности журналистики, мифологизация контента, политический театр Сталина и др.). В монографии Н.М. Тобольцевой рассмотрены все стороны становления системы журналистики большевистского тоталитаризма, определены ее наиболее характерные черты, показана преемственность концепций однопартийной печати Ленина-Сталина. В докторской диссертации А.А. Антонова-Овсеенко рассмотрены системно сложные процессы зарождения тоталитарной модели журналистики в контексте февральской и октябрьской революций 1917 года, ее роль в формировании массового сознания.

Нужно сказать, что вопросы истории северокавказских СМИ в целом не были радикально переосмыслены в научных кругах, и на сегодняшний день можно говорить о недостаточной изученности проблемы. Это касается как теоретических аспектов проблематики, вопросов периодизации, так и социально-экономических аспектов развития массовой коммуникации в крае. Налицо отсутствие обобщающих и полномасштабных исследований, которые рассматривали бы проблемы становления национальных систем журналистики на Северном Кавказе в контексте формирования большевистского тоталитаризма. В связи с тем, что в достаточной степени завершена программа «фрагментации» истории развития национальной журналистики Северного Кавказа в годы построения социализма, стало возможным создание обобщающего труда в этой области. Учитывая существующие пробелы, а также изменившуюся ситуацию с доступом к данным,

научному сообществу необходимо продолжать изучение журналистики региона с новых позиций.

Целью выполненного исследования является выявление общих тенденций развития журналистики Северного Кавказа и создание на этой базе целостной концепции закономерностей и особенностей формирования и функционирования тоталитарной модели журналистики в крае как инструмента укрепления большевистского режима в годы социалистического строительства. Внимание акцентировано на малоизученных вопросах истории журналистики региона.

Для достижения этой цели в работе ставятся следующие **задачи**:

– выявить степень воздействия февральской (1917) буржуазной революции на процессы становления многопартийной печати в национальных регионах Северного Кавказа;

– охарактеризовать политику большевистской партии по реформированию прессы Северного Кавказа в идеологическое оружие диктатуры большевистской партократии в ходе Октябрьской революции и Гражданской войны;

– ввести в научный оборот северокавказские небольшевистские периодические издания первых лет советской власти;

– определить особенности зарождения прессы на национальных языках, научно обосновать утверждение о национальном характере русскоязычных изданий;

– выявить зависимость формирования систем журналистики в автономиях Северного Кавказа от национально-государственного строительства в крае в форме советских автономий;

– показать общность процессов формирования авторитарной модели журналистики в регионах Северного Кавказа под контролем большевистской партии;

– дать характеристику трудностям, связанным с подготовкой национальных кадров журналистики, преданных идеологии большевизма;

– показать место журналистики в формировании командной административной системы в контексте национально-государственного и партийного строительства на Северном Кавказе;

– рассмотреть методы и формы региональных СМИ по идеологическому обеспечению социалистической модернизации края;

– выявить вклад журналистики края в формирование большевистского тоталитарного режима, в оправдание репрессий против граждан 1920-1930-х годов.

Гипотеза настоящей работы, связанная с ее целью и вытекающая из нее, состоит в том, что процессы демократизации сферы журналистики, начавшиеся в 1917 году после Февральской буржуазной революции, были прерваны Октябрьским переворотом. Одна из составляющих национальной политики большевистской партии, провозглашенная как программа преодоления отсталости в сфере развития национальных языков, письменностей, литературы и журналистики, была вызвана не столько стремлением содействовать нациям в культурном развитии, сколько прагматической целью распространения марксистской идеологии, стирания национальной идентичности и формирования единой социалистической общности. Система СМИ при тоталитарном режиме формируется под непосредственным совокупным воздействием нормативно-правовой базы и практики государственных регуляторов.

Объект исследования диссертации включает комплекс факторов, которые обусловили формирование тоталитарной модели журналистики национальных регионов Северного Кавказа в ходе установления диктатуры большевистской партократии.

Предметная область охватывает многокомпонентную систему журналистики в национальных регионах Северного Кавказа в условиях укрепления большевистского авторитарного режима.

Хронологические рамки работы ограничиваются 1917-1938 годами. Именно в этот период возникла и сформировалась система большевистской журналистики народов Северного Кавказа, были заложены основы национально-государственных образований, определялись их административно-

территориальные границы, социально-экономическая сущность и правовой статус. Импульс этим процессам придали две революции 1917 года. С этими событиями связаны начало процесса национального самоопределения народов Северного Кавказа, создание национальной письменности и, как следствие, формирование национальных систем журналистики как важнейшего инструмента укрепления советской власти.

Периодизация является важным методологическим инструментом при исследовании генезиса системы журналистики края. В историко-журналистской науке развитие российской печати все еще делится на дооктябрьский и партийно-советский этапы. На наш взгляд, водоразделом являлась февральская революция, которая положила конец монархии и начало политической системе с выборной властью. Октябрьский переворот привел к узурпации власти в стране одной партией и формированию политического и идеологического тоталитаризма, при этом внешне демократическая форма управления обществом сохранилась. Не случайно вождь большевистской партии, захватившей власть, рассматривал октябрьскую революцию как вторую стадию февральской. Исходя из этого, мы предложили хронологию, которая начинается с февраля 1917 года.

Завершился процесс национально-государственного строительства в СССР с принятием Конституции 1936 года и образованием в последующие два года автономных республик и областей. На этот период приходится окончательное укрепление тоталитарного партократического режима и формирование соответствующей модели системы журналистики, иерархически выстроенной по вертикали.

Географические рамки исследования ограничены пределами национальных автономий Дагестана, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Чечни, Ингушетии, Северной Осетии и Адыгеи. Данный выбор определился тем, что народы, проживающие в этих субъектах, с древности связаны между собой, имеют общую ментальность и идентифицируют себя как родственные этносы, что отличает их от других народов страны. Общность характерна и процессам национально-государственного строительства, экономического и культурного

развития национальных регионов края в период строительства социализма, в том числе в формировании систем журналистики. Кроме того, в царский и раннесоветский периоды обозначенные национальные регионы были в административно-территориальном плане объединены в структуре Терской области.

Методология и методы диссертационного исследования. Теоретико-методологической основой работы послужили принципы организации исторического исследования: историзм и научная объективность, сравнительный анализ историографических явлений и фактов. Такой подход позволил рассмотреть формирование и становление системы журналистики на Северном Кавказе в ее развитии, конкретно-исторической обусловленности и индивидуальных проявлениях; оценить уровень разработанности ее отдельных сюжетов и направлений; отобрать наиболее значимые для понимания сути самой проблемы исторические факты. Для обеспечения исторической достоверности использован принцип привлечения широкого круга исторических свидетельств, подчас прямо противоречащих друг другу в трактовке тех или иных событий, связанных с функционированием системы журналистики Северного Кавказа в годы становления сталинского тоталитарного режима, их сравнительный анализ для формирования наиболее вероятных версий и окончательных выводов работы. Обращение к огромному пласту материалов стало возможным благодаря использованию системного подхода, который создает предпосылки для целостного и комплексного исследования истории средств массовой информации. В целях решения отдельных задач широко используются принципы и методы иных научных дисциплин: литературоведческих, социологических, политологических, культурологических и др.

Наряду с ними в диссертации применялись методы актуализации и ретроспективного анализа, посредством которых решались вопросы репрезентативности тех или иных историографических положений, а также практической значимости полученных в ходе данного исследования выводов.

Источниковую базу работы составляют публикации в периодических изданиях – центральных, региональных и местных, партийные и государственные документы, архивные материалы, мемуары, доклады политических и общественных деятелей. Исследование выполнено с привлечением трудов историков краевой журналистики. Реконструкция системы журналистики Северного Кавказа в годы укрепления большевистского режима проведена на основе выявления типологии СМИ того времени, анализа содержания периодической печати и радиовещания.

Нужно сказать, что не приходится говорить о достаточности архивных источников, комплектов газет и журналов, радиотекстов в связи с тем, что большая часть документов в архивах не сохранилась, равно как и комплектов изданий. В архивах национальных республик региона содержится достаточно большой массив документов, имеющих отношение к истории краевой журналистики. В большинстве они введены в научный оборот местными исследователями, хотя до сих пор обнаруживаются неизученные источники. Архивы Чеченской Республики полностью уничтожены в период военных действий в конце XX – начале XXI вв. Поэтому в работе содержатся ссылки на архивные фонды Чечено-Ингушетии, исследованные автором еще в советский период. Более обширный материал по истории журналистики Северного Кавказа имеется в 17-м фонде Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) (Документы агитационно-пропагандистского отдела ЦК ВКП(б)) и 7-м фонде Центра документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО) (Протоколы заседаний секретариата, бюро, комиссий Северо-Кавказского крайкома партии). Часть из них исследованы историками журналистики края. В этом отношении можно отметить работы З.Ю. Хуако, Д.Н. Ахмедова, М.Д. Бутаева, А.А. Магомедова, Э.А. Исаева и др. Однако все еще остаются документы, не попавшие в поле зрения ученых. Введение их в научный оборот, на наш взгляд, позволит углубить и расширить объективное представление о тенденциях становления региональных СМИ. Представляют интерес личные фонды краевых

партийно-государственных деятелей, сотрудников редакций, литераторов 1920-1930-х годов.

В поле зрения исследователей истории журналистики края практически не попали небольшевицкие издания, выходившие в годы гражданской войны. Между тем объективная картина освещаемого периода может вырисоваться только в случае полного охвата и анализа всех выходивших тогда газет и журналов. К большому сожалению, комплекты большинства небольшевицких изданий первых лет советской власти не сохранились.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые предпринята попытка определения общих тенденций развития и функционирования системы однопартийной журналистики всех национальных районов Северного Кавказа в контексте формирования большевицкого тоталитарного режима, представлена целостная концепция ее становления на фоне исторических, социально-экономических и культурных процессов, происходивших в России, раскрыты предпосылки формирования местной прессы, предпринимается комплексный анализ зарождения и становления журналистики региона, показана трансформация типологической структуры, выделены как положительные, так и негативные стороны деятельности партийных комитетов и редакций. Также выявлена тесная связь развития национальных СМИ с уровнем общей культуры коренных народов края.

В диссертации исследованы и систематизированы условия, которые обусловили превращение региональной журналистики в инструмент идеологического сопровождения политических репрессий, развязанных большевицкой партократией в 1920-1930-е годы, пересмотрены многие оценки и положения историко-журналистской науки периода коммунистического диктата. Также впервые рассмотрены некоторые формы работы редакций газет и журналов по пропаганде мнимых «достижений» социализма. В научный оборот введены обнаруженные автором источники, которые оставались до сих пор вне поля зрения исследователей. К ним относятся как архивные документы, так и публикации 1920-1930-х годов, в которых рассматривались вопросы зарождения и становления

системы журналистики на Северном Кавказе. В ходе исследования выявлены ранее неизвестные периодические издания, выходившие в регионе, уточнены даты выхода. Так, установлено, что первая газета на чеченском языке появилась не в 1925 году, как утверждалось в научных работах, а в 1918-м. В работе впервые обобщены материалы по развитию радиожурналистики в крае. Также предпринята попытка охарактеризовать антибольшевистскую журналистику периода гражданской войны. Так, введены в научный оборот доселе не исследованные издания «Горская жизнь», «Вольный горец», «Терский казак», «Революционный горец», «Свободный Терек» и др.

Работа построена как на собственных изысканиях автора, так и на обобщении результатов научных трудов исследователей национальных систем журналистики автономий Северного Кавказа.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Предпосылки возникновения периодической печати народов Северного Кавказа сложились в четвертой четверти XIX века в результате завершения процесса инкорпорации края в состав России и проникновения в регион капиталистических отношений. При этом появление местной журналистики стало возможным исключительно на русском языке в связи с тем, что народности не имели своих функционирующих на практике письменностей. Первые краевые издания были преимущественно органами царских администраций, правительственных учреждений и проводили официальную имперскую политику. Частные издания без ярко выраженной партийной принадлежности стали складываться в начале XX века под влиянием роста капитализма. Они подвергались цензуре. Оппозиционная печать была представлена отдельными выпусками нелегальных листков. У истоков зарождения региональной печати стояли переселившиеся из российских областей представители интеллигенции, служащие, а также выходцы из местных народностей, получившие образование преимущественно в российских учебных заведениях.

2. Свержение царизма в феврале 1917 года и отмена цензуры Временным правительством дали импульс развитию многопартийной журналистики на

Северном Кавказе. Тезис об авангардной роли северокавказской большевистской печати на этапе между Февральской и Октябрьской революциями, превалирующий в подавляющем большинстве историко-журналистских исследований, не соответствует действительности. Автор придерживается концепции, проливающей свет на то, что большевики более прагматично использовали местные либеральные и просветительские издания для пропаганды своих идей.

3. Научные подходы к исследованию генезиса национальных систем журналистики, в частности, в контексте Северного Кавказа, требуют отказа от субъективной периодизации, опирающейся на приоритет марксистской концепции классовой сущности исторических процессов, когда вехи привязываются к определенным субъективно обозначенным датам деятельности только одной коммунистической партии, порой малозначительным, как очередной съезд или пятилетка. Представляется, что принятая хронология разделения на дооктябрьский и советский этапы истории журналистики России достаточно субъективна. Более приемлема периодизация, основанная на такой базовой трансформации, как смена абсолютизма на выборную власть.

4. Национальная журналистика народностей Северного Кавказа прошла несколько этапов в своем развитии, каждый из которых имеет свои отличительные особенности: 1) конец XIX – начало XX вв. – зарождение прессы в форме губернских правительственных газет, религиозных и частных изданий, партийность выражена незначительно; 2) февраль 1917-1922 гг. – появление многопартийной печати в условиях свержения абсолютизма и отмены цензуры, новой фазы революции, приведшей к гражданской войне; 3) 1922-1925 гг. – становление однопартийной модели журналистики в результате установления большевистской диктатуры в форме советов, создание национальных письменностей и печати на языках народностей региона; 4) 1926-1938 гг. – формирование выстроенной по вертикали системы средств массовой информации, тотально подчиненной большевистской партократии, в условиях завершения национально-государственного строительства в крае в форме автономных республик. Появление радиовещания позволило расширить аудиторию СМИ,

включая неграмотное местное население, которое составляло подавляющее большинство.

5. Концепция тоталитарной модели большевистской журналистики была разработана В.И. Лениным еще в ходе подготовки и проведения социалистического переворота и доведена до реализации в годы формирования культа личности И.В. Сталина. Развитие печати на национальных языках было вызвано необходимостью тотального перевоспитания населения в духе преданности коммунистической идеологии.

6. Ориентир большевистской партии на массовость печати, широкое привлечение в качестве внештатных авторов выходцев из рабочих и крестьян давал обратный результат. Газетные полосы и радиопередачи заполняли скучные материалы, директивы, документы, лозунги, призывы, что снижало эффективность журналистики. Эти обстоятельства наряду с экономическими трудностями в стране обусловили низкие тиражи местных изданий.

7. Журналистика Северного Кавказа превратилась в инструмент идеологического обеспечения социалистической модернизации национальных регионов края на базе большевистского видения автономизации, создания командно-административной модели экономики на основе принуждения. При этом контент СМИ изменялся со сменой политики коммунистической партии в сфере экономических отношений: «военный коммунизм», НЭП, индустриализация и насильственная коллективизация сельского хозяйства.

8. Северокавказская журналистика стала составным элементом культурной революции в регионе, орудием борьбы с религией, национальными обычаями и традициями, которые марксизм объявил несовместимыми с коммунистической идеологией и препятствием на пути перевоспитания населения в послушную массу, реализации проекта социалистического переустройства всего человечества. Местная система журналистики не особенно преуспела в реализации данных планов.

9. Региональные СМИ сыграли важную роль в создании национальных письменностей, ликвидации неграмотности горцев, становлении литературы и

искусства на национальных языках. Однако большевистская партократия в качестве приоритета развития национальных культур рассматривала распространение коммунистической идеологии.

10. Журналистика и журналисты Северного Кавказа внесли свою лепту в формирование большевистского тоталитаризма, в идеологическое сопровождение развернутых в стране сталинским режимом политических репрессий. Сами журналисты также становились жертвами этой политики большевистского руководства. Негативные последствия репрессий особо ощутимыми были для малых народов, в силу малочисленности образованной прослойки.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Разработанные в диссертации подходы к пересмотру сложившейся в советский период в историко-журналистской науке концепции о всеобщей поддержке большевистской власти и торжестве идеологии марксизма в национальных окраинах, существовании в обществе свободы слова позволяют рассмотреть процессы становления журналистики Северного Кавказа, опираясь на подлинные факты, без оглядки на директивы власти, освободить научные труды от идеологической составляющей, формулировать научно обоснованные тезисы и выводы.

Результаты исследования могут быть использованы при подготовке фундаментальной истории многонациональной российской журналистики, а также на занятиях по истории отечественной журналистики, разработке курсов по истории региональной журналистики Северного Кавказа. Отдельные положения диссертации помогут практикам-журналистам и организаторам СМИ национальных республик совершенствовать свою деятельность.

Степень достоверности и апробация исследования. Промежуточные результаты исследования изложены автором в выступлениях на научно-методических семинарах лаборатории историко-этнологических исследований Комплексного научно-исследовательского института им. Х.И. Ибрагимова РАН, отдела истории народов России Института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики, обсуждались на заседаниях кафедры журналистики Чеченского государственного университета. Главные положения и выводы

диссертации нашли отражение в докладах на международных, всероссийских и региональных научно-практических конференциях в Москве (2013, 2015, 2017, 2019), Грозном (2013, 2016, 2020, 2021, 2022), Владикавказе (2012), Воронеже (2019, 2021, 2022), Нальчике (2022), Тбилиси (2022).

Содержание исследования отражено в 43-х публикациях, в том числе в 2-х монографиях и 41 научной статье, 17 из которых опубликованы в журналах, рекомендованных ВАК.

Автором разработаны и читаются курсы «История журналистики Чечни и Ингушетии» для студентов бакалавриата и «Тенденции становления и функционирования журналистики национальных регионов Северного Кавказа» для магистрантов отделения журналистики Чеченского государственного университета.

Структура диссертации подчинена целям и задачам научного исследования, диссертация состоит из введения, пяти глав, содержащих 10 параграфов, заключения, списка использованной литературы.

ГЛАВА I. ПРЕССА СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ПЕРЕХОДНЫЙ ОТ МОНАРХИИ К СОЦИАЛИЗМУ ПЕРИОД

§ 1.1. Трансформация системы печати Северного Кавказа под влиянием февральской буржуазно-демократической революции

Начало XX столетия выявило серьезные противоречия российской самодержавной системы. Дисбаланс между старым монархическим строем и растущим новым капиталистическим производством стал очевиден. Участие в русско-японской и первой мировой войнах подрывало экономику страны. Российский народ был поставлен на грань выживания. Как следствие, росло недовольство различных социальных групп, к которым относились не только рабочие и крестьяне, как утверждала большевистская историческая концепция, а также буржуазные и даже дворянские слои. На этом фоне рост оппозиционного движения в стране можно рассматривать как закономерность, веление времени. Одним из составляющих его стало национально-освободительное движение.

Накалялась ситуация и на Северном Кавказе. Национальная политика царизма, которая, по существу, оставалась колониальной, не содействовала здесь развитию края. Жизнь горцев накануне революций 1917 года особо не изменилась со времени окончания Кавказской войны. Горцы так же владели бедное существование, школ по-прежнему было очень мало. Грамотных среди них насчитывалось единицы. Особенно низок был процент получивших начальное светское или хотя бы религиозное образование среди горянок. В Чечне он составлял всего 0,1%, в Карачае – 1,5% [203: 33]. Этим воспользовались большевики, обещав национальностям равноправие и процветание.

С другой стороны, хоть и немногочисленная, но прошедшая через школу выживания в условиях преследований царской охранки, прослойка местной интеллигенции пришла к пониманию, что одними увещаниями политическую ситуацию в стране не изменить. Опыт участия в Государственной думе подтверждал это. Только массовые выступления против самодержавных порядков, за реформирование общественного устройства могли дать освобождение окраинам.

Значительное влияние на революционные процессы оказывала журналистика, которая к этому времени стала важным компонентом общественно-политической системы России. «Несмотря на определенные послабления в осуществлении государственного контроля над периодической печатью со стороны царского правительства, проявившиеся в конце 1916 – начале 1917 гг., – подчеркивает историк отечественной журналистики А.А. Антонов-Овсеенко, – политическая и военная цензура налагали серьезные ограничения на прессу, послужив в числе прочего мощным катализатором событий в Петрограде в конце февраля 1917 г. Оправдываемые военным временем, но призванные на самом деле лишь поддержать падавший авторитет монархии, ограничения эти вызывали нарастающее недовольство в обществе, причем как в его образованных, культурных и буржуазных слоях, так и в среде рабочих, солдат и крестьян» [15: 105].

Начавшаяся в феврале революция в России дала толчок развитию многопартийной прессы не только в центре, но и в провинции, в частности, в национальных областях Северного Кавказа. Этому способствовала, по мнению исследователя Г.В. Жиркова, отмена всех сословных, вероисповедных, национальных ограничений [79: 102]. Безусловно, поддержка демократических движений национальными окраинами стала важным фактором, позволившим свергнуть самодержавие. Как писала выходившая во Владикавказе газета «Терек», «в двадцать четыре часа поработенная многомиллионная страна, представляющая неограниченное поприще для произвола, беззакония и самоуправства, где городской и земский начальники чувствовали себя полными фараонами, эта страна вдруг стала свободной, народ ее сам, своими собственными руками начал творить свою судьбу» [365: 1917, 5 марта].

Между тем в провинциях, особенно национальных районах, соотношение сил не всегда было в пользу революционных. А от этого зависела и судьба местной печати. «По-разному в период активной фазы Февральской революции складывалась ситуация с формированием содержания провинциальных изданий, – подчеркивает А.А. Антонов-Овсеенко. – Общим для них стал перерыв в работе Петроградского телеграфного агентства: в конце февраля полностью прекратилась

пересылка телеграмм о событиях в центре и на фронтах. При этом часть изданий, располагавших корреспондентами в Петрограде и Москве, приступили к публикации сообщений о революционных событиях, и эти издания подвергались репрессиям» [15: 16]. Провинциальные газеты, не располагавшие корреспондентскими сетями, а вместе с ними и население, оказались в информационном вакууме. Этим, на наш взгляд, объясняется то, что владикавказский «Терек» продолжал размещать информацию, будто ничего не произошло. Так, в номере от 1 марта 1917 года нет ни слова о событиях в Петрограде. Зато есть сообщение о том, что начальник Главного управления по делам печати А.А. Катенин обсудил с министром внутренних дел Российской империи А.Д. Протопоповым законопроект о печати. При этом министр отметил, что необходимо доработать статьи закона, касающиеся административного воздействия на печать. В новом законе, как сообщала газета, предусматривается, что все дела о преступлениях в сфере прессы будут рассматриваться судебным порядком, причем учреждается специальный суд по делам печати. Министр предложил возложить ответственность за содержание публикаций не только на редакторов и учредителей, а также на авторов [365: 1917, 1 марта].

Местные власти, в основном сохранившие верность самодержавию, преследовали издания, поддерживавшие революцию, вплоть до закрытия. Столичная газета «Русское слово» писала: «В некоторых городах уже состоялось присоединение к новому правительству. Арестованы губернаторы, полиция. В других – губернаторы и жандармские власти все еще запрещают печатание агентских телеграмм и конфисковывают газеты» [356: 1917, 3 марта].

Однако в роли душителей свободной прессы выступили не только противники демократических преобразований из числа чиновников старой власти и участников черносотенных организаций, но и большевики. Газета «Речь» писала: «Нам сообщают, что на окраинах, а местами и в центре столицы, появились новые своеобразные ценители свободы печати. Они признают только те газеты, в которых они находят отражение или, вернее, потакание своим желаниям, а все прочие

газеты признают буржуазными и подлежащими сожжению или, во всяком случае, изъятию» [355: 1917, 7 апреля].

Однако у местных властей сил прервать революционные процессы не было. Это касалось и национальных окраин. Февральская революция внесла новые изменения в систему российской печати. «Начался новый этап не только в истории России, но и в истории отечественной журналистики, – утверждает О.Д. Минаева. – Впервые за более чем двухвековую ее историю свобода слова осознавалась новой властью как необходимый элемент политического устройства общества» [151: 87].

Возросшие в условиях революции информационные потребности детерминировали существенный рост печати в национальных районах. Все оппозиционные партии получили возможность издавать свою прессу. В том числе и левые революционные организации. Между тем издания, не поддерживавшие большевистскую партию, оставались вне поля зрения ученых в советский период. Кроме того, исследование небольшевистской печати затрудняется тем, что комплекты изданий не сохранились. Как отмечает Г.С. Варнакова, созданная после свержения царизма Книжная палата не могла наладить учет выходящей периодики, особенно в провинции. «Все осложнялось, – пишет она, – и тем, что как в центре, так и в регионах стало появляться множество новых, никому ранее не известных изданий, которые очень часто оказывались недолгими, или вовсе однодневными, из-за недостатка средств на их публикацию» [48: 25]. В достаточной мере изучены только органы советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые стали возникать после февраля 1917 года.

После февраля произошла «трансформация официальных губернских газет в органы новой власти, но они уже существенно отличаются от прежних губернских ведомостей. Сохранив за собой функцию документирования, они тем не менее значительно сокращают блок официальной информации и в полной мере соответствуют типу общественно-политической газеты [132: 268]. Но и эти издания не достаивались внимания советской исторической науки.

Временное правительство 26 апреля 1917 года утвердило закон о печати, в котором подчеркивалось: «Печать и торговля произведениями печати свободны.

Применение к ним административных взысканий не допускается» [233: 212]. То есть никакие меры, направленные к задержанию, аресту и изъятию из обращения произведений печати, без решения суда не могли применяться. Временное правительство решением от 4 марта 1917 года ликвидировало Главное управление по делам печати. Впервые в отечественной истории была упразднена предварительная политическая цензура, которая до того осуществлялась силами царского МВД. Кроме того, новая власть предпринимала шаги, направленные на закрепление свободы в национальных окраинах. Так, на заседании 28 марта министр иностранных дел – лидер кадетов П.Н. Миллюков выступил с предложением: «О желательности скорейшего издания эмиром Бухарским манифеста к населению», в котором была бы провозглашена возможность «свободного открытия в Бухаре, наряду с правительственной, также и частных типографий, и, наконец, свобода печати» [15: 151].

Модель периодической печати, которая сложилась в итоге нормотворческой и практической деятельности Временного правительства, А.А. Антонов-Овсеенко определяет как либеральную, «отличавшуюся отсутствием цензуры, стремлением обеспечить невмешательство в дела прессы и установить такой порядок, при котором главные решения – о возобновлении ранее прерванного выпуска или о новом выпуске издания – принимали бы сами учредители газет, а не власть» [15: 154]. По его мнению, меры новой власти способствовали не только росту количества изданий в целом, но увеличению выпуска именно партийных изданий. Как отмечает О.И. Лепилкина, это привело к «бурному развитию прессы в регионах» [134: 268].

В этот период на Северном Кавказе стали складываться национальные движения и, как следствие, «на региональном информационном пространстве появились частные газеты, имеющие определенную политическую окраску и претендующие на особое место в оппозиционном лагере» [104: с. 63]. Выходили они легально. На первом съезде представителей всех народов северокавказского края в мае 1917 года во Владикавказе было провозглашено создание суверенного государственного образования Союз объединенных горцев Северного Кавказа и

Дагестана, который включал все народности, проживавшие на территории от Каспийского до Черного моря. Руководителями этого государства являлись чеченец Т. Чермоев, кабардинец П. Коцев, кумыки Р. Капланов, Н. Тарковский и Г. Бамматов, балкарец Б. Шаханов, ингуш В.-Г. Джабагиев и др. [95: 299] Сформированный на съезде Временный Центральный Комитет Союза (с ноября 1917 года Горское правительство) стал выпускать газету «Горская жизнь». В резолюции съезда «О газете» говорилось: «Принимая во внимание необходимость тесной связи между разными членами общегорского союза и осведомления горцев относительно деятельности союзных организаций, а также наиболее видных с горской точки зрения событий, съезд признает желательным, чтобы все сельские общества на территории горского союза выписывали печатный орган Центрального Комитета Объединенных Горцев» [185: 47]. «Горская жизнь» стала в первую очередь выразительницей демократических устремлений северокавказских национальных движений. Газета разъясняла политику Горского правительства, поддерживала Временное правительство. «В тяжелые мгновения жизни государства Российского решается взять на себя Центральный комитет всю полноту местной государственной власти, – писал редактор Георгий Цаголов. – ... И для горцев Кавказа наступили дни, когда всякое промедление в принятии того или иного выхода из создавшегося положения грозило смертью. Тяжесть задачи усугублялась обострением в области межплеменных и классовых интересов, согласование каковых стоит на первом месте в ряду задач Горского правительства» [313: 1917, 9 декабря]. Оценка газетой демократической революции, в противовес ленинской концепции перерастания в социалистическую, была однозначной: «Теперь уже нет вопроса об углублении революции, а есть вопрос о спасении ее, о закреплении» [313: 1917, 13 сентября].

Это издание положило начало целой системе периодической печати, рассчитанной на все народности края. В основном они издавались во Владикавказе, который стал в 1917-1924 годах фактическим центром объединенных государственных образований народностей края – Терской области (1918) и Горской автономной советской республики (1920).

На этапе между Февральской и Октябрьской революциями система печати в крае была представлена как правыми изданиями, в основном буржуазно-демократического направления, так и левыми: от эсеров, меньшевиков до большевиков. Но часто на полосах одной и той же газеты можно было встретить публикации противоположного политического характера. «На Северном Кавказе, где политическая ориентация населения не была столь определенной, как в промышленных центрах России, – замечает М. Б. Каражаева, – революция представляла собой сложнейший конгломерат различных потоков – пролетарского, крестьянского, национально-освободительного и т. д. И, конечно же, эти потоки находились в различных связях и противоречиях друг с другом, порождая сложную психологическую реакцию у политических деятелей разного уровня и масштаба, на которую влиял и уровень развития народа, чьи интересы они представляли» [101: 43]. Эти сложные процессы непосредственно отражались на развитии системы местной журналистики.

Так, «Горская жизнь» позиционировала себя как беспартийный орган: «Наш Горский Союз не представляет из себя политическую партию с определенно, до последних мельчайших штрихов, выкристаллизовавшейся программой. Он возник только вчера. Возник почти стихийно под воздействием велений жизни...» [313: 1917, 6 октября]. В силу этих условий, как заявлял редактор Г. Цаголов, «Горская жизнь» «не может быть строго партийным органом. Он – орган беспартийный, но прогрессивный, так как прогрессивны сами задачи Горского Союза. Здесь, следовательно, могут писать, и в действительности пишут, и социал-демократы, и социалисты революционеры, и кадеты, и просто демократы. Не могут писать только монархисты и человеконенавистники всех видов и наименований» [313: 1917, 6 октября].

В северокавказских обществах, по утверждению «Горской жизни», еще не сложилась классовая борьба. Не было явного расслоения. Идеологи большевизма искусственно создавали картину эксплуатации горской бедноты некими «баями». «Горская жизнь» отмечала с долей идеализации эту особенность народностей Северного Кавказа: «...Мы не раздираемы партийной и классовой враждой...

Свободу мы любим не меньше, чем другие народы, а потому мы бережно относимся к ней, избегая раздоров. У нас нет условий для классовой борьбы, ибо у нас нет почти классовых противоречий, мы истинно демократические народы... Наконец многие горские племена никогда не знали крепостного права» [313: 1917, 13 сентября].

Это вовсе не означает, что национальные движения на Северном Кавказе не имели различные политические ориентации. Но они не были столь явно выражены и еще не оформились организационно. В отличие от позиции «Горской жизни» частное владикавказское издание «Терек» признает как необходимость строительство партий. В статье «Нам нужна политическая партия» Г. Гагкаев утверждает: «Кроме общечеловеческих велений, кроме общедемократических задач у нас есть собственные задачи, диктуемые нам и нашей исторической подчиненностью российскому государству, и нашей общественной безгранностью, особенные задачи, нам определенные нашими тяжелыми историческими условиями. ... Следовательно мы с некоторым своеобразием наших воззрений и наших политических и экономических условий должны будем на общедемократической основе воздвигнуть столько и таких частных программных положений, сколько и каких потребуют осознанные нами наши политические потребности» [365: 1917, 10 июня]. «Терек» не только высказывается по поводу организации политической и общественной организации в регионах Северного Кавказа, но и предлагает также предоставить широкие полномочия местным самоуправлениям во всем государстве, считая, что они станут «центром политического развития населения и школою истинного гражданского самосознания, которым так сильны культурные нации и которого у нас нет ни в обществе, ни в народе» [365: 1917, 11 марта].

По крайней мере, можно утверждать, что северокавказские общественные деятели и просветители не имели единую точку зрения по поводу самоопределения народов края. Признавал это и сам Г.М. Цаголов, придерживавшийся в этот период взглядов, близких к эсерам, отмечая, что местные деятели от пробольшевиistically настроенных до сторонников монархии встретили выход «Горской жизни» и ее

программу создания независимого государства на Северном Кавказе достаточно враждебно. Он с сожалением писал, что часть горской интеллигенции «отнеслась к газете с такой безучастностью и таким жестоким холодом, какие не встретятся, пожалуй, даже среди врагов» [313: 1917, 6 октября]. Нужно отметить, что выдвигаемые простым и доступным языком революционные лозунги большевиков, которых хотели услышать угнетенные горцы, но в большинстве своем ленинская партия и не собиралась осуществить, пользовались большей популярностью, чем более выдержанные и менее понятные заявления просветительской интеллигенции Северного Кавказа. С другой стороны, советская историческая наука сформировала представление, что большевистская линия после февраля 1917 года пользовалась всеобщей поддержкой, хотя на деле ситуация была иной. Большевики были более циничны в выборе средств борьбы и, соответственно, пропаганды. Революцию вызвали объективные условия, сложившиеся в России к этому времени – обнищание масс, репрессии охранки, отсутствие свободы слова. А национальные окраины были недовольны колонизаторской политикой царизма. «Однако ошибочным было бы поддерживать бытовавшее еще в советские времена мнение, – пишет А.А. Антонов-Овсеенко, – будто бы только печать левого толка, в большей степени большевистская, работала на революцию: отнюдь не только левые партии призывали к свержению самодержавия. Современными исследованиями выявлено, что, например, «единственная власть, которая могла бы удовлетворить кадетов – это власть «революционная», никак не связанная в массовом сознании с прежней государственной властью» [15: 107].

Объединяло революционно настроенных деятелей края желание освободить народы от колонизаторской зависимости. Осетинский публицист и общественный деятель Казбек Бутаев, находившийся в Петрограде, выразил эту затаенную надежду народов Северного Кавказа в газете «Горская жизнь»: «Революция раскрепостила национальности и поставила ребром вопрос национальный. Поставила на очередь дня исправление ошибок российской «лоскутной монархии», права наций, и вынесла на красных своих знаменах великий и справедливый принцип: полное самоопределение наций. Но революционное творчество,

сознательно или бессознательно, уклонилось от прямых и неотложных задач, бросилось своим активным острием к разрешению менее важных и более спокойных задач и игнорировало национальный вопрос, считающийся по своему содержанию и по своей, если хотите, болезненной запутанности, одним из первых вопросов, требующих революционного действия, но не терпящих «революционного» отлагательства на второй и тем более на третий план». Казбек Бутаев считал громадной ошибкой то, что Временное правительство пустило национальный вопрос на самотек. «Предоставленный самому себе он, по его мнению, «может разрешиться во вред целостности единого государства». «Для нас остается непонятным, – пишет он, – для кого пишутся декларации о полном самоопределении: для российских или австрийских национальностей, ибо до сих пор, за полгода революции, мы не знаем, для кого эта платоническая декларация даст больше прав» [313: 1917, 13 сентября]. Кстати, сам Казбек Бутаев был ближе к большевизму, но в «Горской жизни» публиковался свободно.

Надо признать, что новой ситуацией в национальных окраинах более эффективно воспользовалась именно большевистская партия. Местные коммунисты были последовательно прагматичны, внедрялись в редакции далеко не марксистских изданий. А по возможности открывали и свои газеты. В основном они равнялись «на основной орган Советов, издававшийся в Петрограде» [79: 111]. Так, сразу же после победы Февральской революции в марте 1917 года в Грозном начала выходить газета «Известия Совета рабочих и военных депутатов Грозненского района», которая с апреля стала издаваться под названием «Товарищ», как орган Грозненского Совета рабочих, солдатских и казачьих депутатов. Она явилась первым большевистским периодическим изданием на Северном Кавказе. Летом 1917 года в Грозном увидел свет еще журнал «Буревестник», редактором которого был один из руководителей грозненских большевиков, впоследствии первый председатель Грозненского Совета, делегат II съезда Советов и участник Октябрьского вооруженного восстания в Петербурге Николай Андреевич Анисимов. Публикации журнала отличались нетерпимостью к любым небольшевистским политическим течениям.

Демократическая, общественно-политическая и литературная ежедневная газета «Терский край» вышла в Грозном 11 июня 1917 года, форматом А-3, на 4 полосах. В разное время редакторами были И.Н. Стрижов и М.З. Финкельштейн, а с № 97 – редакторы И.Н. Стрижов и М.Н. Членов. Издателем являлось товарищество Терского печатного и издательского дела. Когда «Терский край», который придерживался эсеровской ориентации, опубликовал призыв: «Объединение всех творческих сил Терского края для закрепления завоеваний революции и укрепления Российской Демократической Республики», большевики выступили против такого единства. Так, журнал «Буревестник» публиковал статьи с резкой критикой в адрес не только эсеров, но и меньшевиков [77: 21].

Активная деятельность местной интеллигенции либерального направления не способствовала популярности большевиков, и они видели для себя угрозу не только от правых, но и от левых радикальных партий. В Грозном все еще сильны были позиции монархических сил, особенно казачества, которые не гнушались и жестких силовых методов борьбы с представителями революционного крыла. А журналисты с их публичностью чаще всего становились мишенью их провокаций. Так, в ночь на 24 июня 1917 года казаки предприняли попытку уничтожить типографию, где в это время печаталась газета грозненских большевиков «Товарищ». Подоспевшие солдаты дислоцированного в Грозном 11-го полка, настроенного пробольшевистски, сорвали попытку [347: 1923, 12 марта].

Во Владикавказе в 1917 году наряду с «Горской жизнью» – органом «Союза объединенных горцев Северного Кавказа» выходили газеты либерально-демократического направления «Вперед», «Терский казак», «Кооперативная мысль», «Кавказская газета», «Ирон газет» («Осетинская газета»), «Терская правда», «Кавказская правда», «Терский трудовой казак». Официальная газета областной царской администрации «Терские ведомости» была переименована в «Терский вестник» – орган Терского областного гражданского исполнительного комитета. Эти издания придерживались различных политических направлений, но в большинстве либеральной ориентации. Интересна заслуживает «Ирон газет», выходившая с 26 апреля 1917 года на осетинском языке. Она получила свое

название от одноименного издания, вышедшего в 1906 году, которое положило начало прессе на осетинском. Всего вышло 35 номеров. Возрожденная «Ирон газет» была закрыта 7 февраля 1918 года советской властью как орган небольшевистской ориентации. Еще в 1929 году в условиях жесточайшей большевистской цензуры исследователь местной прессы Ц. Гадиев охарактеризовал издание как орган национальной либерально-демократической интеллигенции и дал ему положительную оценку [54: 146].

Один из первых историков осетинской журналистики М.А. Гуриев в работе, выполненной в 1965 году, в соответствии с идеологическими установками КПСС назвал «Ирон газет», как и «Горскую жизнь», реакционными газетами. Между тем эти и другие местные издания сыграли важную роль в становлении краевой политической многопартийной журналистики. Негативную оценку дает автор и публицистике Цомака Гадиева, Алмахсида Канукова, Михала Гарданова, Елбыздыко Бритаева, Георгия Цаголова, Асланбека Бутаева, Цоцко Амбалова, Лади Абаева, Казбека Бутаева, внесших выдающийся вклад в становление и развитие осетинской культуры [66: 102, 105], в частности, письменности, литературы и журналистики.

Исследователь М.А. Гуриев утверждал, что «Ирон газет» отличалась беспринципностью, не имела своей программы (имеется в виду пробольшевистской – Л. Т.) и дошла до того, что «во имя спасения осетинского народа» от пролетарской революции добилась согласия между руководством христиан и мусульман Северной Осетии. «И вот, – пишет он, – ... служители религиозного культа – муллы, шейхи, хаджи, священники, попы – все объединились и выступили с воззванием «Слово осетинского духовенства к своему народу». Эта стряпня представляет из себя очень грязное дело...» [66: 107]. То есть историк осуждает достигнутое между представителями разных конфессий согласие и взаимопонимание только потому, что происходило это не по инициативе и не под руководством большевистских организаций. Также субъективно оценивает автор орган Терского казачьего войска «Вперед» [66: 107], несмотря на то, что политическая ориентация газеты была демократической.

Не все северокавказские издания в условиях власти Временного правительства отличались объективностью в освещении событий. Порой они играли негативную роль, способствовали обострению межнациональных отношений в крае. Так, некоторые местные издания своими публикациями создали ложное мнение о причинах и виновниках погрома ингушского населения Владикавказа прибывшими в город с фронта на отдых солдатами двух стрелковых полков [95: 276]. В записке ЦК Союза горцев, направленной Временному правительству, Исполнительному комитету Всероссийского мусульманского совета, ВЦИКу и лично Керенскому, сообщалось, что в публикациях газет картина искажена. Как отмечается в записке, погром был давно подготовлен. В городе распространялись слухи о якобы готовящемся нападении ингушей. А инцидент между ингушом-извозчиком и тремя его клиентами, тоже ингушами, поссорившимися прямо на улице Владикавказа, стал поводом для начала погромов. В этот уличный скандал вмешались пьяные солдаты. В течение 6-7 июля были убиты 26 ингушей, ранено 15, избито несколько десятков и ограблено более ста человек. Подобные нападения произошли 10 мая в Грозном на чеченцев, в ходе которого были убиты 11 человек, в том числе женщина и два члена Чеченского исполкома. На вокзале Хасавюрта были избиты 7 дагестанских рабочих [324: 1917, 1 августа].

Эти случаи погромов и нападений по национальному признаку осуждаются в публикациях «Горской жизни». Газета называет их «провокацией чистейшей воды». «...Герои всех кровавых столкновений одни и те же, с одной стороны солдаты, с другой – абреки. Это ясно показывает, что народные массы здесь совершенно ни при чем, нельзя на их плечи взваливать то, что творится сравнительно немногими» [313: 1917, 18 октября].

Местные большевики, которых возглавлял С. М. Киров, в 1917 году вплоть до осени не имели во Владикавказе – административном центре Терской области – своего периодического издания. Только в августе 1917 года в Осетии начался выпуск большевистской газеты «Красное Знамя», которая была одновременно органом Терского областного и Владикавказского Совета рабочих и солдатских

депутатов. Редактором был назначен Г. Ильин, но общее руководство осуществлял Киров. Однако типологическая характеристика «Красного Знамени» как чисто большевистского издания не соответствует действительности. Как отмечает Е.М. Корнилов, «сосуществование большевиков и меньшевиков» во Владикавказском Совете приводило к отклонениям от линии ленинской партии [109: 30]. Газета просуществовала недолго. Уже в декабре она прекратила выход.

По мнению историка северокавказской журналистики З.Ю. Хуако, относительная активность большевиков в Адыгее, хотя их организация находилась в подполье, позволила наладить в мае в Майкопе выпуск газеты «Голос рабочего». Редактором был назначен М.Г. Свободин (Яков Дерман), последовательный большевик. Еще в 1903 году Г.В. Плеханов рекомендовал его В.И. Ленину для направления на Кавказ. Вышло всего пять номеров «Голоса» [214: 37]. Сделать контент-анализ содержания вышедших номеров нет возможности в силу того, что они не сохранились. Определенное представление о направлении газеты можно составить только по коротким высказываниям сотрудницы редакции и жены редактора С.Я. Дальней-Дерман, в которых она характеризует «Голос рабочего» как боевой орган местного революционного пролетариата [210: 37]. Но, как представляется, рабочий класс в Адыгее был немногочислен, и газета не имела серьезного влияния на массы.

Подтверждением этой точки зрения может служить и то обстоятельство, что в Майкопском Совете рабочих и воинских депутатов и в бюро профессиональных союзов преобладали эсеры. Соответственно, вышедший в августе легально орган Совета «Голос труда», по характеристике исследователя З.Ю. Хуако, тоже выражал взгляды эсеровской партии [210: 38].

После Октябрьской революции газета стала вести большевистскую линию. Редактор газеты Ф.Т. Коновалов в своих воспоминаниях утверждал, что сотрудников редакции преследовали черносотенные организации за пробольшевистские публикации: «Особенно помню то время, когда казачьи офицеры стояли у меня за спиной с нагайками в руках, угрожая избиением и даже смертью за те статьи, которые печатались у нас в газете. Вспоминаю также ужас и

негодование наших эсеров и меньшевиков... и иже с ними, когда после октябрьского переворота в «Голосе труда» стали печататься статьи молодых товарищей...» [210: 38].

Нужно отметить, что в Адыгее все дооктябрьские издания выходили на русском языке, хотя адыгейская письменность существовала с 1853 года, когда учёный-просветитель У.Х. Берсей разработал адыгейский алфавит на арабской графической основе. В 1855 году в Тифлисе на нем был издан «Букварь черкесских языков», получивший одобрение Академии Наук, а также П.К. Услара. Однако практического применения он так и не получил.

Информационное пространство Дагестана тоже стало пополняться новыми изданиями различной политической ориентации. В Темир-Хан-Шуре начался выпуск органа местных временных властей «Голос Дагестана» вместо бывших «Дагестанских губернских ведомостей». Редактором стал известный северокавказский общественный деятель и публицист Алибек Тахо-Годи. Издание являлось официозом и публиковало главным образом материалы, приказы, распоряжения областного исполкома.

«Голос Дагестана» стоял на позициях Временного правительства, то есть, как было принято говорить в недавнее коммунистическое прошлое, являлся «рупором национальной буржуазно-демократической линии». По этой причине газета была причислена советской исторической наукой к реакционным изданиям и не удостоивалась внимания исследователей. Так, к контрреволюционной деятельности было причислено даже выражение слабой поддержки новой власти: «Народу дана полная свобода слова, свобода печати, союзов, собраний. ...Граждане открыто обсуждают свои нужды, сговариваются, как надо вместе работать... Говорят... о чем хотят, на каком хотят языке. ...Временное правительство сделало очень много. И те, которые распускают слухи, будто оно бездействует, – обманывают народ, желая возбудить у нас междоусобие» [310: 1917, 23 апреля].

На страницах «Голоса Дагестана» была возможна полемика между представителями различных политических направлений. Так, в восьмом номере излагается суть выступления меньшевика С.А. Кливанского, в котором он

критикует ленинскую концепцию социалистической революции. «Ленинизм», по его мнению, есть «царизм» только наизнанку, с другого конца. «Ленинизм» прибегает к тем же приемам захвата, насилий, ограничений свободы слова и т. д., – заявляет Кливанский. – Социал-демократы, последователи Маркса, отлично понимают, что социалистический строй может явиться только результатом исторического хода развития; если такие страны, как Германия, Англия, Америка с крупным развитием промышленности еще не созрели для введения социалистического строя, то нечего говорить об этом пока в России. То, что делают рабочие ленинского толка, захватывая, насилуя администрацию, это не социализм, это грабеж». Задолго до введения «красного террора» С.А. Кливанский предсказывал, к чему приведет страну большевизм: «Вы читали воззвания на некоторых заводах: ... не читайте никаких газет ... кроме «Правды». Чем эти приемы лучше царской цензуры?» [310: 1917, 11 июня].

«Голос Дагестана» с первых номеров публикует статьи, опровергающие распускаемые провокаторами слухи о том, что мусульмане Кавказа вооружаются, чтобы изгнать русское население, будто организуют погромы с целью восстановить старый строй. Газета на конкретных фактах показывает лживость этих утверждений. «...Во имя поддержания добрососедских братских и искренних отношений между народами Кавказа, призываем всех их объединиться, сплотиться вместе, чтобы отыскать и найти ту зловредную ячейку, откуда исходят подобные провокации» [310: 1917, 14 мая].

Распространителем слухов, направленных против Временного правительства, и главным оппонентом буржуазно-демократического лагеря в первую очередь выступали местные большевики. Возникшее в мае 1917 года Дагестанское просветительно-агитационное бюро (ДПАБ) под руководством Уллубия Буйнакского и Гаруна Саидова попало под большевистское влияние и практически утратило свои изначально заложенные цели просвещения народа, превратившись в революционную ячейку. Не случайно члены этой организации, в целом интеллигенты и просветители, под воздействием изоэтреной пропаганды большевиков стали наиболее активными сторонниками октябрьского переворота и

участниками социалистических преобразований в крае. Правда, это их не спасло в годы «большого террора».

В программе бюро значились пункты, предусматривающие проведение политико-просветительской работы среди горцев и создание революционно-демократической печати на языках народов Дагестана. Между тем, бюро столкнулось с серьезными препятствиями, особенно при решении второй задачи, из-за отсутствия соответствующей полиграфической базы и нехватки финансовых средств. Несмотря на все трудности, ко второй половине 1917 года удалось наладить выпуск периодических изданий на некоторых языках народов Дагестана, которые имели более или менее разработанную систему письменности, чаще всего на основе арабской графики. «Приходилось печатать... газеты не наборным способом, – рассказывали члены бюро о трудностях, с которыми столкнулись, – а писать их от руки, делать оттиски на камне, а затем печатать, не имея точно установленной письменности, не имея технических приспособлений» [42: 103].

Благодаря усилиям ДПАБ, стали выходить газеты «Илчи» («Вестник») и «Чанна цуку» («Утренняя звезда») на лакском, «Заман» («Время») на аварском и кумыкском, общественно-политический и литературно-художественный журнал «Танг чолпан» («Утренняя звезда») на кумыкском [27: 62]. В истории Дагестана это были первые светские издания на родных языках. До этого Саид Габиев предпринял попытку размещать в «Заре Дагестана», выходившей в Петрограде, отдельные тексты на языках народов Дагестана и в Темир-Хан-Шуре с 1913 по 1918 гг. издавалась арабоязычная газета «Джаридат Дагистан».

Газеты и журналы, поддерживаемые Дагестанским просветительно-агитационным бюро, сыграли важную роль в становлении прессы на дагестанских языках. Не все они придерживались одного политического направления. Все зависело от взглядов редактора и ведущих сотрудников.

Еженедельная литературно-общественная и политико-экономическая газета «Илчи», которой руководил сначала известный дагестанский публицист Гарун Саидов, а затем Курди Закуев, выделялась среди органов ДПАБ своей революционной направленностью. Выпуск начался 3 июня 1917 года. «Мы

постараемся разбудить народ от летаргического сна, объяснить ему лучшее и полезное», – заявила редакция в первом номере. Как подчеркивают Д. Ахмедов и А. Камалов, «Илчи», в отличие от «Зари Дагестана», которая ограничивалась критикой несправедливых порядков и видела только реформаторский путь преобразования общества, пропагандировала большевистскую концепцию перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую и призывала к свержению Временного правительства [25: 80]. Наиболее обличительные статьи писал сам редактор, Гарун Саидов. Между тем его статьи «Военное положение» о грабительском империалистском характере Первой мировой войны, «Горы и леса» о необходимости конфискации частных земель и передачи их крестьянам пользовались успехом у читателей, несмотря на радикальные идеи. Эта вера в революцию, которая осчастливит всех, была характерна для того времени.

По утверждению историка дагестанской журналистики М.Ш. Гусейновой, пролетарский напор «Илчи» насторожил даже хозяина типографии, известного дагестанского просветителя и первопечатника Магомед-Мирзу Мавраева, а после 9-го номера он отказался ее издавать [69: 21].

Какое значение придавали большевики прессе в борьбе за власть и вербовке сторонников своей партии, подчеркивают слова из статьи К. Закуева: «Газета легко достигает того, что невозможно осуществить с помощью оружия. Люди, которых нельзя купить ни деньгами, ни золотом, легко прислушиваются к голосу газеты. Подобно тому, как ветер толкает тучи к месту, точно также и газета ведет людей к цели. Газета – истинное зеркало народа, партии и времени» [327: 1917, 16 июля].

Еженедельную газету «Чанна цуку» («Утренняя звезда»), которая стала выходить 19 августа 1917 года в той же типографии М. Мавраева, исследователи на протяжении долгого времени называли преемницей «Илчи». Между тем, по утверждению М. Бутаева, это устоявшееся в историко-журналистской науке мнение ошибочно [42: 122]. Вероятно, чтобы воспользоваться плодами популярности первой лакской газеты, издатель «Чанна цуку» М. Мавраев в первом номере заявил, что она стала выходить в связи с закрытием «Илчи». Новая лакская

газета отличалась умеренностью, имела либерально-буржуазную направленность. На первой странице на видном месте было размещено объявление, что газета будет служить «дагестанству, мусульманству и человечности». За такую редакционную политику она тоже попала в немилость советской историко-журналистской науки. Родимые пятна этого коммунистического прошлого иногда встречаются и в современных исследованиях. Вряд ли издание, которое заложило основы для развития лакской журналистики, заслуживает такую оценку: «В ней наряду с членами ДПАБ печатается разношерстная публика... Появляются здесь даже статьи яркого контрреволюционера Садуллы-Гаджи Хитинского. Основным активом газеты были представители буржуазной интеллигенции, духовенства, либерально настроенные люди» [25: 81]. И, вместе с тем, через абзац дается противоположная характеристика: «Чанна цуку» «сыграла положительную роль в пропаганде прогрессивных идей» [25: 82].

Издатель Мавраев не имел возможности полностью контролировать содержание «Чанна цуку» из-за загруженности управленческой деятельностью своих многочисленных предприятий. Этим часто пользовались пробольшевистски настроенные сотрудники редакции, перешедшие из закрытой «Илчи». Обойтись без них Мавраев не мог в силу того, что найти других, пишущих на лакском языке, невозможно было. Двое членов редакции, К. Закуев и И. Курбаналиев, фактически были внедрены в редакцию большевистским руководством Дагестанского просветительно-агитационного бюро [42: 123].

Кумыкский журнал «Танг чолпан» («Утренняя звезда»), первый номер которого увидел свет 20 августа 1917 года, историки относят к одному из самых интересных явлений в дагестанской журналистике. Основали его и редактировали первые три номера Зейналабид Батырмурзаев и Темирбулат Бейбулатов. Затем редакцию возглавил Нухай Батырмурзаев. Издавался он литературно-театральным обществом дагестанских мусульман. Но во многом направление журнала определял М. Мавраев.

Идеи народного просвещения, развития национальной культуры проходят через все статьи журнала. На достижение этих целей направлены все пункты

программы издания: возродить древний кумыкский язык, публиковать литературные произведения кумыкских авторов, давать статьи о различных отраслях искусства и эстетики, пропагандировать народных героев, отдавших жизнь за родную землю, и на их примере воспитывать детей в духе любви к своему отечеству. В журнале печатались статьи на различные исторические, политические, литературные темы, переводы произведений классиков русской литературы, произведения дагестанских авторов, заметки об искусстве. В нем активно сотрудничали Нухай и Зайналабид Бетырмурзаевы, Ачекан Казбеков, Адила Шамсутдинов, Темирболат Бийбулатов, Зумруд Гаидбеков и многие другие первые кумыкские литераторы и публицисты. Программа журнала совершенно не соответствовала устремлениям большевистской части членов просветительно-агитационного бюро. Редакция также не раз заявляла, что не связывает свою деятельность ни с одной политической партией и своей главной целью считает содействие просвещению народа. Если в отдельных публикациях и появлялась необходимость высказать политическую точку зрения, то она, как правило, была в поддержку Временного правительства. То есть издание придерживалось ориентации на буржуазно-демократическое устройство как всего государства, так и Дагестана. В публикациях на политическую тематику, таких, как «Братьям-дагестанцам» [299.1], «Падение Риги. Действия генерала Корнилова» [299.2], «Голоса женщин» [299.3] и других, редакция придерживалась мнения, что народы империи в результате Февральской революции получили настоящую свободу, и теперь «необходимо навести порядок в своем доме» [25: 84].

Между тем среди исследователей нет единого мнения о типологической ориентации издания. Как отмечает историк местной журналистики Ш.М. Магомедов, одни приписывают ему религиозно-мистические и националистические взгляды, другие считают либерально-демократическим, третьи же вообще называют большевистским органом [138: 6]. На наш взгляд, «Танг чолпан» придерживался прогрессивной, демократической ориентации.

Политическая ориентированность на буржуазно-демократическое развитие страны вовсе не означала, что журнал не критиковал и Временное правительство,

особенно за игнорирование чаяний народов окраин империи. «Танг чолпан» указывает на то, что правительство Керенского забыло лозунг о праве наций на самоопределение, но не призывает смести его, а подсказывает, как надо строить национальную политику [138: 8]. Но, вместе с тем, на страницах журнала появилась и статья одного из лидеров местных большевиков Уллубия Буйнакского, в которой пропагандировались установки ленинской партии на текущую ситуацию [299.4]. И этот страстный призыв к свержению Временного правительства назван в исследовании, посвященном столетию журналистики Дагестана, крупным событием для того периода, и в то же время журналу, его опубликовавшему, дается негативная оценка как проводнику буржуазной идеологии, который «прикрывался беспартийностью и, в основном, отражал мелкобуржуазные и националистические взгляды» [25: 85–86].

Если до октябрьского переворота в журнале печатались статьи различной политической ориентации, то после установления советской власти такой плюрализм на его страницах стал невозможен. В апреле 1918 года «Танг чолпан» возглавил Адила Шамсутдинов, и журнал превратился в рупор восхваления завоеваний Октябрьской революции.

На большевистских позициях стояла и газета бюро «Заман» («Время»), выходившая на аварском и кумыкском языках. Издавала ее супруга известного общественного деятеля Дагестана Махача Дахадаева – Нафисат, а редактором был Муртазагаджи Фейзулла оглы. Исследователь М. Бутаев рассеял путаницу, которую допускали некоторые историки прессы Дагестана, считая еще одну русскоязычную газету под названием «Время» и «Заман» одним и тем же изданием. Благодаря найденному первому номеру «Заман» Нафисат Дахадаевой, удалось установить, что она стала выходить 3 апреля 1917 года. В нем напечатано обращение Махача Дахадаева с призывом к дагестанскому народу сплотиться и двигать дальше начавшуюся в России революцию [42: 100]. Нужно признать, что регулярно выходящая большевистская печать в условиях буржуазного этапа развития страны в области не сложилась. Это признает и историк местной прессы Д.Н. Ахмедов: «Вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции

Дагестан не имел возможности наладить издание своей рабочей, социал-демократической, большевистской газеты» [22: 25].

Кроме изданий Дагестанского просветительно-агитационного бюро, в области появились и другие новые органы печати, принадлежавшие различным политическим организациям и выражавшие интересы разных классов. Однако издания, не поддерживавшие большевистскую партию, были преданы забвению советской исторической наукой. К буржуазно-националистическим были отнесены «Мусават» («Равенство») на кумыкском языке, «Авристан» на аварском, «Джаридат Дагистан» на арабском, а также социал-демократическая меньшевистского толка «Вольный Дагестан». Даже тот факт, что газета «Петровская жизнь» предоставляла свои страницы для пропагандистских статей дагестанских большевиков, не дал ей индульгенцию от зачисления в лагерь буржуазных изданий, значит, реакционных. Нельзя не согласиться с утверждением историков дагестанской журналистики Д. Ахмедова и А. Камалова: «И так как указанные издания представляли собой противоположный лагерь, отличный от большевизма, то никто из исследователей печати не стал глубоко разбираться в них, анализировать содержание опубликованных материалов, оценивать их роль в истории народов Дагестана» [25: 88].

Программа газеты «Мусават», которую издавал с апреля 1917 года по октябрь 1918-го первопечатник Дагестана Магомед-Мирза Мавраев, состояла из таких пунктов: придерживаясь шариатских установок, пропагандировать науку, мусульманский образ жизни, содействовать широкому развитию торговли, освещать политику России, межгосударственные отношения, добиваться повышения политического и культурного уровня народа. Однако даже эта, казалось бы, позитивная программа, была признана реакционной, потому что не соответствовала постулатам марксизма. Всего вышло 48 номеров «Мусавата». По оценке исследователя А. А. Исаева, «...газета ... стала очагом культуры и центром передовых идей благодаря тому, что М. Мавраеву удалось сплотить вокруг нее в качестве не только подписчиков, но и подлинных сотрудников и постоянных

корреспондентов видных ученых, просветителей, общественных деятелей и многочисленную читательскую общественность» [86: 101].

Мавраев и сам часто выступал на страницах «Мусавата». Только его передовых статей было опубликовано – 18. В них, как отмечает А.А. Исаев, «ярко отразились взгляды и мировоззрения популярного первопечатника, талантливого просветителя». Статьи Мавраева, пишет он, отличались насыщенностью «глубокими размышлениями и конкретными, полезными для людей практическими советами, рекомендациями и предложениями» [86: 63].

По мнению исследователя А.-К. Абдулатипова, «...публицистика Магомед-Мирзы Мавраева одна из интереснейших страниц дагестанской журналистики. Будучи основателем общедагестанского национального книгопечатания, издателем первой общедагестанской газеты «Мусават» на кумыкском языке, он находился как бы в центре общественно-политической жизни Дагестана. Это позволяло ему откликаться на те или иные события, происходившие в России и Дагестане, и выступать со статьями, посвященными не только текущим событиям, но также и проблемам ислама, национального возрождения и просвещения народов Дагестана» [2: 60].

Нельзя не признать, что газеты «Мусават» и «Аваристан» оказывали влияние на общественное мнение. К их выступлениям прислушивались, хотя бы из-за авторитета редактора-издателя Магомед-Мирзы Мавраева. Но советскими историками он был причислен к реакционным деятелям и предан забвению.

Мавраев поддержал февральскую буржуазно-демократическую революцию, связывая с нею надежды на национальное равенство, решение проблем горского населения, социально-экономическое и культурное развитие края. В то же время он с некоторыми опасениями отнесся к октябрьскому перевороту. Но, оставаясь верным своим принципам предоставлять слово всем, независимо от политической ориентации, публиковал на страницах своих газет статьи и документы местной большевистской организации, декреты советской власти. Однако осуждал намерения большевистской партии национализировать и экспроприировать собственность помещиков и капиталистов. Он также подверг критике

социалистический принцип всеобщего равенства, как утопический. «По мнению тех, кто истолковывает эти лозунги, – писал он в статье «Свобода, равная для всех», – все дагестанцы – богатые и бедные, образованные и необразованные, умные и дураки, способные и неспособные, ученые и неучи, голодные и сытые – должны стать равными и одинаково равно пользоваться благами общества. Такого равенства в истории человечества не было и невозможно его осуществить» [345: 1917, 9 ноября].

Талантливый организатор издательского дела, убежденный защитник прав, свободы человека и частной собственности Магомед-Мирза Мавраев писал: «Когда к нам в редакцию приносят рукописи книг или объявлений, мы кроме издания их за определенную плату, не спрашиваем у их авторов о содержании книги или объявления. Что бы ни было написано в книге или объявлении, редакция типографии за это не отвечает. За их содержание должен отвечать тот, кто подписался в их конце» [86: 97].

К сожалению, целые пласты культуры, литературы, искусства, публицистики народов Северного Кавказа, созданные арабографическим письмом, были незаслуженно вычеркнуты из истории в соответствии с «классовым подходом» советской исторической науки. Царская национальная политика не содействовала развитию просвещения, издательского дела на национальных языках, но особенно и не препятствовала. Благодаря этой «терпимости» самодержавной власти, даже в условиях жестокой колониальной войны в горах Северного Кавказа складывалась определенная система культуры и просвещения. Первые просветители были, как правило, или служители религии, или выпускники духовных учебных заведений.

Конечно, царизм по отношению к этническим меньшинствам проводил политику обрусения, называя их нецивилизованными. Но даже в этих условиях представители малых народностей, получившие религиозное или светское образование, имели возможность обсуждать в печати насущные проблемы развития жизни окраин, критиковать царские власти. За публикацию острых политических материалов, обличавших монархический строй, колониальную национальную политику, призывавших свергнуть самодержавие, самым серьезным

наказанием была высылка на место жительства в другой регион страны, как правило, в соседний.

В советский период реакционными были объявлены все духовное наследие прошлого, религиозная литература, национальные обычаи и традиции. Виновными перед еще не существовавшим в те времена марксизмом оказались и алфавиты, которые использовались для записи текстов литературно-художественных произведений, фольклора народов. Советская историческая наука рассматривала арабографическое письмо как составную часть идеологии ислама, церковнославянское – христианства.

Развернулась беспрецедентная по масштабам борьба с произведениями не только религиозного содержания, но и художественными. Речь об их изучении вообще не могла идти. К историческому хламу были отнесены и периодические издания небольшевистской ориентации. По этой причине их комплекты не сохранились, что создает трудности для системного исследования дооктябрьской журналистики, Северного Кавказа в том числе. «В результате такой оценки и такого подхода к культурному наследию прошлого в 20-30-х годах было уничтожено огромное количество рукописных и печатных книг, написанных на арабском, дагестанском и других языках арабографическим письмом...» [86: 58], – писал исследователь А.А. Исаев. Эта политика касалась всех народов советской страны. Но урон, нанесенный культуре малых народов, значительнее, потому что, в отличие от крупных наций, их письменные памятники были немногочисленными, и в результате учиненной идеологической «расправы» они исчезли практически полностью. Борьба не ограничивалась сожжением книг и рукописей, а сопровождалась репрессиями против ученых-богословов, представителей творческой интеллигенции. «Следует отметить, что нигилистическое отношение к духовному наследию прошлого, – отмечал А.А. Исаев, – предвзятые утверждения о «бесписьменности», «поголовной неграмотности» населения дореволюционного Дагестана, а также препятствование исследованиям вопросов духовной культуры вплоть до преследований ученых, занимающихся этими проблемами, получили широкое распространение и в 60-70-х годах XX столетия» [86: 59]. Эти слова

можно отнести ко всем народам страны советов. Отношение к небольшеви́стской прессе края историков советской эпохи выразил исследователь А. Данилов, который подчеркивал, что все дагестанские издания, выходявшие до 1917 года, «не отражали жизнь трудового народа, его надежды и стремления и были далеки от намерений поднять культуру и политическое самосознание» горцев [71: 7].

Таким образом перечеркивалась деятельность всех газет и журналов края, которые не придерживались большеви́стской политической ориентации. Между тем дооктябрьские прогрессивные национальные издания имели важное значение в развитии всей системы печати народностей Северного Кавказа в последующий период. Опыт издательской деятельности, накопленный в редакциях местных прогрессивных органов, и их полиграфическая база позволили большеви́стской партии в первые годы Советской власти наладить на Северном Кавказе выпуск национальных периодических изданий. Многие сотрудники прогрессивных газет и журналов приняли активное участие в строительстве партийно-советской прессы в национальных областях. Особо нужно отметить вклад дореволюционной печати на местных языках в становление национальной периодики автономных областей и республик Северного Кавказа.

Колониальная национальная политика царизма не способствовала развитию системы периодической печати в национальных окраинах. «В дореволюционной Кабарде и Балкарии газеты, журналы не издавались ни на кабардинском, ни на балкарском, ни на русском языках, – утверждает исследователь местной журналистики М.Х. Герандоков. – Это и понятно: при безграмотности населения, отсутствии у него своей письменности, без заботы со стороны власть имущих о просвещении народа не могло быть и речи об издании... газет и журналов» [60: 5].

Такая же ситуация была в Ингушетии, Карачаево-Черкесии, у малых народностей Дагестана. Небольшие этносы, населяющие край, не имели возможности создать свои письменности, прессу и литературу в условиях колониального гнета. «Политика царизма, политика помещиков и буржуазии по отношению к этим народам состояла в том, – пишет М.Д. Бутаев, – чтобы убить среди них зачатки всякой государственности, калечить их культуру, стеснять язык,

держат их в невежестве и, наконец, по возможности русифицировать их. Результаты такой политики – неразвитость и политическая отсталость этих народов» [42: 25].

По этим причинам дооктябрьская пресса народностей Северного Кавказа не сформировалась как система дифференцированной печати. Местные издания, как правило, заявлялись как общенациональные. Однако каждый печатный орган все-таки имел, хотя и слабо выраженную, но политическую ориентацию. Нельзя не согласиться с характеристикой исследователем А.А. Антоновым-Овсеенко российской, в том числе и национальной, печати 1917 года: «... Вся история российских масс-медиа, чей выпуск относится к периодам социальных потрясений, говорит о том, что когда в отношении печатных или других СМИ заходит речь о «беспартийности», это наверняка означает, что то или иное издание будет особенно жестко ориентировано на интересы властных верхов» [15: 81].

Местные большевики использовали издания различной политической ориентации для пропаганды революционных идей. Например, грозненские социал-демократы принимали участие в газете «Терец», редактором которой являлся один из первых чеченских журналистов Денильбек Джемалдинович Шерипов [77: 19]. Нужно сказать, что пресса стала важным оружием большевиков в период подготовки пролетарской революции, в том числе и в национальных районах. Провозглашенное большевиками право наций на самоопределение было поддержано большинством населения окраин во многом благодаря пропаганде в печати.

Импульс, данный февральской революцией, привел к зарождению системы северокавказской печати. Так, из 75 периодических изданий партии в период подготовки и свершения пролетарской революции более половины выходило в национальных районах [152: 13]. Однако в основном они выходили на языках народов, которые имели свою письменность и литературу еще до включения в российскую империю. На Северном Кавказе печатные издания издавались усилиями немногочисленной национальной интеллигенции.

Февральская революция способствовала не только росту количества изданий в целом, но прежде всего увеличению выпуска именно партийных изданий, а политическая литература стала пользоваться колоссальным общественным спросом. По утверждению А.А. Антонова-Овсеенко, «... этот масштабный всплеск издательских инициатив стал свидетельством появления принципиально нового, свободного качества прессы России – прессы, вышедшей уже в условиях основных демократических свобод, включая свободу слова» [15: 121]. Он выделяет и основные признаки нового качества российской печати, такие, как возможность свободного высказывания суждений по вопросам формирования новой власти; по вопросам войны, вплоть до отрицания необходимости ее дальнейшего ведения; пропаганды различных взглядов на вопросы собственности; открытой полемики с политическими противниками; обсуждения новых порядков армейского подчинения и формирования задач для вновь создаваемых органов правопорядка внутри страны. Обсуждение таких острых вопросов находилось под запретом в эпоху самодержавия. То есть в стране стала складываться реальная многопартийность, которая обеспечивала представительство интересов различных слоев населения, в том числе многочисленных народностей. Период от февраля до октября 1917 года в корне отличался как от самодержавного, так и последовавшего большевистского режимов.

Однако дифференциация по партийному признаку была больше характерна для столичной прессы, чем провинциальной и, тем более, национальной. Исследователь журналистики периода политических катаклизмов 1917 года А.А. Антонов-Овсеенко также подчеркивает, что при использовании термина «партийная печать» по отношению к изданиям того времени, в особенности национальным, необходимо учитывать значительную долю условности [15: 123]. Этому мнению придерживается и известный исследователь прессы Дона и Северного Кавказа периода революций 1917 года Е.М. Корнилов, который утверждал, что «существенные различия у конкретных газет таких важнейших типологических характеристик, как направление и содержание, свидетельствует о незавершенности типологического формирования печатных органов» края между

февралем и октябрем 1917 года [109: 31]. Вместе с тем дооктябрьская северокавказская журналистика, по утверждению Ю.В. Хоруева, «...неразрывно связана с характером общественного движения в России и на Тереке и имеет свои специфические особенности... Главное своеобразие заключалось в том, что она развивалась на почве не только социальных и классовых различий, но и сложных межнациональных отношений» [207: 3].

В целом этап развития прессы народностей Северного Кавказа между двумя революциями был представлен:

- официальными изданиями на русском языке;
- частной и партийной печатью на русском языке;
- немногочисленными изданиями на отдельных национальных языках без четкой партийной принадлежности;
- прокламациями и листовками местных партийных организаций на русском и национальных языках.

В большинстве своем издания края имели небольшие периоды выхода, маленькие тиражи. По утверждению Ю.В. Хоруева, «...одни из них продержались годы, и даже десятилетия, другие едва успели заявить о своем появлении на свет, третьи властями были задавлены в зародыше. При всей разности судеб каждое издание имеет определенную историческую ценность» [206: 3].

Вокруг этих изданий, и русскоязычных, и национальных, образовывались кружки образованной местной интеллигенции. Представители народностей, не имевших возможностей издавать прессу ни на родном, ни на русском языках, использовали для публикации своих произведений как печать Северного Кавказа, так и органы, выходившие в Петрограде, Москве, Ростове-на-Дону, Екатеринодаре, Ставрополе, Харькове и других городах, а также за рубежом.

Выводы

Падение царизма дало импульс развитию партийной прессы не только в журналистских центрах, которые уже существовали, но и в отсталых провинциях и национальных окраинах, где за редким исключением практически отсутствовала сложившаяся система периодических изданий.

Исследование процессов, протекавших на Северном Кавказе после февраля 1917 года, а также контент-анализ местных изданий позволяют сделать вывод о том, что одним из важных факторов свержения российского самодержавия стала поддержка демократических сил национальными окраинами. Важную роль в этом играла местная печать. Именно после Февральской революции стала складываться система политической прессы Северного Кавказа, большевистский сегмент которой составлял невысокий процент. Количественные показатели политических изданий края опровергают сформированную в советский период точку зрения, которая утверждала, что широкие массы коренных народностей находились под влиянием пропаганды большевиков и повсеместно выступили за перерастание демократической революции в социалистическую (Таблица 1).

Таблица № 1. Система печати национальных регионов Северного Кавказа. 1917, февраль – октябрь.

№	Название	Учредитель	Политическая ориентация	Место выхода
1.	Терский вестник*. (Бывшие «Терские ведомости»)	Орган Терского областного гражданского исполнительного комитета	Либ.-дем.	Владикавказ
2.	Терек*. 1906–1918	Частная. Изд-во «Казбек» С. Казарова	Либ.-дем.	Владикавказ
3.	Горская жизнь. 1917-1919.	Орган Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана	Либ.-дем.	Владикавказ
4.	Вперед	Терское казачество	Либ.-дем.	Владикавказ
5.	Терский казак	Терское казачество	Либ.-дем.	Владикавказ
6.	Ирон газет	Частная	Рев.-дем.	Владикавказ
7.	Красное Знамя	Орган Терского областного и Владикавказского Совета рабочих и солдатских депутатов	Социал-дем. (большевистская)	Владикавказ
8.	Голос рабочего	Орган местной социал-	Социал-дем. орган.	Майкоп

		демократической организации		
9.	Голос труда	Орган местной организации социалистов-революционеров	Революционно-демократическая	Майкоп
10.	Голос Дагестана (Вместо быв. «Дагестанских губернских ведомостей»)	Орган временных властей Дагестанской области	Либ.-дем.	Темир-Хан-Шура
11.	Илчи (Вестник). Еженедельная литературно-общественная и политико-экономическая газета На лакском яз.	Дагестанское просветительно-агитационное бюро.	Социал-демократическая (под влиянием большевизма)	Темир-Хан-Шура
12.	Чанна цуку (Утренняя звезда). На лакском яз.	Издатель – М. Мавраев. Еженедельная газета.	Либеральная	Темир-Хан-Шура
13.	Заман (Время). На аварском и кумыкском яз.	Издатель – Нафисат Дахадаева. Редактор Муртазагаджи Фейзулла оглы.	Большевистская ориентация.	Темир-Хан-Шура
14.	Танг чолпан (Утренняя звезда). Общественно-политический и литературно-художественный журнал. На кумыкском яз.	Литературно-театральное общество дагестанских мусульман. Редакторы Зейналабид Батырмурзаев и Темирбулат Бейбулатов.	Либеральная	Темир-Хан-Шура
15.	Мусават (Равенство). На кумыкском яз.	Издатель – М. Мавраев.	Либеральная	
16.	Авростан. На аварском яз.	Издатель – М. Мавраев.	Либеральная	Темир-Хан-Шура

17.	Джаридат Дагистан*. Приложение официальной газеты Царской администрации «Дагестанские губернские ведомости». С 31 января 1914 года частная. (1913, янв. – 1918, 19 янв.). На араб. яз.	Издатель – Б. Саидов (при поддержке Мавраева)	Либеральная	Темир-Хан-Шура
18.	Известия. Март 1917 г. (с апреля «Товарищ» – орган Грозненского Совета рабочих, солдатских и казачьих депутатов).	Совет рабочих и военных депутатов Грозненского района.	Социал-дем. (большевистская)	Грозный
19.	Терский край. 1917, 11 июня – 1918. Общественно-политическая и литературная ежедневная газета	Товарищество Терского печатного и издательского дела	Орган социалистов-революционеров	Грозный
20.	Буревестник. Журнал	Грозненская социал-демократическая организация	Социал-дем. (большевистский)	Грозный

*Продолжающиеся издания

Между тем в национальных районах, в частности на Северном Кавказе, ситуация не была столь однозначной, и местная прогрессивная интеллигенция в основном стояла на демократических позициях. Подавляющее большинство северокавказских изданий, появившихся в период от февраля до октября, имели либерально-демократическую политическую ориентацию. Из двадцати установленных нами газет и журналов этого периода большевистское крыло социал-демократии представляли всего три.

Небольшевистская журналистика Северного Кавказа этой революционной эпохи представляет из себя многогранное и интересное явление, но незаслуженно предана забвению исследователями. Опыт региональных изданий, возникших в условиях свободы слова, позволил в дальнейшем сформировать систему средств массовой информации в крае. Но это уже была другая модель журналистики, прислуживавшая большевистскому тоталитаризму, не столь яркая и не столь многообразная.

§ 1.2. Политика большевистской партии в сфере печати в крае в период установления диктатуры пролетариата

Приход к власти большевистской партии изменил вектор демократических реформ в стране, разделив общество по классовому принципу. Коснулось это и национальных движений на окраинах бывшей империи. Большевики придерживались провозглашенной в предыдущие годы национальной программы, по крайней мере, на первых порах после октябрьского переворота. Известная «Декларация прав народов России», принятая 2 (15) ноября 1917 года, объявляла, что политика угнетения и натравливания наций друг на друга должна быть заменена «открытой и честной политикой», ведущей к полному и взаимному доверию между ними [231: 40]. В соответствии с декларацией в России провозглашались добровольный и честный союз, равенство и суверенность народов, право на самоопределение вплоть до отделения, отмена всех национальных и религиозных ограничений, свободное развитие нацменьшинств.

Революция вовлекла в политическую деятельность широкие массы, которые до этого были вне политики. Разумеется, большая часть из них совершенно не ориентировалась в сложившейся ситуации и не поддерживала ни правых, ни левых. Исследователь российской прессы Т.И. Толчинская относит к этой социальной группе и национальные движения, стремившиеся к независимости своих

территорий [196: 84]. На Северном Кавказе выразителем устремлений народов стала немногочисленная национальная интеллигенция, появившаяся во второй половине XIX – начале XX века. Однако глубокого классового расслоения в горских обществах не было. И представители интеллигенции, и крестьяне-горцы, как правило, отстаивали региональные интересы и, чаще всего, были далеки от грандиозных целей ленинской партии, стремящейся установить диктатуру пролетариата в масштабах планеты. Но, как писала газета «Горская жизнь», орган созданного после февральской революции правительства Горского союза, «...легко усваиваемые лозунги, не требующие каких-либо усилий для своего восприятия, вклинились в толщу уставших от трехлетней войны, разрухи и голода низов. И низы, вследствие экономических причин или просто обаяния вождей – идут за ними» [313: 1917, 29 октября].

В ленинском обращении к рабочим, солдатам и крестьянам по поводу победы Октябрьской революции и ее ближайших задач, прозвучавшем на II Всероссийском съезде Советов, еще раз подтверждалось, что советская власть «обеспечит всем нациям, населяющим Россию, подлинное право на самоопределение» [118: 11]. Несомненно, это заявление, принесшее мировую популярность большевистским лидерам, стало важной вехой в завершении многовековой истории самодержавной Российской империи. Но большевики даже в этих условиях оставляли себе возможность маневра в случае победы. Так, большевистское руководство признавало возможность создания «новой» советской федерации [229: 65]. Как утверждает историк М.Я. Геллер, Ленин не был противником империи вообще – «он был врагом царской империи, где власть ему не принадлежала» [59: 279].

Октябрьская революция и начавшаяся после нее гражданская война разделили народности Северного Кавказа на два враждующих лагеря. При этом не соответствует действительности утвердившийся в советской исторической науке тезис о массовой поддержке большевистской власти горским населением. Анализ контента изданий, выходивших в тот период в крае, подтверждает это. Во Владикавказе 27 октября состоялось совещание Комитета по борьбе с грабежами, анархией и контрреволюцией, в состав которого входили представители от казаков,

горцев и совета рабочих и солдатских депутатов. Все участники единогласно осудили большевистский переворот и высказались в поддержку Временного правительства, сообщила «Горская жизнь» [313: 1917, 29 октября]. Даже через месяц после октябрьского переворота в «Горской жизни» было опубликовано обращение Временного правительства, подписанное двенадцатью членами кабинета, в котором отмечалось: «Измученные трехлетней войной солдаты и рабочие массы, соблазненные заманчивыми лозунгами немедленного мира, хлеба и земли, справедливыми по существу, но неосуществимыми немедленно и путем гражданской войны, взяли в руки оружие, арестовали Временное правительство, стали захватывать важнейшие государственные учреждения, уничтожать гражданскую свободу и угрожать жизни и безопасности мирных граждан, беззащитных перед лицом начавшейся анархии» [313: 1917, 26 ноября]. Это свидетельствует о том, что новая пролетарская власть в регионе еще не сложилась.

Однако именно большевики достаточно прагматически воспользовались этой ситуацией всеобщей неопределенности, смятения и разобщенности горских национальных движений. И нужно сказать, что они в этом противостоянии победили, благодаря изощренности в манипулировании массовым сознанием и организации пропаганды в первую очередь через периодическую печать.

По утверждению А.А. Антонова-Овсеенко, «...в ходе Октябрьского переворота большевики предприняли комплекс мер, направленных на резкое ограничение и, в конечном итоге, полную ликвидацию свободы печати» [15: 237]. На первых порах «для осуществления репрессий против оппозиционной печати большевикам требовались сколько-нибудь легитимные основания» [15: 281]. Поэтому Временное рабоче-крестьянское правительство – Совет народных комиссаров (СНК) уже 27 октября выпускает Декрет о печати.

Большевистская партия с октября 1917 года стала обладать монополией на все средства массовой информации и пропаганды, то есть основа для системы однопартийной журналистики была заложена уже в первые дни после октябрьского переворота. К такому выводу пришла исследователь теории и практики большевистской партии в контексте формирования тоталитарной модели

журналистики в социалистическом государстве Н.М. Тобольцева: «Основополагающие принципы существования журналистики как системы, максимально приближенной к достижению основной цели, – оптимального ее использования в качестве одного из инструментов государственного управления, были положены еще в первые годы большевистской власти в соответствии с директивами В.И. Ленина, определявшими курс на создание печати совершенно нового типа, отвечающего требованиям «переходного периода» от «капитализма к коммунизму», – печать должна быть «орудием социалистического строительства» [195: 9]. Это положение, по мнению Н.М. Тобольцевой, можно рассматривать в качестве фундаментальной основы строительства советской журналистики на протяжении всех семидесяти пяти лет правления коммунистической партии.

Цензура была введена декретом о печати от 10 ноября 1917 года, а организационно сложилась в 1918-м в составе Реввоенсовета как структура, наделенная полномочиями не только военного, но и политического надзора. Она не только контролировала содержание печатной продукции, но и телефонные разговоры и другие формы коммуникации [93: 8]. Политика «уничтожения применялась большевиками по отношению к любым инакомыслящим периодическим изданиям» [48: 19].

Большевики прекрасно понимали, что их окончательный триумф во многом будет зависеть от поддержки национальных движений. Для привлечения их на свою сторону нужно было выстроить систему пропаганды в национальных регионах. Вот почему местные периодические издания, еще до начала процесса национально-государственного устройства народностей Советской России, заняли важное место в системе партийно-советской прессы республики. Необходимость создания многонациональной системы партийной журналистики вытекала из цели большевизма, которая предполагала формирование тоталитарного государства на всей территории империи. Диктатура пролетариата победила, утверждал вождь большевизма В.И. Ленин после октябрьской революции, но не охватила еще коммунистической пропагандой и организацией ни всех профессий, ни всей массы [122: 403]. В первую очередь имелось в виду население национальных окраин.

В 1918-1920 годах на языках народностей РСФСР издавалось свыше 80 газет [152: 18]. Выходило огромное количество национальных изданий и на русском языке. Бурное развитие печати требовало выработки определенной системы издательского дела. «Большевики, безусловно, – пишет А.А. Антонов-Овсеенко, – отдавали себе отчет в том, что без обеспечения превосходства на информационном поле оставался серьезный риск потери всех прочих организационно-политических завоеваний» [15: 278]. Поэтому сразу после октябрьского переворота стали закрываться практически все печатные органы, не поддержавшие пролетарскую революцию. В немилость попали даже левые издания. Эта картина была характерна и для национальных регионов Северного Кавказа.

Специальным декретом СНК от 28 января 1918 г. при Революционном трибунале был учрежден Революционный трибунал печати, ведению которого подлежали «преступления и проступки против народа, совершаемые путем использования печати». К «проступкам» же большевистский Совнарком относил «всякие сообщения ложных или извращенных сведений о явлениях общественной жизни, поскольку они являются посягательством на права и интересы революционного народа» [233: 432], предоставляя, таким образом, как утверждает А.А. Антонов-Овсеенко, пространство для вольной трактовки нарушений и произвольного закрытия изданий. Наказанием для нарушителей – в зависимости от тяжести проступка, определяемой Трибуналом в составе трех человек, – служил широкий спектр их видов от наложения штрафа до прекращения выпуска издания, конфискации средств производства и лишения свободы виновных [15: 300].

Так, Дагестанский военно-революционный комитет в марте 1918 года принял решение: «Принадлежащую частному лицу купцу Михайлову типографию отобрать для нужд Военревкома, запретить в дальнейшем издание и печатание в этой типографии газеты «Вольный Дагестан», органа партии меньшевиков» [22: 28]. Этим же постановлением были экспроприированы типографии «Каспий» А. Михайлова в Порт-Петровске, М. Мавраева в Темир-Хан-Шуре, «Русская типография» В. Сорокина, «Дагестан» Г. Зорина и другие.

Последний (250) номер воссозданной в июне 1917 г. грозненской газеты «Терский край», органа демократии, вышел 25 мая 1918 года. Местные большевистские «Известия» охарактеризовали газету как «злостный голос из стана наших смертельных врагов» [109: 38]. Она была закрыта решением Грозненского совета. Такие же меры были предприняты и в других регионах края. Можно утверждать, что становление северокавказской прессы, как, впрочем, и всей печати в стране, протекало под пристальным вниманием большевиков.

Хотя газеты и журналы создавались с целью манипулирования массовым сознанием, они сыграли важную роль в культурном развитии горцев. Печать в национальных регионах края после прихода к власти большевиков в основном выходила на русском языке. До революции не во всех национальных районах, в том числе и на Северном Кавказе, были созданы условия для развития национальной письменности. Это и явилось главным препятствием на пути строительства печати на местных языках. Поэтому нельзя не признать заслугу Советской власти в создании письменностей подавляющего большинства народов, входивших в Россию. В.И. Ленин указывал на то, что необходимо «содействие не только фактическому равноправию, но и развитию языка, литературы трудящихся масс угнетавшихся ранее наций» [127: 111].

Действительно программа большевистской партии, направленная на преодоление отсталости малых народностей, сыграла позитивную роль, если отбросить ее идеологическую составляющую, которая была у марксистов на первом плане. Так, подчеркивая большое значение идеологической работы на национальных языках, Ленин на II съезде коммунистических организаций народов Востока указывал на необходимость того, «чтобы внутри каждой страны, на понятном для народа языке, велась коммунистическая пропаганда» [119: 330]. Безусловно, система советской периодической печати формировалась с целью идеологического обеспечения диктатуры большевистской партократии, которая изначально только прикрывалась лозунгом о реализации интересов рабочего класса и крестьянства.

Десятый съезд партии также отметил важность помощи невеликорусским народам «развить у себя прессу, школу, театр ... на родном языке» [263: 366]. Процесс создания печати в национальных районах был сложным и длительным. В различных областях, в силу неоднородности социально-политического и культурного развития, строительство национальной периодической прессы протекало по-разному. В одних областях еще до революции выходили издания на местных языках не только консервативного направления, но и прогрессивные, демократические. В других – национальная печать стала складываться только после победы социалистической революции. К таким регионам относилось большинство национальных образований Северного Кавказа.

Чтобы решить проблему с организацией пропаганды в многоязычном крае, в июне 1918 года при Народном комиссариате по делам национальностей был организован отдел горцев Кавказа с дагестанским, черкесским, кабардинским, чеченским, ингушским, осетинским и другими подотделами на местах. Они занимались созданием письменностей, подготовкой выпуска газет на родных языках, организацией материально-технической базы печати [214: 42]. Из-за сложной обстановки на Северном Кавказе в регион в октябре 1918 года была направлена чрезвычайная комиссия, которая и должна была оказать содействие в укреплении советской власти и поднять уровень агитационно-пропагандистской работы среди горцев. Задача осложнялась тем, что печатную пропаганду невозможно было вести на родных языках, и поэтому она не имела должного эффекта. Чтобы издавать периодику и книги на национальных языках, отдел горцев заказал соответствующие «шрифты для осетинского, ингушского, лезгинского языков, с целью распространения литературы среди горцев» [100: 23].

Нужно подчеркнуть, что попытки издания газет на языках народов края сразу после Октябрьской революции не имели особого успеха, так как среди горцев было очень мало людей, способных прочитать тексты, напечатанные порой на искусственно созданных графиках, не хватало квалифицированных кадров журналистики. У большинства народов даже разработка письменностей находилась на зачаточном уровне. В 1918 году из 47 северокавказских народностей

не имели своей письменности более сорока [21: 34]. Между тем издания на русском языке не могли оказывать воздействие на сознание горцев, а газеты на языках народов северокавказского края в первый период советской власти были скорее исключением.

На Северном Кавказе становление советской власти имело свои особенности. Связано это было с наличием большого количества народностей, находящихся на различных уровнях социально-экономического и культурного развития. Создавать отдельные государственные образования для каждого этноса, порой насчитывающего всего несколько тысяч человек, не представлялось возможным. Другая сложность заключалась в том, что в крае фактически отсутствовали кадры для строящегося государственного аппарата. Большинство народностей края не имели даже своей письменности, что создавало проблему ведения делопроизводства на местных языках. Поэтому руководство большевистской партии признало целесообразным создание единой автономии народностей края.

Между тем первая форма единой государственности северокавказских народностей возникла не под руководством большевиков, а стихийно, по инициативе местных политических лидеров различной партийной ориентации, национальных просветителей, религиозных деятелей после падения царизма. Но пришедшая к власти после октябрьского переворота ленинская партия не могла признать Союз горцев Северного Кавказа и Дагестана, основанный на демократических принципах. На съезде народов края в январе 1918 года, на котором были представлены северокавказские народности и терское казачество, антисоветская позиция лидеров союза уступила большевистской. И в том, что делегаты съезда выступили в поддержку советской власти, немалая заслуга принадлежит местной большевистской прессе, которая внедряла в сознание горских масс принципы ленинской национальной политики. На форуме была учреждена Терская область, куда вошли все северокавказские народности, в том числе и терское казачество. Газета «Народная власть», орган Терского совета, призывала: «И дело революции, дело крепкой защиты интересов трудовых масс всех народов, населяющих Терскую область, будет обеспечено только тогда, когда

в каждом городе, в каждой слободе и станице, в каждом селении и ауле будет прочно организована народная власть» [346: 1918, 9 апреля], под которой подразумевалась большевистская.

Специфика, связанная с многонациональным составом населения края и своеобразием восприятия революции местным населением, обусловила существенные особенности начального этапа типологического формирования системы советской печати на Северном Кавказе. В 1917-1918 годах наметились два кардинальных пути, по которым пошло в дальнейшем формирование и развитие советской краевой журналистики, – это создание печати на русском языке – языке межнационального общения, и на языках народов, исконно населяющих данные местности [108: 52]. При этом русскоязычная пресса была первичной.

В 1918 году начал выходить «Бюллетень Терского областного Народного Совета», который послужил базой для создания в марте газеты «Народная власть». В историко-журналистской литературе до сих пор существует путаница по поводу статуса «Народной власти»: считается, что она положила начало североосетинской республиканской большевистской прессе. Однако подзаголовок «Орган Терского областного народного Совета», как и содержание, свидетельствуют, что «Народная власть» была газетой, рассчитанной на население всех национальных округов Терской области.

Формирование системы прессы в Терской области после октября протекало в соответствии с большевистским принципом вертикали власти: вышестоящий орган мог «командовать» низовыми изданиями. «Народная власть» могла в довольно грубой форме критиковать газеты, издававшиеся в крае. Так, явные перегибы присутствовали в обзорной статье, посвященной кизлярским «Известиям» [346: 1918, 16 июня], в поучительном тоне писала газета о профсоюзном журнале «Возрождение труда», приписывая ему «анархические тенденции» [346: 1918, 4 октября].

Большевики использовали любую возможность, чтобы развернуть масштабную пропаганду в поддержку своей власти. Так как не было возможности сразу наладить выпуск газет и журналов на родных языках народов края, в

основном создавались органы на русском языке. Так, в 1918 году во Владикавказе помимо «Народной власти» Горская фракция Терского областного народного совета учредила общественно-политическую, экономическую и литературную газету «Революционный горец», которая уже в первом номере обозначила большевистскую направленность. Она поддержала октябрьский переворот, утверждала, что «горские массы, услышав зов подлинных защитников интересов трудовых масс – социалистов... поднимаются к новым зорям социальной революции» [346: 1918, 27 октября].

«Революционный горец» выгодно отличался от других местных большевистских газет хорошей версткой, удобочитаемостью. Тексты читаются легко, язык богатый. Видно, что она делается профессионально. Это заслуга редактора Саида Габиева. Он прошел хорошую школу журналистики, сотрудничал со столичными изданиями, имел за плечами богатый опыт революционной деятельности, редакторской работы, выпускал еще в 1912-1914 годах в Петрограде «Зарю Дагестана» и «Мусульманскую газету», печатался в журнале «Мусульманин», выходившем в Париже.

Руководство и контроль над прессой отдельных национальных округов большевики Терека осуществляли через свои общие областные издания. На региональном уровне они исполняли роль директивных органов, которую в масштабах страны выполняли центральные.

Вместе с тем надо отметить, что не во всех округах края в первые месяцы после октября сложилась печать. В Чечне ведущим большевистским органом оставались «Известия Грозненского отдельного исполнительного Комитета Совета рабочих, красноармейских и трудовых казачьих депутатов», основанные еще в марте 1917 года. С какими трудностями сталкивались новые власти края в организации печати на национальных языках, иллюстрирует попытка создания советской чеченской газеты. Нужно отметить, что утверждение исследователя истории чеченской журналистики С.М. Лорсанукаева о том, что первая газета на чеченском языке (имелась в виду газета «Серло») увидела свет 18 марта 1925 года [134: 16], не совсем соответствует действительности. Вслед за Лорсанукаевым эту

дату называет и известный исследователь истории краевой журналистики Э.А. Исаев [77: 26]. Между тем представляется, что не могла партия, претендовавшая на установление диктатуры на всей территории царской империи и даже во всем мире, так легкомысленно отнестись к вопросу привлечения на свою сторону наиболее крупного по численности народа Северного Кавказа¹. Как отмечает исследователь журналистики Дона и Северного Кавказа Е.А. Корнилов, большевики Терека осознавали острую необходимость организации прессы для чеченского населения, среди которого знающих русский язык были только единицы. Совнарком Терской области поддержал большевиков, и было решено издавать газету «Горская беднота» на чеченском языке» [109: 54]. Редакция «Народной власти» предоставила для выпуска новой газеты типографию и бумагу, и с 9 апреля 1918 года в каждом номере стала публиковать объявления о подписке на «Горскую бедноту», первый номер которой вышел в июне 1918 года. Газета была набрана шрифтом на основе арабской графики, что вызвало бурю протеста в среде религиозных деятелей Чечни. Они выступили против печатания издания на основе арабской графики, так как для мусульман она являлась святой и могла быть использована только для священных писаний. После некоторого перерыва 16 июля вышел второй номер «Горской бедноты» на русской графической основе. Но на четвертом номере издание прекратило существование, поскольку на территории Терской области начались военные действия [109: 55].

Судьба еще одного издания Терской области – общественно-политического, экономического и литературного органа горской фракции Терского областного народного совета «Воля гор» – неизвестна. Его выход в январе 1919 года также анонсировался в «Народной власти». Как сообщала газета, журнал будет посвящен

¹История прессы на чеченском языке началась за несколько лет до этого. Так, благодаря изысканиям историка чеченской журналистики М.Г. Магомадова, удалось установить, что еще при царизме предпринимались попытки создать средство периодического информирования населения Чечни на родном языке, хотя речь не идет об отдельном издании. Заслуга в возникновении своеобразной формы распространения информационных текстов на чеченском языке принадлежит грозненской газете «Терский край», выходившей в 1910-1912 годы. «Терский край» занимает особое место в истории журналистики Чечни. На ее страницах впервые появились публикации на родном для чеченцев языке. Издателю газеты В.М. Файвишевичу 2 сентября 1911 года было выдано разрешение печатать «на арабском языке приказы по области, циркулярные распоряжения, справочные и биржевые сведения и сообщения, могущие интересовать туземное население» [135: 138]. Речь идет вовсе не об арабском языке, а о чеченской письменности, созданной на основе арабской графики.

жизни горцев Северного Кавказа, и в нем примут участие Ахмед Цаликов, Саид Габиев, Асланбек Шерипов, Алибек Тахо-Годи, Георгий Цаголов и другие [346: 1918, 4 октября]. Оккупация края Добровольческой армией, думается, стала причиной того, что проект так и не состоялся.

Как утверждает А.А. Антонов-Овсеенко, «...поскольку в первое время после переворота у большевиков не доставало организационных и технических возможностей для массового подавления оппозиционной прессы, многие социалистические и независимые (условно) газеты, за исключением газет ярко выраженного «буржуазного» направления, продолжали выпуск, причем подчас с антибольшевистских позиций. Более того, в течение некоторого ограниченного периода после октябрьского переворота в печати разгорелась настоящая дискуссия о свободе печати» [15: 279]. Так, из большевистской системы печати выпадала основанная в ноябре 1917 года первая кабардинская газета «Адыгэ макъ» («Голос адыга»). Учредил ее известный кабардинский просветитель Адам Абдул-Гафарович Дымов, который не отличался приверженностью к идеологии большевизма. Он вместе со своим соратником Нури Цаговым и редактировал издание. Газета выходила почти год два раза в неделю малым форматом. Имела либеральное направление, что совершенно не было характерно для изданий, возникших после Октябрьской революции. «Адыгэ макъ» ставила просветительские задачи. «В современном мире... нельзя жить без знания, – пишет газета, – надо общими усилиями строить школы в тех селах и населенных пунктах, где их не имеется, предварительно убедив родителей о необходимости добровольно отдать детей в школу» [304: 1917, 10 декабря]. Нужно сказать, что «Адыгэ макъ» не получила соответствующей оценки в исследованиях, выполненных в советский период. Однако в диссертации Ф.Ш. Ошноковой, вопреки принятым в эпоху социализма установкам, содержится и такая характеристика издания: «Не будучи большевистской, придерживаясь общедемократического направления, газета давала довольно объективную информацию <...> Она сыграла позитивную роль в пробуждении самосознания кабардинского народа <...>» [170: 21-22]. С одной стороны, признавая вклад

издания в культурное развитие народа, она выделяет как недостаток его небольшевистскую политическую ориентацию. Работа Ошноковой выполнена в 1971 году. Автор не имела в те годы возможности объективно оценить издание. Между тем на страницах «Адыгэ макъ» нашли отражение многие актуальные проблемы горного края, в том числе просвещение народа, экономическое и культурное возрождение, землепользование и др. [22: 85]. Как отмечает М.Х. Герандоков, в «Адыгэ макъ» публиковались наряду с материалами просветительского и литературно-художественного характера и политические статьи, а также международные обозрения. После октябрьской революции, в силу объективных обстоятельств, редакция вынуждена была в определенной степени поддерживать пришедшую к власти пролетарскую партию и печатать статьи местных большевиков [60: 28]. Издавалась «Адыгэ макъ» литографским способом в типографии, принадлежавшей А.А. Дымову, с помощью арабского алфавита, приспособленного к кабардинскому языку.

Выход периодики во всех национальных регионах края был бессистемным: издания, не успев открыться, закрывались, не выдерживалась регулярность. Система национальной печати на местных языках стала складываться только в начале 20-х годов, по мере создания в каждом регионе своей письменности, развития национальной государственности, роста культурного уровня.

Всеи организационной работой по развитию северокавказской советской прессы в постоктябрьский период руководил С.М. Киров, который фактически представлял большевистскую партию в крае в первые годы пролетарской диктатуры. Он редактировал газету «Народная власть» – орган Терского Народного Совета [45: 68].

Возникшая после февральской революции «Горская жизнь» придерживалась либерального направления. Недолго выходила частная «Ирон газет» («Осетинская газета») просветительской ориентации. Владикавказские большевики предпринимали попытки выпуска газет «Терская правда», «Кавказская газета» [100: 45]. В октябре 1918 года Областной совет профсоюзов стал издавать первый

рабочий журнал «Возрождение труда» [346: 1918, 4 октября]. Однако их выход был нерегулярным и недолгим.

В марте 1918 года по решению Порт-Петровского военно-революционного комитета открылся «Дагестанский труженик». Цели издания были обозначены в присущей сторонникам Ленина директивной формулировке: для «правильной информации трудящихся масс о происходящих как в Дагестане, так и вне ее, событиях, публикации своих распоряжений и постановлений». О запросах аудитории речь не шла. Исследователь Д.Н. Ахмедов характеризует «Дагестанский труженик» как первую в области большевистскую газету [22: 28], хотя в своих трудах отмечает, что попытки издавать местные социал-демократические органы предпринимались уже в период между двумя революциями 1917 года. Нельзя назвать эти попытки менее успешными, чем опыт выпуска «Дагестанского труженика»: увидели свет всего три номера органа Дагестанского ВРК. Между тем в научной работе, изданной уже в период гласности, отмечается, что газета «пользовалась большой популярностью» [22: 29] среди широких масс. И как подтверждение данного тезиса приводится цитата из публикации на ее страницах: «Товарищи! Интернациональный военно-революционный комитет, стоящий на страже революции и завоеваний ее, призывает вас встать в ряды Красной Армии, вступить в Интернациональный полк, выступить в защиту интересов трудового народа» [321: 1918, 9(22) марта]. Маловероятно, что периодическое издание, чья жизнь продолжалась всего четыре дня, могло стать популярным в регионе практически сплошной неграмотности и незнания русского языка.

«Дагестанский труженик» перестал выходить в связи с тем, что Порт-Петровск 13 марта 1918 года захватили отряды дагестанских имамов Нажмуддина Гоцинского и Узун-Хаджи Салтинского. Большевики обещали удовлетворить требование местных религиозных повстанцев и использовали их против более серьезного противника – Добровольческой армии Деникина. Но, справившись в конце апреля с так называемой «религиозной контрреволюцией» и восстановив в области большевистскую диктатуру, первым делом занялись организацией дискредитации религиозных деятелей, прежде всего в печати.

Официальным органом новой власти после разгрома «религиозной» контрреволюции стали «Известия Дагестанского областного военно-революционного комитета» [22: 30]. Практически одновременно с официальным изданием начали выходить газеты в более или менее крупных населенных пунктах области: «Красный Дагестан» (Порт-Петровск), «Известия Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и военно-революционного комитета г. Кизляра», «Известия Совета Народных Комиссаров г. Дербента». Были предприняты попытки основать областную большевистскую газету «Рабочий народ» на аварском («ХалтӀулел чӀагӀи») и кумыкском («Ишчи халкъ») языках. Шрифт использовался арабский. Газета на двух языках выходила регулярно дважды в неделю на четырех полосах. В первом номере в редакционной статье была изложена позиция: «Газета будет публиковать материалы, отвечающие только интересам рабочих и трудящихся крестьян..., распространять идеи Российской социал-демократической рабочей партии» [330: 1918, 29 апреля]. Историк дагестанской журналистики Ш.М. Магомедов отмечает, что редакция последовательно и строго придерживалась этой своей линии [138: 17]. Наряду с пропагандой социалистических преобразований на ее страницах освещались важные вопросы развития национальной литературы и искусства [109: 57]. Издание выходило до августа. Дагестанский ВРК стал финансировать также литературно-художественный журнал на кумыкском языке «Танг чолпан» («Утренняя звезда»), возникший еще до октябрьского переворота как либеральный орган, однако с 10 номера сменивший ориентацию на поддержку советской власти [25: 97].

Издания имели небольшие тиражи, как правило, до 1000 экземпляров, не отличались четкой периодичностью, часто прерывались или вообще прекращали выход [22: 34], несмотря на то, что пропагандистская работа была всегда в центре внимания большевистских организаций. Военно-революционный комитет Дагестана в июне 1918 года провел совещание, на котором рассматривался вопрос о постановке местной печати [27: 82]. Вся пресса военно-революционных комитетов вела пропаганду по восхвалению советской власти [22: 32]. Однако

пропаганда не имела должного эффекта из-за того, что строилась на пафосных лозунгах и призывах, а не на конкретных делах.

Эта тенденция была характерна и для остальных регионов края. Второй съезд Советов Кубано-Черноморской области в апреле 1918 года принял решение о создании при исполкоме комиссариата по горским делам, которому вменялось в обязанность обеспечить создание адыгейской письменности, выпуск учебников, издание периодической печати для адыгов на родном языке. Первая адыгейская газета на основе арабского шрифта «Красне Кубань» («Красная Кубань») вышла в мае 1918 года по инициативе и непосредственном участии национального революционного деятеля Моса Шовгенова. Первым редактором стал Харун Тлецерук, который хотя и не состоял в большевистской партии, поддерживал советскую власть. Кроме того, в редакции не было ни одного коммуниста. Конечно, местная партийная организация осуществляла руководство и следила за тем, чтобы газета проводила большевистскую линию. Однако век «Красной Кубани» оказался недолог: она закрылась через три месяца в связи захватом Кубани белогвардейской армией.

Карачаевская государственность тоже стала зарождаться в 1918 году в составе Баталпашинского отдела Кубанской области. Первым карачаевским изданием стала газета «Известия Совета народных депутатов Отрадного отдела», которая вышла 4 июля 1918 года в станице Баталпашинской [141: 44]. Возглавил редакцию член Совета народных депутатов Петр Ляхов. Газета вышла в свет в условиях начавшейся Гражданской войны и с первых номеров защищала линию большевистской партии, призывая население к борьбе за упрочение советской власти. Выпуск отдельской газеты прекратился в августе 1918 г. на двенадцатом номере в связи с наступлением на восточные районы Кубани Добровольческой армии.

В целом большевистская печать Северного Кавказа на этапе борьбы за установление Советской власти как система не сложилась, характеризовалась нерегулярностью выхода изданий, не имела четкой дифференциации (Таблица 2).

Таблица 2. Система северокавказской большевистской прессы
(октябрь 1917 – сентябрь 1920 гг.)

Издания Терского областного народного совета	Издания отдельных административных образований
<p>«Народная власть» (Официальный орган Терского областного народного совета);</p> <p>«Бюллетень областного Терского совета»;</p> <p>«Революционный горец» (Общественно-политическая, экономическая и литературная газета. Горская фракция Терского областного народного совета. Ред. С. Габиев. Большевистская);</p> <p>«Кооперативная мысль» (Союз кооператоров Терской области);</p> <p>«Вестник торговли и промышленности» (ред. В. М. Кесаев. Вышло всего два номера. Освещал вопросы народного хозяйства, гидротехники, организации</p>	<p>Осетия:</p> <p>«Терек», (Частная, С. Казаров);</p> <p>«Ирон газет» («Осетинская газета») – на осет. яз. (Частная);</p> <p>«Кавказская газета» (Частная);</p> <p>«Терская правда» (Владикавказский комитет РКП(б));</p> <p>«Красное знамя» – орган Владикавказского и областного Совета рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов (ред. Г. И. Ильин)</p> <p>«Юная мысль» – литературный журнал местных учащихся;</p> <p>Дагестан:</p> <p>«Вольный Дагестан» (Порт-Петровское городское самоуправление, меньшевистская);</p> <p>«Петровская жизнь», Дагестан (Порт-Петровск, частная, меньшевистская);</p> <p>«Дагестанский труженик» (Дагестанский ВРК);</p> <p>«Известия Дагестанского областного военно-революционного комитета»;</p>

<p>снабжения населения сельхозтехникой, нефтяной промышленности, кредитных учреждений Терской области);</p> <p>«Вперед», «Терский трудовой казак» (Терский областной народный совет и Терское казачье войско);</p> <p>«Возрождение труда», «Маяк труда» (Терский областной профсоюзный совет);</p> <p>«Ломан кьинхьегаманхой» – «Горская беднота» (Терский народный совет. На чеченском яз.);</p> <p>«Рабочий голос» (Горский профсоюзный совет);</p> <p>«Горская жизнь» (ЦК Союза горцев);</p> <p>«Кавказская правда» (Кавказский краевой и Владикавказский комитеты РКП(б));</p> <p>«Терский вестник» (Терский гражд. исп. ком.);</p>	<p>«Красный Дагестан» (Порт-Петровск);</p> <p>«Известия Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и военно-революционного комитета г. Кизляра»;</p> <p>«Известия Совета Народных Комиссаров г. Дербента»;</p> <p>«Ишчи халкъ» («Трудящийся народ») – кумыкский яз.;</p> <p>«ХалтӀулел чӀагӀи» («Трудящийся народ») – аварский яз.;</p> <p>«Танг чолпан» («Утренняя звезда») – литературно-худ. журнал, кумыкский яз.</p> <p>Адыгея:</p> <p>«Красне Кубань» («Красная Кубань»)</p> <p>Чечня:</p> <p>«Известия Грозненского отдельного исполнительного Комитета Совета рабочих, красноармейских и трудовых казачьих депутатов»;</p> <p>«Буревестник». Журнал Грозненской организации РСДРП (большевистская);</p> <p>«Терский край» (Частная).</p> <p>Кабарда:</p> <p>«Адыгэ макъ» («Голос адыга»), кабард. яз.</p> <p>Карачай:</p> <p>«Известия Совета народных депутатов Отрадного отдела»</p>
---	---

«Пролеткульт» (1918) – орган Терского областного пролеткульта.	
--	--

Захват власти на Северном Кавказе в сентябре 1918 года белогвардейцами прервал издание большевистской печати, которой были характерны невысокие тиражи, нерегулярность выхода, частая смена логотипов. Утверждения советской исторической науки о ее широком влиянии на горские массы по большей части являются мифами, созданными под идеологическим прессом большевистской партии.

Контрреволюция вела борьбу с большевистским режимом не только вооруженным путем, но и на идеологическом фронте. В этот период в разных регионах края силами подразделений армии Деникина издавались антибольшевистские газеты и листки. Исследователь карачаевской журналистики Ф.А. Магулаева отмечает, что Добровольческая армия на Северном Кавказе развернула широкую агитационно-пропагандистскую деятельность среди местного населения [141: 46]. Координировало эту работу Осведомительное бюро деникинского правительства, переименованное в январе 1919 года в Отдел пропаганды (ОСВАГ). В его штате насчитывалось около десяти тысяч сотрудников [147: 86]. Летом 1919 года отдел издавал на освобожденной от большевиков территории, которая включала Украину, Северный Кавказ, Кубань и Дон, более ста единиц печатных изданий белогвардейского направления [102: 16]. По подсчетам Л.А. Молчанова, на Юге России Добровольческая армия издавала около 150 газет [154: 17]. Однако их комплекты не сохранились. Поэтому нет никакой практической возможности установить точное количество антибольшевистских газет и журналов, всесторонне исследовать этот сегмент северокавказской печати.

Издания, выходящие в регионах, занятых Добровольческой армией, контролировались командованием. Особое внимание уделялось вопросам организации пропагандистской работы среди местного населения. Вся информационная политика на подконтрольной армии Деникина территории

осуществлялась через осведомительное отделение Дипломатического отдела. На заседании Особого совещания при главнокомандующем вооруженными силами Юга России (ВСЮР) 11 декабря 1918 года было признано считать эту сферу одной из важнейших. Для разработки проблем, связанных с развитием агитации и пропаганды, было решено организовать особый комитет при Добровольческой армии под руководством М.М. Федорова, и отделение было переименовано в бюро. Необходимость совершенствования информационной работы и урегулирования отношений с прессой привели в начале 1919 года к реорганизации бюро в отдел пропаганды. Новое подразделение обладало всеми функциями информационно-агитационного учреждения [154: 84]. Отдел сконцентрировал в своих руках все дело по манипулированию общественным мнением на юге России, в частности на Северном Кавказе. В его ведении находились вопросы, касающиеся собирания, переработки и распространения информации как о положении в России, так и за рубежом. Для надежного функционирования системы отделу было передано все имущество бывшего телеграфного агентства на юге России и его заграничной агентуры. ОСВАГу было предоставлено право создания своих печатных органов, издания книжной продукции, устройства типографий. Центральный аппарат отдела сначала находился в Екатеринодаре, затем был переведен в Ростов-на-Дону. О масштабах деятельности ОСВАГа свидетельствуют количество отделений и численность сотрудников руководящего аппарата – 12 и 255. Среди подразделений числились агитационное, инспекторское, информационное, литературное, художественное, особое, комиссия для сбора военно-исторических материалов освободительной войны от большевиков, пресс-бюро, а также региональные отделения [271.1].

Политика командования Добровольческой армии в сфере печати была достаточно либеральной. По крайней мере, редакции были вполне самостоятельны в выборе политической ориентации. Однако, хотя формально свобода печати не была запрещена, деникинское правительство оказывало сильное давление на редакции, заставляя их придерживаться политического направления, соответствующего целям Белого движения. Правительственный отдел пропаганды

выделял финансы и бумагу «только в достаточной мере послушным» [218: 230] изданиям. «Такая политика, – отмечает Л. А. Молчанов, – ставила остальные газеты в крайне невыгодное положение» [154: 20]. В немилости у деникинцев оказались и северокавказские национальные демократические движения, ратовавшие за самоопределение горцев. Соответственно ограничения коснулись и их изданий. А методы борьбы белогвардейцев с противниками мало отличались от большевистских.

Неприятие власти деникинцев горским населением было связано и с политикой навязывания форм управления национальными территориями без учета их особенностей. Методы борьбы белогвардейцев с противниками мало отличались от красноармейских. В годы правления деникинского правительства был жестоко убит один из ярких осетинских политических деятелей и публицистов того времени Георгий Цаголов, который возглавлял партию «Кермен» большевистской ориентации. Он был захвачен в селе Христиановское, где скрывался, будучи больным, и заколот штыками. Также был убит при отступлении из Владикавказа по Военно-грузинской дороге редактор газет «Красное знамя», «Терская правда», «Народная власть» большевик Г. Ильин [66: 148].

Особую группу небольшевистских изданий на территориях, подконтрольных Белой армии, составляли органы местных властей. К такому средству массовой информации можно отнести «Ведомости Грозненского градоначальства» [154: 30]. К сожалению, сведения о подобных изданиях на Северном Кавказе не сохранились. Официальные издания позиционировали себя как беспартийные, стоящие на страже интересов государства и всех слоев общества. На практике же они проводили политику деникинских властей. К этим изданиям примыкали органы местных самоуправлений – земств и городских дум, деятельность которых была восстановлена на территориях, захваченных Белым движением. В национальных регионах Северного Кавказа этот тип газет как система не сложился в дооктябрьский период. При власти деникинского правительства в Грозном возродилась дореволюционная частная газета «Терское эхо» (вероятно, имеется в виду «Терский край» – Л. Т.) либеральной ориентации [154: 31].

Предпринимались шаги для издания антибольшевистских газет и на языках народностей Северного Кавказа. «В истории прессы Карачая период деникинского правления является исключительно значимым, – пишет Ф.А. Магулаева, – поскольку именно в 1919 г. в Екатеринодаре под редакцией офицера Добровольческой армии Хызыра Биджиева вышла первая газета на карачаевском языке» [141: 47]. Называлась она «Карачай». Сама газета не сохранилась, однако Ф.А. Магулаева дала общую характеристику этого уникального издания как антисоветского по сохранившимся рассказам очевидцев. В частности, она ссылается на воспоминания Р.М. Байчоровой, внучатой племянницы карачаевского просветителя Исмаила Акбаева, в семейном архиве которой еще в 1930-е годы хранились разрозненные номера газеты. По утверждению Ф. Магулаевой, «Карачай», рассчитанный на узкий круг духовенства, офицерства и княжеского сословия, не мог оказать влияние на массы карачаевского населения [141: 47-48]. Белогвардейские власти выпускали в Баталпашинске еще одну газету – «Эльбрус», стоявшую «на платформе воссоздания единой России» [102: 16].

В период правления на Кубани деникинского правительства стала выходить газета «Адыге». Издателем выступил отдел пропаганды при ведомстве внутренних дел. «Адыге» ставила целью создание самостоятельного адыго-казацкого Кубанского государства, которое после окончательного разгрома большевизма войдет как автономная единица в Российское федеративное государство. Через три месяца газету стал издавать ОСВАГ. Редактором был назначен князь В.Н. Хаджемуклов. С переходом к новому учредителю сменилась и программа издания: теперь «Адыге» стала поддерживать лозунг Белой армии «За единую и неделимую Россию» [35: 35]. Газета распространялась не только в Адыгее, но и среди родственных адыгам северокавказских этносов, что свидетельствует о ее массовости. В определенной степени это подтверждает и признание одного из ведущих северокавказских большевистских лидеров У. Алиева: «Деникинская агитационная литература при своей бездарности все же сделала свое грязное дело, и, проникнув в горы, оставила в сознании масс густой отвратительный осадок...,

...нужно рассеять ложь, обман и клевету, которыми деникинская пресса отравила мозги трудящихся» [332: 1920, 20 мая].

Исследователь М.Х. Герандоков в своей работе упоминает еще одну белогвардейскую газету – «Кабардинец», выходившую недолго в 1919 году на русском и кабардинском языках в Нальчике [60: 5]. Исполняющим обязанности редактора был назначен М.Е. Хуциев, ответственным за кабардинский отдел Н. Цагов. Сохранился только номер 17 от 22 сентября 1919 г. [159: 63].

Во Владикавказе ОСВАГ наладил хорошо оснащенную типографию, в которой печатались листовки, воззвания к населению Терской области с призывом поддержать Добровольческую армию. Благодаря публикации в 1929 году в «Сборнике научного общества этнографии, языка и литературы при Горском педагогическом институте» Г.К. Мартиросиана, который сам принимал непосредственное участие в организации различных органов печати в Осетии в предреволюционное время и в первые годы советской власти, стали известны названия газет и журналов, выходивших при правительстве Деникина. На средства добровольческой армии издавались «Кавказская газета» и «Кавказ». Терское казачье войско выпускало газету «Терский казак» и журнал «Станичник». В 1919 выходил орган Терского союза учреждений мелкого кредита «Кооперативная мысль», которая придерживалась антибольшевистской ориентации [146: 103]. Дать полноценную характеристику этим изданиям не представляется возможным в силу того, что не сохранились комплекты. Поэтому утверждение историка М. Гуриева о том, что они не могли поднимать на своих страницах ни одной важной темы и не пользовались популярностью как среди пробольшевистски настроенных слоев, так и белогвардейцев [66: 149], на наш взгляд, весьма субъективно. Кроме периодических изданий, по утверждению независимого издания «Вольный горец», деникинскими пропагандистскими службами «десятки тысяч воззваний и прокламаций распространяются по аулам» [308: 1919, 17 ноября].

Однако Белое движение на Северном Кавказе не получило поддержки населения. Лозунг «За Великую, Единую, Неделимую Россию!» отпугивал национальные окраины. Большевики же обещали национальностям право на

самоопределение. Автор антологии «Красное и белое: pro et contra: Русская эмиграция о Гражданской войне 1917–1922 гг.» Петр Николаевич Базанов утверждает, что причина поражения белых заключается не только в том, что русская интеллигенция в 1917-ом была буквально больна социализмом, но и в отсутствии продуманной идеологической работы среди населения. «Многое из того, что мы сегодня понимаем под словом «демократия», – пишет он, – тогда считали социализмом: народовластие, самоуправление, выборные начала. Социализм воспринимали как земное счастье и верили, что с ним в России начнется небывалый экономический и культурный расцвет. У белых и тех, кто их поддерживал, не было возможности показать, что на самом деле с приходом радикальных левых сил к власти ничего хорошего не случится, будет совершенно наоборот...

У белых совсем не была налажена массовая пропаганда, тогда как большевики ею занимались давно и масштабно. Крестьянам обещали землю, рабочим – заводы, всем – мир, свободу, процветание, белым они приписывали такие цели, как восстановление монархической власти, крепостного права. ...У тех не было цензуры, они восстанавливали порядок на отвоеванных территориях» [370: 2019, 8 ноября]. Неэффективность пропаганды ОСВАГа была обусловлена, по мнению одного из руководителей бюро Б. Энгельгардта, еще и тем, что командование Добрармии не решалось четко и ясно объявить свою политическую программу. «Поэтому, – пишет он, – и в пропаганде получались недомолвки и неясности, которые всякий имел возможность толковать по-своему» [218: 219].

Особенно острой критике деникинские власти и жестокие методы покорения края Добровольческой армией подвергала газета «Вольный горец», которую выпускал один из активных деятелей северокавказского революционного движения и яркий осетинский публицист Ахмед Цаликов. Газета увидела свет в Тифлисе из-за невозможности заниматься издательской деятельностью на оккупированном Добровольческой армией Северном Кавказе.

Не имея постоянный источник финансирования (бюджет состоял из частных пожертвований), при отсутствии достаточного редакционного аппарата, «Вольный

горец» выходил регулярно благодаря усилиям издателя и редактора в одном лице Ахмеда Цаликова. При этом имела хорошее оформление, отличалась качественными публикациями, разнообразием жанров. Большинство текстов также принадлежали перу А. Цаликова. Он печатался под псевдонимами «Ах.», «Джамбулат» и другими.

В условиях гражданской войны «Вольный горец» выступал против как деникинского правления, так и большевистского террора. «Идее национальной свободы горцев и предполагает служить «Вольный горец» [308: 1919, 8 сентября], – заявил Ахмед Цаликов и от линии не отступил ни в одном номере. «Возвращены все дореволюционные порядки, – писал он, характеризуя власть Добровольческой армии, – и вершителями судеб горских народов являются ныне жандармские полковники и приставы, казалось уж было сброшенные с общественной сцены в мусорную яму истории» [308: 1919, 8 сентября]. Газета пишет, что «даже те селения, которые в недавнем прошлом возлагали так много надежд на добровольцев, теперь глубоко разочаровались во власти Деникина и тяготятся ее действиями, разоряющими окончательно массу сельчан» [308: 1919, 3 ноября].

Ахмед Цаликов считает, что жестокости Добровольческой армии являются реакцией на развязанную большевиками братоубийственную войну. «...Горский фронт, национальный, демократический, оказался в противоречии с конструкцией советской власти, – утверждает он. – Чтобы уничтожить это противоречие, большевики пытались найти социальные противоречия в горской среде и подвести под свое существование в горском населении социальную базу. Меч гражданской войны был внесен большевиками внутрь каждого народа. В результате – ни национального демократического горского фронта для борьбы с ... контрреволюцией, ни социальной базы. Советская власть рушится от первого легкого толчка деникинской армии, повиснув в воздухе, не поддержанная разложенным большевизмом национальным горским фронтом» [308: 1919, 8 сентября].

«Вольный горец» видит зло и в черносотенном монархизме, и в насильственном насаждении диктатуры пролетариата: «Горцы многократно

заявляли, что они не намерены вмешиваться в борьбу больших сил, что они не хотят участвовать в решении вопроса «Деникин или Ленин», ибо ни то, ни другое решение этого вопроса не может удовлетворить их, пока и та, и другая из воюющих в России сторон питается империалистическими вожделениями на счет горцев» [308: 1919, 3 ноября].

Газета наладила достаточно активную сеть информаторов и корреспондентов в регионах Северного Кавказа, как на территориях, контролируемых Добровольческой армией, так и в зонах, управляемых местными большевиками. Сам Ахмед Целиков ездил в качестве специального корреспондента в восставшие против белогвардейских властей Дагестан и Чечню и передал серию корреспонденций для «Вольного горца». Антиденикинские выступления в регионах Северного Кавказа широко освещались в каждом номере. «Дагестанское движение, фронтом ставшее против добровольцев, не обнаружило никаких признаков желания пойти под большевистскими лозунгами, ориентироваться на Советскую Россию, – сообщала газета. – Ни с большевиками, ни с добровольцами – вот отличительная черта того народного движения, которое пытается кровью купить себе истинную свободу, свое право на жизнь» [308: 1919, 10 ноября].

Газета с сарказмом описывает факты, подчеркивающие неэффективность деятельности деникинских администраций в крае: «Кажется... у добровольцев сидит самый большой большевик, потому что никто столько не делает, чтобы бросить массы в объятия большевиков, как сама Добровольческая армия и ее агенты. Вследствие политики насилия, горская масса, даже та ее часть, которая находится в политически пассивном состоянии, сейчас заряжается брожением против Добрармии и делается готовой восстать против, дабы сбросить ненавистное иго» [308: 1919, 22 сентября].

«Вольный горец» вел полемику с изданиями как подконтрольными ОСВАГУ, так и большевистскими. Например, критиковал «Терский казак» за открытую поддержку разорительных и жестоких военных операций Добровольческой армии в чеченских селениях. «Терский казак» опубликовал обращение командующего войсками Южного региона Северного Кавказа генерал-майора Д.П. Драценко, в

котором содержалась угроза экзекуции в отношении жителей, укрывающих участников отрядов сопротивления. «Предупреждаю, – говорилось в обращении, – что все аулы и сакли, не исполнившие настоящий приказ, понесут суровое наказание» [369: 1919, 1 ноября]. Такая пропаганда настраивала горцев против Добровольческой армии. «Вольный горец» выступил с критикой в адрес издания за эту публикацию. При этом газета А. Цаликова не оставляла без внимания и факты преследования небольшевицкой прессы деникинскими властями. Так, тот же «Терский казак» опубликовал текст протеста от имени Меджелиса (парламента) горцев Северного Кавказа против действий Добровольческой армии в Чечне и Дагестане, представленного Верховному комиссару Антанты полковнику Гескелю. Несмотря на то, что публикация документа сопровождалась серией статей, осуждающих Меджелис, сам факт обнародования текста протеста вызвал бурю недовольства аппарата управления правительства Деникина. В частности, Владикавказская городская управа на своем заседании вынесла уже свой «протест по поводу выступления перед союзниками в Тифлисе самозванных представителей мифической Горской республики и вмешательства в дела Северного Кавказа правительства Грузинской Республики». В заявлении муниципалитета содержался пункт, требующий «протестовать против вредного для края направления газеты «Терский казак» перед Терским войсковым правительством» [308: 1919, 10 ноября]. Признавая право газеты публиковать и комментировать подобные документы, «Вольный горец» дистанцируется от политических пристрастий органа Терского войскового правительства: «...Мы ни с какой стороны не думаем выступать на защиту «Терского казака», ибо с нашей точки зрения провокационное черносотенное знамя этого почтенного органа ни разу не пробовало светлеть цветом справедливости, или хотя бы слегка покрыться пурпурным оттенком гнева против неслыханных насилий, чинимых над мирным населением многострадального края» [308: 1919, 10 ноября].

Северокавказские национальные движения, соответственно и общественные деятели, имели различные политические ориентации. Это отражалось и на прессе. Достаточно часто издания полемизировали друг с другом. Так, владикавказская

газета «Коммунист» раскритиковала «Вольный горец» за публикацию прокламации группы осетинских оппозиционеров с призывом выступить против большевистского ига. Автор Казбек Бутаев упрекал «Вольный горец» уже за то, что именно в эту редакцию оппозиционеры отправили свое обращение. Во-вторых, газете и ее редактору ставится в вину демократическая позиция: «Мы очень хорошо знаем, чем занимался и занимается «Вольный горец» во главе с Ахмедом Цаликовым. Мы знаем, что он призывал горцев к восстанию и провозглашению Горской независимой демократической республики» [333: 1920, № 112]. Публикация «Коммуниста» содержит подлоги, написана в форме доноса: «И меньшевики... оправдали себя. Вместе с провокаторами и деникинцами пошли против горской бедноты». В ответной статье, подписанной именем Джамбулат², опровергаются утверждения большевистской газеты: «Они смеют писать эти слова по поводу «Вольного горца», никогда не изменявшего своей платформе, никогда не устававшего бороться с реакцией справа и слева! Это пишут они, разорившие горскую бедноту, подчинившие ее игу красноармейцев и чрезвычайек! Они, доведшие горские народы до отчаяния!» [308: 1920, 6 сентября].

Довольно разветвленная система антибольшевистской прессы сложилась в Дагестане, куда в период правления белогвардейцев и местных антисоветских движений князя Нух-Бека Тарковского, имамов Нажмуддина Гоцинского, Узун-Хаджи Салтинского, генерала Микаила Халилова переместились руководящие органы Горского правительства, созданного после февральской революции Союзом горцев Кавказа [25: 114]. Отряды Тарковского захватили Темир-Хан-Шуру в сентябре 1918 года. Новые власти вели с большевизмом борьбу не только военными действиями, но и широко поставленной пропагандой. Уже в октябре по распоряжению Н. Тарковского была учреждена газета «Дагестан». Издавал ее Д. Поцхверов на русском и арабском языках. Газета выступала с осуждением октябрьского переворота, поддерживала Горское правительство, открыла рубрику «К борьбе с большевиками». Между тем, в работе Д. Ахмедова и А. Камалова

² Псевдонимом «Джамбулат», по мнению исследователей, принадлежит Ахмеду Цаликову.

публикации в газете оцениваются как крайне тенденциозные и основанные на выдуманных историях [25: 113]. Представляется, что оценка исследователей не менее тенденциозна и не отвечает критериям научной объективности. До марта 1919 года вышло 16 номеров «Дагестана». Вместо нее стал выходить «Вестник Горской республики», который был заявлен как «беспартийное, прогрессивное, демократическое» издание, ставящее цели обслуживать духовные и экономические интересы всех граждан Горской республики, содействовать развитию и углублению их национального самосознания». Редактором стал И. Рувинский. Обращаясь к читателям, газета назвала своими идеалами «братство и солидарность народов, торжество идеи самоопределения малых народов и укрепление их независимости, равноправие, справедливость, мир, господство права, возрождение промышленности и товарообмена». «Свободным словом, как в набат, мы станем будить общественную мысль силой призывов своих, – заявила редакция уже в первом номере. – Мы с высоты газетной кафедры, подобно гласу с минарета, станем призывать сынов гор молитвенно-священно относиться к величайшему из человеческих благ – свободе» [306: 1919, 28 марта].

О тематическом, жанровом разнообразии и широком охвате общественной жизни на полосах газеты свидетельствуют разносторонние рубрики: официальный и литературно-театральный отделы, распоряжения правительства, злоба дня, обзор печати, последние вести, фельетон, торговля, промышленность, техника, кооперация, муниципальные вопросы, рабочая жизнь и другие.

«Вестник Горской республики» позиционировал себя как орган народностей Северного Кавказа и выступал против не только большевистской власти, но и Добровольческой армии. Газета видела будущее края «не в Совдепии» и не в имперской России, а в создании единой и независимой Кавказской конфедерации» [306: 1919, 5 апреля]. Однако эту линию «Вестник» вел не так последовательно, как «Вольный горец» Ахмеда Цаликова. Нужно признать, что Горское правительство в условиях многовластия и хаоса, порожденных Гражданской войной, не контролировало ситуацию в крае. Враждебно к нему относилась не только большевистская власть, требовал его роспуска и А.И. Деникин. Внутри

правительства Республики возникли две малочисленные оппозиционные силы: одна боялась пробелогвардейских сил и предлагала сближение с ними, другая пропагандировала большевистские идеи. Кабинет, возглавляемый к тому времени Пшемахо Коцевым, вынужден был подать в отставку.

Коллизии в руководстве северокавказской конфедерации отразились и на редакционной политике «Вестника». Газета с мая 1919 года стала ориентироваться на проденикинские силы и вскоре стала официальным органом нового правителя Дагестана во главе с генералом Добровольческой армии М.М. Халиловым. Новый ориентир газеты был направлен на белую гвардию, «которая приняла на себя великую задачу излечения России от ужасной болезни – большевизма» [306: 1919, 1 июня].

Свою прессу в Дагестане наладила и Добровольческая армия. В январе 1920 года вышла еженедельная газета «Дагестанские областные ведомости» на русском, кумыкском и аварском языках. Первый номер был отпечатан 5 января под редакцией Ю.А. Роменского в типографии М.-М. Мавраева, возвращенной хозяину еще в сентябре 1918 года правителем Дагестана Н. Тарковским после изгнания советов. В передовой статье редакция заявила, что задача издания разоблачать большевистскую пропаганду, а «временные военные успехи коммунистов ни на йоту не доказывают торжества коммунистической идеи» [320: 1920, 5 января].

ОСВАГ на рубеже 1919-1920 годов издавал на русском, кумыкском и аварском языках еще одну газету – «Возрождение», которая провозгласила большевизм главным врагом Российского государства и свободы. Вышло всего четыре номера с большими перерывами [25: 116].

Антибольшевистской ориентации придерживалась и газета «Русская мысль», выходившая в Порт-Петровске в типографии А.М. Михайлова, экспроприированной после октября 1917 года ВРК Дагестана и возвращенной издателю с приходом в город деникинцев. Издавали ее студенты С. Малышев и А. Иванов. Первый являлся внуком и наследником купца Михайлова, в типографии которого и печаталась «Русская мысль». ОСВАГ оказывало также поддержку

«Вестнику Темир-Хан-Шурина Советов и профсоюзов» (с 21 июля 1919 г. переименован в «Эхо Дагестана»).

Трудно определить однозначно политическое кредо газеты «Свободный Терек», выходившей во Владикавказе в переходный период от белогвардейской власти к советской. По информации Г.К. Мартиросиана, вышло 13 номеров [146: 103]. Нам удалось разыскать в архивах несколько из них. На страницах «Свободного Терка» публикации, пропагандирующие большевизм, соседствуют со статьями, тяготеющими к демократизму. Так, в первом номере издание изложило редакционные принципы, которые далеки от программных тезисов РКП: «...Власть можно создавать лишь на истинно демократических основах, на началах самого широкого народоправства, ...признать за личностью ее неотъемлемые права» [357: 1920, 11 марта]. Газета заявила, что будет добиваться решения рабочего и земельного вопроса безотлагательно, 8-часового рабочего дня, развития профессионального движения, государственного страхования, восстановления и развития промышленности, уделять исключительное внимание просвещению широких масс.

Газета также негативно характеризует Белое движение, отмечая, что «произведенный опыт реставрации на прежних старых основах не дал положительного результата». «По нашему мнению, – пишет газета, – главным фактором крушения и неуспеха дела добрармии является ее отчужденность от народа. Несмотря на все обещания демократических реформ, которые возвещались в призывах ее руководителей, на самом деле очень многое в нашей жизни было отодвинуто назад даже по сравнению с эпохой первого временного правительства» [357: 1920, 11 марта].

Нужно отметить, что публикации либеральных изданий, как правило, выходивших без цензуры, содержат более объективную информацию, что важно для ученых-историков. Между тем эти издания до сих пор остаются вне поля зрения исследователей. Требуется пересмотр оценок многих небольшевистских изданий периода гражданской войны. Предстоит также разыскать их комплекты,

рассекретить архивные материалы. Этот период развития прессы народов Северного Кавказа нуждается в объективном исследовательском подходе.

Например, вряд ли можно согласиться с характеристикой исследователей Д. Ахмедова и А. Камалова антисоветской северокавказской прессы периода Гражданской войны как антипатриотической, реакционной, выражавшей интересы угнетателей горцев [25: 112, 113]. Преимущественно она была ближе к либеральной модели журналистики, придерживалась принципов свободы слова, политического плюрализма. Поднимались на ее страницах и проблемы политического устройства национальных регионов Северного Кавказа. В то же время она формировалась при поддержке Добровольческой армии, что обусловило ее антибольшевистскую политическую ориентацию.

Не было единства и в самом Белом движении. Одно крыло выступало за восстановление власти Временного правительства, другое – монархии. Не все руководители ОСВАГа разделяли политическую ориентацию Деникина. Так, известный ростовский общественный деятель и крупный издатель Н.Е. Парамонов, возглавивший отдел пропаганды с 15 января 1919 года, понимал, что никакие реорганизации не помогут пропагандистской работе, если командование Добровольческой армии не изменит своей политики. Он считал, что лозунг «единой и неделимой России» ограничивает возможности агитационно-информационной деятельности особенно среди северокавказских народностей, и выступил с инициативой проводить более гибкую пропаганду, провозгласить принципы автономии, выборности, социального реформаторства [154: 85]. Но взгляды Парамонова были неприемлемы для командования, и он ушел в отставку. Его преемник, бывший редактор кадетской «Речи» профессор К.Н. Соколов, попытался реформировать отдел пропаганды, но безуспешно. В связи с военными поражениями Деникина и расстройством тыла агитационно-информационная служба деникинского правительства к весне 1920 года перестала функционировать. Надо признать, что широкой популярностью у местного населения белогвардейская пресса тоже не пользовалась. Идеологические службы деникинской армии не всегда учитывали запросы коренного населения края.

Впрочем, это было характерно для всего Белого движения. Как подчеркивают историки журналистики Ю.А. Петрушин, О.С. Шилова, большевики предлагали «народу простые и так необходимые на тот момент лозунги, пообещав мир, землю... В борьбе идей белые значительно проигрывали большевикам» [174: 75-76]. Горцев Северного Кавказа также привлекало обещанное право на самоопределение. «Унижение национальной гордости, – отмечает в своих мемуарах один из белогвардейских идеологов К.В. Сахаров, – проистекало от полной оторванности, отчуждения от народных масс из-за незнания его быта, жизни, запросов...» [182:76].

Идеологические службы вооруженных сил советов и большевистское подполье в крае пытались наладить контрпропаганду. Так, в информации политотдела Южного фронта Красной армии о положении в тылу белогвардейской армии на 18 июля 1919 г. «самым главным носителем духа мобилизованной армии Деникина» называлась «провокационная пресса, старающаяся всеми средствами затемнить сознание солдат» [38: 116]. Политотдел Юго-Западного фронта выпускал газету «Луч правды». К сожалению, издания периода Гражданской войны не сохранились. О направленности содержания «Луча правды» можно судить по обращению Политотдела фронта к солдатам враждебной стороны: «Опозоренные, несчастные бойцы Врангеля! Ищите газету «Луч правды»! Она поможет вам разобраться в проклятом обмане, которым окружила вас свора помещиков и банкиров. Спрашивайте друг друга: читал ли ты газету «Луч правды»? Красные летчики бросают ее вам» [141: 47]. Была предпринята попытка распространить однодневную газету «День Красного Дагестана», датированную 27-м января 1920 года. По заключению А. Ахмедова и А. Камалова, отпечатана она была в Баку. В опубликованном в газете «Воззвании», составленном в духе лозунговой пропаганды большевиков, говорится: «Седьмой уже месяц наши братья – дагестанцы борются с черной реакцией генерала Деникина, который хотел вновь накинуть петлю на шею освобождающегося горского народа» [25: 117]. В газете содержится призыв собрать пожертвования для поддержки дагестанских большевиков.

К сожалению, создать полную картину системы прессы Белого движения на Северном Кавказе не представляется возможным. В эти смутные времена бóльшая часть провинциальных изданий, как антисоветских, так и большевистских, оказалась утерянной навсегда, и мы никогда не узнаем об их содержании, да и об их существовании можем только предполагать по косвенным данным: сообщениям о подписке, помещенным в других средствах массовой информации, полемическим выступлениям, в которых упомянуты статьи из этих изданий, или другим источникам [48: 26] (Таблица 3).

*Таблица 3. Антибольшевистские издания национальных регионов Северного Кавказа (1918–1920 гг.)**

Издания	Издатель
«Вольный горец» (Тифлис, 1919, 6 сентября –1920, 31 декабря)	А. Цаликов
«Карачай» (Екатеринодар, 1919) – карач. яз.	ОСВАГ Добровольческой армии
«Эльбрус» (Баталпашинск, 1919)	ОСВАГ Добровольческой армии
«Терский казак» (Владикавказ, 1919)	Терское казачье войско
«Станичник»», журнал (Владикавказ, 1919)	
«Кавказская газета» (Владикавказ, 1919)	ОСВАГ Добровольческой армии
«Кавказ» (Владикавказ, февраль 1920)	ОСВАГ Добровольческой армии
«Кооперативная мысль» (Владикавказ, 1919)	Терский союз учреждений мелкого кредита
«Терский край» (Грозный, 1919)	Частная
«Ведомости Грозненского градоначальства» (Грозный, 1919)	Городские власти Грозного
«Кабардинец» (Нальчик, 1919)	ОСВАГ Добровольческой армии

«Дагестан» (Темир-Хан-Шуру, 1918–1919) – рус. и араб. яз.	Прав-во князя Н.-Б. Тарковского
«Вестник Горской республики» (Темир-Хан-Шуру, 1919)	Горское правительство (С мая 1919 г. прав-во генерала М. М. Халилова)
«Дагестанские областные ведомости» (Темир-Хан-Шуру, 1920) – рус., кумык., авар. Яз.	ОСВАГ Добровольческой армии
«Возрождение» (Темир-Хан-Шуру, 1919–1920)	ОСВАГ Добровольческой армии
«Русская мысль» (Порт-Петровск, 1919)	Частная (С. Малышев, А. Иванов)
«Вестник Темир-Хан-Шурина Совета и профсоюзов» (1918–1919, с 21 июля 1919 «Эхо Дагестана»)	Совет и профсоюзы Дагестана при поддержке ОСВАГ Добровольческой армии

* Таблица не отражает полной картины системы антибольшевистской печати в период Гражданской войны. Сведения о большей части изданий не сохранились.

Белое движение на Северном Кавказе потерпело поражение. Все антисоветские издания прекратили свое существование. После деникинского правления пришла «... новая власть, и вместе с нею шла кровавая полоса террора мести, и только мести... Это был акт устрашения для будущего» [148: 76].

Редакция «Вольного горца» в преддверии разгрома белого движения Красной армией открыла дискуссию на тему «Горская проблема и текущий момент». Газета предоставила «возможность высказаться на эту тему на своих страницах всем горским политическим деятелям без различия направления и ориентации» [308: 1920, 2 февраля], еще раз демонстрируя демократизм издания. «Вольный горец» довольно скептически оценивал методы управления большевистских властей, восстанавливающихся после изгнания Добровольческой армии, которые, по

мнению редакции, «начнут ломать народную жизнь по-своему и мудрствовать, мало считаясь с особенностями и желаниями народа» [308: 1920, 16 февраля].

Газета А. Цаликова стала единственным выходящим регулярно изданием, продолжающим разоблачать политику большевизма на Северном Кавказе. Первые шаги советов в крае показали, что в новых условиях невозможно будет издавать независимую прессу, как и при белогвардейцах. Газета пишет: «К сожалению, возможности появления «Вольного горца» на свет во Владикавказе или в Темир-Хан-Шуре оказалась совершенной иллюзией. В смысле демократических свобод и, в частности, свободы слова та советская власть, которая ныне утвердилась на Сев[рном] Кавказе, хуже, чем та, которая была до Деникина. При создавшихся условиях всякая попытка к изданию оппозиционного органа на Тереке и в Дагестане должна была бы потерпеть жестокое фиаско. По-прежнему приходится пользоваться гостеприимством социал-демократической Грузии. На Тереке наш голос задушен» [308: 1920, 7 июня].

Эти препятствия не поколебали решимость А. Цаликова продолжить борьбу. «Мы думаем, что теперь больше, чем когда-либо, необходим для горских народов наш свободный голос, – утверждает редактор, – так как растет опасность народного разочарования в великих завоеваниях революции, появляется возможность отвращения ко всему, на чем лежит штамп социалистических устремлений нашей великой эпохи» [308: 1920, 7 июня]. Однако цели, заложенные Февральской революцией, были утоплены в крови октябрьского переворота и гражданской войны. Символично, что «Вольный горец» в последнем номере 31 декабря 1920 года сообщил, что с нового года его заменит газета «Независимый горец» – орган революционно-демократической и социалистической мысли. Но свет он не увидел. 1920-й стал концом независимой российской журналистики.

Выводы

Анализ информационных процессов периода октябрьской революции и Гражданской войны на Северном Кавказе позволяет сделать вывод о том, что основной целью каждого политического режима была ликвидация своего

противника. В то же время большинство горцев не были сторонниками ни Добровольческой армии, ни большевиков, поскольку в крае наиболее популярным требованием было национальное самоопределение.

Большевистская партия придавала важное значение идеологическому обеспечению программы социалистического преобразования национальных окраин страны, формированию единой общности, тотально подчиненной коммунистической идеологии. Однако в 1917-1920-х годах выход периодических изданий в национальных регионах Северного Кавказа характеризовался бессистемностью, нерегулярностью и недолговечностью. Это было вызвано тем, что в многонациональном крае еще не сложилась четкая административно-территориальная структура, народности не имели своей письменности, уровень образования населения был низким, соответственно, не хватало журналистских кадров. Процессы зарождения большевистской прессы в различных национальных регионах Северного Кавказа были схожими.

В рассматриваемый период периодическая печать в крае, за редкими исключениями, преимущественно выходила на русском языке. Между тем эффективность ее воздействия на сознание горцев была низкой из-за того, что подавляющее большинство горцев не только было неграмотным, но и не владело русским языком. Это позволяет не согласиться с утверждениями советских историков о ведущем вкладе большевистской прессы в мобилизацию горских масс в поддержку советской власти. С большой долей вероятности можно утверждать, что не пользовалась популярностью в крае и антибольшевистская журналистика местных национальных движений и Добровольческой армии. В противоборстве с контрреволюцией большевики выстроили пропаганду более изощренно, используя популярный среди горцев лозунг права наций на самоопределение, что во многом стало причиной поражения антисоветских сил.

Изданиям, выходившим в период установления советской власти в крае, были присущи политическая неоднородность, существенные различия в таких важнейших типоформирующих характеристиках, как направление и содержание,

что свидетельствует о незавершенности типологического формирования системы печати Северного Кавказа.

Опыт создания первых северокавказских партийно-советских изданий в условиях установления диктатуры пролетариата военными методами позволил победившей партии в дальнейшем сформировать систему местной печати как важный сегмент большевистского партократического режима. В то же время создание национальной прессы явилось событием большой исторической важности для народов Северного Кавказа и дало толчок развитию в национальных регионах культуры и образования.

ГЛАВА 2. ФОРМИРОВАНИЕ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ СИСТЕМЫ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В КРАЕ

§ 2.1. Восстановление советской власти и создание системы периодической печати в национальных регионах Северного Кавказа

Весной 1920 года местные пробольшевиетские военные отряды при поддержке частей Красной армии вытеснили белогвардейцев с Северного Кавказа. После утверждения советской власти закрытие оппозиционных газет, по утверждению А.А. Антонова-Овсеенко, «приобрело массовый характер, и в дальнейшем закрытие всех небольшевиетских и несоветских изданий шло по нарастающей, причем новая власть не стеснялась в средствах...» [15: 294]. Подавление же небольшевиетской печати в провинции, по его мнению, осуществлялось систематически и масштабно в рамках мер, которые предпринимались большевиками против оппозиции в целом [15: 300]. А на Северном Кавказе, где либеральная пресса и в дооктябрьский период была развита слабо, этот сегмент журналистики, благодаря жесткой ограничительной политике советской власти в сфере свободы слова, практически полностью исчез.

Восстановление советской власти в крае сопровождалось повсеместным открытием большевиетских изданий. Нужно отметить, что ленинская партия на всем протяжении своей деятельности наибольшую активность проявляла именно в этой сфере. Так, уже к концу 1920 года в Терской области и Дагестане выходили 23 газеты: 6 – областных, 7 – уездных и 10 – стенных [55: 37]. Партийно-советские периодические издания стали выходить в Дагестанской АССР и во всех национальных округах, которые вошли в состав Горской республики. Между тем монополия коммуниетической партии на идеологию стала называться подлинной свободой.

В Осетии появились «Известия Временного революционного комитета города Владикавказа» (в мае 1920 года под названием «Коммунист» стали органом

Терского областного бюро и Владикавказского городского комитета РКП(б)), «Кермен» – газета одноименной большевистской организации. Отдел по работе в деревне Терского обкома РКП(б) в 1920 году предпринял издание газеты «Горская беднота», редактором которой стал один из руководителей пролетариата Грозного Н. Гикало. Ее выпуск как органа Северо-Кавказской организации РКП(б) и комиссий ВЦИК Терской области планировался еще в 1918 году. Осуществить проект не удалось из-за вторжения Добровольческой армии. Первый номер датируется 19-м августа 1920 года, в котором редакция заявила, что будет «глашатаем революционной борьбы за освобождение бедноты». Стилистика программной статьи редакции соответствует характерной для той поры лозунговой публицистике, достаточно сумбурной и малограмотной: «Горская беднота» призвана дать осознать классовые интересы обездоленной массы, резче разъединить, угнетенных от угнетателей, открыть беспощадную борьбу против остатков дворянско-княжеских угнетателей бедноты, задушить развитие спекулятивной и ростовщической буржуазии среди горцев, и из мрака сплошного страдания повести горцев в царство труда и братски справедливой жизни» [312: 1920, 19 августа]. Сложно понять, что этим набором слов хотел выразить автор статьи «На новый путь», вероятно, по этой причине он не поставил свою подпись.

Один из активных политических деятелей края Казбек Бутаев отмечал, что газета «вносила в горскую среду классовый момент борьбы на основе научного марксизма и являлась выразителем новых идей в горской среде» и охарактеризовал ее как «первый марксистский орган в горских условиях» [271.3]. Такую оценку, ссылаясь на К. Бутаева, дает газете и один из первых исследователей истории осетинской журналистики М.А. Гуриев [66: 146]. Между тем, большевистские издания стали выходить на Северном Кавказе еще в 1917 году.

В начале 1920 года непродолжительно выходила еженедельная газета «Терская беднота» – орган Чеченского окружного исполнительного Комитета Совета депутатов. Также недолг был век сменившей ее «Трудовой Чечни», вышедшей в ноябре 1920 года как официальное издание того же Совета, издававшейся с периодичностью один раз в неделю и тиражом 1000 экземпляров.

Предназначенная для крестьянского населения Чечни, газета освещала деятельность местных Советов, пропагандировала простейшие виды сельскохозяйственной кооперации, призывала горцев к трудовой активности. В содержании преобладали призывы и лозунги. Учитывая, что основными читателями являлись малограмотные крестьяне, редакция стремилась сделать язык газеты простым, доступным каждому. На «Трудовую Чечню» были возложены задачи: пропагандировать большевистскую национальную политику, вовлекать трудящиеся массы в культурное строительство, разъяснять злободневные, животрепещущие вопросы крестьянской жизни, стать связующим звеном между городом и деревней. Издание много сделало для развития чеченской письменности.

Газета «Советский Юг» от 14 декабря 1920 года сообщает, что начато издание газеты на чеченском языке. Однако автор не обнаружил никаких других источников, которые подтверждали бы информацию «Советского Юга» о выпуске газеты именно на чеченском языке. Вероятно, речь идет об издании Кавказской трудовой армии «Чеченские трудящиеся», логотип которого дублировался на чеченском языке – «Нохчийн хьацархой». На наш взгляд, все-таки имеется в виду газета «Трудовая Чечня».

В Грозном возобновилась родоначальница северокавказской большевистской прессы газета «Известия», которая в 1921 году была переименована в «Красный труд», а в 1922-м – в «Нефтерабочий». В статье «От редакции» газета сообщала своим читателям, что «будет всесторонне освещать общественную, политическую, экономическую, партийную и профсоюзную жизнь» [326: № 7]. Редакционная коллегия просила всех сочувствующих нарождающемуся изданию принять посильное участие в его работе.

Однако в полной мере реализовать эту задачу не представлялось возможным в первые месяцы восстановления советской власти. Журнал «Нефтяная промышленность» подверг резкой критике грозненскую газету за слабое освещение проблем местной нефтепромышленности. Вероятно, автор обзора довольствовался поверхностным просмотром номеров «Красного труда», не вникая, в какой ситуации оказалось грозненское издание в условиях разрухи,

порожденной гражданской войной. Редактор «Красного труда» Иван Катаев ответил автору критического обзора Смоленскому через журнал «Красная печать». Это письмо является свидетельством, которое позволяет охарактеризовать на конкретном примере степень кризиса советской печати в начале 1920-х годов. «Летние и осенние месяцы этого года были месяцами страшного упадка основной грозненской промышленности – нефтяной, – разъясняет сложную ситуацию редактор грозненского издания. – Продовольственное и прочее снабжение из центра прекратилось, местные фонды иссякли. Что же говорить об остальных отраслях грозненской экономической, советской, партийной и прочей жизни, раз ударная промышленность замерла. Все они катились под уклон к оскудению, к развалу.

Известно, что газета должна отражать жизнь. И вот, наш «Красный труд» своеобразно «отразил» жизнь умирающего города: он тяжело захворал и сам чуть не умер. Совершенно не снабжавшиеся сотрудники разбежались. Корреспонденты, не получавшие построчной платы, – замолчали. Бумага кончилась. В общем, «Красный труд» оказался в положении «нормальном» в РСФСР: в редакции – один редактор, он же секретарь, он же репортер, он же выпускающий и т. д и т. д.» [293.42: 8].

Газеты начала 1920-х годов перегружались статьями на общие темы, лозунги стали распространенной формой освещения действительности. Чаще всего они совершенно не отражали реалии. Нельзя сказать, что эти черты местной большевистской печати не замечали профессионалы-газетчики, которых было немало в журналистском сообществе тех лет. «Надо писать статьи на местные темы: не ждите радиовестника, как источника тем для ваших передовых или после передовых, – учил провинциальных журналистов обозреватель «Красной печати» Б. Волин. – Ищите темы – и вы их можете черпать целыми пригоршнями в работах и постановлениях Исполкомов, Парткомов, экономсовещаний, профсоюзов в фактах городской или губернской жизни. Берите более яркие из них, затрагивающие и интересующие всю массу граждан вообще или членов компартии в частности, проанализируйте эти факты». И завершает по сути дела правильные

наставления призывами в духе времени: «Дайте им марксистское, революционное, советское, партийное освещение и сделайте из них необходимые выводы» [293.37: 9].

В апреле 1922 года «Нефтерабочий» провел анкету среди читателей с целью выяснения их мнения о газете, а также выявления недостатков и предложений массового читателя по ее улучшению [347: 1924, 4 мая]. Это позволило редакции скорректировать свою деятельность, учитывая высказанные замечания.

Ситуация с ведущей грозненской газетой стала улучшаться в 1923 году. Журнал «Красная печать» это отметил в своем обзоре: «Самым крупным недостатком «Нефтерабочего», выходявшего во втором после Баку центре нефтяной промышленности в Грозном, был недостаток, лишь отчасти зависевший от редакции: сбитый, совершенно неудобочитаемый шрифт и затем плохая бумага. Эти недочеты губили живую, чисто рабочую, умело ведшуюся и хорошо верставшуюся газету. В настоящее время большую часть газеты стали набирать хорошим, новым шрифтом, что сразу отразилось на внешнем виде и удобочитаемости» [293.31: 6].

Однако в постановлении Юго-Восточного бюро ЦК РКП (б) по итогам проверки Грозненской парторганизации, принятом в январе 1924 года, отмечалось, что в газете «Нефтерабочий» очень мало материала, отражающего партийную жизнь (всего 2-3 % от общего количества), малочисленна рабкоровская сеть и слаба работа с ней [272.2]. В апреле 1924 года для оказания практической помощи газете «Нефтерабочий», улучшения положения с подпиской на издание Юго-Восточное бюро ЦК РКП (б) командировало в Грозный 4-х газетных работников во главе с опытным журналистом, редактором газеты «Трудовой Дон» В.Г. Филовым. В связи с их приездом Грозненский партком объявил месячник печати, в ходе которого прошли мероприятия по вовлечению новых подписчиков, расширению сети рабкоров, улучшению деятельности редакции [144: 72]. Юго-Восточное бюро ЦК РКП (б) рассмотрело итоги работы командированной группы журналистов и приняло специальное постановление, которое предусматривало расширение помощи газете со стороны советских, профсоюзных, кооперативных и

хозяйственных органов г. Грозного, укрепление редакционного коллектива опытными специалистами [347: 1922, 5 апреля].

Издание, переименованное в 1924 году в «Грозненский рабочий», стало одной из самых интересных большевистских газет края. «Грозненский рабочий», несмотря на свои скромные возможности, освещает все участки и уголки местной жизни и строительства» [293.23: 45], – отметил журнал «Красная печать» в 1925 году.

Родоначальницей советской прессы в Кабардино-Балкарии, по утверждению большинства местных историков журналистики, считается «Кавказская коммуна», которую выпускало Нальчикское отделение КавРОСТА в 1920-1921 годах [64: 29]. Между тем, по мнению Д.Н. Ахмедова, она не отвечала всем требованиям периодического издания, так как представляла из себя стенную газету, имела небольшой тираж, печаталась на одной стороне бумажного листа и предназначалась для расклейки и громкой читки. В основном тексты набирались на русском языке, хотя изредка появлялись выпуски на кабардинском [22: 85]. Выходила «Кавказская коммуна» через день, а в последний период своего существования каждый день. Тираж составлял 200-300 экземпляров. Вывешивалась на самых видных местах: на станциях, в школах, в пунктах по ликвидации безграмотности, избах-читальнях [64: 35].

Нужно признать, что «Кавказская коммуна» выпускалась на довольно хорошем уровне. Она выполняла добросовестно роль информатора текущих политических событий, затрагивала важные вопросы местной жизни, имела широкий набор рубрик: «На красных фронтах», «На фронте труда», «По округу», «Местная жизнь», «Международное движение», «За границей». Даже профессиональный орган «Красный журналист» дал стенгазете высокую оценку, отметив, что она по содержанию и оформлению выше многих северокавказских уездных и губернских изданий [294.2: кол. 315]. Однако вряд ли правомерно утверждение Ф.Ш. Ошноковой, что «Кавказская коммуна» стала массовым органом [170: 35]. Стенгазета по своей сути не может быть таковой.

Появление этого типа советской прессы было связано с разрухой, порожденной гражданской войной, дефицитом бумаги и типографского оборудования. В таких условиях работники печати были вынуждены искать альтернативные формы распространения информации. Стенные газеты возникли благодаря энтузиастам-общественникам, творческому подходу журналистов. РОСТА под одним названием «Кавказская коммуна» издавало в 1920 году более 30 печатных стенных газет на 15 языках народов Кавказа, часть из которых печаталась литографским способом из-за отсутствия шрифтов некоторых наречий [294.2: кол. 315].

В этих сложных условиях в Ингушетии, в 1920 году, начинает выходить на русском языке первая собственная газета тоже стенного формата. «Красная Ингушетия» печаталась на одной стороне страницы, а другой, чистой, ее приклеивали к стенам домов, чтобы люди могли читать [12: 113]. Передовая статья первого номера газеты гласила: «Наряду со всеми благами жизни, как один из лучших даров, она (советская власть – Л. А.) дала нам сегодня свободное слово в виде «Красной Ингушетии». Посредством этой газеты мы открыто и свободно можем говорить обо всех своих нуждах, ранах и болезнях» [335: 1920, 29 апреля]. В первом номере газета помещает портрет В.И. Ленина и информацию, которая гласила, что «на ходатайство товарища Орджоникидзе об оказании помощи горцам, пострадавшим от белогвардейских банд, получен ответ от Председателя Совнаркома Ленина следующего содержания: «Объявите горцам, что на ближайшем заседании Совнаркома будет оказана денежная помощь пострадавшим горцам, а пока разрешено выдать им в счет будущих ассигнований 200 млн.».

Тематика материалов «Красной Ингушетии» как партийного органа края была достаточно разнообразна, о чем свидетельствуют постоянные рубрики «Кабарда», «В Советской России», «Волнения в Индии» и др. [12: 114]. В июне газета была переименована в «Ингушскую бедноту» и стала органом Терского отделения КавРОСТА. Сменила стенной формат на обычный. Выходила во Владикавказе на русском языке на двух полосах. «Большая часть передовых и редакционных статей носила идеологически-пропагандистский характер, – пишет

историк ингушской журналистики Л.Р. Амерханова, – в них особо подчеркивалась роль коммунистической партии в улучшении жизни трудящихся, что было типичным явлением для всей партийно-правительственной журналистики страны» [12: 115].

Объективные трудности первых лет советской власти не позволяли поставить выпуск периодики края на должный уровень, утверждает Э.А. Исаев: «Редакционные коллегии были укомплектованы слабыми работниками. Газеты не имели своей типографии. Стиль и язык были слабы, допускались грамматические ошибки, страдало оформление газет» [88: 68].

Как правило, подавляющее большинство органов печати в регионе и в начале 20-х годов выходили на русском языке. Нужно отметить также, что в эти годы газеты и журналы возникали без определенной системы. «Существенным недостатком первых периодических изданий, – отмечает Х. А. Текеева, – были нерегулярность их выхода, неумение использовать богатый местный материал, почти полное отсутствие газетных работников, да и вообще грамотных людей, способных выполнять даже самые мелкие поручения редакции» [191: 18].

Укрепление советской власти после гражданской войны сопровождалось формированием в крае однопартийной национальной периодической печати. Полный контроль над сферой журналистики стали осуществлять отделы и подотделы крайкомов и обкомов партии. «Все звенья этой структуры должны были обеспечить, – подчеркивает Н. М. Тобольцева, – идеологическое подкрепление системы диктата, насилия и террора, проявлений политики военного коммунизма, ставшей явным противоречием декларируемым заявлениям большевиков, обещавшим массам создать свободное общество с равными для всех возможностями. Идея справедливости нашла свое увенчание в деспотии» [195: 21].

Особенностью этого периода развития печати в крае является то, что выходили издания, рассчитанные на все народности Северного Кавказа. С образованием Горской Автономной республики во Владикавказе были учреждены «Горская правда» (официальный областной орган с 19 мая 1921 г.), крестьянская газета «Весенний посев» и др. Совместный орган Терского областного бюро и

Владикавказского комитета РКП(б) «Коммунист» стал республиканским. Стала зарождаться и сеть специализированных изданий: журнал Народного комиссариата по делам просвещения «Горская мысль» (1922), «Бюллетень НКВД Горской республики» (1922), «Вестник потребительских обществ» (1922), «Горский кооператор» (в 1924 г. «Горская кооперация»), «Народное хозяйство» (орган Терского областного совнархоза), «Горская молодежь», «Горский пионер», «Пионерский листок» (изд. КавРОСТА, ред. Г. Астахов), «Творчество» (изд. КавРОСТА, ред. Г. Астахов) [146: 103-104].

Качественные характеристики изданий оставляли желать лучшего. Так, журнал «Горская мысль» сформулировал свои задачи достаточно витиевато: «Широкое ознакомление с горским бытом, с его историей, особенностями. Выявить психологическо-идеологическую душу горца, ее приобретения, данные к дальнейшему развитию, революционные сдвиги... Наряду с указанной работой идет культурно-просветительная деятельность, вопросы просвещения среди горцев» [287.1: 2]. Столь широкий охват проблем – от научных до политико-воспитательных – вряд ли был под силу скромному коллективу редакции. Как следствие, журнал вскоре закрылся и не оставил заметного следа в истории журналистики региона. Такая же участь постигла и литературно-краеведческий журнал Наркомпроса Горской республики «Горский вестник». Он закрылся после двух номеров в связи с упразднением ГАССР. Впрочем, и в тех двух номерах содержатся статьи, представляющие интерес для историков Северного Кавказа, в частности, статья ингушского просветителя З. Мальсагова о создании единой чечено-ингушской письменности [288.1: 35–39].

Журнал «Красная печать» поместил обзор газеты «Горская правда», в котором отметил, что темы публикаций в основном «близки, понятны и интересны местному читателю», но в то же время «...заголовки в большинстве невыразительны, неярки, неударны...». В обзоре указывается и то, что газета в большей степени является «органом Владикавказа, а не Горской Республики». Отрицательную характеристику дает директивный орган и публикациям, в которых в грубой форме критикуются национальные обычаи народов области. Как пример

журнал привел фельетон «Аукцион», в котором в унижительной форме высмеивается обычай давать за невесту калым. «Красная печать» указала на то, что «так потешаться над отвратительным пережитком старых религиозных традиций абсолютно непозволительно» [293.32: 3-4]. Правда, и формулировка самого журнала не менее унижительна, чем оценка «Горской правды».

Правда, издание, претендующее на роль областного директивного органа, и само не всегда отличалось профессионализмом. Это являлось одной из причин немногочисленности аудитории. «Горская правда» не расходуется в городах – их нет, не попадает в деревню, – отмечалось в обзоре «журнала «Журналист». – Вот почему она носит городской характер, так как пока, к сожалению, деревня ее не принимает» [290.12: 59]. Усилия местных большевистских властей тоже не приносили популярности изданию. «Путем долгой и упорной пропаганды, воззваний и собраний удалось повысить тираж газеты с 700 до 1200 экземпляров, – отмечал «Журналист», – и эта цифра, по-видимому, предельная. Ясно, что на таком незначительном тираже благополучие газеты не создается, если бы не другие побочные доходы, которые сделались постоянными и обеспечили дальнейшее существование газеты» [290.19: 47].

Конечно, одной газеты, тем более с таким небольшим тиражом, для обслуживания населения всей республики было недостаточно. «К тому же редакция республиканской газеты «Горская правда» была завалена корреспонденциями и письмами читателей, – пишет М.Б. Каражаева. – Тогда, чтобы как-то разгрузить редакцию газеты, ГорЦИК на заседании вынес решение о создании сельскохозяйственной газеты» [101: 140]. Так, 12 февраля 1922 года в крае появилась еще одна газета «Весенний посев». Журнал «Красная печать» отметил выход нового издания: «В помощь «Горской правде», стонущей от избытка поступающего материала, с недавнего времени начала выходить еженедельная сельская газета «Весенний посев», приравливающаяся к хозяйству горца. Газета попадает на места через агентуру Наркомзема и, судя по распространяемости, оправдывает возложенные на нее надежды» [293.39: 2].

Из-за недостатка финансовых средств в бюджете Горской Автономной республики местные издания прерывались, меняли периодичность, формат. За счет ассигнований, направленных правительством Советской России на укрепление полиграфической базы, в апреле 1923 года улучшилось положение республиканской прессы. Сразу же во Владикавказе стали выходить еще два журнала «Горский коммунист» и «Вестник школьника» [101: 142]. Наладили выпуск изданий и различные организации: «Горская кооперация» – орган Горского отделения потребительских союзов, «Известия Горского института народного образования», «Горский вестник» – орган Северо-Кавказского краеведения. Как подчеркивает М.Б. Каражаева, несмотря на огромные финансовые и материальные трудности, вызванные гражданской войной, в ГАССР была организована система печати, которая «...типологически состояла из партийных, научных, литературно-художественных, молодежных и детских изданий» [101: 145].

К сожалению, сегмент печати Горской АССР, ориентированной на определенную аудиторию, малоисследован. Между тем в данных изданиях содержатся сведения, которые позволяют выявить многие особенности развития края в тот период, в том числе и региональной системы журналистики. Представляет научный интерес опыт выпуска детских изданий: «Пионерский листок», «Горский пионер», «Вестник школьника» и др. Правда, комплекты этих изданий практически не сохранились, но и те номера, которые есть в фондах и архивах, позволяют составить представление об их содержании. Так, «Горский пионер» мало отличается от «взрослых» большевистских изданий: та же лозунговая стилистика, канцелярский язык, невыразительные заголовки, рассуждения о масштабных проблемах, вплоть до победы социализма во всем мире. Вовсе не на детскую психологию рассчитаны фразы: «В работе пионеров есть многие пункты, которые требуют педагогического подхода» [316: 1924, 6 июля], «Иногда ячейки, не уяснив быть может себе всю огромную важность задачи воспитания надежной смены комсомольцам, важность организации всей беспризорной и хулиганствующей детворы в трудовые воспитательные коллективы – отряды юных пионеров, не поддерживают живой связи с таковыми,

и если выделяют для работы и организации отрядов, то в это число попадают часто не лучшие сознательные и политически развитые ребята, а неэнергичные и малоразвитые» [316: 1924, 6 июля]. Письма юных активистов пионерского движения будто написаны секретарями сельских партячеек: «Прошло не много времени, теперь ребята подтянулись, стали лучше. Работа постепенно движется вперед, завели дневник, вообще кое-что нужно сказать, что пищевики много внимания уделяют своему отряду (был создан при союзе пищевиков – Л. Т.), особенно старшие товарищи партийцы: Бриль, Мухин, Цынкобуров, все необходимое доставляют в отряд, и следят за его жизнью» [316: 1924, 6 июля] (В цитатах сохранена орфография оригинала). Заголовки приведенных публикаций навевают скуку: «Ударная задача», «Больше внимания», «Наша жизнь».

В Ростове-на-Дону была создана сеть региональных периодических изданий, рассчитанных на все области Северного Кавказа: газета «Советский Юг» (с 1927 года заменена «Молотом») и журнал «Известия Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б)» – до 1924 г. как органы Юго-Восточного бюро ЦК РКП (б), а с 1925 года, когда был организован Северо-Кавказский край, органы крайкома РКП(б) и крайисполкома. Северокавказский крайком стал также выпускать журнал «Партработник Северного Кавказа». Эти издания преимущественно носили директивный характер: доносили до регионов постановления и решения северокавказских властей, направляли местную печать.

Окончание Гражданской войны и переход страны на мирные рельсы позволили приняться за восстановление и развитие всех сфер общественной жизни и в национальных областях. Это коснулось и прессы. На повестку дня стал вопрос о создании печати на национальных языках. Областная газета «Горская правда» писала, что после установления Советской власти на Северном Кавказе горец «смеет мечтать не только о книге-учебнике, но и о газете на родном языке» [315: 1922, № 225].

Главное препятствие на пути строительства национальной прессы и литературы в крае было связано с письменностью. «Отсутствие собственной письменности в Ингушетии делает весьма трудной культурную работу в этой

области: слабо распространены газеты, ибо не все умеют читать по-русски... русские листовки, объявления, воззвания имеют мало успеха, они проходят мимо сознания населения, они не понятны для большинства населения без толмача» [328: 1920, 1 июля], – писала газета «Ингушская беднота» еще в 1920 году, подчеркивая важность создания печати на языках народностей окраин. В национальной печати появляется такой новый тип издания, как газета для малограмотных, газета-учебник [80: 130].

Такая картина была характерна для всех национальных областей региона. Вот почему первые периодические издания выходили на русском языке, который оставался единственным средством межнационального общения. Вместе с тем, как подчеркивает Х. Текеева, «вопрос национального алфавита оставался актуальным и по соображениям политическим. Нельзя было заявлять о решении национального вопроса, не решив одну из главных проблем – создание письменности ранее бесписьменных народов» [191: 39].

В декабре 1920 года Национальная комиссия Северо-Кавказского крайкома РКП (б) обсудила вопрос о состоянии печати в национальных областях края [64: 43]. По итогам обсуждения были приняты решения оказать материальную помощь для оборудования национальных типографий. К концу восстановительного периода все народности, входившие в Горскую Автономную республику, и большинство национальностей Дагестанской АССР создали печать на родных языках. Местное население с радостью встречало выход национальных периодических изданий.

Во Владикавказе 18 апреля 1920 г. вышел первый номер газеты «Кермен» на осетинском языке (редактор Г. Бараков) [101: 180]. Последний номер вышел 18 декабря 1921 г. Была закрыта из-за материальных трудностей. До 1923 года издания на осетинском языке не выходили. При этом именно в Осетии впервые на Северном Кавказе зародилась пресса, еще в XIX веке была создана национальная письменность, появилась литература на родном языке, здесь существовала довольно представительная прослойка просветителей и публицистов.

Возродить национальную печать удалось только 14 марта 1923 года, когда увидела свет газета «Растдзинад» («Правда»). В своих воспоминаниях один из осетинских активистов К. Бадоев пишет: «Появление газеты... на осетинском языке ...было настоящим событием. В этот день, помню, я поездом возвращался из города домой. С собой вез, как драгоценность, экземпляр первого номера газеты, который еще пах типографской краской. В вагоне отыскал несколько человек-односельчан и с гордостью читал им газету. Сколько радости было на лицах у моих слушателей, сколько благодарности посылали тому, кто постарался выпустить газету на их родном языке» [29: 34]. Между тем на практике процесс создания осетинской газеты, как и во всех национальных районах края, протекал сложно. Именно это обстоятельство подчеркивает журнал «Красная печать»: «До осени 1925 года газета «Растдзинад» составлялась только на иронском диалекте, *который, по* постановлению конференции работников просвещения, должен стать литературным языком Осетии. Между тем одна треть *населения* Северной Осетии говорит на другом диалекте – дигорском. Дигорское крестьянство мало понимало, а иногда совсем не понимало статьи и информацию на иронском диалекте. В последнее время редакция решила помещать в газете также статьи на дигорском наречии» [293.16: 42]. Характерной особенностью «Растдзинад» было то, что она имела читателей и за рубежом в лице осетинской диаспоры в ряде стран Европы и Америки. Так, из полуторатысячного тиража 100 экземпляров выписывали осетины-эмигранты [293.16: 42].

В Дагестане после восстановления Советской власти начали издаваться различные бюллетени. Первым 29 марта 1920 года в Темир-Хан-Шуре вышел «Бюллетень Революционного совета обороны» [22: 34], в июне его заменил «Красный Дагестан». Подобный бюллетень стал выпускать Порт-Петровский ВРК. Уровень изданий был невысокий, сказывались материальные трудности, отсутствие подготовленных кадров журналистики, и в этом контексте утверждения о том, что газеты были массовыми и пользовались широкой популярностью среди горского населения, вызывают сомнение. Опровергает тезис популярности «Красного Дагестана» и обзор журнала «Журналист»: «Тираж газеты – 1000

экземпляров. Из них львиную долю забирают воинские части и советские учреждения» [290.1: 67]. Правда, критика не всегда была оправданной. Так, «Красная печать» тоже дала негативную оценку дагестанской газете только за то, что в передовой статье были использованы слова Наполеона о деньгах. Вместе с тем директивный орган совершенно справедливо указывает на недопустимость в публикациях таких фраз, как «в этом была ошибка белого культурного человека, решившего, что долгая жизнь и понесенные труды сгладили грань между ним, культурным человеком, и дикарями Дагестана» [293.21: 5].

В июне 1920 года на первом съезде представителей окружных, городских и участковых ревкомов Дагестана рассматривался вопрос о печати. Съезд отметил, «что главным оружием в борьбе с провокацией и темнотой горцев является печатное слово» и указал на необходимость «издавать газету и литературу на нескольких местных языках» [45: 174]. Вопросы развития прессы стали предметом обсуждения Дагестанского областного бюро РКП(б) 27 июня 1920 года, которое указало на «печальное положение», создавшееся в сфере печати: слабость полиграфической базы, отсутствие журналистских и типографских кадров. Особенно в плачевном состоянии находилась печать на языках дагестанских народов. Было принято решение «командировать работника в Баку для приобретения полиграфического оборудования и материалов» [339: 1920, 30 июня].

Ситуация стала выправляться. С помощью журналистов и полиграфистов Азербайджана в Дагестане, в городе Темир-Хан-Шуре, была создана типографская база с арабским шрифтом. Появились первые после окончательного установления советской власти газеты на национальных языках: «Ал байрак» («Красное знамя») – на кумыкском, «Баараб байрах» («Красное знамя») – на аварском, «Мискин халк» («Беднота») – на лакском, «Шура Дагестан» («Советский Дагестан») – на тюркском [22: 34]. Все они были органами Дагестанского РВК и, конечно, проводили в жизнь его установки. «По своему уровню и содержанию эти газеты были очень слабы, – отмечает Д.Н. Ахмедов, – что объяснялось отсталостью Дагестана в культурном развитии, отсутствием квалифицированных кадров журналистики, слабостью

полиграфической техники» [22: 35]. Он также указывает на примитивную верстку, упрощенный язык, призывный агитационный тон публикаций. Вместе с тем они сыграли определенную роль в становлении дагестанской национальной журналистики. Вокруг редакций складывался актив, из которого впоследствии выросли талантливые журналисты и литераторы, пишущие на родных языках.

Журнал «Красная печать» отметил также, что дагестанские издания значительно улучшились: «Красный Дагестан», одним из главнейших недочетов которого было помещение плохо отредактированных статей и слабый контроль над печатаемыми сообщениями, излечился от этого недуга. Газета редактируется достаточно опытным журналистом, смогшим преобразовать ее, приблизив к массам, уделив больше внимания рабочей жизни и, что самое важное, – жизни горцев Дагестана, и, что следует отметить отдельно, экономической жизни края. Хорошо иллюстрированный № 30 «Красного Дагестана» выделяется прекрасным отделом «В горах Дагестана», посвященным описанию быта горцев, горных богатств и земледелию Дагестанской Республики. Жизнь края освещается довольно широко: помещаются корреспонденции из Буйнакск (б. Темир-Хан-Шура), Дербента; надо надеяться, что редакция еще ближе свяжется и с горными округами: Гунибом, Хунзахом, Ботлихом» [293.31: 6].

В это же время на арене общественной жизни области появились две газеты на русском языке: «Советский Дагестан» – орган областного бюро РКП(б) и Дагестанского ревкома и «Порт-Петровский пролетарий» – орган городского комитета партии, Дагревкома и Дагсовпрофа [22: 35]. «Советский Дагестан» редактировал талантливый журналист С.И. Габиев с дореволюционным опытом издания газет. Благодаря ему газета выпускалась на довольно высоком профессиональном уровне. Областной комитет партии дал указание национальным газетам как можно шире использовать газету «Советский Дагестан» для перевода и публикации важных материалов [22: 38].

В национальных районах для достижения манипуляционных целей пропаганду необходимо было вести на родных языках. Это понимали и местные большевистские лидеры. Пленум Дагестанского областного комитета РКП(б) от 1

марта 1922 года постановил: «Учитывая потребности обслуживания печатным словом трудового населения Дагреспублики, признать необходимым издание для всей области одной общеполитической ежедневной газеты <...> Для обслуживания же нерусской части населения области необходимо издавать газеты на аварском, кумыкском и тюркском языках, причем первые две газеты должны выпускаться не менее двух раз в неделю и печататься типографским путем в гор. Буйнакске, а третья – в гор. Махачкале» [280.1]. Несмотря на экономические трудности, были изысканы средства на выпуск уже в 1922 году газет «Баарал мугрул» («Красные горы») на аварском, «Елдаш» («Товарищ») на кумыкском, «Таврхан Дагестан» («Свободный Дагестан») на тюркском языках. А в мае 1923 года были организованы два журнала: партийный – под названием «Звезда» и орган Наркомпроса «Маариф юлы» («Путь просвещения») на тюркском языке.

Названия газет часто менялись. Кумыкскую переименовали в «Дагестан фукараси» (Дагестанская беднота), лакскую – в «Зузи халк» (Трудовой народ). Появились комсомольские газеты на аварском, кумыкском и даргинском языках под общим названием «Молодой дагестанец». В Кизляре открылась газета на русском языке «Советская власть». Областной комитет партии наладил выпуск журнала «Известия ДК РКП(б)» [22: 36]. Очень кстати оказалась материальная помощь центра, которая была оказана по личному распоряжению В. И. Ленина после беседы с делегацией из Дагестана 21 февраля 1921 года.

Важное значение имел выход в свет даргинской газеты «Дагькстан мухтарият» («Автономный Дагестан»). «Создание газеты на даргинском языке стало выдающимся явлением в жизни даргинцев, – подчеркивает исследователь Г.А. Магомедов. – Оно ознаменовало новый этап в развитии одного из крупных народов республики и очередной этап в становлении системы периодической печати Дагестана. Первые даргинские газеты сумели подготовить национального читателя и создали базу для дальнейшего роста печати» [137: 140]. После перерыва, вызванного экономическим кризисом в стране, возобновилась в 1925 году как «Дарган» («Даргинец»).

Трудности, возникавшие на пути строительства национальной печати, отмечает историк местной прессы М.Ш. Гусейнова: «Отсутствие опытных журналистских кадров несомненно сказывалось на содержании, проблематике и литературном уровне первых лакских газет. Нередко редактор газеты выполнял работу переводчика, корреспондента. Плохо было поставлено дело и с доставкой газет» [69: 45].

Негативно на развитии печатного дела отразился экономический кризис, начавшийся в 1922 году. «Советский Дагестан» и «Порт-Петровский пролетарий» были слиты в одну газету «Красный Дагестан» – орган областных комитетов РКП(б) и ЦИК ДАССР, Дагсовпрофа. Перестали выходить издания на национальных языках. Однако судьба большевистской власти зависела от поддержки широких масс, которую невозможно было получить из-за неэффективной практической деятельности государственных учреждений. Без тотальной пропаганды обойтись нельзя было. На этот случай у большевизма всегда в запасе был метод манипулирования массовым сознанием: выдавать за достижения свои неудачи. «Деятельность масс медиа четко регламентировалась с позиций партийности и идеологии, – выделяет эту особенность новых властей исследователь Е.Г. Ткаченко, – государство владело СМИ, которые с властью фактически слились, растворились во властных институциях и стали главнейшим инструментом утверждения диктатуры пролетариата <...>» [193: 84].

В системе журналистики Дагестана в 1923 году появился новый тип издания – окружная газета. Первой была «ЗахІматчи» («Труженник») – орган Лакского окружкома партии и окрисполкома. Следом стали выходить «Маарулав» («Горец») в Гунибе, «Самур фуккараси» («Самурская беднота») в селе Ахты, «Голос Табасарана» (на русском языке) в Маджалисе и в Кизляре «Кизляр – Каспий» тоже на русском [22: 39]. Из-за отсутствия своей письменности некоторые народности Дагестана не имели газет на родном языке вплоть до конца 30-х годов. К ним относились лезгины, таты, ногайцы.

В начале 20-х годов были разработаны чеченский алфавит на основе арабской графики и ингушский – на основе латиницы. Это позволило организовать и

национальную печать. 1 мая 1923 года вышла газета на ингушском языке «Сердало» («Свет») – орган Ингушского окружного комитета РКП(б) и окрисполкома. «Сердало» печаталась во Владикавказе в типографии Наркомнаца Горской республики. Тираж первого номера составил 500 экземпляров. В редакционную коллегию вошли: Заурбек Мальсагов – редактор, Абдул-Гамид Гойгов и Берт Котиев [12: 128].

После образования Ингушской автономной области оргбюро обкома партии 7 августа 1924 года приняло специальное постановление по «Сердало», в котором признавалось необходимым улучшить регулярность выхода газеты, сделать ее более популярной [279.23]. Через неделю, 15 августа, бюро снова рассмотрело вопрос постановки издания на ингушском языке и указало: «Газета должна быть популярной и обслуживать крестьянское население» [279.24]. На основе этого решения в газете были созданы отделы: информационный, экономический (сельскохозяйственный, торговый, культурный), партийной жизни, бытовой, юридический.

Как отмечает Л.Р. Амерханова, в течение нескольких лет газета «Сердало» имела одну дублированную полосу на русском языке. Это было вызвано тем, что уже сформировалась значительная часть аудитории, владевшая русским [12: 129]. На страницах издания поднимались все вопросы развития области. Но в первую очередь газета была рупором областной большевистской организации, проводником коммунистической идеологии в массы. «Тематика статей газеты «Сердало», – пишет Л.Р. Амерханова, – прямо зависела от решений съездов, от постановлений ЦК и других партийных кампаний и документов...» [12: 136].

В 1923 году по решению Чеченского оргбюро РКП(б) была основана газета «Советская автономная Чечня», которая сыграла большую роль в культурном развитии области, заложила фундамент для создания газеты на чеченском языке. Это произошло 18 марта 1925 года. В день годовщины Парижской коммуны в Грозном вышла в свет чеченская газета «Серло» («Свет») [136: 13]. До того дня все попытки выпустить печатный периодический орган на чеченском языке не увенчались успехом. При подготовке первого номера еще не было своего

редакционного аппарата. Его выпустили работники обкома партии, журналисты газеты «Грозненский рабочий», бывшие сотрудники «Советской автономной Чечни». Фактически редактором газеты на чеченском языке в первое время был русский С. Федоров, работавший раньше в национальной газете в Кабардино-Балкарской области. Естественно, он не владел чеченским языком и, тем более – чеченской письменностью. «Следовательно, – отмечалось в журнале «Красная печать», – он составляет газету на русском языке. Найти, однако, чеченца, который владел бы русским языком настолько, чтобы он мог читать и переводить на чеченский, и чтобы он был настолько грамотен по-чеченски, чтобы перевод изобразить по-чеченски, – весьма трудная задача» [293.17: 31-32]

Редактором «Серло» был назначен один из первых чеченских писателей С. Арсанов. Впоследствии газету редактировали А. Саламов, М. Гисаев, Х. Мехтиев. «Серло» своей типографии на первых порах не имела и печаталась литографским способом в типографии объединения «Грознефть» [134: 16].

Журнал «Красная печать», подчеркивая трудности развития прессы на чеченском языке, писал, что «<...> за неимением шрифта газету пришлось писать от руки, а затем размножать на литографском камне» [293.25: 53]. Хотя уже была разработана чеченская письменность на латинской основе, «Серло» в первое время набиралась арабским шрифтом. Но уже в конце 1925 года газета стала печатать частично материалы латинским шрифтом, а вскоре полностью перешла на латынь.

В обращении Чеченского оргбюро РКП(б) и обкома комсомола, в связи с выходом первой чеченской газеты, говорилось, что «Серло» станет «коллективным организатором трудовых масс Чечни» [360: 1925, № 2]. «Серло» имела рубрики: «Что нам пишут из аула», «Старый и новый быт», «Жизнь партии и комсомола», «Ответы селькорам», «Грозный и Чечня», «Уголок женщин».

Вот как вспоминает о трудностях начального периода чеченского издания одна из первых журналисток-чеченок Зина Чуликова: «С мая месяца 1925 года до конца 1927 года я работала в чеченской газете «Серло» в должности литературного сотрудника.

Вначале газета издавалась еженедельно на чеченском (на основе арабской графики) и русском языках в г. Махачкала (в типографии Грозного не было арабского шрифта), тиражом 500 экземпляров.

В мои обязанности входило переводить весь материал для выпуска с русского на чеченский язык. Со мной работали три арабиста.

Позже, когда ввели латинский шрифт, к моим обязанностям прибавилась работа по переводу содержания газеты на русский язык. Это было необходимо для цензуры.

В нашу газету регулярно писали инструктор женотдела обкома партии Омарова Заидат о работе среди женщин-горянок, а также Исаева Марьям – зав. политпросветом при Чеченском облОНО о работе изб-читален, о ходе ликвидации неграмотности среди населения» [283].

«Серло» на первых порах испытывала недостаток средств. Со стороны обкома партии и советских органов финансовой поддержки практически не было. Редакция находила средства сама: «газета имела своих «филантропов», помогающих систематически, ...устраивала благотворительные вечера для покрытия дефицита» [293.17: 31]. Появление газеты на родном языке было встречено общественностью с одобрением. Так, в «Серло» сообщалось, что «наиболее активные, передовые товарищи из чеченцев тотчас же принялись за организацию общественной поддержки газеты. По их почину начали поступать единовременные взносы на развитие дела; бойко шла также подписка. Всего поступило за день взносов добровольных 56 рублей 60 коп» [359: 1925, № 2]. На страницах газеты печатались под рубрикой «Кто следующий?» статьи и призывы об оказании денежной помощи печатному органу. Тут же газета благодарила всех, кто помогал ей.

В первом же номере было напечатано обращение, где говорилось: «В руках аульского работника, преданного интересам трудовой Чечни, газета явится могучим оружием в деле борьбы с темнотой, невежеством и культурному процветанию нашего края. Ввиду поголовной неграмотности трудового сельского населения газета в аулах должна читаться вслух. Таким образом, чеченские

широкие массы будут вовлечены в круг важнейших вопросов современности, поднимутся до уровня понимания очередных задач социально-культурного строительства советской власти и получат возможность сознательно участвовать в этом строительстве. При этом лучшие, наиболее передовые слои чеченского населения, могут вполне выявить себя на газетной работе и создать в аулах культурные очаги, опираясь на избу-читальню и школу.

Поэтому ячейкам нужно проводить регулярную читку газеты вслух на своих собраниях, в избах-читальнях, в школах, используя для этого грамотных товарищей. При этом после чтения обязательно проводить беседы на темы, затронутые газетой.

...Кроме того, нужно выискивать из своей среды специальных корреспондентов и писать обо всем происходящем в аульской жизни, что может иметь общий интерес: о партийной, советской, хозяйственной работе, о кооперации, о быте чеченцев, о всех затруднениях и запросах хлеборобов, о земле, о хозяйстве, словом, обо всем, что волнует аульского жителя.

Задавайте вопросы, на них вы получите через газету самые обстоятельные и исчерпывающие ответы. Только таким путем, когда к газете будет привлечено внимание всей общественности Чечни, она сможет завоевать интерес широких трудящихся масс чеченского аула и оправдать возложенные на нее надежды» [359: 1925, № 1].

Правда, радужная картина, нарисованная газетой, мало соответствовала реалиям того времени. Но на ее страницах публиковались письма жителей области, даже из отдаленных горных аулов, с выражением благодарности за родную газету, хотя владеющих чеченской письменностью среди населения области еще не было.

«Серло», конечно, стала вносить свой вклад в развитие области, в приобщение горцев к просвещению. Однако вряд ли соответствуют действительности утверждения, что газета проникала в самые отдаленные уголки Чечни, несла свет и знания всей горской массе. Небольшой тираж не соответствовал массовой газете. В первые годы качество материалов было невысоким. Редко появлялись на газетных полосах очерки и фельетоны, бедна была

тематика материалов: чуть ли не вся газета заполнялась заметками и статьями на темы развития деревни и ликвидации неграмотности, которые, в основном, носили информационный характер. Эти недостатки отметил краевой журнал «Революция и горец» в обзоре, посвященном газете «Серло». Краевой орган указал на то, что «Серло» страдает наличием большого количества общих материалов. Из семи передовых статей, взятых в чеченской газете, только в двух говорилось о Чечне [297.2: 51].

В ингушской газете также отводилось много места выступлениям общеполитического содержания. «Сердало» порой злоупотребляет длинными и написанными сложным языком статьями, отмечает журнал «Красная печать» [293.26: 49]. Так, в передовице «Национальная политика и советское правительство» встречаются фразы, совершенно пустые по содержанию, не рассчитанные на восприятие горцами-крестьянами: «Равенство по Марксу может быть достигнуто при первенстве права. Отсталая Ингушетия должна пользоваться большой заботой, ее культурные и экономические нужды требуют к себе больше внимания, чем такие же вопросы в центральной России... Национализация госаппарата, преследуя цель приближения органов управления к населению, не должна ухудшить качественное состояние учреждения; а крутой поворот в этом отношении, при отсутствии подготовленных работников, часто к тому ведет» [358: 1925, № 47]. Вряд ли могли читатели «Сердало» узреть что-то в этом наборе слов.

Тексты региональных изданий изобиловали довольно безграмотными словесными конструкциями, с использованием повторов, вероятно, с целью преподнести довольно банальные мысли как нечто оригинальное. Также им были характерны чрезмерное употребление политических клише, язык лозунгов, примитивные слоганы. Так, владикавказская газета «Власть труда» поместила статью о том, как провели студенты вузов летние каникулы. Тема благодатная, предполагает описание интересных эпизодов из студенческого лета, образный живой язык. Однако уже заголовок «Некоторые итоги» представляет из себя классический канцеляризм. Не лучше и текст, который начинается с примитивной грамматической ошибки: «Приезжее студенчество центральный ВУЗов Союза

начинает подводить итоги проделанной культурной работы за время каникулярных месяцев». Второй абзац вообще представляет из себя абракадабру: «Не лишнее будет еще раз подчеркнуть, что мы еще имеем разношерстное студенчество, которое не полностью опролетаризировалось, и которому необходима твердая революционная закалка. Также эту закалку нужно иметь и всем пролетарским студентам, ибо как ни как, стены Вуза за 3-4 года пребывания в нем тоже способны идеологически отравлять менее стойких товарищей» [307: 1924, 6 сентября].

Такая картина была характерна для национальных изданий во всех регионах края. «...В большинстве своем публикации носили декларативный характер, страницы газет и журналов были заполнены сводками, официальными документами, журналисты плохо учитывали запросы и особенности своей аудитории, – отмечает историк прессы юга России Т.Ф. Капитан. – Здесь не было определенной продуманности проблематики, знания процессов, происходивших в хозяйственной жизни» [98: 28]. Отмечает эту же особенность молодой журналист лакской прессы М.Ш. Гусейнова: «Материалы газеты знакомили читателей с событиями, происходившими не только в Дагестане, но и в стране. Так, например, в ней напечатаны сообщения из Армавира, Казани, Баку, Петрограда. Под рубрикой «За рубежом» регулярно даются сообщения из Персии, Ирана, Турции. Но в то же время в них мало материалов, освещающих события, происходящие в самом Лакском округе. Это объяснялось тем, что на местах не хватало грамотных, подготовленных к журналистской работе людей» [69: 45].

Краевые и местные издания на русском языке помогали редакциям национальных газет устранить указанные недостатки. Так, в Чечне важную роль в этом отношении играла газета «Грозненский рабочий», которая была одной из лучших на Северном Кавказе. Она внесла свой вклад в развитие Чечено-Ингушетии. Рабкор «Грозненского рабочего» 1920-х годов А. Лимончик писал, что газета «была действительно руководителем масс во всех отношениях: в культурном, профессиональном, производственном и бытовом» [317: 1925, 27 мая]. Газета имела большую читательскую аудиторию. Ее выступления отличались актуальностью и оперативностью. В начале 20-х годов газету редактировали поэт

П. Анчарский, известный советский писатель И. Катаев, М. Пасынюк (впоследствии работал в государственном издательстве в Москве). Сотрудниками редакции были публицисты З. Путилов, Г. Этингоф, Ю. Катаев, Д. Збруев. Большую помощь журналистам «Грозненского рабочего» в улучшении качества выступлений газеты оказывали обзоры, рекомендации, советы центральных изданий для работников печати.

Первые периодические издания в районах проживания карачаевцев, черкесов, абазинов возникли на русском языке из-за отсутствия национальных письменностей. В апреле 1920 года в станице Баталпашинской Кубанского края был возобновлен выпуск карачайской большевистской прессы. Органом местного ревкома стала газета «Красные горы Кубани». Издание в определенной степени выполняло функцию информирования местного населения о событиях в регионе, но ведущее место на ее страницах занимала пропаганда советской власти. В основном она велась общими призывами, которые В.И. Ленин справедливо назвал «политической трескотней». Вот как газета агитировала за большевистский режим: «Вам, первым пионерам коммунизма, суждено проделать большую работу полного освобождения гор и строительства в них советской власти. Вам суждено заложить фундамент для развития коммунистических идей в горской среде» [338: 1920, 5 мая]. В другом номере редакция ставит задачу более масштабную – облагодетельствовать целый мир: «Коммунизм рождается в муках голода и нужды. Он побеждает в потоках рабочего пота. Он восторжествует на счастье всего человечества» [338: 1920, 23 мая].

С 6 июня 1920 г. с подзаголовком «Орган Баталпашинского отдельского комитета РКП(б) и отдельского ревкома» вышла в свет газета «Баталпашинская правда». Организатором и первым редактором ее стал А.Д. Метелев, хорошо знакомый с жизнью и бытом горских народов, убежденный большевик, возглавлявший Баталпашинский комитет РКП(б) с момента его образования в мае 1920 года. В газете сотрудничали члены местного парткома И.П. Пузырев, М.Ф. Макеева, Ф.И. Шматченко.

В «Баталпашинской правде» выходили рубрики «Партийная жизнь», «По России», «За границей», «Профсоюзная жизнь», «Хроника», «Официальный отдел». Главной задачей издания, озвученной в передовой статье первого номера, являлась борьба за упрочение советской власти и последовательное проведение социалистических преобразований: «Своей газетой мы будем нести в жизнь трудящихся масс истинную революционную правду, будем нести свет, будем отвечать на все вопросы, которые волнуют казаков, крестьян, горцев и рабочих, мы будем рассказывать им об истинных задачах советской власти и Коммунистической партии и, наконец, мы будем на страницах «Баталпашинской правды» помогать трудящимся разбираться во всех многочисленных задачах, которые сейчас выдвинула жизнь» [305: 1920, 6 июня].

Газета из-за отсутствия средств часто прекращала выход, в октябре была переименована в «Красные горы» [141: 48]. Всего за 1920 год вышло 62 номера. Развитие печатной агитации затруднялось политической и экономической нестабильностью, а также поголовной неграмотностью населения, составлявшей в Карачае по переписи 1920 г. 93,3% [33: 42].

Процесс формирования национальной печати протекал в очень тяжелых и сложных условиях. Установление Советской власти сопровождалось разрухой, интервенцией, трудностями организации государственного и хозяйственного управления, в большинстве своем вызванными политикой самой большевистской партии. Появление новых периодических изданий часто было бессистемным, а выход их нерегулярным, что приводило к дублированию газет и журналов. Возникали трудности координации различных изданий, несмотря на то, что все они являлись органами одной партии. Например, в распределении бумаги и полиграфических средств, в которых ощущался острый недостаток в первые годы Советской власти. Распылялись и без того немногочисленные силы кадров журналистики.

Это было причиной того, что национальные газеты выходили крайне нерегулярно. Большевистское руководство вынуждено было признать, что деятельность по формированию системы прессы не эффективна. В 1921 году на

совещании секретарей обкомов, оббюро и губкомов РКП(б) было предложено провести «максимальное сокращение государственной сети газет и реорганизацию провинциальной прессы, согласно общего всероссийского плана» [265: 76].

Все эти факторы явились причиной кризиса партийно-советской печати в начале двадцатых годов, который был отмечен и на XI съезде большевистской партии (март – апрель 1922 г.). Резко сократилось количество газет, уменьшился тираж изданий. Объяснялось это переводом всей советской прессы на хозрасчет в условиях новой экономической политики. Особенно сильно отразился кризис печати на национальной прессе. Если в начале 1922 года по всей стране издавалось 108 газет на национальных языках, то на 1 июня их осталось только 23 [214: 31]. В резолюции съезда «О печати и пропаганде» отмечалась необходимость организации «газет и вообще литературы для национальных меньшинств и в особенности на тюркских языках» [242: 524–525]. Одним из условий преодоления кризиса было признано развитие дифференциации изданий.

Северо-Кавказский краевой комитет РКП (б) использовал различные формы финансового обеспечения изданий. Нужно сказать, что подход краевого партийного руководства в начале 1920-х годов был экономически обоснованным. Так, 20 февраля 1925 г. бюро комитета рассмотрело вопрос «О состоянии периодической печати в связи с совещанием редакторов», на котором было принято решение: «В тех случаях, когда дефицит газет покрывается Исполкомом или они получают дотацию из местных бюджетов, все официальные распоряжения Исполкомов публикуются бесплатно, если же дотациями газета не пользуется, считать необходимым введение платности на все помещаемые в газете объявления, распоряжения и постановления Исполкомов и других органов» [274.2]. Однако полностью снять вопросы финансирования местных изданий этими разовыми акциями было невозможно.

На наличие серьезных проблем, с которыми сталкивается национальная печать, в частности, северокавказская, обращали внимание в руководстве страны и партии. В докладной записке Управления периодической печати Главполитпросвета (май 1922 г.) указывалось: «На местах нет хорошо

оборудованных типографий с национальными шрифтами, нет знающих местные языки и местные национальные особенности хороших газетных работников. Нет материальных и технических средств для издания хороших газет» [23: 56–57].

Реализовывать в такой ситуации директивы партии было сложно, а порой и невозможно. «Пресса не смогла перестроиться в новых условиях, – отмечает исследователь журналистики Дона и Северного Кавказа Т.Ф. Капитан. – После продолжительной гражданской войны сказались и материальные трудности, не позволившие заняться подготовкой кадров и улучшением полиграфической и технической базы. В этих обстоятельствах перевод печати на хозрасчет и самоокупаемость для многих изданий оказался губительным. Во второй половине 1922 года советская печать оказалась в состоянии кризиса. Особенно тяжелое положение создалось в местной и национальной печати. В результате кризиса не только уезды, но и многие губернии и области остались без своих изданий... К примеру, в Дагестане полностью прекратился выпуск периодических изданий на местных языках, на всю республику осталась одна газета «Красный Дагестан», выходившая на русском языке в Махачкале» [98: 28].

В 1921 году из Горской автономной республики была выделена Карачаево-Черкесская автономная область как самостоятельный субъект Российской Федерации. Первая газета на территории вновь образованной области «Горская беднота» – орган Карачаево-Черкесского областного ревкома и областного Организационного бюро РКП(б) – вышла в июле 1922 года. Редактором был назначен П.Т. Маркелов. Становление печати Карачаево-Черкесии протекало в сложных условиях, порожденных разрухой, недоверием горских масс к советской власти. Тормозило развитие прессы отсутствие журналистских кадров, слабая полиграфическая промышленность, нехватка бумаги. В обзоре подотдела печати ЦК РКП(б) за 1923 год «Горская беднота» была названа одной из самых слабых газет Дона и Северного Кавказа [109: 123]. Подчеркивалось, что она не пользовалась популярностью среди населения, качество ее материалов было невысокое. Просуществовав чуть более полугода, она закрылась в феврале 1923 года «из-за недостатка средств» [293.27: 22]. Журнал «Красная печать» отмечал в

октябре 1923 г.: «... все губернии и области, в том числе и горские, имеют свои печатные органы. <.. > Исключением из сказанного является лишь Карачаево-Черкесская область с центром в городе Баталпашинске, в которой газета, издававшаяся там раньше, закрыта, отчасти ввиду трудности издания в материальном отношении» [293. 28: 54]. После закрытия «Горской бедноты» выпуск периодического издания в Карачаево-Черкесии был прекращен более чем на год. В 1923 г. в области вышел лишь один номер журнала «Красный Октябрь», приуроченный к годовщине пролетарской революции.

Особенно сильно ощущался недостаток журналистов из числа коренного населения. Следует отметить, что первые национальные газеты в основном выпускались силами редакций местных партийных изданий, выходивших на русском языке. «Анализ материалов первых лакских советских газет убеждает нас в необходимости связывать проблемы развития прессы с глобальной проблемой отсталости горских народов, – отмечает эту особенность становления национальной прессы М.Ш. Гусейнова. – Именно здесь следует искать объяснения многим негативным процессам, мешавшим становлению и развитию периодических изданий на местных языках. Сравнительно невысокий уровень жизни населения и незначительная роль интеллигенции в обществе затрудняло развитие печати. Даже при определенных успехах образования и росте интеллектуального потенциала тиражи периодических изданий оставались незначительными» [69: 173].

В июле 1922 года оргбюро РКП(б) Карачаево-Черкесской области констатировало: «Работа среди нац. меньшинств пока не ведется. Литературы для нац. меньшинств никакой не имеется и не издается». Это объяснялось отсутствием печатной технической базы и финансовыми трудностями: «Для издания газеты на национальном языке Орг. бюро предполагало послать в г. Тифлис представителя за покупкой арабского шрифта, но ввиду отсутствия денежных средств вопрос остался открытым» [276.1]. Дело сдвинулось с места, когда большевистское руководство области решило привлечь влиятельного богослова Исмаила Акбаева. Как отмечает Ф.А. Магулаева, отсутствие в национальных регионах

квалифицированных специалистов из числа членов партии вынуждало власти использовать в партийной и просветительной работе «более или менее лояльных элементов местной интеллигенции», о чем говорилось на четвертом совещании ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей (июнь 1923 г.) [141: 55]. На заседании секции XII съезда РКП(б) по национальному вопросу 25 апреля 1923 г. А.И. Микоян в ответ на замечание о том, что в партийные организации Карачая входят бывшие офицеры, деникинцы и члены Кубанской рады, заметил: «... больше некого брать, ибо они лучшие», и подчеркнул, что на Северном Кавказе властям придется не особенно строго считаться с партийностью, так как «там почти единственный интеллигентный слой – это мулла» [157: 197]. Съезд вновь указал местным партийным комитетам на проблемы национальной прессы, подчеркивая необходимость улучшения издания газет на языках народностей [267: 107]. В первые годы установления Советской власти привлечение образованных религиозных деятелей для организации системы национальной журналистики было характерно для всех регионов Северного Кавказа.

В 1923 году Исмаил Акбаев приобрел в Тифлисе на средства, выделенные в Москве, типографское оборудование и шрифты, соответствовавшие карачаевскому и черкесскому языкам. Из Грузии он привез не только оборудование, но и специалиста-печатника Алаверди Расулова [141: 55]. В 1924 году в Карачаево-Черкесии после более чем годового перерыва вышла газета «Горская жизнь». Редакция обратилась к читателям в первом специальном выпуске для областных беспартийных конференций, проходивших в марте, с призывом поддержать новое издание: «Горцы, крестьяне и казаки, в КЧАО до сих пор не было своей газеты! «Горская жизнь» – это попытка организовать нашу местную газету. Если хотите, чтобы Советская власть узнала ваши нужды, вашу жизнь – постановляйте на конференциях выписывать газету «Горская жизнь»! Пишите о нуждах и радостях нашей жизни» [314: 1924, 15 марта]. Через десять дней после сигнального номера, увидевшего свет 21 августа, начался регулярный выпуск органа областного оргбюро РКП(б) и облисполкома. Ответственный редактор Н. Малышенко,

обращаясь к читателям, писал: «21 августа с. г. возобновила свои функции редакция газеты «Горская жизнь». Неоднократные опыты предыдущих попыток издания областного печатного органа дают ценный материал редакции, а совокупность новых условий издания укрепляют ее в уверенности, что настоящее возобновляемое издание пойдет по намеченному определенному пути без задержек и перерывов» [314: 1924, 31 августа].

По характеристике Ф.А. Магулаевой, газета имела типичную для местного издания 1920-х годов систему рубрик, большая часть которых была использована позднее в структуре национальных печатных органов: «По Союзу ССР», «За рубежом», «Путь молодежи», «Областная жизнь», «Наши вызовы», «Суд», «Почтовый ящик», «Уголок рабселькора». В издании обсуждались актуальные задачи политического, хозяйственного и культурного развития области. Круг тем иллюстрируют заголовки газетных статей 1924 г.: «Кампания по сбору с.-х. налога», «Наши задачи в области кооперации», «Карачаю нужны свои агрономы», «Все на борьбу с неграмотностью», «Горянки и крестьянки в Советах» [141: 57].

Национальная пестрота большинства регионов Северного Кавказа в большой мере затрудняла решение вопросов развития печати на родных языках. К таким районам относилась и Карачаево-Черкесия, на территории которой проживают карачаевцы, черкесы, ногайцы и абазины. Ни одна из этих национальностей не имела до начала 1920-х годов своей письменности, хотя и предпринимались отдельные попытки создания алфавитов. В определенной степени в лучшем положении находились черкесы, которые по сути являются частью единого адыгско-кабардино-черкесского этноса, разделенного в ходе колонизации Кавказа.

В 1924 году были созданы письменности для карачаевцев и черкесов на основе латинской графики. Ногайцы обрели ее в 1928-м, а абазины только в 1932-м. Это создало условия для обеспечения народов Карачаево-Черкесии прессой, книгами, учебниками на родных языках.

Газета на карачаевском языке «Таулу джашау» («Горская жизнь») начала выходить с 1924 года, как приложение к русскоязычному изданию. Она была органом Карачаево-Черкесского обкома партии и областного Совета. Газета

представляла собой двухполосный еженедельник формата А3, год спустя, в сентябре 1925 г., формат был увеличен до размера А2, а в мае 1926 г. объем издания вырос до четырех полос. Из-за отсутствия подготовленного редактора первые номера подписывали поочередно Магомет Батчаев – председатель Карачаевского облисполкома и Исмаил Байкулов – один из первых карачаевских революционеров, член первой в Карачае (1918 г.) большевистской партийной группы. С начала 1925 года редактором и «Горской жизни», и «Таулу джашау» был утвержден известный к тому времени журналист Ислам Хубиев (Карачайлы) [141: 59]. На журналистскую стезю он вступил еще в 1911 году, был известен на всем Северном Кавказе как талантливый публицист и общественный деятель. Штаты редакций в первые годы издания национальных газет были представлены минимальным количеством сотрудников. Выходом из положения могло быть привлечение внештатных авторов. Историк печати Э.Н. Урусова отмечает: «Таулу джашау» с первых же своих номеров стремилась установить связь с трудовым людом. И уже через несколько дней у газеты появились свои корреспонденты» [203: 75]. Ислам Хубиев, говоря о тяжелых условиях, в которых издавалась газета, также отмечал малую численность журналистского состава: «А сколько работников <...> в трех газетах? Два редактора, два секретаря. Один редактор и один секретарь в то же время являются переводчиками» [314: 1926, 11 июля].

В 1924 году начала выходить также газета на черкесском языке «Адыгее псаукIэ» («Черкесская жизнь») – орган обкома РКП (б). Редактором был утвержден писатель М. Дышеков. Тематика публикаций не отличалась от «Таулу джашау»: пропаганда решений большевистской организации, призывы поддержать Советскую власть. Это не способствовало популярности издания. Редактор в статье «О нашей газете, наших задачах» призвал читателей активно сотрудничать с редакцией, информировать ее обо всех новостях и событиях в аулах и селениях [302: 1926, 16 октября]. С другой стороны, газета вносила свой вклад в развитие культуры, просвещение горцев. Хорошим качеством выделялись именно публикации, затрагивающие актуальные для черкесского народа проблемы. К таким относятся статьи Х. Абукова «Бьетса адыгское сердце» [302: 1924, 7 ноября]

на тему распространения просвещения, Т. Табулова «Жизнь горцев должна идти вперед» [302: 1925, 25 октября] по вопросам совершенствования преподавания русского и родного языков в школах, М. Дышекова «Насущные вопросы черкесского языка» [302: 1926, 6 августа].

На черкесском языке говорят и адыгейцы, которые получили свою автономию в 1920 году в составе Кубано-Черноморского края. Уже в мае краевой отдел РОСТА наладил выпуск адыгейской газеты «Советскэ Кубань» («Советская Кубань») [208: 4], которая печаталась литографским способом тиражом 600 экземпляров и именовалась еженедельной стенной. Редактором был назначен Айса Чамоков, активный участник советского строительства на Северном Кавказе. Чамоков был разносторонне образован: закончил в Башкирии высшее мусульманское училище, владел, наряду с родным адыгейским, русским и татарским языками, знал арабский [35: 37]. В августе 1921 года «Советскэ Кубань» была закрыта из-за отсутствия материальных и финансовых средств. Вместе с тем первые адыгейские газеты сыграли значительную роль в создании национальной периодической печати: подготовили кадры журналистов, заложили основу для развития рабселькоровского движения, сформировали и пока немногочисленную аудиторию [35: 42].

По решению Адыгского оргбюро РКП (б) 13 октября 1922 года вышла газета «Черкес пэж» («Черкесская правда»), которая стала официальным областным партийным органом. Была заявлена как политико-экономическое и общественно-литературное издание. Выходила форматом А-2 на двух полосах. Освещала практически все вопросы, связанные с партийно-советским и хозяйственно-культурным строительством в области. Планировалось, что язык газеты будет черкесский, однако вышла на русском [275.1]. Это тоже характерная черта печати того периода: издания задумывались как национальные, но журналистских кадров, знающих родной язык, не хватало, и вскоре они переходили на русский язык или, в лучшем случае, становились двуязычными.

Через 13 дней «Черкес пэж» уже имела название «Адыгейская правда», а 9 декабря уже именовалась как «Новая Адыгея» и стала двуязычной.

Просуществовала до 1 января 1923 года. После четырехмесячного перерыва она возобновилась под новым названием «Красная Адыгея» [22: 99] как орган оргбюро РКП (б) и областного исполкома. Выходила три раза в неделю тиражом 1000 экземпляров. «Красная Адыгея» руководствовалась указаниями партии, изложенными в письме ЦК РКП(б) от 4 апреля 1921 года «О программе местной газеты» [247: 67-71]. Циркуляр обязывал региональные издания разъяснять декреты и постановления правительства, пропагандировать преимущества коллективного труда.

Увлечение переменной названий газет было характерно для местной печати в первые годы советской власти и не вызывалось особой необходимостью. «Возможно, что такие шаги предпринимались в рекламных целях, в целях лучшего распространения газеты, – отмечает историк адыгейской журналистики Х.Я. Беретарь. – Возможно, это была своеобразная попытка привлечь внимание... к газете тем, что она часто меняет свое название, будто с каждой переменной становится новой, более интересной» [35: 56]. На наш взгляд, причина крылась в другом: местные партийные руководители частой сменой названий изданий имитировали активную деятельность.

Для адыгейской газеты были присущи родимые пятна всей национальной прессы того периода. Журнал «Красная печать» отмечал, что она увлекалась перепечатками из других изданий, порой они составляли 75 процентов всей газетной площади. «Материал, освещающий местную жизнь, – указывал журнал, – по большей части сух <...> Передовые статьи посвящены обычно местной жизни, однако они чисто теоретического характера. Остальные печатающиеся в газете статьи по большей части перепечатки, имеющие иногда самое далекое отношение к Черкесской области» [293.30: 6].

Газета «Адыгэ макъ» («Голос адыга») – орган Адыгейского оргбюро РКП (б), обкома РКСМ и облполитпросвета – стала выходить 8 марта 1923 года после того, как область в течение 4-х месяцев оставалась без печатного органа. Первые номера печатались литографским способом. Редактором был назначен Тембот Керашев, который до этого работал переводчиком в областном Оргбюро большевистской

партии [35: 61]. Руководство республики обратилось к населению с призывом поддержать национальную газету: «В создании газеты необходимо участие всего населения, а в ее распространении – местных органов. Признавая существование органа на родном материнском языке необходимым, облисполком предлагает: немедленно оповестить все население об издании газеты, указав необходимость писать в газету обо всех нуждах и сомнениях; организовать подписку на газету среди населения, выписывать газету во всех учреждениях» [275.2]. Однако газета на адыгейском языке свою миссию рупора большевистской власти в полной мере выполнить не смогла. В связи с этим в сентябре 1923 года по предложению Адыгейской пропагандистской коллегии Оргбюро РКП(б) приняло решение ликвидировать газету «Адыгэ макъ» и учредить вместо нее общественно-политический и литературный журнал [35: 65].

В декабре 1923 года на расширенном заседании Адыгейского Оргбюро РКП(б) был рассмотрен вопрос «О развитии издательской работы на черкесском языке, о переводе на родной язык и издании марксистской, экономической, беллетристической литературы» [275.3]. Участники обратили внимание на необходимость учреждения журнала. Однако наладить выпуск периодического издания не удалось. Причины крылись в недостатке подготовленных кадров, слабости полиграфической базы. В 1924 году в Москве на базе горской секции издательства «Красный Восток» был выпущен сборник «Адабият» («Литература»), который можно рассматривать как первый шаг в создании журнальной периодики в Адыгее [35: 71]. В 1925 году была предпринята еще одна попытка издания журнала «Псаль» («Слово») на адыгейском языке. Вышло всего два номера. Первый был напечатан в Ростове-на-Дону, второй в Краснодаре.

Кризис особенно отразился на печати Адыгеи. В 1923–1926 годах область оставалась без регулярно выходящего периодического издания, что отрицательно сказалось на развитии культуры, образования и информационном обеспечении населения. Только иногда к массовым мероприятиям или юбилейным датам выпускались специальные бюллетени, листовки [35: 84]. Основной формой массовой печатной пропаганды стали стенные газеты. В августе 1925 года

Адыгейское Оргбюро партии даже рассмотрело специально вопрос об упорядочении стенной печати [275.4]. Разумеется, местных большевиков волновало то, что население оказалось вне их идеологического влияния. Поэтому Бюро Адыгейского обкома РКП (б) в декабре 1925 года приняло решение «выпускать газету на русско-черкесском языке (не языках – Л. Т.) раз в неделю» [2275.5]. Реализация постановления несколько затянулась.

После XI съезда партийные организации края начали проводить реформу системы прессы. Важным звеном в этой системе являлась национальная печать. Поэтому ей уделялось особое внимание. Историк северокавказской журналистики З. Ю. Хуако отмечает: «В мероприятиях по усилению влияния на печатные органы национальных республик и областей уделялось особое внимание формированию специального аппарата, призванного осуществлять политическое руководство многонациональной советской печатью. Для улучшения национальной печати в резолюции XII партийного съезда предусматривалось усиление контроля и инструктирования газет национальных меньшинств со стороны Агитпропотдела ЦК РКП(б).

Созданием еще в ноябре 1921 года подотдела печати при Агитационно-пропагандистском отделе ЦК РКП(б), а также регулярным выпуском журнала «Красная печать» было положено начало единому руководству партийными печатными органами, инструктированию и информированию местных периодических изданий, обобщению и распространению положительного опыта в деятельности прессы» [214: 35].

Для получения достоверных сведений о состоянии печатной пропаганды в тех или иных республиках и областях подотдел печати Агитпропотдела ЦК РКП(б) проводил анкетирование путем рассылки специальных «анкет печати» в местные партийные организации. В анкетах давались сведения о газетах и других периодических изданиях, такие, как количество печатных органов, обеспечение редакций постоянными журналистскими кадрами и их материальное положение, наличие корреспондентской сети и связь с авторами, местными организациями и учреждениями, фабриками и заводами, а также с крестьянством, типографская

база, снабжение бумагой и финансовыми средствами, рентабельность печатно-издательского дела, регулярность и периодичность выпуска, соотношение количества газетных публикаций, подготовленных собственными силами, и *материалов* РОСТА и его местных отделений, тиражи и т. д. В анкетах *большое* место отводилось анализу деятельности подотделов печати.

Так, в 1922 году подотдел печати Агитпропотдела ЦК РКП(б) провел анкетирование в Кубано-Черноморской и Терской областях, на территориях которых до предоставления им автономии проживали народы Адыгеи, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Чечено-Ингушетии. Используя «анкету печати», ЦК партии изучал состояние печатной пропаганды среди горских трудящихся, намечал пути развития печати на языках северокавказских народностей [214: 36].

В постановлении Юго-Восточного бюро ЦК РКП (б) по итогам проверки Грозненской парторганизации, принятом в январе 1924 года, отмечалось, что в газете «Нефтерабочий» очень мало материала, отражающего партийную жизнь (всего 2-3 % от общего количества), малочисленна рабкоровская сеть и слаба работа с ней [272.2].

Для оказания практической помощи газете «Нефтерабочий», улучшения положения с подпиской на издание Юго-Восточное бюро ЦК РКП (б) в апреле 1924 года командировало в Грозный 4-х газетных работников во главе с опытным журналистом, редактором газеты «Трудовой Дон» В.Г. Филовым. В связи с их приездом Грозненский партком объявил месячник печати, в ходе которого прошли мероприятия по вовлечению новых подписчиков, расширению сети рабкоров, улучшению деятельности редакции [144: 72]. Юго-Восточное бюро ЦК РКП (б) рассмотрело итоги работы командированной группы журналистов и приняло специальное постановление, которое предусматривало расширение помощи газете со стороны советских, профсоюзных, кооперативных и хозяйственных органов города Грозного, укрепление редакционного коллектива опытными специалистами [347: 1924, 4 мая].

Практику диктата над прессой со стороны партийных комитетов как тенденцию выделяет и Х. Текеева в своей диссертации, посвященной вопросам становления системы журналистики в крае: «Административно-командная система не могла допустить никаких отклонений от ее указаний, тем более что газеты были едва ли не единственным источником формирования мировоззрения масс. Не случайно в начале двадцатых годов при всех партийных комитетах были созданы отделы или подотделы печати, которые осуществляли идейное руководство и партийный контроль над всеми периодическими изданиями региона. Они инструктировали редакции газет и журналов, определяли основные направления их деятельности в период важнейших политических и хозяйственных кампаний, осуществляли партийное руководство рабселькоровским движением» [191: 46].

Большевистская партия, как только укрепила свою диктатуру, напрочь отбросила выдвинутый ею же лозунг свободы слова. В первом декрете Советской власти, принятом через день после Октябрьского переворота, было заявлено, что «...как только новый порядок упрочится, – всякие административные воздействия на печать будут прекращены, для нее будет установлена полная свобода в пределах ответственности перед судом, согласно самому широкому и прогрессивному в этом отношении закону» [232: 24]. «Новый порядок» по-большевистски упрочился после победоносной для большевиков Гражданской войны. Но обещанная «полная свобода» для печати так и не появилась. Наоборот, цензура усилилась. Особенно в национальных районах, где Советская власть не имела поддержки, как в промышленных центрах. В силу того, что еще не сложилась фискальная система контроля над идеологической сферой, порой надзорными функциями наделялись органы, совершенно далекие от журналистики, литературы, искусства. На разных этапах установления диктатуры большевиков эту роль выполняли даже военно-революционные комитеты, военные ведомства.

В начале 1920-х годов, как отмечает М. Б. Каражаева, Владикавказскому Отделу народного образования были даны полномочия цензурного ведомства фактически на всей территории ГАССР [101: 54]. Газета «Коммунист» в связи с этим писала: «По постановлению Ревкома Терской области, ни одна газета, ни одна

пьеса в театре и картина в кинематографе не может появиться без предварительного просмотра их представителями Отдела народного образования» [333: 1920, 17 апреля]. Однако сам отдел, где был заведующим литературным подотделом известный впоследствии писатель Михаил Булгаков, считался у местных большевиков политически ненадежным. Сотрудники отдела часто становились объектом критики за «непролетарскую» оценку театральных представлений, публикаций в прессе. Так, Михаила Булгакова за выступление на диспуте «Пушкин и его творчество с революционной точки зрения» 29 июня 1920 года во владикавказском «Доме артиста» в газете «Коммунист» обвинили чуть ли не в контрреволюционности. Такого рода публикации в печатном органе привели к тому, что вскоре все заведующие подотделами были уволены [101: 54].

Цензурный режим в крае заметно ужесточился, когда по декрету Совнаркома 6 июня 1922 года в структуре власти АССР был создан Горский литературный отдел (Горслит), который руководствовался «Военно-цензурными установлениями Горской республики». На отдел возлагался «внимательный просмотр всех произведений как рукописных, так и печатных изданий, периодических и непериодических, снимков и рисунков. На всех произведениях печати должна была быть виза Главного управления по делам литературы и издательства» [101: 63].

Исследователь прессы Северного Кавказа М.Б. Каражаева в своей диссертации приводит текст документа, подписанного начальником Горского отдела ГПУ А. Емельяновым и направленного в литературный отдел Наркомпроса ГАССР. В нем говорится: «Горский отдел ГПУ предписывает вам не допускать в прессу заграничной информации помимо РОСТА, которое используется для этого всеми средствами связи. За допущение в прессу сведений, получаемых местными радиостанциями, и их самовольное распространение виновные будут привлекаться к законной ответственности» [101: 66].

Исследователь процессов становления советской журналистики на этапе укрепления большевистского авторитарно-тоталитарного режима Н.М. Тобольцева обращает внимание на особенности типизации изданий того периода. Она отмечает, что «в качестве типобразующего фактора выступает издатель, правящая

власть, применяющая насильственные идеологические методы завоевания умов. Аудитория становится лишь объектом пропагандистского воздействия, не влияющим на характер необходимой для данного типа издания информации. Сведения о ней, представления о каждом из компонентов массового сознания – уровне желаний, взглядах, убеждениях, стремлениях, интересах – важны только с точки зрения достижения эффективности воздействия. Они необходимы для определения возможностей восприятия аудиторией доставляемой информации и степени влияния на мировоззренческие устои аудитории и ценностные ориентации, и в конечном счете эффективности процесса насильственной социализации, нивелирующей в человеке личность. Путем внедрения новых ценностей, коллективистских чувств, нетерпимости к классовым врагам и на этой основе насаждения стереотипов формировалось массовое самосознание. Таким образом производилось стандартизованное моделирование определенных социальных групп с соответствующим им интересами и мотивами поведения» [195: 64]. Суть такой пропаганды раскрывалась в выступлении Троцкого на IX съезде РКП(б): «...Мы не можем дожидаться, пока каждый крестьянин и крестьянка поймет. Мы должны сегодня заставить каждого стать на то место, на котором он должен быть» [197: 123]. То есть «большевистская партия в качестве доминирующей закладывала функцию управления массовым сознанием за счет концентрации внимания аудитории на «нужной» для этой социальной группы с точки зрения власти информации. Вот почему читательская почта, соответствующим образом сверстанная, содержащая систему аргументации и факты, близкие и понятные крестьянской аудитории, становится одной из основных форм подачи материала в массовых изданиях» [195: 64]. В печати национальных регионов эта упрощенная форма подачи материалов стала преобладающей еще и из-за того, что не хватало подготовленных журналистов.

Инакомыслие пресекалось на корню. Нельзя не согласиться с утверждением исследователя А.А. Антонова-Овсеенко о том, что «целенаправленная пропагандистская работа большевистских изданий <...> привела в итоге к

кардинальному изменению всего общественно-политического устройства» [15: 168].

Однако, хотя содержание газет и журналов контролировалось партийными комитетами, сам процесс создания национальной прессы и литературы имел прогрессивное значение. В решениях очередного XIII съезда (май 1924 г.) перед местными партийными организациями ставилась задача «завершить переход прессы нацреспублик на местные языки, добиваться повышения тиража нацпрессы и усиления связи ее с массами через рабочих и крестьянских корреспондентов» [245: 257]. Для более систематического руководства прессой народов СССР в составе Отдела печати ЦК РКП(б) был организован подотдел национальной печати. В соответствии с директивами ЦК в партийных комитетах, оргбюро РКП(б) национальных республик и областей были образованы сначала подотделы, а в 1923 г. отделы печати, занимавшиеся вопросами развития местной периодики [141: 54].

Молодым национальным государственным образованиям оказывалась помощь в ликвидации социальной, экономической, культурной отсталости. «...Мы всячески помогаем самостоятельному, свободному развитию каждой народности, росту и распространению литературы на родном для каждого языке», – говорил лидер Советского государства Владимир Ленин, отвечая на вопросы американского корреспондента [124: 114]. Конечно, такое внимание к прессе уделялось, прежде всего, с целью недопущения антисоветской крамолы на страницах газет и журналов. В ноябре 1923 года отдел печати РКП(б) рассмотрел вопрос «О положении печати на восточных языках». В 1925 году Пресс-бюро ЦК начало выпускать специальный бюллетень для национальных периодических изданий [160: 112-113]. Кроме того, в условиях национальных областей, народы которых до революции не имели своей письменности, региональная, центральная и местная пресса на русском тоже выполняла функцию контролирующего органа. Эту тенденцию отмечает и Д.Н. Ахмедов. По его утверждению, основание и функционирование русскоязычных газет в национальных районах вело к культивированию русского языка как языка революции, русского печатного слова в массах малых народов [23: 61].

Вместе с тем было бы неверно противопоставлять региональную русскоязычную и национальную печать. Не отрицает это и Д.Н. Ахмедов: «Русскоязычная печать не являлась препятствием для развития местной прессы, более того, она сыграла исключительно благотворную роль в ее становлении и развитии. Всячески пропагандируя необходимость развития родных языков, разработки алфавитов, создания полиграфических предприятий, расширения сети национальных газет, эта пресса предоставляла свои страницы для обсуждения назревших вопросов национально-языкового строительства, создания письменностей и развития печати, обсуждала дискуссионные проблемы. Она оказывала всяческую практическую помощь местным печатным органам в их становлении. Национальные газеты, выходившие на русском языке, являлись костяком, прочной основой всей подсистемы национальной печати Советского Союза» [23: 61]. Как подчеркивает исследователь северокавказской и донской прессы Е.А. Корнилов, в первой половине 1920-х годов издатели русскоязычной периодики в горских областях осознавали свои газеты как национальные по характеру [109: 91]. Именно этим изданиям, отражавшим интересы разноплеменного населения и сплотившим вокруг себя русскую и горскую интеллигенцию, принадлежит ведущее место в организации национальной печати [141: 44].

Необходимо отметить также вклад РОСТА и агитпоездов имени Ленина, «Октябрьская революция», «Красный Восток», «Советский Кавказ», «Память Свердлова» в укрепление на местах большевистской авторитарной модели печати. Журнал «Красный журналист» в 1920 году сообщал, что бюро РОСТА агитпоезда «Советский Кавказ» провело инструктаж в редакциях газет «Коммунист» (г. Владикавказ), «Известия» (г. Грозный), «Советский Дагестан», «Ингушская беднота» [294.5: кол. 397]. Как отмечает историк журналистики Северного Кавказа М.Б. Каражаева, «значительную роль в проведении агитации и пропаганды на местах, а также в развитии системы средств массовой информации Советов сыграло Российское телеграфное агентство (РОСТА) <...>» [101: 47].

Особо важное место в формировании идеологической направленности национальной прессы Северного Кавказа принадлежит региональным изданиям, в особенности газете «Советский Юг», которая, по существу, была наставником местных органов. «Советский Юг» систематически печатал статьи о состоянии национальной периодической печати. Газета в 1922-1925 годах посвятила прессе северокавказских областей статьи: «Советская печать Дагестана», «О «Горской правде», «Состояние газеты «Карахалк», «Газетная компания в Грозном» и другие. Кроме того, вместе с подотделом печати Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) «Советский Юг» неоднократно направлял в областные редакции рецензии и тематические обзоры местных газет. Только за 1923 год журналисты областей и республик Северного Кавказа получили от «Советского Юга» 18 рецензий, за это время в самой газете было помещено 49 обзоров изданий, выходивших в национальных районах [140: 26-27]. Прежде всего наставления краевых органов касались проведения в прессе партийной линии.

Усилия большевистского руководства были направлены на формирование модели газеты как руководящего издания, которая «наиболее полно отвечала запросам власти и государства, официально провозглашенного как «диктатура». Она не предполагала установления обратных связей с читателями. Этот «отрыв от читателей» советской прессы признал на страницах «Правды» и один из организаторов и руководителей советской печати и большевистского цензурного ведомства С.Б. Ингулов: «Мы говорили с массами, а не разговаривали. Говорили мы, массы не отвечали. Наши газеты выполняли только пол-дела. Они проповедовали, а не обсуждали. А если обсуждали, то без участия пролетарской читательской массы. Мы говорили, нас слушали молча» [350: 1923, 5 мая].

Нужно отметить, что, несмотря на разруху, доставшуюся от Гражданской войны, партия большевиков держала под пристальным вниманием вопросы развития печати – действенного инструмента формирования массового сознания. О росте национальной печати свидетельствовала такая цифра: с апреля 1923 по март 1924 года количество газет на языках народов СССР увеличилось с 15 до 20

процентов [227: 810-811]. В конце 1925 года тиражи всех национальных газет возросли в два раза [228: 83].

Для прессы национальных образований были характерны смешанные издания. С учетом особенностей печатной пропаганды, пестроты национального состава в северокавказских автономных республиках и областях также сложился своеобразный тип смешанной газеты на двух и более языках. Как правило, первые ее две страницы печатались на национальных языках, а третья и четвертая на русском, или наоборот.

Одними из первых в практике строительства многонациональной советской печати смешанный тип периодического издания использовали на Северном Кавказе. Так, «Красная Кабарда» стала выходить с июня 1921 года на русском языке. Но вскоре, после создания национальных письменностей, стала также печатать статьи на кабардинском и балкарском языках. В отчете областного комитета партии о работе газеты «Красная Кабарда» от 24 марта 1924 года указывалось, что печатный орган стремится удовлетворить запросы и потребности не только городского населения, но и грамотной части крестьянства, разъясняя ему значение мероприятий Советской власти, вредность отживших себя традиций и обычаев [214: 159]. Идеологическая направленность изданий, конечно, оставалась главной.

Выполняя директивы партии большевиков, «Красная Кабарда» обеспечивала идеологическое сопровождение всех мероприятий советской власти, внедряла в сознание читателей идею неизбежности победы коммунизма на всей планете. Так, в связи с созданием в 1922 году Кабардино-Балкарской области газета призывала: «Автономия дает многое, но зато и требует многого и прежде всего усиленной, напряженной творческой работы» [336: 1923, 22 сентября]. Вместо этих бессодержательных лозунгов горское население ждало разъяснения, почему разделили кабардинцев и черкесов, хотя они близкие народности, говорят на одном языке. Укрепляющаяся партократическая система переносила авторитарные методы управления и на национально-государственное строительство, используя прессу в целях манипулирования массовым сознанием.

Утопичность призывов является характерной чертой всякой авторитарной системы. «Красная Кабарда» еще в 1922 году, когда вся страна лежала в разрухе, население голодало, с энтузиазмом рапортует: «Созданием 40 сельскохозяйственных коопераций, около 50 потребительских обществ, целого ряда женских артелей в области заложена основа, которая вселяет надежду, что Кабардино-Балкария успешно будет осуществлять ленинский план кооперативного строительства» [336: 1922, 1 ноября].

С весны 1922 года в «Красной Кабарде» открылась молодежная страничка «Юный кабардинец». Редакция ее готовила совместно с обкомом РЛКСМ. Выход юношеской полосы был преподнесен редакцией пафосно как величайшее достижение социализма: «В противовес буржуазной бульварной печати, которая в основном служит орудием бизнеса в капиталистическом мире, советская печать должна стать органом трудящихся масс, т. е. «выразителем нужды, требований той части общества, которая теперь получила широкую возможность свободной творческой работы во всех направлениях и, в частности, свободу издавать свои печатные органы. Чтобы и наш орган стал выразителем дум и чаяний молодежи, чтоб он мог изучать круг интересов подрастающего поколения, вовремя устранять недостатки, наставлять его на правильный путь, надо чтобы сама рабоче-крестьянская молодежь непосредственно заинтересовалась своей страничкой» [336: 1922, 28 июля]. Между тем публикации «Юного кабардинца» свидетельствуют о том, что не все было благополучно в области политико-просветительской работы среди молодых горцев.

В июне 1924 года статус газеты изменился. Она стала выходить с новым логотипом «Карахалк» («Трудовой народ») на русском, кабардинском, балкарском языках. Позже добавился и татский язык.

В 1922 году был учрежден Кабардинским обкомом РКП (б) журнал «Известия», который через два номера сменил название на «Возрождающаяся Кабарда и Балкария». Сохранившийся единственный номер не позволяет дать полноценную характеристику издания. Официально обозначенный как политико-экономический и литературный журнал, он скорее напоминает бюллетень [170: 59].

Тираж всех семи еженедельных национальных газет Северного Кавказа в 1923 году составил 13 600 экземпляров, или всего 0,5 процентов от общего тиража Юго-Востока России (2 695 000 экз.). Журнал «Красная печать» назвала этот процент «крайне ничтожным». Территориально эти издания выходили: в Дагестанской республике – 4, Горской – 2, Адыгейско-Черкесской области – 1. А Чеченская, Кабардино-Балкарская и Карачаево-Черкесская области не имели национальных газет. «Материальные условия издания газет крайне тяжелые и газеты влачат жалкое существование, совершенно не прогрессируя, – отмечается в обзоре «Красной печати». – Гонораров в большинстве издающихся газет не оплачивают. По понятным причинам, газеты распространяются бесплатно, и это особенно больно отражается на их материальном положении. А между тем каждый номер этих газет выполняет культурно-политическую задачу не меньшую, а, пожалуй, большую по своему значению, чем задачи многих из русских газет Юго-Востока» [293.28: 56]. Так, кумыкская «Елдаш», имеющая тираж 800 экземпляров, обслуживала 300-тысячное население нескольких округов Дагестана, Терской и Кабардино-Балкарской областей. Чеченская область с населением 500 000 человек до апреля 1923 года вообще не имела печатного органа, а основанная в это время «Советская Автономная Чечня» выходила на русском языке [293.28: 56].

В арсенале способов большевистской партии по распространению газет и журналов в годы установления советской власти была практика принуждения низовых руководителей и аппаратчиков под угрозой применения карательных мер проводить подписку на партийные издания. Это было характерно и для национальных регионов Северного Кавказа. На заседании комиссии Горского обкома РКП(Б) по реорганизации газеты «Горская правда» 3 марта 1922 года было указано: «Довести до максимума тираж газеты путем обязательной подписки для всех партячек, советских и иных организаций... Издать обязательное постановление о выписке газеты домкомами, для чего печатать в газете приказы, имеющие характер массового, но отнюдь неведомственного характера» [281.1]. В приказе Центрального исполнительного Комитета Совета Кабардино-Балкарской области, датированном августом 1923 года, дается директива: «Нижеследующим

учреждениям с 1 августа с. г. усилить подписку на газету «Красная Кабарда» согласно следующей разнорядке...» [64: 7].

Перед национальными средствами массовой информации, выходившими на различных языках, стояли практически однотипные задачи содействия строительству социализма, которые ставились партийным руководством. Вместе с тем они имели свою специфику, которая определяется особенностями в каждой региональной области и республике. Специфика национальных органов связана также с историей, традициями, нравами, бытом народов.

Выводы

В начале 1920-х годов начинает зарождаться типология печати регионов Северного Кавказа. По мнению Т.Ф. Капитана, «к концу восстановительного периода на Дону и Северном Кавказе отчетливо сформировались следующие типы изданий: краевые общественно-политические руководящие издания; областные и окружные общественно-политические руководящие газеты на русском языке («Красное знамя», «Нефтерабочий», «Власть Советов», «Красная Кабарда», «Красный Дагестан», «Горская правда»); национальные газеты крестьянского характера на языках народов Северного Кавказа «Серло», «Сердало», «Растдзинад», «Карахалк», «Адыге псаукэ», областные и окружные партийные инструктивные журналы («Коммунист», «Известия» и другие), а также городские, уездные и многотиражные газеты, процесс типизации которых еще требовал продолжения» [98: 30].

Если в дооктябрьский период тематика, проблематика прессы Северного Кавказа значительно отличались от изданий центральных областей и других национальных районов, то в условиях диктатуры большевистской партократии партийно-советские газеты трансформировались в одно лицо, превратились в близняшек. В результате реализации большевистской стратегии по установлению тотального преимущества на реализацию прав пролетарских слоев во всех сферах общественной жизни и государственного устройства сформировалась

тоталитарная модель печати, основывавшаяся на внушительном пакете нормативно-правовой документации [15: 301].

В ходе установления советской власти на Северном Кавказе сильно трансформируется местная издательская деятельность. С приходом большевиков СМИ потеряли свободу, большинство региональных газет прекратило свое существование, а вновь созданные были выведены из рыночного процесса и функционировали на государственные дотации.

Можно утверждать, что сложившийся в советской науке стереотип о массовости северокавказских большевистских изданий несколько не соответствует действительности. В аулах было трудно найти человека, умеющего читать. Поэтому сотрудники редакций, партийные и советские работники выезжали в сельские районы и организовывали громкие читки в присутствии местных жителей [272.4]. Характерная тенденция развития прессы края в первой половине 1920-х годов – нерегулярность выхода, переименование названий. Как отмечал «Советский Юг», «газеты возникали, выпускали несколько номеров и распадались, не успев определить своей физиономии» [361: 1925, 5 мая].

Главными составляющими коммуникационной политики были пропаганда советской власти, строгий контроль за СМИ, политика репрессий по отношению к оппозиции.

§ 2.2. Становление тоталитарной модели журналистики северокавказских автономий в условиях сталинского режима

Национальная пресса стала превращаться в мощное орудие пропаганды идей социализма среди народностей России, играть значительную роль в укреплении диктатуры большевистской партии, в становлении авторитарного режима в стране. Завершение восстановления экономики и наступление определенной стабилизации общественно-политической ситуации позволила большевистской партократии вплотную заняться идеологическими вопросами, прежде всего, перевоспитанием

масс с целью тотального подчинения большевистской доктрине. Как важнейший инструмент для ее достижения вожди партии рассматривали печать.

Сложная обстановка в период гражданской войны и порожденная ею разруха не позволяли в начале 1920-х годов сформировать систему пропаганды, которая бы охватывала все категории читателей. В первую очередь это касалось национальных окраин, где ситуация была более сложной, чем в центральных областях. В годы восстановления народного хозяйства печать в национальных регионах, в частности Северного Кавказа, складывалась достаточно хаотично: газеты и журналы возникали и закрывались без определенной системы, часто меняли логотипы, не соблюдались периодичность и постоянный формат, финансировались нестабильно, от случая к случаю. Разобраться, в какой степени охвачено население прессой, не было возможности.

Однако партия, которая провозгласила свою политику единственно верной и вечной, должна была подчинить все общество своему идеологическому влиянию. Состоявшийся весной 1922 года XI съезд партии взял курс на формирование в стране системы печатных органов различных типов, в том числе обратил внимание на необходимость издания газет для национальных меньшинств [242: 525]. ЦК ВКП(б) после съезда принял ряд постановлений, в которых намечалось развитие дифференциации периодических изданий, выпуск газет, журналов и страничек, рассчитанных на различные группы читателей, включая национальности [235: 89-90]. В основу дифференциации был положен большевистский принцип жесткой вертикали власти, названный ленинцами «демократическим централизмом» для прикрытия диктатуры одной партии. В партийных постановлениях провозглашались задачи выражения в печати интересов народных масс. Однако на практике шла массированная пропаганда новой власти, замалчивались факты злоупотреблений партаппаратчиков и революционных карательных органов, вина за просчеты в развитии экономики, снижение уровня жизни населения возлагалась на мифических «врагов народа», к которым причисляли любого работающего и, соответственно, зажиточного гражданина.

Вместе с тем сами шаги по созданию печатных органов, ориентированных на различные категории читателей, отражались позитивно на формировании системы партийно-советских СМИ [83: 46-47]. До 1923 года издания национальных регионов в партийных документах рассматривались как сегмент местной прессы. На XII и XIII съездах этот компонент системы советских СМИ был определен как «журналистика национальных меньшинств», соответственно произошла реформа в управленческих структурах [23: 55]. Появилась необходимость выстроить систему печати в национальных автономиях, выработать типологию изданий.

Особое внимание дифференциации периодической печати уделил XII съезд партии. В резолюции «По вопросам пропаганды, печати и агитации» было сказано: «В интересах правильного обслуживания всей разнообразной читательской массы необходимо провести дифференциацию газет (центральные и областные руководящие, центральные массовые, областные, губернские и уездные массовые и т. д.). Для каждого основного слоя читателя необходимо создать особый тип газеты. Имея целую систему газет, партия должна более или менее точно распределить между ними сферу деятельности, чтобы каждая газета ориентировалась по преимуществу на определенный слой массы читателей». Съезд указал и на важность издания периодики на национальных языках. Был определен круг вопросов, которыми должна заниматься местная печать. В резолюции съезда отмечалось новое явление в системе советской печати – фабрично-заводские издания, которые были высокопарно названы «продуктом творчества передовых пролетариев» [255: 107-108].

Установки XII съезда легли в основу деятельности большевистской партии по развитию советской прессы. Система журналистики выстраивалась сверху вниз от общенациональных изданий до небольших газет отдельных учреждений, предприятий, сельскохозяйственных артелей, учебных заведений. «В сформированной вертикальной структуре периодики, встроенной на соответствующих уровнях в иерархическую партократическую систему, – отмечает Н. Тобольцева, – центральные издания занимали высшую ступень и практически составляли единое целое с властью» [195: 29].

Дифференциация и становление типа изданий в автономных республиках и областях Северного Кавказа протекали неравномерно. Развитие системы национальной печати зависело, во-первых, от степени развития национальной государственности и структуры административно-территориального деления регионов, во-вторых, от социальной структуры населения, в-третьих, от возможностей местной материально-технической базы печати, в-четвертых, от культурного уровня народа, наличия собственной письменности, подготовленных кадров журналистики.

Уже в первые годы советской власти в некоторых национальных районах имелась довольно разветвленная система периодической печати, включающая газеты и журналы на русском и местных языках: губернские, уездные, специализированные. В Татарии, например, выходили издания, рассчитанные на категории читателей по социальному положению – рабочие, крестьянские; по профессиональной принадлежности – военные, партийные, для работников просвещения; по возрастному признаку – молодежные, детские. Периодические органы различались также по характеру изданий – литературно-художественные, научно-популярные и т. д.

Большевистское руководство страны вело в первой половине 1920-х годов целенаправленную работу по организации средств массовой информации и пропаганды в национальных регионах с целью широкого распространения марксистской идеологии. Это позволило наладить выпуск периодических изданий на языках большинства народностей РСФСР, появились и зачатки радиовещания, правда, пока в форме принимающих станций. Сборник «Наша печать», изданный в 1927 году, сообщал, что «... чеченцы, черкесы, ингуши, каракалпаки и карачаевцы, которые до последних лет не имели ни одного периодического органа на своем родном языке, но даже установленной письменности... создали свои газеты» [140: 30]. В то же время, отмечая общий недостаточно высокий уровень местной прессы, в частности, одного из национальных округов Дагестана, М.Ш. Гусейнова делает вывод: «<...>Надо подчеркнуть, что и в таком состоянии она сыграла положительную роль в истории лакского народа. Газеты содействовали

просвещению. Печать, наряду с традиционной культурой, которая преобладала в горах, прививала лакцам письменную культуру. На ее страницах были напечатаны первые алфавиты на латинской, затем на русской основе. Здесь же публиковались уроки по самообразованию» [69: 174]. Эта тенденция была характерна для всех народностей, вовлеченных в строительство социализма.

Однако в Северокавказском крае в начале 1920-х годов еще не сложилась система периодической печати с выстроенной структурой, четкой типологией. «Журналист» в 1923 году писал, что до этих пор формирование сети изданий в стране протекало стихийно. «Дифференциация печати должна быть проведена строго и решительно, – указывает журнал. – Наша печать должна обращаться ко всем слоям населения в различных формах, но на одном коммунистическом языке» [290.6: 5].

В национальных районах Северного Кавказа, входивших в Горскую АССР, в начале 1920-х годов типологическая структура национальных периодических изданий только начала складываться. Были предприняты отдельные попытки издания органов, рассчитанных на определенного читателя. Так, в Горской автономной республике выходили «Горская молодежь», «Горский пионер» и партийный журнал «Горский коммунист». На языках народов Терека выходила только одна осетинская газета «Кермен». В Чеченской области наряду с общественно-политическими изданиями «Грозненский рабочий», «Серло» («Свет») Политотдел Кавказской трудовой армии в 1921 году наладил выпуск газеты для малограмотных «К свету». Предпринимались попытки наладить специальные издания, ориентированные на сотрудников и рабочих нефтяной промышленности. Так, в 1924 году выходил журнал «Грозненское нефтяное хозяйство» – орган Центрального нефтеуправления Грозного. В какой-то степени к зарождению дифференциации печати можно отнести выпуск газетами республики страничек для молодежи, женщин.

К началу индустриализации в Северной Осетии выходили официальные органы – «Власть труда» на русском языке и «Растдзинад» («Правда») на осетинском. Северо-Осетинский обком ВЛКСМ издавал детскую газету

«Ногдзауты газет» (Газета пионеров), «Авригон большевик» (Молодой большевик) «Авзонг иристон» (Юная Осетия) [54: 148].

Адыгейская область на протяжении 1923-1926 годов оставалась без регулярной периодической печати. Намеченный на 1 января 1926 года по решению бюро областного комитета партии выход смешанной газеты на русском и адыгейском языках «Адыге псэукэ» («Адыгейская жизнь») состоялся только 3 февраля. В первом номере нового издания вспомнили предшественницу – «Адыгейскую правду», жизнь которой «оказалась недолговечной и после нескольких номеров, выходявших крайне нерегулярно, вынуждена была, вследствие материальных затруднений, прекратить свое существование» [303: 1926, 3 февраля]. Редакция выразила уверенность, что «Адыгейскую жизнь» не постигнет участь предшественницы, и изложила основные положения программы издания: отражать жизнь тружеников, содействовать укреплению союза рабочих и крестьян, освещать все проблемы социалистического переустройства области [303: 1926, 3 февраля]. Впрочем, эти же цели выдвигали все советские издания. В соответствии с директивами партии в газете открылись рубрики «По Советскому Союзу», «По Советской Адыгее» «По аулам, селам, хуторам».

Более структурированная система печати стала складываться в Дагестанской АССР, где уже в начале двадцатых годов кроме газет на русском языке появились издания на кумыкском, аварском, лакском, даргинском, тюркском языках; начался выпуск молодежной газеты и журнала для женщин «Красная горянка» [45: 174-176], хотя вскоре они прекратили выход из-за нехватки бумаги и средств. В 1925 году коллегия подотдела по национальной печати отдела печати ЦК ВКП(б) рассмотрела вопрос о состоянии прессы в Дагестане. Было отмечено, что в республике практически нет изданий, рассчитанных на разные категории читателей, к примеру, молодежных. Вместе с тем было признано нецелесообразным создание на национальных языках Дагестана специальных комсомольских газет и предложено усилить соответствующие отделы во всех национальных изданиях [269: 59].

Исследователь дагестанской прессы Г.А. Магомедов делает вывод, что «...из-за полинационального характера Дагестана в республике не получила развития отраслевая печать на национальных языках» [137: 78]. Это было характерно для всех национальных районов региона и можно рассматривать как тенденцию. Автор обзора печати в «Красной печати» Анур (по всей видимости, это один из псевдонимов А. Аршуриани) отмечает, что по содержанию национальные газеты Дагестана еще недостаточно близки читателям. Причины он видит, во-первых, в неразработанности национальных литературных языков (порой говорящие на разных диалектах одного языка не только не понимали друг друга, но и не могли пользоваться принятой литературной формой), во-вторых, в бедности языка публикаций, отсутствии у них выразительности, обилии новых терминов, канцеляризмов [293.3: 31]. Решающее значение для развития системы периодических изданий в национальных районах Северного Кавказа имели создание национальной письменности и образование отдельных автономных областей. Этот процесс, в основном, был закончен в 1924 году.

В феврале этого года ЦК РКП(б) принял постановление «Главнейшие очередные задачи партии в области печати», которое оказало серьезное влияние на развитие региональной системы журналистики и усиление ее роли в формировании массового сознания. В постановлении пристальное внимание уделялось вопросу дальнейшего развития дифференциации прессы, становлению типа советской газеты, организации сети уездных изданий, молодежных органов на национальных языках [230: 81]. В упорядочении сети местных периодических изданий важную роль сыграло постановление ЦК партии «О сокращении ведомственной печати», принятое 26 марта 1924 года. Центральный комитет рекомендовал «не допускать изданий параллельных» [256: 90].

На быстрейшее развитие системы местной и национальной прессы ориентировали решения XIII съезда партии, в резолюциях которого говорилось, что необходимо завершить переход прессы нацреспублик на местные языки, выработать тип газеты, приспособленной к уровню отсталого горского крестьянства, обеспечить издание сети молодежных областных газет (рабочих,

крестьянских, национальных), укрепить печать для женщин [245: 257]. Оргбюро ЦК РКП(б) в 1924 году отметило, «что процесс дифференциации газет все более углубляется» [259: 102]. В принятом постановлении «О типе рабочих и крестьянских газет» был намечен план создания сети местных изданий. Важная роль в системе советской печати отводилась крестьянской прессе. В постановлениях Центрального комитета РКП (б) «О крестьянской печати» (01.12.1924 г.) и «О крестьянской периодической печати» (16.02.1925 г.) была разработана программа развития сети сельской прессы.

Пресса национальных регионов Северного Кавказа на первоначальном этапе характеризовалась выраженной просветительной направленностью, обусловленной прежде всего тем, что создателями и сотрудниками национальной прессы являлись яркие представители просветительского движения конца XIX – начала XX в. Однако, как утверждает Ф.А. Магулаева, принятая в советском государстве модель печати, представлявшая собой совокупность двух типов прессы – рабочей и крестьянской – требовала создания газеты иной направленности [141: 68]. Оргбюро ЦК рекомендовало «продолжить типизацию национальных газет под углом зрения перевода большинства из них к крестьянскому типу» [82: 75]. Ориентир на просвещение и сохранение национальной культуры не отвечал большевистской концепции формирования единой советской нации. Просветительская деятельность по сохранению самобытности народов федеративного государства, провозгласившего приоритет не национального, а классового подхода, не могла не тревожить партийное руководство. Отдел печати ЦК ВКП (б) в 1926 г. отмечал: «Вопросы перестройки восточных газет в крестьянские остаются на текущий год важнейшей задачей» [82: 76]. В отличие от центральных областей на Северном Кавказе перестройка системы прессы с ориентацией на массового колхозного «бедняцко-средняцкого» читателя аула завершилась только к концу 1920-х годов [141: 68].

Дифференциация печати, становление типа национальных периодических изданий и формирование системы партийно-советской прессы составляют

содержание третьего периода развития советской печати автономных республик Северного Кавказа, охватывающего конец 1920-х –1930-е годы.

Особое внимание проблеме типизации национальных изданий северокавказских регионов уделено краевое совещание редакторов в 1926 году, на котором было отмечено: «...Рост количества и распространение газет в крае требует большей дифференциации их содержания применительно к особенностям округов. Исходя из этого, совещание считает необходимым установить следующее разделение газет по типам:

Массовые рабочие газеты – «Красное знамя» (Таганрог), «Красный шахтер», «Красное Черноморье», «Грозненский рабочий».

Массовые крестьянские газеты – «Власть советов», «Красный пахарь» с обслуживанием и лесных рабочих и «Сельский пахарь». Сюда же отнести все нацгазеты, с учетом специфических особенностей национальных областей.

Смешанного типа с ббольшим уклоном на деревню – «Красное знамя» (Краснодар), «Терек», «Трудовой путь».

Смешанного типа с ббольшим уклоном на город – «Власть труда».

При таком разделении не отпадает необходимость освещения рабочими газетами жизни деревни, а крестьянскими – жизни города, но такое освещение должно строиться в первом случае применительно к рабочему читателю, а во втором – к крестьянскому» [274.6].

По рекомендации участников форума Секретариат Северо-Кавказского краевого комитета ВКП (б) 22 июня 1926 г. принял постановление, в котором указывалось: «...принять меры к тому, чтобы в округах с преобладающим крестьянским населением газеты обслуживали в основной своей работе именно крестьянское население, т. е. имели бы характер (тип) «крестьянской газеты». В округах с преобладающим рабочим населением тип газеты должен быть в основном «рабочей газеты». При такой дифференциации газет, однако, вовсе не отпадает, а наоборот остается в силе необходимость освещения рабочими газетами жизни деревни (крестьянства, сельского хоз., кооперации), а крестьянскими газетами жизни рабочих, промышленности и др.» [274.5].

В соответствии с директивами ЦК партийные комитеты автономных областей и республик приступили к строительству крестьянской прессы. Наибольшее развитие сельская печать получила в национальных областях Поволжья. В Москве выходил Центральный орган на татарском языке «Иченчелэр» («Хлебороб»), в Казани «Крестьянская газета», «Деревенская жизнь», в Башкирии «Яна авыл» («Новое село») и «Пахарь Башкирии».

В областях, где крестьянская печать не была создана или находилась в зачаточном состоянии, к ним относились и регионы Северного Кавказа, намечалась тенденция к специализации областных общеполитических органов. Газета на русском языке обычно отводила больше места промышленности, а национальные издания – проблемам деревни. Так, в Чечено-Ингушетии газета «Грозненский рабочий» в первую очередь освещала вопросы развития нефтепромышленности, которая играла большую роль в экономике всей страны. Материалы на промышленные темы занимали полностью вторую и третью полосы. Проблемы развития нефтяной промышленности в «Грозненском рабочем» освещались под рубриками «В царстве нефти», «На промыслах и заводах», «Грознефть» сегодня», «Как идет добыча?», «Как идет бурение?», «Наша главная задача – поднятие производительности труда», «Со всех участков производственного фронта», «Изучайте свою производительную программу» и так далее. Газета регулярно выпускала тематические полосы по проблемам рационализации производства, режима экономии, подготовки кадров инженерно-технических работников.

Для пропаганды решений партии по индустриализации страны «Грозненский рабочий» использовал различные средства. Особенно популярными в условиях авторитарного режима стали призывы и лозунги. Почти каждый номер «Грозненского рабочего» открывался характерным для коммунистической пропаганды слоганом. Вот некоторые из них – «Больше нефти стране», «Даешь электрификацию!», «Поднимая производительность труда, мы куем оборону СССР». Такие призывы соответствовали духу времени и большевистской пропаганде.

Придавая важное значение решению задач развития промышленности, «Грозненский рабочий» не оставлял без внимания и проблемы преобразований в деревне, осуществления культурной революции. Удачна серия статей специального корреспондента газеты В. Тарлинского под рубрикой «Письма с гор». В них автор образно на конкретных примерах из жизни горцев рассказывает о состоянии дел в чеченских аулах [317: 1934 г., 8, 11, 14, 16 мая].

Сельской теме больше внимания уделяли газеты на национальных языках. Во всех газетах республик и областей были открыты рубрики, объединявшие материалы на сельскохозяйственные проблемы. Газеты выпускали специальные странички пропаганды передовых методов хозяйствования, о чем свидетельствуют их названия: «Советы специалистов», «Листок хлебороба» (ингушская «Сердало»), «Борьба за высокий урожай», «Страничка журнала Всесоюзной академии народного хозяйства «Социалистическое земледелие» (чеченская «Серло»). Под этими рубриками газеты печатали статьи специалистов сельского хозяйства, ученых, передовиков сельскохозяйственных артелей.

Издания на местных языках отводили много места и проблемам становления национальной культуры. Первые северокавказские национальные газеты стали также первыми печатными изданиями, которые стали доступны для большинства населения национальных районов. Однако обилие материалов на одни и те же темы приводило к повторениям, однообразию газетных выступлений. Анализ контента национальной периодики региона 1920-1930-х годов показывает, что страницы изданий заполнены публикациями, насыщенными общими призывами, к тому же написанными канцелярским, скучным языком. Порой, прочитав весь текст публикации, не понимаешь, о чем идет речь. Главная причина этих недостатков заключалась в отсутствии достаточного количества подготовленных журналистских кадров. Нередко сотрудниками редакций становились люди, едва умеющие читать и писать. Это, естественно, сказывалось на качестве газетных материалов: бедность языка, поверхностное раскрытие темы. Поэтому местное партийное руководство разрешало часть материалов публиковать на русском языке. Постепенно практически все краевые газеты на национальных языках стали

переводить целые полосы на русский. На этот крен местных изданий указало краевое совещание работников национальной печати и издательств в 1928 году.

Совещание снова обратило внимание на важность углубления дифференциации прессы в национальных регионах. Как было сказано в резолюции, «тип национальных газет до сих пор еще не установился», а это является основной причиной их недостатков». Нельзя не согласиться с выводами совещания, что национальные газеты ориентированы «на массу отсталых, недостаточно грамотных, имеющих много предрассудков, читателей» и должны «уметь разговаривать с отсталыми массами понятным для них языком» [297.20: 36].

По итогам совещания была принята резолюция, которая предписывала национальным газетам «более решительно переходить на родной... язык, ликвидировав странички на русском языке» [274.7]. Совещание также признало необходимым «серьезно поставить вопрос о выработке языка, которым должна вестись газета, привлекая к разработке и изучению этого вопроса научные силы, учительство, проводя конференции читателей в аулах, беседы с аулкорами и т. д.» [297.20: 36]. Эту характерную черту национальных изданий Северного Кавказа выделяет и историк журналистики края З.Ю. Хуако: «Газеты на горских языках по содержанию, тиражу, срокам выпуска, распространению и т.д. в малой степени удовлетворяли *потребности местного населения*» [214: 84]. В резолюции совещания было еще указано на недостаточно тесную связь между *партийными организациями*, советскими учреждениями и редакциями, на отсутствие средств для развития газетного дела, приобретения полиграфического оборудования и шрифтов, а также создания типографий в автономных областях края. Секретариат крайкома ВКП (б) на заседании 26 июня 1928 г. принял предложения комиссии Северо-Кавказской Рабоче-крестьянской инспекции о реорганизации системы журналистики края, в результате которых часть изданий были сокращены, а некоторые закрыты. Однако все газеты национальных областей были сохранены [274.15].

Проблеме формирования «лица» национальной газеты уделяли много внимания центральные органы для журналистов. Например, в 1924 г. журнал «Красная печать» обсуждал на своих страницах вопросы специфики оформления периодических изданий. Журнал отмечал, что при иллюстрировании национальных газет «нужно принимать во внимание черты искусства данной национальности, ее эстетические запросы» [293.1: 15].

На развитие национальной прессы на Северном Кавказе серьезное влияние оказывал орган Северо-Кавказского крайкома ВКП (б) «Революция и горец». Обзоры краевого журнала охватывали все аспекты строительства системы журналистики в национальных автономиях. В частности, «Революция и горец» содействовал улучшению текстов публикаций в печати на родных языках. Переводы статей на национальные языки часто были неудачны, содержание оригинала искажалось до того, что терялся смысл текста, авторы злоупотребляли словами иноязычного происхождения, чаще всего они давались без толкования. Так, в обзоре А. Бегеулова в журнале «Революция и горец» отмечается, что в переводе программы Коминтерна в карачаевской газете «Таулу джашау» из 26 слов одного предложения 14 составляют иностранные термины, которые непонятны коренным жителям. Автор обзора обнаружил 368 таких слов только на одной странице газеты [297.5: 39].

Язык национальных газет порой был настолько корявым, что невозможно было понять, о чем идет речь в публикации. Так, в черкесской газете «Черкес плиж» напечатано: «Нельзя забывать, что самокритика в руках кулачества будет сильнейшим орудием против нас» [297.5: 39]. Автор, вероятнее всего, хотел выразить мысль, что самокритикой представителей советской власти могут воспользоваться оппоненты. Из текста же вытекает, что самокритика кулаков может быть использована контрреволюционерами, что абсурдно.

В другом обзоре краевого журнала «Революция и горец», посвященном той же газете, приведена непонятная игра слов в заголовке обращения к внештатным корреспондентам «Ударник-аулкор – аулкор-ударник» Таким же бессмысленным набором фраз отличается и текст: «Редакция «Черкес плиж» призывает вас к ее

пятилетнему плану в течение 3-го года стоящей классовой войны, чтобы были политическим оружием вооружены». «Что хотела сказать редакция этой безграмотной белибердой, едва ли она и сама в состоянии объяснить» [297.21: 50], – ставит вопрос автор обзора.

Особое внимание журнал уделял становлению периодики в Чечено-Ингушетии, Карачаево-Черкессии, Адыгее, так как в этих областях процесс формирования системы периодической печати значительно отставал от соседних областей, слабее была развита печать на национальных языках. «Революция и горец» в 1932 году писал, что «нужно особо подчеркнуть слабую работу чеченской «Серло» и ингушской «Сердало». «Тираж газеты «Серло», которая должна обслуживать 400-тысячное чеченское население, совершенно ничтожен, – отмечается в обзоре. – Что значит 2500 экземпляров для 400000 населения? Это капля в море. А самое главное – тираж не растет, а падает, что должно быть объяснено исключительно плохой работой самой газеты. В таком же положении находится газета «Сердало», тираж которой за год вырос только на 82 экземпляра» [297.21: 46-47].

Помощь центральных и региональных изданий способствовала совершенствованию деятельности местной печати. Так, газеты «Грозненский рабочий», «Серло» и «Сердало» качественно выросли. Разностороннее стала тематика выступлений, богаче палитра жанров, образнее и доходчивее язык публикаций. Аналогичный процесс в конце 1920-х – начале 1930-х годов наблюдался во всех национальных районах Северного Кавказа. Как отмечает исследователь прессы региона Х. Текеева, «...вторая половина 20-х годов стала периодом утверждения национальной печати народов Северного Кавказа, в т. ч. и Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Осетии. Периодические издания заметно окрепли, возросла их связь с читателем, увеличилось количество коренных жителей, писавших в газеты» [191: 74]. Это же подтверждал карачаево-балкарский просветитель и один из тех, кто создавал прессу Северного Кавказа, Умар Алиев: «Периодическими изданиями взят курс на утверждение собственного почерка и характера» [7: 60].

Так, значительно качественнее стала газета «Карахалк» («Трудовой народ»), выходящая в Кабардино-Балкарии. Объем ее увеличился с четырех до шести, а затем и до двенадцати полос малого формата. Выходящая два раза в неделю газета стала ежедневной. Тираж увеличился до 3000 экземпляров. Главное – издание стало отводить больше площади для публикаций на кабардинском и балкарском языках. Также печатались материалы на татском [22: 90].

В редакции «Карахалка» были подготовлены кадры национальных журналистов, которые впоследствии способствовали формированию системы печати на каждом языке. Кардинальные изменения в системе прессы Кабардино-Балкарии произошли в 1931 году. В августе по решению обкома партии вместо единого «Карахалка» стали выходить три самостоятельные газеты: «Ленинский путь» – на русском языке, «Ленин гъуэгу» – на кабардинском, «Ленин жол» – на балкарском. С марта 1934 года все они получили новое название «Социалистическая Кабардино-Балкария» [22: 90].

Местная пресса использовала различные формы массовой работы среди населения. Заслуживает внимания опыт организации выездных редакций чеченской газеты «Серло». По указанию бюро обкома ВКП (б) в период с 22 февраля по 4 марта 1930 года редакция организовала выпуск для населения Шалинского и Гудермесского районов «Колхозной газеты». Было издано по четыре номера для каждого района тиражом по 600 экземпляров. Одновременно редакция решала и проблемы областного национального органа печати: организовало на местах кружки селькоров и подписку [22: 64].

Этот период развития печати автономных образований края характеризуется также появлением повсеместно периодики, рассчитанной на определенные категории читателей. Появилась сеть узкоспециализированных изданий. Как пример можно привести «Бюллетень управления Грозненского отделения движения Северо-Кавказской железной дороги», «Печатник» (орган Союза печатников Чечено-Ингушетии) и др.

Появление изданий, рассчитанных на различные категории читателей, свидетельствовало о том, что в северокавказских автономных областях и

республиках начала складываться система партийно-советской прессы, углублялась дифференциация периодических изданий. Констатируя успехи краевой прессы, «Журналист» писал: «Что касается типизации газет, ...мы уже сейчас подошли вплотную к разрешению кардинальнейшей политической задачи национальной печати – созданию газеты, приспособленной к уровню отсталого крестьянина-национала, ибо за истекший год росли и по количеству, и по тиражу главным образом крестьянские и прочие (юношеские, женские, профессиональные и военные) газеты и сильно сократились газеты смешанного типа» [290.21: 13].

На развитие системы журналистики в национальных регионах Северного Кавказа оказывали влияние продолжавшиеся реорганизации административно-территориальной структуры края. Часто они проводились волевым образом директивами центра без учета границ компактного проживания одного народа, а порой и разделяя один и тот же этнос в разных автономных образованиях. Так, созданная в 1922 году Карачаево-Черкесская автономная область, уже в 1926-ом постановлением президиума ВЦИК была разделена на Карачаевскую автономную область, Черкесский автономный округ и Баталпашинский район с подчинением краю. В связи с разделением произошли значительные изменения в общей картине национальной прессы. Так, было прекращено издание русского печатного органа «Горская жизнь», рассчитанного на все народности бывшей Карачаево-Черкессии. А в начавшей выходить 19 декабря 1926 г. карачаевской областной газете «Таулу джашау» («Горская жизнь») были выделены две страницы для публикаций на русском языке. Однако все эти организационные мероприятия носили больше характер косметических изменений. Газета от этого не становилась более популярной и массовой.

Обком ВКП(б) Карачаевской автономной области, отмечая на заседании от 21 января 1928 г., что в «Таулу джашау» помещается чрезмерно большое количество статей, непонятных для горского населения, признавал необходимым «сделать газету безусловно массовой, национально-крестьянской, перестроить соответственно ее содержание и решительно отказаться от помещения длинных и мало популярных статей» [276.2]. «Трудность языка газеты для понимания

низовых масс крестьянства» отмечалась и на Втором областном совещании рабаулкоров Карачая в марте 1929 года [276.3]. Неудивительно, что работники прессы были всерьез озабочены разработкой стиля газеты. В мае 1929 г. редакция «Таулу джарлыла» обратилась к читателям с просьбой ответить на следующие вопросы: «Понимаешь ли ты язык газеты? По-твоему, авторы пишут чисто по-карачаевски или непонятно? <...> Какое у тебя образование?» [363;1929, № 35].

Существовали серьезные проблемы в развитии прессы на национальных языках. Вызывались они объективными причинами: невозможно было за короткий срок наладить преподавание в школах родного языка на письменностях, возникших всего несколько лет назад. Тормозила эти процессы и частая смена графики письменностей. Ликвидация безграмотности проводилась формально: в отчетах фигурировали одни цифры, реальная картина выглядела иной. «Красная печать» рассказала о том, как в горном дигорском ауле Осетии на пиру седой старик при произнесении тоста цитировал газету «Растдзинад», «ссылаясь на ее правоту» [293.45: 50]. Конечно, такие картинки помогали манипулировать общественным сознанием, внушать, что советская пресса, в том числе и национальная, популярна в массах. В данном случае обозреватель ссылается на некий источник без имени, а сам он не был очевидцем. Другое свидетельство корреспондента, посетившего Осетию в тот же период непосредственно, рисует иную картину: в ауле всего в 34-35 километрах от Владикавказа корреспондент «Журналиста» насчитал всего двух грамотных. Почта приходит сюда раз в месяц, пишет автор Д. Делерт, газету здесь видели полгода назад, и жители «довольствуются только «хабарами» (новостями) побывавших в городе, кое-что видевших, кое-что слышавших, кое-что привравших...» [290.12: 59]. В других национальных регионах края ситуация выглядела еще хуже. Большевистское руководство и местные партийные комитеты пытались волевыми методами сделать скачок в превращении горцев в преданные идеалам социализма массы. Результаты агитационно-пропагандистской работы на русском языке были нулевыми в силу его незнания местным населением. Четкого представления, как организовать коммунистическую пропаганду в национальных областях, не имевших ранее своей письменности и литературы, у партийных

функционеров не было. Этим объясняются непоследовательность мероприятий в идеологической сфере в национальных регионах, принятие противоречивых решений. Если в первой половине 1920-х годов на Северном Кавказе превалировало внимание к печати на русском языке, то в конце десятилетия основной акцент сместился на национальные издания. Бюро Северо-Кавказского краевого комитета ВКП (б) на заседании 18 февраля 1927 г. приняло резолюцию «О национальной печати», в котором ставилась задача осуществить «переход всех нацгазет Автономных областей на латинскую графику и на издание их только на нац. языках» [274.14].

Так, в 1929 году, в соответствии с постановлениями Карачаевского обкома ВКП(б) от 12 и 19 декабря 1928 г., редакция «Таулу джашау» взяла курс на увеличение национальной части. Соотношение разноязычных частей в структуре издания было изменено в пользу карачаевской, которой было отдано три полосы газеты при одной русской. Подверглись трансформации все основные характеристики газеты. Обком предложил переименовать газету с использованием термина политического содержания, и областной орган сменил логотип на «Таулу джарлыла» («Горская беднота»). 22 августа редакционная контора была переведена из Баталпашинска в областной центр КАО – город Микоян-Шахар (ныне Карачаевск). С 21 октября 1929 г. газета начала выходить не один, а два раза в неделю [141: 77].

Третья Карачаевская областная партийная конференция, состоявшаяся в декабре 1929 года, отметила, что «продвижение печати, особенно на коренном языке, идет слабо, также нет должного внимания делу рабселькоровского движения ...» [272.3]. Выполняя установки конференции, руководство области стало уделять больше внимания развитию прессы на карачаевском языке. 28 июля 1930 г. бюро обкома приняло постановление «О коренизации газеты «Таулу джарлыла», в соответствии с которым с 29 августа (№ 36) русская страница в издании была ликвидирована и все материалы печатались только на национальном языке. Однако вскоре недалёковидность политики «коренизации» прессы стала очевидной, поскольку значительная часть населения области оказалась не охваченной

печатной пропагандой. 21 августа 1931 г. на заседании областного комитета было принято решение о выпуске добавочной страницы в «Таулу джарлыла» для публикации текстов на русском языке, а уже через неделю в Микоян-Шахаре вышел самостоятельный номер восстановленной русской газеты «Горская беднота» [141: 78].

В середине 1933 г. «Горская беднота» и «Таулу джарлыла» были переименованы соответственно в «Красный Карачай» и «Къызыл Къарачай». В тот период востребованность русскоязычного издания подтвердилась быстрым ростом тиража, превысившего показатели по другим областным газетам.

С созданием Черкесского автономного округа в апреле 1926 года «Адыге псэукэ» («Черкесская жизнь»), выходившая с 1924 года, стала официальным органом окружных партийных и советских властей. В апреле 1928 года округ был преобразован в автономную область. С этого момента начинается новый период в развитии местной печати. Вместо «Адыге псэукэ» появилось новое областное издание «Черкес плъыж» («Красная Черкессия»).

В данный период шел поиск эффективных форм ведения печатной агитации и пропаганды на местных языках, совершенствовалась структура системы национальных периодических изданий в соответствии с развитием национальной государственности, углублялась дифференциация печати. Только в Чеченской области в 1933 году выходило 14 газет, а армия активистов «Грозненского рабочего» насчитывала 1284 человек [317: 1933, 5 мая].

«Правда» часто выступала с обзором местных изданий. Так, в сентябре 1931 главный орган партии в статье «С лупой в руках» подверг резкой критике северокавказскую печать за недостаточное освещение деятельности местных учреждений, в особенности партийных организаций. Из четырнадцати августовских номеров адыгейской русскоязычной газеты «Колхозное знамя», как писала «Правда», только в двух-трех появилась рубрика «Жизнь партии» [350: 1931, 15 сентября]. Из них одна публикация – перепечатка из краевой газеты «Молот». Между тем местные партийные ячейки, особенно в аулах, были малочисленны и не пользовались авторитетом среди населения. Часто они состояли

из нескольких не самых активных представителей местного населения. А указывать на это в своих публикациях журналисты не могли. Иначе они сами могли попасть в число «врагов народа». Выступление «Правды» стало темой специального обсуждения на бюро Адыгейского обкома ВКП(Б) 18 сентября. Редакция «Колхозного знамени», конечно, признала свои ошибки и обязалась исправить их в ближайших номерах. Однако опубликованная под рубрикой «Жизнь партии» статья содержала также общие фразы, теоретизирование о важности коммунистического воспитания масс и т. д. [332: 1931, 20 сентября]. В газетах чаще стали появляться рубрики «Партийное строительство». Но, кроме «политической трескотни», призывов и лозунгов, серьезных статей о причинах слабой популярности местных партийных ячеек среди населения не стало больше. Об этом свидетельствуют и заголовки: «Боевая серьезная работа», «Как мы общаемся с массами», «Культурное обслуживание – на высшую ступень» и т. п. Из таких же мертворожденных директив и лозунгов состояли и постановления всех местных обкомов, касающиеся развития прессы.

Вопросы развития национальной печати держал постоянно в поле зрения краевой комитет партии. В августе 1931 года было принято постановление «О задачах национальной печати Северо-Кавказского края в условиях социалистической реконструкции нацобластей», в котором указывалось: «В целях усиления массовой работы газет, предложить облкомам и нацгазетам: а) обеспечить регулярный выход стенных газет в аулах, рассматривая работу коммунистов и комсомольцев в редколлетию стенных газет, как партийную и комсомольскую нагрузку; б) перестроить работу редакций на методы ударничества и оперативности в массовой работе, шире используя проверенные формы массовой работы (общественный буксир, выездные редакции, ударные рабселькоровские бригады, дозорные посты» [237: 29]. На газеты, выходящие в нацобластях на русском языке, – «Грозненский рабочий» (Грозный), «Власть труда» (Владикавказ), «Красное знамя» (Краснодар), «Большевицкий клич» (Баталпашинск) была возложена обязанность оказывать систематическую поддержку национальным изданиям.

Ситуация с печатью на адыгейском языке стала улучшаться после рассмотрения 8 мая 1928 года вопроса о состоянии издательского дела в регионе на президиуме областного исполкома. «Адыгейская жизнь», выходявшая на двух языках с февраля 1926 года, в ноябре 1929-го была переименована в «Серп и молот». В сентябре 1930 года была разделена на два издания под одним названием. Вырос тираж газет. Если первый год газеты выходили тиражом 1000 экземпляров, то в 1930 году на родном языке печатается одноразовый тираж – 2235 экз., на русском языке 2517 экз. Газеты выходят уже 2 раза в шестидневку [332: 1936, 1 марта]. Вскоре обе газеты были переименованы в «Колхозное знамя» и «Колхоз бракъ» [35: 92].

Хотя областной партийный комитет постоянно уделял внимание региональной прессе, качество ее вызывало нарекания вышестоящих органов. На недостатки областных газет в пропаганде решений и директив партии было указано в постановлениях бюро обкома ВКП (б) от 15 марта и 8 октября 1934 года. После публикации в краевой газете «Молот» критической статьи «Добру и злу внимая равнодушно» обком партии снова рассмотрел вопрос о серьезных упущениях редакции газеты «Колхозное знамя». В частности, в адрес редакции были высказаны нарекания из-за недостаточной деятельности по укреплению колхозов, партийных и советских аппаратов. Руководство областной партийной организации еще раз обсудило 5 января 1936 года вопрос, посвященный областным газетам [22: 110]. Бюро Адыгейского ОК ВКП(б) в феврале 1936 года приняло специальное постановление «О работе областных газет «Колхоз бракъ» и «Колхозное знамя», главная суть которого заключается в выводе: «...Редакции не сумели в достаточной степени перестроить свою работу в соответствии с новыми задачами...» [332: 1936, 26 февраля]. В результате последовавших преобразований с 1936 года в области стала выходить русскоязычная «Адыгейская правда», а с 1938-го – национальная «Социалистическэ Адыгей» («Социалистическая Адыгея»).

Традиция частой смены логотипов изданий, как в первые годы советской власти, сохранилась и в период укрепления большевистской диктатуры. Эта практика переименований часто вносит путаницу при определении даты

зарождения изданий северокавказских автономий. Исследователи порой характеризуют два совершенно разных органа, вышедшие в разные периоды и не имевшие преемственность, как один. А иногда издания, которые действительно связаны между собой, характеризуются как отдельные.

Поиск новых форм газетной работы в условиях развернутого строительства социализма привел к возникновению таких своеобразных изданий, как сатирические, отраслевые, литературные приложения и отдельные листки. «Грозненский рабочий» и районная газета «Голос вышек» в 1933-1934 годах выпускали сатирическую газету «Буйвол на промысле», на страницах которой вскрывались недостатки в работе нефтедобытчиков, остро критиковались тунеядцы, прогульщики, бракоделы. «Буйвол на промысле» использовал хлесткий фельетон, сатирические стихи, карикатуры. Номер от 10 января 1934 года открылся набранным крупным шрифтом четверостишием:

«Опять собранья, разговоры,
И резолюций трескотня...
Вопят, клянутся – «слодим горы»,
А в деле – ни на грош огня».

Сатирические заметки «Буйвола на промысле» пользовались популярностью у читателей, благодаря доступности, использованию фольклорных выразительных средств, разговорного языка. Вместе с тем газета в борьбе с нарушителями трудовой дисциплины допускала и перегибы. Некоторые сатирические заметки содержали неуважительный тон, неоправданной была такая форма, как присуждение «Ордена Буйвола» отстающим коллективам. Формой доноса можно считать и приклеивание ярлыков «врагов народа».

Аналогичные промахи допускали практически все газеты края. Доморощенные партаппаратчики в своем рвении доходили до абсурда. Учреждались «ордена лодырей», «ишачьи» премии и так далее. Так, в обзоре местной районной и низовой печати, опубликованном в краевом журнале «Колхозная печать», поощрялись такие формы, как вручение «рогожных знамен», орденов «черепahi», организация общественного буксира для отстающих [292.1:

1]. Подобные инициативы не пользовались поддержкой местного населения. Поэтому такие формы работы редакций газет были осуждены Центральным комитетом партии в постановлении «Об извращениях в политической работе среди колхозников в Чечено-Ингушской области и Азово-Черноморском крае» (3 мая 1934 г.), где, в частности, отмечалось, что в Чечено-Ингушетии практикуется «в борьбе с лодырями, прогульщиками такие нелепые и вредные мероприятия, как созыв районных, даже областных съездов лодырей...» [317: 1934, 8 мая].

На страницах газет Чечено-Ингушской автономной области прошло обсуждение постановления ЦК. В статье «Исправить до конца извращения в политической работе», опубликованной в «Грозненском рабочем» одновременно с постановлением, отмечалось: «Ошибки и извращения, допущенные в нашей области, усугубляются еще и тем, что область национальная, что воспитательная работа здесь имеет совершенно исключительное значение, требует настойчивости, особой доходчивости и простоты...» [317: 1934, 8 мая]. В выступлениях областных газет намечались пути исправления допущенных ошибок в работе изданий. Были предприняты шаги по укреплению журналистскими кадрами редакций, что позволило добиться качественного улучшения периодических изданий Чечено-Ингушетии. С другой стороны, усиливался контроль над СМИ со стороны партийных комитетов. Их вмешательство в деятельность органов журналистики не всегда давало позитивные результаты.

Подобные тенденции были характерны для развития печати не только Северного Кавказа, но и всех национальных районов: происходили качественные изменения, менялись формы и методы работы, усиливался пресс руководящих партийных комитетов и советских карательных органов на редакции, советских, хозяйственных работников, писателей, поэтов, представителей национальной интеллигенции.

Решение проблемы типа издания в национальных районах было чрезвычайно важно, так как от этого во многом зависела действенность выступлений прессы. В апреле 1925 года подотдел печати ЦК партии рассмотрел вопрос о состоянии прессы в Дагестанской АССР. Изучив опыт Дагестана, Центральный комитет

предложил перевести национальные газеты на крестьянский тип ввиду того, что основную массу коренного населения автономных республик составляло крестьянство [27: 129]. Ежемесячный журнал Дагестанского обкома РКП(б) «Звезда», выходявший с 1923 года, и орган Госплана республики «Плановое хозяйство Дагестана», учрежденный в 1927-ом, слились в 1930 году в одно издание «Социалистическое строительство Дагестана» [22: 39-40]. В 1927 году в Дагестане вступила в строй новая типография, оснащенная новейшим оборудованием, что позволило улучшить оформление газет и журналов, увеличить их тираж [27: 143].

В 1920-х годах многие малые этносы, проживающие в стране, в том числе и на Северном Кавказе, не имели своей автономии и, соответственно, письменности и печати. Поэтому с утверждением Г.В. Жиркова, что «печать национальных регионов проходила в своем развитии те же этапы становления, что и вся система периодики страны» [80: 130], можно согласиться только частично. Так, ситуация в Дагестане вообще была уникальна. Проведенная в 1926 году перепись зарегистрировала здесь 81 язык. Большинство из этих национальностей насчитывали от нескольких сот до нескольких тысяч человек. Конечно, решить проблему разработки национальных письменностей и создания издательской инфраструктуры на всех дагестанских языках не представлялось возможным. Не имели своей письменности и относительно крупные северокавказские этносы, такие как ногайцы, абазинцы, лезгины и таты.

По переписи 1926 года в СССР насчитывалось 36,3 тыс. ногайцев. Они проживали в различных автономиях Северного Кавказа. Наибольшее количество было сосредоточено в Черкесской области и Дагестанской республике. Поэтому не случайно, что именно в этих регионах были предприняты попытки создания ногайской письменности и печати [22: 125]. Первый научно разработанный алфавит ногайского языка был создан в 1928 г. в Черкессии ученым и просветителем Абдулхамидом Джанибековым. А в 1929 г. в областной газете «Черкес плъыж» появилась отдельная страница с материалами на ногайском языке. Выход полосы был встречен ногайцами не только Черкессии, но других субъектов края, с одобрением. Они практически впервые увидели печатные тексты,

написанные на их родном языке. В связи с тем, что страница стала популярной среди ногайского населения региона, Черкесский обком партии впоследствии принял решение о создании самостоятельной областной ногайской газеты «Кызыл Черкес» («Красная Черкессия»), которая стала выходить с 24 июля 1938 года [92: 164].

При Ачикулакском (Ногайском) районном отделе народного образования Дагестана в конце 1920-х годов была создана Ногайская научно-методическая комиссия. По ее инициативе в 1932 году в селении Терекле-Мектеб была учреждена ногайская газета «Кызыл байрак» («Красное знамя») как орган Ачикулакского райкома ВКП (б).

Первые ногайские газеты сыграли важную роль в зарождении национальной письменности и литературы, во многом оказали влияние на формирование самоидентичности народа. В редакциях первых ногайских газет выросли и первые национальные литераторы. На страницах «Кызыл Черкес» и «Кызыл байрак» появились их произведения. Как писал в своей статье заместитель главного редактора Ф. Абдулжалилов, возглавлявший группу молодых национальных писателей, поэтов и журналистов, «...ногайскому народу нужны повести и рассказы. Им недостает ногайской литературы. Этот пробел не восполняют печатающиеся изредка хабары (новости – Л. Т.)» [342: 1940, 13 октября].

Увидела свет в 1928 году первая газета на лезгинском языке «Цийи дунья» («Новый мир»), а в следующем в Бурганкенте – на табасаранском «Уру Табасаран» («Красный Табасаран») [22: 140, 143, 152].

Абазины обрели свою письменность в 1932 г. Руководство Черкесской автономной области в ходе реализации программы латинизации письменностей малых народов приняло постановление о создании абазинского алфавита. В основу ее легла абхазская латинизированная графика. На нём, начиная с 10 мая 1933 года, стала печататься страничка в черкесской газете «Черкес плъыж» (Красная Черкессия). В 1938 году была основана самостоятельная газета на абазинском языке «Черкес къанц» («Красная Черкессия») – орган Черкесского обкома ВКП (б)

и облисполкома [22: 127]. Но на этом программа создания абазинской журналистики и литературы прекратилась.

В конце 30-х годов обрели свою письменность и таты. В связи с этим пленум Дагестанского обкома партии в июне 1928 года решил вопрос об издании газеты для них. До этих пор они, как и лезгины, пользовались изданиями, выходившими на тюркском языке. Создание унифицированного алфавита на латинской основе позволило решить задачу создания татской прессы. В 1928 г. в городе Дербент стала выходить газета «Зехметкаш» («Трудящийся») на татском языке как орган городского и республиканского Совета рабочих депутатов и партийного комитета. Основателем газеты «Захметкаш» был секретарь ЦИК Дагестана Ехиил Мататов, а редактором стал бывший раввин Асаил Бинаев. К этому времени дербентский диалект был принят в качестве основы литературного языка горских евреев, что закрепило за Дагестаном статус крупнейшего центра горско-еврейской культуры. В 1937 г. А. Бинаева сменил Йоханан Йохананов. (Первый год газета «Захметкаш» издавалась на иврите, но эта ветвь языка не пользовалась популярностью среди горских евреев).

Когда сменили шрифт на латиницу, газета начала выходить два раза в месяц (на протяжении десяти лет) и распространялась по всему Дагестану, а также в городах компактного проживания горских евреев: Грозном, Нальчике, Кубе, Баку. За время своего существования газета трижды меняла свое название. В 1938 г. шрифт газеты сменился на кириллицу и, соответственно, сменилось и название газеты. Она стала называться «Гирмизине Астара» («Красная звезда»). В начале Второй Мировой войны – 23 июля 1941 г. вышел в свет последний номер газеты. К большому сожалению, большевистская национальная политика претерпела изменения, и органы печати, как и языки многих малых этносов, были вычеркнуты из советской действительности.

В 1930-е годы стала улучшаться материально-техническая база северокавказской полиграфии, что позволяло улучшить печать и на национальных языках. Так, для приобретения 70 пудов шрифта для печатания литературы на карачаевском и черкесском языках из резервного фонда РСФСР было отпущено

три тысячи рублей золотом [271.2]. В 1938 году нальчикская типография получила новую ротационную машину мощностью 25 тысяч экземпляров в час. Прежняя печатная машина могла выдавать всего 1400–1600 экземпляров. На печать тиража только «Социалистической Кабардино-Балкарии» уходило больше 10 часов. Новая техника позволила перейти некоторым республиканским газетам на ежедневный выход, а также на формат А 2 [22: 62].

Развитие системы местной печати находилось под постоянным контролем партии. Большевистское руководство директивами, повторяющимися из года в год, насаждало вертикаль власти. В начале 1928 года состоялся пленум национальной комиссии Северо-Кавказского крайкома партии, определивший очередные задачи печати в автономиях края. В резолюции ставились задачи усилить партийное руководство печатью, укрепить руководящий состав национальных газет идейно выдержанными и политически подготовленными членами партии [22: 90]. Правда, эти же задачи ставились и всеми предыдущими партийными форумами разного уровня. Большевистское руководство из года в год внушало этими формальными директивами как функционерам властных органов, так и широким массам, кто в стране правит. Так, в том же году вопрос о типе национальной газеты рассматривался на северокавказском краевом совещании работников национальной печати и издательств [297.20: 36]. Хотя совещание рекомендовало углубить дифференциацию в прессы национальных регионах, ситуация особо не изменилась. «К концу 20-х годов газеты на языках народов Северного Кавказа в основном определились как крестьянские с ориентацией на определенный круг читателей, – отмечает З.Ю. Хуако. – В то же время при наличии в национальных республиках и областях, кроме Северной Осетии и Дагестана, лишь по одной газете трудно было требовать от редакции дифференциации в типах периодических изданий. Как правило, национальная газета сохраняла особенности смешанного издания, в котором элементы руководящей газеты сочетались с массовостью...» [214: 138].

Выпуск смешанных изданий на двух или даже нескольких языках можно рассматривать как особенность национальной периодической печати края. Из-за

невысокой периодичности местных изданий возникала проблема выбора того или другого языка для важных материалов или дублирования их на разных языках. Необходимо было найти специфическую форму верстки смешанных изданий, расположения текстов на разных языках в номере. «Становление общеполитической национальной газеты в значительной мере зависело от периодичности ее выхода, тиража, от связей с горскими трудящимися, – отмечает З.Ю. Хуако. – Так, в середине 1928 года осетинская, карачаевская, ингушская, чеченская, кабардинская, балкарская и черкесская газеты выходили раз и только дагестанские и адыгейская – два раза в неделю» [214: 141]. Чаще всего при верстке одному языку отдавались целые полосы. Реже встречалось размещение материалов на разных языках попеременно на всех страницах.

Формирование «лица» национальной газеты протекало достаточно сложно. Проследим, как использовались в чеченской газете материалы на разных языках. Со дня зарождения и до 1934 года в «Серло» публикации в основном были на чеченском языке и изредка статьи директивного характера – на русском. Когда в 1934 году произошло объединение Чечни и Ингушетии в единую автономную область, ингушская газета «Сердало» стала районной. «Серло», переименованная в 1935 году в «Ленинан некъ» («Ленинский путь»), стала официальным органом Чечено-Ингушской автономной области. Она начала печатать часть материалов на ингушском языке, продолжая также публиковать корреспонденции на русском языке. В 1938 году бюро обкома партии приняло решение о преобразовании ингушской «Сердало» в республиканский орган [279.4]. С этого времени чеченская газета публикации на ингушском языке прекращает.

Примечательно, что «Ленинан некъ» помогала журналистам «Сердало» в выработке форм и методов работы. В одной из статей, анализируя деятельность ингушской газеты, «Ленинан некъ» критикует «Сердало» за злоупотребление выпуском полос на русском языке, подчеркивая, что эта газета обслуживает ингушских крестьян и трудящихся, которые не знают русского языка [343: 1936, 5 декабря].

Молодежная газета «Чеченский комсомолец» («Нохчи комсомолхо»), выходящая на русском языке, с постоянной чеченской страничкой, стала печатать большинство материалов на чеченском языке. Сменившая ее, в связи с образованием в 1934 году единой Чечено-Ингушской области, «Ленинхо» – «Ленинец» выходила на русском, чеченском и ингушском языках [279.3].

Смешанные периодические издания выходили во всех автономных областях и республиках. Орган Дагестанского обкома партии журнал «Коммунистическое просвещение» выходил на шести языках [27: 157]. Между тем эта особенность развития системы прессы в национальных областях в научной литературе оценивается неоднозначно. «Процесс становления общеполитической национальной газеты как **типа** периодического **издания** имеет, – отмечает З.Ю. Хуако, – множество граней, среди которых особое место занимает проблема национально-русского двуязычия в печати – явления интересного и между тем мало изученного. Двуязычие стало характерной чертой прессы народов Северного Кавказа. В Дагестане газеты издаются на одиннадцати, в Карачаево-Черкесии – **на пяти языках**, совершенно не дублируя друг друга. **В** Кабардино-Балкарии **и** Чечено-Ингушетии сложилась печать на трех языках. Некоторые исследователи склонны не рассматривать местные русскоязычные издания как национальные. На наш взгляд, это мнение ошибочно. Объективно, в силу конкретно-исторических условий во всех автономиях Северного Кавказа сложилась система различных периодических изданий на национальных и русском языках. В автономных образованиях русскоязычные газеты и журналы являются национальными и отражают наряду с общесоюзными проблемами и национальные, характерные только для данной республики, области» [214: 146].

Важным компонентом системы журналистики Северного Кавказа в 1930-е годы стала молодежная печать. Вслед за центральным комсомольским органом молодежная печать появилась также в большинстве автономных республик и областей. В основном издания для молодежи выходили на местных языках. Отмечает эту характерную черту и З.Ю. Хуако: «Особенность молодежных газет в автономных республиках и областях региона заключалась в том, что печать,

адресованная юношеству, первоначально родилась на национальных языках. Вместе с тем в молодежных национальных газетах для обслуживания русскоязычной юношеской аудитории выпускались на русском языке приложения в форме листовок. К примеру, такая страница регулярно печаталась в осетинской молодежной газете» [214: 170]. Были и смешанные газеты: на русском и национальных языках, в некоторых республиках комсомольские органы печатались только на русском языке.

Нужно сказать, что двуязычие в прессе выступало как определенный компромисс в сложной ситуации выбора языка газеты, понятного местным читателям, и как средство оптимизации межкультурной коммуникации. «Функционирование прессы в условиях национальной республики, – подчеркивает исследователь Г.И. Старкова, – продиктовало своеобразие выпускаемых газет, появившееся в виде билингвизма и вариативности моделей газет» [188: 153].

В Дагестане еще в 1921 году «...были созданы первые комсомольские газеты на аварском, кумыкском и даргинском языках под названием «Молодой дагестанец» – орган ДК РКСМ. Все эти издания дублировали одни и те же материалы» [137: 54]. Однако из-за проблем, связанных с нехваткой средств, отсутствием кадров журналистики, эти издания выходили недолго.

Большевистское руководство исходило из того, что нельзя оставлять подрастающее поколение без идеологического воздействия, поэтому уделяло пристальное внимание становлению молодежной прессы, в том числе и национальной. Так, ЦК РКП (б) в 1925 г. принял специальное постановление «О работе комсомола в области печати», в котором подчеркивалось важное значение издания юношеских изданий на национальных языках [249: 137].

Однако возможность наладить выпуск молодежной газеты имели не все обкомы комсомола. Не хватало материально-технических средств, журналистов из коренной национальности. В Чечено-Ингушетии в 1923-1924 годах Грозненский губернский комитет РКСМ, как приложение к газете «Нефтерабочий», два раза в месяц издавал газету «Юный нефтяник», которая положила начало чечено-ингушской молодежной прессе [334: 1980, 11 марта]. О «Юном нефтянике»,

который выходил всего несколько месяцев, известно очень немного. Сохранилось всего несколько номеров. Однако и они дают представление о газете как органе коммунистического перевоспитания молодых людей.

Чеченский и Ингушский обкомы РКСМ использовали для ведения агитационно-пропагандистской работы среди молодежи областные партийные издания, в которых имелись комсомольские странички. В «Грозненском рабочем» они выходили под названием «Красная молодежь» (1922), «Молодой рабочий» (1927); в «Сердало» – «Комсомольская страничка» (первая полоса вышла 19 ноября 1924 года); в «Серло» Чеченский обком комсомола в 1926 году создал отдел молодежи «В рядах смены».

В Дагестане в 30-х годах многие районные и политотдельческие газеты выпускали молодежные полосы. В районных изданиях Дагестана выходили 10 молодежных страничек [17: 40]. Так, в ачикулакской и кизлярской *районных газетах* «Колхозная правда» и «Кизлярский колхозник» публиковались комсомольские странички «Ударник КИМа» и «Молодой ударник», в газете Ачикулакской МТС – «Пионерский дозор» [137: 54]. В целях усиления политико-воспитательной работы среди молодежи и горянок по решению крайкома и обкома партии редакция кабардинской газеты «Карахалк» («Беднота») выпускала странички молодежи и горянок [181: 54]. Северо-Осетинский обком ВЛКСМ учредил свой орган «Авзонг тых» («Юная сила»), которая стала выходить с 3 января 1928 года» [66: 211].

В 1928 году по решению Грозненского окружкома партии стала выходить газета «Искра нового» – орган Грозненского горкома ВЛКСМ, которая закрылась с учреждением областного молодежного издания. Решением бюро Чеченского обкома ВКП(б) от 17 декабря 1931 года была основана газета «Нохчийн комсомолхо» («Чеченский комсомолец»). В постановлении говорилось: «Ввиду того, что областная комсомольская организация насчитывает в своем составе до 25 тысяч членов ВЛКСМ, 16 районов и 408 ячеек, которые не обслуживаются в достаточной мере печатью («Серло» и «Грозненский рабочий»), и, учитывая разностороннее направление хозяйств области, считать совершенно необходимым

издание с начала 1932 года специальной комсомольской газеты...» [89: 9]. С 1934 года стала выходить как орган Чечено-Ингушского обкома ВЛКСМ «Ленинхо» – «Ленинец».

Ведущие областные органы стали кузницами кадров для молодежной и низовой печати. Так, редактором основанной в 1934 году газеты «Адыге комсомол» («Комсомолец Адыгеи») был утвержден Каде Гисса, до этого работавший заведующим сельхозотделом областного официального органа «Колхоз брига». Редактором чечено-ингушского «Ленинца» стал бывший внештатный корреспондент «Грозненского рабочего» Нурдин Музаев.

В 30-х годах молодежные газеты в автономиях региона определились по своим типологическим принципам и характеру. Комсомольско-молодежная печать стала составной частью системы прессы Дагестанской, Чечено-Ингушской, Северо-Осетинской, Кабардино-Балкарской АССР. В Адыгее в 1934 г. недолго выходил «Комсомолец Адыгеи». В Карачаево-Черкесской автономной области в это время не сложилась молодежная печать, но в местных партийно-советских газетах регулярно выпускались комсомольские странички [214: 171].

Система национальной периодической печати в исследуемый период состояла из изданий, выходивших на: а) русском языке, б) национальном языке, в) двух или нескольких языках (смешанные).

В годы первых пятилеток дальнейшее развитие получила дифференциация национальной печати по характеру аудитории. Типизация изданий строилась по нескольким признакам: 1) социальному – органы, рассчитанные на всех членов общества и на определенные группы читателей – рабочие и крестьянские; 2) возрастному и физиологическому – молодежные, пионерские, женские; 3) принадлежности к общественным организациям – партийные; 4) профессиональному – отраслевые; 5) жанровому характеру изданий – сатирические, литературно-художественные.

Следует заметить, что в разных областях, в зависимости от исторически сложившихся предпосылок или наличия тех или иных групп читателей, в системе периодической печати были представлены не все типы перечисленных выше

изданий. Например, печать для пионеров получила развитие только в тех республиках, где детская пресса родилась еще в первые годы Советской власти. Пионерские газеты выходили в Татарии – «Яшь ленинчы» («Юные ленинцы»), Башкирии – «Юный строитель». На Северном Кавказе детские издания появились только в Северной Осетии. В Чечено-Ингушетии «Серло» в 1927 году выпускала «Страничку для детей», «Сердало» – полосу «Ингушский пионер». В «Грозненском рабочем» в 30-х годах выходила полоса «Нашим счастливым ребятам».

Относительно разветвленная сеть профессионально-отраслевых изданий в регионе сложилась только в Грозном в связи с тем, что здесь еще с дореволюционных лет функционировал крупный нефтедобывающий и нефтеперерабатывающий комплекс, имеющий всесоюзное значение. Этим объясняется, что первое периодическое издание, появившееся в Грозном, было связано с нефтепромышленностью. Им стал вышедший в 1901 году научно-технический журнал «Сборник трудов Терского отделения императорского Русского Технического Общества». Он сыграл огромную роль в становлении местной периодической печати [135: 20].

Специальные издания, рассчитанные на специалистов нефтяной отрасли, появились в Грозном уже в период восстановления экономики после завершения гражданской войны. Еще в 1922 году стал выходить журнал «Грозненское нефтяное хозяйство» – орган Центрального нефтеуправления Грозного (Государственного объединения грозненской нефтяной промышленности «Грознефть»). В 1925 году вышли 12 номеров «Бюллетеня Бюро организации производства «Грознефти»

В годы первых пятилеток в Чечено-Ингушетии сформировалась система профессионально-отраслевых изданий (Таблица 4). Они возникали в соответствии с характером местной экономики. Так, по решению Чеченского обкома ВКП(б) в Грозном в 1930 году было налажено издание журнала «Грозненский нефтяник» [279.13]. В республике выходило несколько периодических органов для нефтяников и машиностроителей.

Таблица 4. Сеть профессионально-отраслевых изданий в Грозном
в 1920 - 1930-е годы

№	Название		Период выхода
1.	Грозненское нефтяное хозяйство. Орган Центрального нефтеуправления Грозного (Государственного объединения грозненской нефтяной промышленности «Грознефть»)		24.04.1922 – Март 1924
2.	Грозненский нефтяник: Научно-технический ежемесячный журнал. Орган трестов «Грознефть», «Грознефтезаводы» и нефтепрофсоюзов (чеченского обкома союза горнорабочих)		Ноябрь 1930–1938
3.	Известия научного общества Чеченской автономной области		Начало 1930-х годов. Других сведений нет
4.	Бюллетень Государственного треста Грозненской нефтяной и газовой промышленности «Грознефть»		1933–1938
5.	Бюллетень. Американо-технический кружок при «Грознефти»		1928–1930
6.	Нефтеработник. Кооперативный листок. Двухнедельный орган Грозненского центрального рабочего кооператива «Нефтеработник»		1929–1931

7.	Стройзавод. Ежедневная газета рабочих и служащих строительной конторы «Грознефть - Заводстрой»		1930–1932
8.	Разведчик. Газета партийных, профессиональных и хозяйственных организаций нефтеразведок Грознефти		1931–1933
9.	Техника нефти. Орган объединения «Грознефть» и обкома союза нефтяников. С № 28 — За большевистскую партийность в технике		1932-1941
10.	Бригадный удар. Однодневная газета ячейки ВКП(б) и промкома первого промысла		1930, 26 августа
11.	Техника		Газета выходила в 1930-е годы. Других сведений нет
12.	За индустриализацию		Газета выходила в 30-е годы. Других сведений нет
13.	Вышка: Орган РК ВКП(б), райсовета и профкома Старых промыслов		1931–1935
14.	Голос вышек: Орган РК ВКП(б), райсовета и профкома Новых промыслов		1931–1935

В Карачаевской АО после выхода в свет директив ЦК ВКП(б) об усилении партийного руководства прессой в конце 1920-х годов было учреждено специальное партийное приложение к газете «Таулу джашау». Однако организовать его регулярный выпуск так и не удалось, вследствие чего обком

ВКП(б) принял в октябре 1929 г. постановление о создании в газете партийного отдела, как указывалось, для более широкого освещения борьбы с правым уклоном и его конкретными проявлениями в областной парторганизации [141: 91].

Особую роль в национальных регионах Северного Кавказа играла печать, рассчитанная на малограмотных читателей в силу того, что большая часть горского крестьянства относилась к этой категории. То есть основное население оставалось фактически вне поля воздействия печатных органов пропаганды. Это обусловило возникновение нового в истории партийно-советской печати типа газет, выделяемого по аудиторному признаку, изданий, непосредственно адресованных малограмотному читателю. Целесообразность и своевременность выпуска в автономиях Северного Кавказа специальных газет и страниц для малограмотных подчеркивалась в резолюции «О печати», принятой краевым совещанием редакторов и заведующих издательствами в 1930 году [243: 27].

Так, по решению бюро Карачаевского обкома ВКП(б) от 9 мая 1931 г. «Таулу джарлыла» стала выпускать газету для малограмотных рабочих, колхозников и трудящихся «Джарыкълыкъ» («Просвещение») на карачаевском языке. С апреля 1933 она стала органом обкома партии, исполкома и совета профсоюзов области [141: 86]. Выходила до мая 1940 года. Тексты в газете набирались крупным шрифтом и были предназначены для коллективной читки в школах для малограмотных; не случайно логотип издания до 1933 г. включал призыв: «Если ты умеешь читать, прочти газету неграмотному». Редакция «Джарыкълыкъ» публиковала методические указания по обучению грамоте, планы учебных занятий, поднимала вопросы повышения квалификации учителей, распространения печати, обсуждала специфические проблемы национальной школы: резкое сокращение посещаемости с началом весенне-полевых работ, нехватку учебных пособий и другое.

В 1930-х годах в автономиях региона выпускалось 10 газет для малограмотных – на абазинском, адыгейском, балкарском, ингушском, кабардинском, карачаевском, ногайском, осетинском, черкесском и чеченском языках. Кроме «Джарыкълыкъ» выходили: адыгейская – «МакІэу еджагъэхэмэ

ягазет» («Газета для малограмотных»), ногайская – «Джарыдлыдда» («К просвещению»), черкесская – «ШЭныгъэ пэублэ» («За грамотность») и другие. «Газеты для малограмотных – это своеобразные газеты-буквари, газеты-учебники, посредством которых безграмотные и малограмотные массы населения приобщались к грамоте, знаниям, учились читать и писать. Газеты отличались спецификой тематики и оформления, доходчивостью изложения материалов, новостных сообщений. В газетах для малограмотных публиковались алфавиты, методические указания по обучению грамоте и письму, подробные планы учебных занятий, примерные уроки в помощь культурмейцам» [211: 70–71].

Рождение районной прессы в крае непосредственно связано с совершенствованием административно-территориального деления областей – с ликвидацией в 1930 году округов и созданием районов. В Постановлении ЦК ВКП(б) указывалось на то, что по стране «должна быть развернута сеть районных газет...» [83: 168]. В 1931 году в СССР выходили свыше 300 районных национальных газет [298.3: 99]. Становление этого сегмента прессы в автономиях Северного Кавказа имело свои особенности. Прежде всего она развивалась на русском и местных языках. Например, в Дагестане районные издания первоначально возникли в столице республики, а распространялись тиражи в населенных пунктах компактного проживания определенных народностей. Районные газеты некоторое время одновременно являлись совместными органами областного и районных комитетов партии. Сосредоточение районных газет в годы формирования большевистского авторитарного режима в Махачкале и других относительно крупных городах республики объяснялось слабой полиграфической базой, отсутствием типографских шрифтов, нехваткой журналистских переводческих кадров в сельской местности. С появлением соответствующих условий выпуск районных газет был перенесен непосредственно в районы расселения национальностей ДАССР [214: 176]. Из 28 районных газет, выходивших в Дагестане в 1938 году, 20 издавались на национальных языках [172: 75].

В создании районных газет активное участие приняла областная и региональная печать. Чаще всего районные газеты организовывались под

непосредственным руководством и при участии сотрудников областных изданий. Первую в Северной Осетии районную газету в селе Христиановское создала выездная редакция газеты «Растдзинад» – органа обкома партии и облисполкома. Журналисты «Растдзинада» оставили в селе взятое с собой типографское оборудование, которое послужило базой для печатания районной газеты. В 1932 году в Северной Осетии выпускалось 6 районных газет, 5 из них – на осетинском языке [66: 285]. В 1933-1935 годах в Карачаевской области был организован выпуск первых районных изданий – газет «Къызыл таулу» («Красный горец») и «За большевистские колхозы» [141: 89]. Нужно отметить, что становление низовой печати в национальных регионах Северного Кавказа сталкивалось с большими трудностями. Как отмечает З.Ю. Хуако, «национальные районные газеты (на русском или местных языках, а также смешанные) по своему предназначению, типу, содержанию и языку стремились отвечать уровню развития и потребностям горского крестьянства» [214: 174]. Однако на практике этот сегмент системы прессы края влачил жалкое существование. Журнал «Революция и горец», характеризуя прессу советских автономий, отмечал, что районная, фабрично-заводская и низовая печать края находится в зародышевом состоянии и не отвечает требованиям. Действительно, в 1931 году в семи национальных областях Северного Кавказа было создано лишь три районные – две в Шатойском и Урус-Мартановском округах Чеченской автономной области и одна – в Дигорском районе Северной Осетии. Вместе с тем 25 округов (районов) оставались без печатных органов [297.21: 46, 48].

Для эффективного руководства становлением районной прессы в областях Северного Кавказа крайком партии в 1931 году начал выпускать двухнедельный журнал «Колхозная печать». Журнал ставил своей задачей помочь районной и низовой печати в улучшении агитационно-пропагандистской и организаторской работы. Важной сферой деятельности «Колхозной печати» было содействие развитию прессы на национальных языках. С третьего номера в журнале появилась рубрика «Печать нацобластей и районов».

Все процессы в области прессы непосредственно направлялись большевистской партией. Задача ставилась масштабно: охватить все население страны единой коммунистической идеологией. Вот почему важным звеном большевистской пропаганды стала низовая печать, зарождение которой приходится на конец 1920-х – начало 1930-х годов. Так, ЦК партии наметил ряд мероприятий по укреплению районной и фабрично-заводской прессы в постановлениях «О сельской районной и низовой печати» (18.01.1931), «Об улучшении распространения и доставки районных газет» (21.04.1931), «О фабрично-заводской печати» (19.08.1932), «О работе политотделов МТС, о колхозной ячейке и о взаимоотношениях политотделов и райкомов» (15.04.1933), «О фабрично-заводских газетах «Камский бумажник» (Свердловская область) и «Ленинец» (г. Горький) (19.05.1936).

Областные издания в соответствии с установками Центрального комитета ВКП (б) направляли районные газеты, публиковали обзоры. Орган Адыгейского обкома ВКП(б) «Колхозное знамя» дает оценку Хакуратенской районке «Большевик»: «Газета сера, скучна, неинтересна и отстает от жизни района... Номера в большинстве заполнены официальными материалами. Лишь незначительное место отведено для местного материала, который идет в газету самотеком и, следовательно, не отражает подлинной жизни своего района. Безграмотность газеты поражает читателя» [332: 1936, 10 марта]. Бюро Адыгейского областного комитета ВКП(б) приняло 26 февраля 1936 года специальное постановление «О работе областных газет «Колхоз брэг» и «Колхозное знамя», в котором отмечалось: «Обзор районных и стенных газет колхозов и совхозов помещался недостаточно» [332: 1936, 14 марта]. Действенность таких постановлений была низкой. В основном они строились на общих словах, призывах улучшить, усилить и т. д.

Вопреки пафосным заявлениям о массовости низовой прессы в регионах края эффективность ее была низкой. Как опровержение отчетов о широком участии трудящихся в советской прессе выглядят цифры, приведенные в обзоре печати в «Дагестанской правде». Официальный республиканский орган подверг критике

несколько районных изданий за слабую постановку работы с письмами читателей. «В газете «Ленинский путь» Дахадаевского района учета поступающих писем и заметок в редакцию до сих пор не ведется, – утверждает в обзоре. – Разосланные для расследования по организациям и учреждениям неопубликованные заметки лежат без движения. На 39 заметок, посланных на расследование, редакция получила лишь один ответ» [319: 1937, 30 сентября]. Отмечалось, что ситуация в редакциях «Колхозника гор» (Хунзахский район), «Новый путь (Курахский район), «Колхозчу» (Буйнакский район) такая же.

Краевой журнал «Колхозная печать» в обзоре районной печати под директивным заголовком «Ошибки исправить немедленно» так же указывает на подобные недостатки лакской районки «Захматчи»: «Каждый номер газеты наводнен различного рода постановлениями партийных, советских и других органов (иногда постановлениями сугубо ведомственными), которые очень часто занимают больше половины газеты. ... «Захматчи» больше похожа на сухой ведомственный бюллетень, нежели на массовую большевистскую газету» [292.3: 22].

По данным журнала «Революция и горец», в 1930 году в крае издавалось всего несколько фабрично-заводских газет: в Грозном и Северной Осетии [297.13: 23]. Это объяснялось тем, что в этих регионах более ускоренными темпами, чем в других национальных районах Северного Кавказа, шел процесс создания промышленных предприятий.

С развитием промышленного строительства в национальных образованиях расширялась сеть фабрично-заводских газет. Это многотиражки «Микояновец», «Садонский шахтер» и «Рабочий «Электроцинк» в Северной Осетии; «Адыгейский консервщик», «Красный экстрактовик» и «Андреевец» в Адыгее; «Красный молотовец» и «Грозненский консервщик» в Чечне; «Стеклогаз», «Дербентский консервщик», «Даешь двигатель» и «Махачкалинский консервщик» в Дагестане и другие» [214: 173].

В районах Карачая и Черкессии начали выходить при МТС газеты «Колхозник», «Стальной конь», «Знамя МТС» и др. В сентябре 1932 г. появилась

газета «Горский конь» (г. Кисловодск) – многотиражный орган бюро партколлектива Карачаевского военного конного завода РККА; с апреля 1933 г. – многотиражное издание Карачаевской МТС «За большевистские колхозы» (г. Микоян-Шахар); с мая 1935 г. на пастбище Бичесын – газета «Къызыл малчы» («Красный животновод») [141: 88].

Первой многотиражной газетой в Кабардино-Балкарии стала «Баксанстрой», которая издавалась в период строительства Баксанской ГЭС [22: 90]. Выпуск временных изданий довольно широко практиковался в годы индустриализации по всей стране. Как правило, их выпускали участники различных культпоходов, рейдов из более развитых краевых центров, на Северном Кавказе в основном из Ростова-На-Дону. Так, во время похода за ликвидацию массовой неграмотности сельского населения в Кабардино-Балкарии по указанию Северо-Кавказского крайкома партии ввиду недостатка учебников временно был организован выпуск областной газеты «Для малограмотных» тиражом 7000 экземпляров [22: 91].

В Адыгее тоже стала развиваться сеть политотдельских и многотиражных газет. Так, вышли многотиражки в совхозах аулов: Чехрак – «За лубяные культуры», Хатукай – «Большевистский огород». Популярной в области стала стенная печать. Всего в 1934-1935 годах были организованы стенгазеты: городские, совхозные, колхозные и МТСовские – 310 [22: 109].

Центральный комитет ВКП(б) обязал всесоюзные, краевые, областные, районные газеты организовать обзоры фабрично-заводских изданий. Выполняя установки ЦК партии, областная и региональная печать вела большую пропагандистскую и организационную работу по развитию районной и низовой прессы. Примером могут послужить областные издания Чечено-Ингушетии, которые уделяли много внимания становлению в области низовой печати, в особенности в сельской местности, ввиду труднодоступности некоторых горных районов и неудовлетворительного распространения там областных и центральных газет. Например, в 1933 году в Урус-Мартановском районе распространялись два экземпляра «Правды», 65 – «Серло» («Свет»), 38 – «Грозненского рабочего» и 5 – краевой газеты «Молот» [359: 1933, 18 июля].

Совещание при культпропотделе Чеченского обкома ВКП(б) в апреле 1931 года разработало программу развития системы печати в области. Было предусмотрено издание в Грозном производственных газет типа районных [279.14; 279.18]. Это объяснялось значением Грозненского нефтепромышленного района. Вскоре были созданы газеты «Вышка», «Голос вышек», «За большевистскую партийность в технике», «Пробег», «Транспортник «Грознефти»».

На основе этой программы началась организация сети районных и многотиражных газет Чечни. Руководство этой деятельностью осуществляли областные издания. «Грозненский рабочий» в обзоре «Борец за большевистские колхозы» рассказал о достоинствах политотдельской газеты «Ударник» (Грозненская МТС), отметив, что «его материалы конкретны и оперативны» [317: 1933, 20 ноября].

К 1932 году в Северной Осетии было создано 5 фабрично-заводских газет, в Кабардино-Балкарии – 3, в Адыгее – 7, Дагестане – 9. Многие из них параллельно издавались на национальных языках» [214: 172].

Многотиражные политотдельские печатные органы издавались на двух полосах небольшого формата (А4, позже А3). Основным направлением редакционной политики газет стали организация сплошной коллективизации крестьянских хозяйств и реализация сопутствующих ей сельскохозяйственных кампаний [141: 89]. Низовая пресса на Северном Кавказе в основном развивалась на родных языках. В феврале 1933 года секретариат Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) рассмотрел вопрос об организации многотиражек в политотделах машинно-тракторных станций края. Предусматривалось создание при МТС печатных или стеклографических многотиражных газет, определялись сроки завершения подготовки к их изданию, был установлен средний тираж 300 экземпляров и периодичность выпуска пять-шесть раз в месяц, формат А-4 [274.16]. Вместе с тем качество низовой печати было невысоким. «По содержанию и оформлению политотдельские газеты напоминали боевые листки, – отмечает Т.Т. Нежинская. – Газеты по формату были небольшими, с броскими заголовками,

набирались крупным шрифтом, заметки отличались краткостью и эмоциональностью, в них указывались передовики и отстающие» [158: 43].

Деятельность районных и многотиражных изданий находилась под пристальным контролем партийных комитетов. Так, орган Чеченского обкома партии «Грозненский рабочий» посвятил развитию этого сегмента прессы передовую статью «Низовую печать на уровень задач второй пятилетки», в которой указывалось, что «укрепление и дальнейшее развитие фабрично-заводской печати немыслимо без усиления партийного руководства» [317: 1933, 10 января]. Газета «Серло» также активно способствовала развитию низовой печати, печатая регулярно критические обзоры и рецензии. В одном из обзоров редакция газеты «Серло» проанализировала материалы газет «Колхозхо» («Колхозник») Урус-Мартановского района и «Цен ламанхо» («Красный горец») Шатоевского района. Редакция дает рекомендации, как улучшить содержание районных газет, указывает на важность регулярности выхода [359: 1934, 15 января]. Выступали с обзорами и другие областные газеты. В статье «В полосе докладов» «Грозненский рабочий» дал анализ деятельности районной газеты «Сунженский колхозник». «В громких широковещательных призывах газета недостатка не имеет, – пишет орган обкома ВКП(б). – А вот найти на ее страницах хотя бы признак организаторской работы – будет труднее». В материале подчеркивалось, что только улучшение связи с массами, участие селькоров сможет повысить качество содержания выступлений «Сунженского колхозника» [317: 1934, 20 апреля].

В январе 1933 года редакция газеты «Грозненский рабочий» совместно с культпропотделом Грозненского райкома партии провела совещание по вопросу улучшения низовой печати, которое сыграло заметную роль в становлении районной прессы Чечни [317: 1933, 2 февраля].

Сеть низовых и районных газет в течение 1930-х годов была создана во всех автономных областях и республиках страны. Конечно, эта деятельность направлялась большевистскими партийными организациями. Деятельность обкомов по организации и развитию районной и низовой печати была неоднократно предметом обсуждения краевого комитета партии. В постановлении

«О задачах национальной печати Северо-Кавказского края в условиях социалистической реконструкции нацобластей», принятом в марте 1931 года, крайком обязывал редакции областных газет оказывать систематическую поддержку национальным районным газетам [237: 29].

Бюро Чеченского обкома партии в 1932 году рассмотрело вопрос «О состоянии районной печати». Обком указал на недостатки районной прессы, обязал областные органы оказывать широкую помощь местным газетчикам в налаживании выпуска изданий [279: 15]. Дагестанский обком партии в 1935 году принял постановление «О районных газетах и редакторах», в котором была уточнена сеть районной печати республики. Специфика строительства районных периодических изданий в Дагестане заключалась в том, что здесь некоторые райгазеты выполняли функцию национальной газеты для целой народности. Таких изданий в Дагестанской АССР было шесть. Впоследствии они были преобразованы в областные органы [27: 170].

Система прессы Карачаевской АО, представленная к началу первой пятилетки единственным областным изданием «Таулу джашау», в 1937 г. насчитывала три областные, одну районную (выпуск газеты «Къызыл таулу» как районного органа печати был прекращен уже в 1933 г.) и целую сеть низовых газет – многотиражек и стенновок [141: 108].

К концу тридцатых годов процесс становления периодической печати в Адыгейской автономной области в основном завершился, утверждает Д.Н. Ахмедов. Система состояла из областных органов «Социалистическэ Адыгей» и «Адыгейская правда» с 15-тысячными тиражами, комсомольско-молодежной на родном языке, 6 районных, 5 совхозных и заводских газет, достаточно широкого рабселькоровского движения [22: 112]. В 1938 году в области выходили одиннадцать периодических органов: две областные, шесть районных и три многотиражных. Из них три – на адыгейском, два – смешанные и шесть – на русском [35: 102].

В годы первых пятилеток в автономных областях и республиках Северного Кавказа была создана система печати, включавшая в себя областные, районные,

фабрично-заводские газеты и журналы на русском и местных языках, рассчитанные на все основные группы и категории читателей. Сеть периодических изданий в национальных районах неуклонно расширялась. В автономных республиках и областях Северного Кавказа в 1938 году выходило 115 газет, 60 из них – на местных языках³.

В 1936-1938 годах в регионе в основном было закончено национально-государственное строительство автономных образований. В этот период был завершён переход всех национальных письменностей на унифицированный алфавит на основе русской графики. Хотя эта реформа на первых порах негативно отразилась на количественных показателях тиражей и аудитории местных изданий, она в дальнейшем оказала значительное влияние на становление структуры системы национальной печати.

В связи с завершением создания национальных письменностей в 30-х годах был начат выпуск периодических изданий на языках северокавказских народностей, которые раньше письменности не имели. В это время возникли первые газеты, сначала в статусе окружных, затем районных, на табасаранском, ногайском, татском языках. Как отмечает З.Ю. Хуако, «национальное размежевание и создание автономных образований оказали существенное влияние на совершенствование системы печати региона, привели к количественным и качественным изменениям ее составляющих» [214: 108]. По его утверждению, во второй половине 30-х годов в основном завершилось формирование системы печати в советских автономиях Северного Кавказа, произошли качественные изменения изданий, хотя они сдерживались социально-политическими деформациями в стране [214: 187].

Система печатных СМИ в автономиях Северного Кавказа к концу 30-х годов состояла из республиканских и областных руководящих газет, отдельно на русском и местных языках, различных республиканских газет и журналов, рассчитанных на определенную группу читателей, на русском или местных языках, а также

³Подсчитано автором по материалам статистических сборников.

смешанных изданий. Районная и фабрично-заводская пресса также состояла из органов, выходящих на национальном и русском языках. Наблюдалась тенденция преимущественного выпуска районных и многотиражных газет смешанного типа. В некоторых республиках выходили дублированные издания на русском и местных языках. Пресса заняла свое место в системе большевистской авторитарной модели журналистики, превратилась в орудие пропаганды идей социализма среди народностей России. «На Северном Кавказе печать автономных республик и областей складывалась как региональная система прессы, в основе которой лежали общие закономерности развития и функционирования всей партийно-советской прессы страны, – отмечает один из ведущих исследователей местной журналистики З.Ю. Хуако. – В то же время печать каждой автономии развивалась как самостоятельная система газетной и журнальной периодики с присущими только ей особенностями» [214: 129]. Он считает, что зарождение печати в северокавказских автономиях характеризуется рядом особенностей. Это, во-первых, опережающий процесс развития прессы на русском языке на начальном этапе, объяснявшийся трудностями в создании письменностей, многонациональным составом и сплошной неграмотностью горского населения. Во-вторых, с первых дней Советской власти русский язык стал жизненной потребностью и необходимостью в экономическом и духовном развитии наций и народностей, средством межнационального общения, важнейшим источником политических, научных, технических и культурных знаний. В-третьих, на первом этапе своего развития в системе национальной прессы распространение получили рукописные литографированные, а также смешанные газеты, газеты для малограмотных.

Если в 1913 году в царской России выходило 859 газет, в том числе 59 на национальных языках, то в 1940-м в СССР издавались 8806 газет разовым тиражом 38,4 миллиона экземпляров. На языках народов СССР (без русских) выходило 2275 газет, разовый тираж которых составлял 10 миллионов экземпляров. В систему национальной печати вошло издание 390 журналов (разовый тираж 38 миллионов экземпляров) [22: 7]. В одном Дагестане газеты и журналы издавались на десяти

языках: на аварском – 10, кумыкском – 6, даргинском – 5, лезгинском – 4, русском – 11, азербайджанском – 2 и по одной на лакском, табасаранском и татском языках [22: 45]. В Кабардино-Балкарии в 1940 году выходили четыре республиканских, шесть районных и одна многотиражная газета общим тиражом 48 тысяч экземпляров [22: 92].

В 1930-е годы практически во всех регионах Северного Кавказа стали издаваться общественно-политические и литературно-художественные журналы. Так, в Осетии выходили «Мах дуг» («Наша эпоха»), «Малусаг» («Подснежник»), «Абон» («Сегодня»), для детей «Сырх дидинаг» («Красный цветок»); в Адыгее – «Псаль» («Слово»), «Тихахъо» («Наш рост»); в Чечено-Ингушетии «Советская Чечня», «Слово писателя» и «Кхиар» («Рост»).

К концу 30-х годов «...на Северном Кавказе газеты, журналы, альманахи выходили уже на 15 языках: чеченском, аварском, осетинском, азербайджанском, даргинском, балкарском, кабардинском, ингушском, кумыкском, лакском, лезгинском, ногойском, русском, табасаранском, татском» [64: 90]. Только в Дагестане в 1940 году выходили 56 изданий, в том числе 5 республиканских и 27 районных газет, а 30 из них на национальных языках [71: 14]. Конечно, развитие национальной печати отставало от русскоязычной. Так, в 1939 году из 5761 издаваемых в России газет на языках национальных регионов выходило только 7,6 процента [80: 136]. При этом, процент нерусского населения составлял 21.

Вся система региональной журналистики, как и всей советской, была тотально подчинена большевистской партии и служила пропаганде одной идеологии – коммунистической. В сложившемся тоталитарном государстве «<...> журналистика и цензурный аппарат контролировались партийными органами, созданными для этой цели: сначала Агитпропотделом (с 1921 г.), потом Отделом печати ЦК (1924-1928), Отделом агитации, пропаганды и печати (с 1928 г.). Политбюро выступало одновременно и в качестве арбитра, расследуя жалобы на цензуру и цензоров» [80: 26]. В Положении Совнаркома от 6 июля 1931 г. «О Главном управлении по делам литературы и издательств РСФСР и его местных органах» были определены функции ведомства как осуществление

предварительной и последующей цензуры под основательным партийным контролем [80: 28].

Даже в партийных директивах, адресованных местным руководителям, не скрывается карательное назначение политической цензуры. В циркулярном письме областным отделам Главлита и политредакторам цинично ставятся задачи: «Опыт цензурного воздействия выдвигает два основных пути цензурной политики: первый путь – административное и судебное преследование, которое выражается в закрытии издательств или отдельных изданий, сокращении тиража, наложении штрафа и предании суду ответ. лиц. Второй путь – путь умелого идеологического давления, воздействия на редакцию – путем переговоров, ввода подходящих лиц, изъятия наиболее неприятных и т. д.» [273.1]. Центральный аппарат Главлита в 1927 году состоял из 86 сотрудников, а в 1940-м насчитывал около пяти тысяч цензоров, из них лишь 506 имели высшее образование [62: 13-14].

Большую ценность в научном плане представляют воспоминания известного советолога А. Авторханова о практике цензуры печати местными партийными комитетами и карательными органами, когда он сам возглавлял издательство Чеченского областного комитета большевистской партии. «Каждую рукопись читали независимо друг от друга два рецензента, – пишет он. – Члены партии под личную ответственность обосновывали заключение, можно ли принять ее к производству. Если отзывы обоих были положительными, рукопись принималась. А если рецензенты расходились во мнениях, ее отвергали. Затем ее читали литературный редактор (с точки зрения соответствия политической терминологии) и технический редактор. Потом рукопись направлялась на читку назначенному областным комитетом партии ответственному редактору, а он – на свой страх и риск – визировал материал. Тогда уже издательство приступало к выпуску книги в свет, но в набор она шла, только если ее подписали все контролеры: ответственный и издательский редакторы, литературный и технический редакторы, ответственный корректор, читчик и подчитчик – и поставлен номер цензуры, выданный под личную ответственность руководителя издательства. По завершении издательских процессов я, направляя материалы в типографию, писал: «В печать». А когда был

отпечатан тираж, ни один экземпляр не мог быть выдан кому-то ни было, пока из НКВД не вернется сигнальный экземпляр со штампом «разрешено к распространению» и подписью начальника секретно-политического отдела. Все эти этапы прошла и моя «Революция и контрреволюция...» до того, как статья «вредительской» [4: 188-189].

Принципы партийного руководства прессой обуславливались положением правящей партии, которая формулировала свою политику в программных документах, декларациях и лозунгах и проводила ее в жизнь посредством печати. Отсюда трактовали упрощенно и принципы взаимодействия печати с партийными комитетами, причем рассматривая печатные органы как некие «приводные ремни» от партии к массам. «Политический принцип партийности стал определяющим не только для сугубо партийной печати, но и остальной, называемой в партийных документах «политпросветительская», – отмечает исследователь печати периода тоталитаризма Н. Тобольцева. – Такая заданность не только приводила к унификации газет и журналов, но и проявлялась при выпуске книг, отводя приоритет прежде всего политической литературе. С возникновением отраслевых наркоматов, предусматривающих более четкое управление отдельной отраслью социалистического хозяйства, возник вид ведомственной печати, которая еще в большей степени носила директивный характер с локальной конкретизацией» [195: 31].

До конца 1930-х годов не существовало общесоюзного единого цензурного ведомства и функции государственного контроля в сфере печати осуществлялись Уполномоченным СНК СССР по охране военных тайн в печати, Главлитом при Наркомпросе РСФСР, Центральной Военной Цензурой при Наркомате Обороны, Военной Цензурой при Наркомате Военно-Морского Флота, Главреперткомом при Комитете по делам Искусств, Кинореперткомом при Комитете по делам Кинематографии, Управлением Государственной Съёмки и Картографии при СНК СССР. Во всех союзных республиках существовали свои соответствующие ведомства без определенного единообразия и подчиненности. Часто российские контрольные органы занимались осуществлением цензурных функций в

масштабах всего СССР. Периодически возникали разного рода, как правило, на высшем партийном уровне, комиссии, вообще постоянно осуществлялся контроль со стороны многочисленных партийных комитетов разных уровней. [80: 26].

Такая ситуация не могла, конечно, удовлетворить большевистское руководство. В связи с этим Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) сочло необходимым подготовить предложения «об организации единого централизованного органа цензуры при СНК Союза ССР» [263.7]. Цензурная политика ВКП (б) особенно усилилась в предвоенные годы [223: 52]. Все большее значение в деятельности журналистики стал иметь принцип партийности, возведенный властью в универсальный принцип идеологии.

Выводы

Пресса и в национальных образованиях, созданная с самого начала как партийно-советская, фактически была подчинена партийным комитетам, которые не создавались по национальным признакам, а подчинялись только по вертикали единому ЦК. СМИ были выведены из-под влияния формальных учредителей, будь то Советы, профсоюзы, общественные организации. Им оставлялось материально-техническое снабжение, экономическое и финансовое обеспечение периодических изданий и отводилась роль снабженцев.

В партийном руководстве местной печатью была задействована целая сеть специальных центральных журналов «Красная печать», «Журналист», «Большевистская печать», «Рабоче-крестьянский корреспондент», «Селькор», «Районная печать», «Фабрично-заводская печать», а также региональных изданий «Революция и горец», «Колхозная печать». К 1940 году «...все средства массовой информации и массового общения советского государства были охвачены жестким цензурным контролем, направленным на укрепление существующего строя и позиций правящей партии» [80: 34].

Исследование системы печати Северного Кавказа показывает, что если в начале двадцатых годов структура сети периодических изданий в различных национальных областях значительно отличалась друг от друга, в силу неравномерности исторического развития народностей, то к концу периода

создания фундамента социализма сложилась относительно единая система печати во всех регионах. Она от центральной до местной печати складывалась по одному образцу. Региональные газеты и журналы представляли из себя не совсем удачное копирование центральных органов. «Специфической особенностью становления советской журналистики, – подчеркивает Н. Тобольцева, – стало придание ей унитарного и системного характера, обусловленного задачами, поставленными перед ней издателем. По мере стабилизации режима эта традиция приобретает устойчивый характер и переходит в новую закономерность функционирования СМИ при тоталитаризме» [195: 15].

Эти факторы, наряду с культурной отсталостью, малочисленностью образованной прослойки в структуре населения окраин и политическими репрессиями против нее, особенно отрицательно сказывались на развитие журналистики Северного Кавказа, которая значительно отставала от русскоязычной. Такая же ситуация складывалась по всей стране. Так, в 1939 году из 5761 издаваемых в России газет на языках национальных регионов выходило только 7,6 процент [80: 136]. При этом по численности населения их доля составляла 21.

В соответствии с тем, как менялась генеральная линия партии, происходила модернизация типологии журналистики средств массовой информации. Прежде всего это находило отражение в их контенте и проблемно-тематическом комплексе. Существенными были в этот период изменения и качественных характеристик периодики. Система печати строилась по производственно-отраслевому типоформирующему принципу, который получает универсальное значение, становится одним из ведущих в типологии прессы тех лет. В связи с этим с конца 1920-х и в 1930-е годы идет развитие центральной отраслевой периодики, фабрично-заводских и районных газет, наиболее массовых и распространенных типов изданий» [80: 115–116].

Нужно отметить специфическую роль, которую играли издающиеся в национальных районах газеты и журналы на русском языке. Они способствовали сближению народностей, более интенсивному обмену информацией между

различными республиками, приобщали каждый народ к достижениям мировой и русской культуры, делали достоянием всех народов СССР успехи в области искусства и литературы каждой национальной республики.

Периодические издания на русском языке, выходившие в республиках, являлись национальными органами. В их выступлениях освещались национальные проблемы, вопросы развития национальных областей и республик.

ГЛАВА 3. РАДИОЖУРНАЛИСТИКА КАК КОМПОНЕНТ КРАЕВОЙ СИСТЕМЫ СМИ

§ 3.1. Зарождение радиовещания на Северном Кавказе

Несмотря на сформированную достаточно широкую сеть местных периодических изданий, эффективность идеологической работы в национальных республиках была невысокой в силу того, что местное население все еще оставалось малограмотным и печатная пропаганда не могла оказывать соответствующее воздействие на сознание горских масс. Вместе с тем большевистское руководство прекрасно понимало, что планируемый ими окончательный триумф во всемирном масштабе во многом будет зависеть от того, в какой степени социалистические преобразования будут поддержаны на данном этапе в национальных регионах. Для этого одного террора было недостаточно, нужно было массовое признание успехов социалистического строительства. В силу того, что провозглашаемые достижения не соответствовали действительности, приходилось делать ставку на манипулирование общественным мнением. Было очевидно, что необходимо выстроить систему умелой пропаганды особенно в национальных регионах. Зародившееся в этот период радиовещание стало тем средством, которое могло решить проблему охвата идеологическим воздействием малограмотное или неграмотное население окраин.

Между тем, история зарождения и становления радиожурналистики в национальных регионах СССР мало исследована, в частности, на Северном Кавказе. К сожалению, для полноценного рассмотрения процессов развития и особенностей функционирования этого вида журналистики в крае практически не сохранились материалы, документы.

Известно, какое значение придавало большевистское руководство новому виду журналистики. Обращаясь к руководителю Нижегородской радиолaborатории М.А. Бонч-Бруевичу, где разрабатывался передатчик, В.И. Ленин писал: «Газета без бумаги и «без расстояний», которую Вы создаете, будет

великим делом» [126: 130]. Известно около двухсот ленинских документов, посвященных проблемам радио. Программа радиостроительства в многонациональной России была изложена также в целом ряде правительственных декретов, принятых в те годы. И «<...> почти во всех документах особо отмечалось его значение в Северо-Кавказском регионе, где проживает более ста национальностей, – пишет историк кабардино-балкарской журналистики М.М. Бженников. – При характеристике новой Московской центральной радиотелефонной станции, к строительству которой приступили в 1922 году, первым районом, где она должна быть слышна, был указан Северный Кавказ. В это сложное время, когда в стране царили разруха и голод, 22 февраля 1922 года состоялась встреча представителей Дагестана с В.И. Лениным. Посланцы Кавказа рассказали о своих проблемах и нуждах, и председатель советского правительства обещал помочь горцам. При оказании помощи горской республике, автономия которой только устанавливалась, рядом с хлебом и мануфактурой, первейшими потребностями людей, ставилось радио» [36: 21-22].

Роль радиовещания особенно возросла в период, получивший название «кризис печати», который был вызван дефицитом и дороговизной бумаги, типографского оборудования. «В этих условиях, – пишет Т.М. Горяева, – радио было призвано не просто дополнять прессу, но и выполнять своеобразную функцию замещения ее обязанностей в системе информации, пропаганды и агитации, организации и просвещения масс» [64: 56].

На этапе зарождения радиовещание имело определенную независимость от партийно-государственных структур, что не было характерно для складывающегося большевистского тоталитарного режима. Декретом Совета народных комиссаров разрешалось открывать частные приемные радиостанции в коммерческих целях. Специально для них широковещательные станции отправляли информации, речи, доклады, концерты, учебные передачи знаками Морзе, метеорологические бюллетени и сигналы времени.

Радио на Северном Кавказе на первых порах стало развиваться благодаря энтузиазму отдельных любителей. Между тем не во всех регионах имелись

технически подготовленные специалисты. Так, газета «Горская жизнь» с сожалением сообщала, что в Карачаево-Черкесской области радиостроительство находится в зачаточном состоянии. Местное население «до сих пор еще не имеет полного представления даже об обыкновенном проволочном телеграфе» [347: 1921, 31 августа]. Однако региональные власти тоже увидели, какие возможности открывает новый вид коммуникации для воздействия на сознание неграмотной горской массы. И радиовещание довольно быстро стало внедряться в крае.

Еще в 1922 году принимающая радиосеть г. Грозного передавала только союзные и зарубежные новости из гор. Москвы. Была она еще очень слабой. Газета «Нефтерабочий» часто информировала читателей, что «радиосводка из Москвы не получена вследствие грозных разрядов» [115: 44]. Мешали радиопередачам и другие причины. Так, в январе 1922 года «Нефтерабочий» в сообщении «Радиоинтервенция» писал: «Английское радио систематически мешает грозненскому радио принимать радиogramмы РОСТА из Москвы» [347: 1922, 28 января]. Уже на этапе зарождения радио стало важным средством международной идеологической войны. Кстати, в 1921 году (!) в Ростове-на-Дону была выпущена брошюра «Что такое радиоразведка и ее методы ведения на Кавказском фронте», по сути дела, инструкция для военных спецпропагандистов [217: 22].

В 1923-1924 годах в Нальчике начала действовать вещательная установка «Радиолина». Столица автономной области еще не говорила по радио, а принимала информацию из Москвы и других городов, а также сигналы зарубежных станций. Эта установка послужила началом приемной сети как коллективного, так и индивидуального пользования [36: 22].

Конец 20-х годов ознаменовался возникновением во всех областях Северного Кавказа местного радиовещания. Краевой исполнительный комитет в 1926 году принял постановление, регулирующее установку радиостанций учреждениями, организациями, обществами и частными лицами, которое обязывало всех обладателей радиостанций в месячный срок привести их в соответствие с утвержденными техническими правилами [167].

Появившаяся после Гражданской войны сеть радиостанций, только принимающих сигнал из столицы и даже за границы, не могла удовлетворить потребности радиослушателей края, которые нуждались в информации о жизни региона. Новое средство коммуникации, хотя еще не стало самостоятельным видом журналистики, однако уже в определенной степени стало выполнять функцию распространения массовой информации. Само появление радиовещания, отмечает М.И. Бабюк, «<...>оказало существенное, если не революционное, влияние на медиапотребление<...>» в стране, сыграло важную роль в «<...>организации коммуникации власти с социумом<...>» [27: 74]

Первопроходцем радиовещания среди национальных регионов Северного Кавказа стала Кабардино-Балкария. Интенсивное становление радиовещания в области было обусловлено не только его популярностью среди населения Кабардино-Балкарии, но и уважением и вниманием к новому средству информации со стороны областных руководителей. Так, лидер кабардино-балкарских коммунистов Б.Э. Калмыков обратился к делегатам 1-го съезда горянок Кабардино-Балкарии: «Если вы будете культурными людьми, – то равноправие к вам само придет. Докажите свою активность путем привлечения населения в школы, обращайтесь за медпомощью – в больницы, а не к знахарям. В ближайшее время мы настроим радиостанцию и будем беседовать с населением» [339: 1927, 16 марта].

Историк северокавказской журналистики М.М. Бженников пишет: «В конце 1926 г. по решению областного правительства было начато строительство радиовещательной станции типа «Малый Коминтерн», изготовленной Нижегородской радиолaborаторией мощностью 1,2 кВт на волне 1000 м. Строительство станции РВ-51 было закончено к концу апреля 1927 г. Она была 51-й в СССР, одной из первых на Северном Кавказе, и для того времени представляла собой довольно сложную установку. А 1 мая 1927 года в Нальчике в торжественной обстановке была открыта Кабардино-Балкарская широковещательная радиостанция имени Хажукмара Карашаева. В жизни области это явилось историческим событием, которое способствовало «продвижению культуры в аулы,

станции, селения» [36: 22]. Оно вызвало резонанс по всему Северному Кавказу. Краевая газета «Советский Юг», выходящая в Ростове-на-Дону, писала: «Через горы и равнины Нальчик говорил с аулами и селениями, говорил о том, что народ становится теперь на широкую дорогу культурной жизни» [361: 1927, 8 мая]. На торжество приехали делегаты от партийных, советских, комсомольских, профсоюзных, женских организаций и ближайших сел. Вечерами в местах, где были установлены громкоговорители, толпилась публика, слушая передачи на кабардинском, балкарском и русском языках. Передавались песни, музыка, доклады, лекции, составленные на местном материале, официальные распоряжения, указания облисполкома [117: 16].

Программы только родившегося Кабардино-Балкарского радио адресовались довольно широкому кругу слушателей. Ежедневно выходило в эфир по 6–7 передач. Уже в мае 1927 года многие районы и селения Кабардино-Балкарии получили возможность уверенно слышать не только областную, но и московскую радиостанцию им. Коминтерна. Власть в центре и на местах придавала огромное значение «широковещанию», рассматривая его как безусловную необходимость для влияния на широкие массы. При этом в многочисленных директивах и решениях о развитии радио особо подчеркивалась важность радиостроительства, создания технической базы нового средства информации [36: 23].

Журналисты местного радио использовали разные формы подачи материалов. Но в целом они представляли из себя звуковой вариант печатных газет. Этот жанр радиожурналистики, получивший название «Радиогазета», был создан в Российском телеграфном агентстве и занимал до начала 1930-х годов ведущее место в общественно-политическом вещании страны. Первый номер «Радиогазеты РОСТА» «Всем! Всем! Всем!» был передан со станции им. Коминтерна 23 ноября 1924 г. Ее выпуск целиком и полностью осуществлялся под идейно-политическим контролем Агитпропа ЦК РКП(б).

Уже в первые дни работы Кабардино-Балкарской радиостанции в эфире появилась радиогазета «Карахалк» («Беднота»). Свою работу на первых порах она строила по типу одноименной областной печатной газеты, используя ее опыт и

методы, традиции и жанровые формы публикуемых в ней материалов. В эфир шла в удобное для слушателей время – с 8 часов 30 минут до 19 часов на трех языках: кабардинском, балкарском и русском.

Также постоянное место в программе радиостанции занимали «Официальная передача облисполкома и областных учреждений», «Доклад областного комитета ВКП(б)», «Беседа санпросвета» и др. Соблюдалось (правда, основываясь на здравом смысле, чем на знании стратегии и тактики пропаганды) одно из важных требований программирования – расположение материала по содержанию. Передачи на более сложные темы ставились в начало программы, сразу же после радиогазеты. Дальнейшая верстка передач шла по принципу постепенного облегчения. Дневное вещание заканчивалось концертами, концертами-трансляциями, симфонической музыкой, беседами о музыке.

Радиогазеты осуществляли преемственность практического, политического и теоретического опыта, накопленного печатью. Заимствуя газетную практику организации материалов, жанры и формы прессы, радио учитывало свою специфику: восприятие на слух. Можно утверждать, что новое средство массовой информации базировалось на сложившихся традициях печати.

Вместе с тем надо отметить, что местное радиовещание имело и недостатки. «Выпуски радиогазет по своему содержанию нередко оказывались однообразными, страдали односторонностью освещения жизни Кабардино-Балкарии, – отмечает историк электронных СМИ Северного Кавказа М.М. Бженников. – Очень часто в эфир шли неоперативные сообщения, редакторы пользовались устаревшими приемами работы над материалом. Радиогазета как форма политического вещания в том виде, как она складывалась в 1920-30-е гг., постепенно изживала себя, ибо не могла стабильно и гибко освещать панораму дня» [36: 33]. Поэтому 28 августа 1932 года редакции радиогазет в Кабардино-Балкарии были ликвидированы. Серьезного пересмотра требовали и другие информационные и пропагандистские передачи, вся структура радиовещательных программ, их типология. Наряду с передачами, адресованными той или другой группе слушателей, в программах местного радио явно недоставало рубрик, рассчитанных на всю массовую аудиторию.

Опыт радиогазеты «Карахалк» и других местных передач позволяет сделать еще один вывод: в годы становления нового СМИ большинство кабардино-балкарских радиожурналистов плохо разбирались в специфике радио, учет которой непосредственно связан с действенностью звучащего слова. Радиогазеты в основном содержали письменную речь, выступающие читали заранее заготовленные тексты, а дикторы – страницы газет. Не учитывалось, что язык радиопрессы «не только сообщение, но и общение, не только воздействие, но и взаимодействие» [286.11: 3]. С 1932 г. радиогазета постепенно заменяется выпусками «Последних известий» и этот поворот к оперативной информации делается во взаимодействии с областной печатью [36: 24].

Предпринимались попытки организовать собственные радиийные передачи. Заслуживает внимания освещение на радио Кабардино-Балкарии проблем женского движения. Нальчикский радиокомитет практиковал регулярные передачи специально для горянок: «Беседы отдела работниц», «Выступление работников санпросвета». Как отмечает М.М. Бженников, кабардинки и балкарки, как, впрочем, и представительницы всех народностей края, оказывались перед немалыми сложностями, которые были связаны с бытом, средой и обстановкой в аулах и селениях. Да и грамотных среди горянок было мало. Радио, благодаря своей вездесущности и доступности, имело возможность вести просветительскую работу даже среди неграмотных, и поэтому более эффективно помогало освобождаться от предрассудков, выражавшихся во многих семьях в стремлении не отдавать детей в ясли, саботировать школы, общественные мероприятия. «В этих условиях радиопропаганда среди горянок в виде доверительных бесед имела громадное значение, – пишет М.М. Бженников. – И надо подчеркнуть то, что специальные передачи для горянок в период становления кабардино-балкарского радио более всего подтверждают тезис о специфических особенностях национального вещания, отличающих его от программ Всесоюзного радио. Учет и использование своеобразий в содержании и форме радиожурналистики были и остаются одним из важных условий действенного влияния местного радио на свою аудиторию» [36: 28].

Дело в том, что Всесоюзное радио, по мнению исследователя, в те годы не имело возможности охватить и обобщить всю разнообразную работу, проводимую в этом направлении в национальных республиках. Между тем это оказалось под силу местной радиожурналистике. Центральное вещание, например, не стало бы практиковать такой цикл, как «Пальто – горянке», программы его носили более общий характер и поднимали проблемы в масштабах страны. А в Кабардино-Балкарии радиопередачи этого цикла приобрели огромный общественный резонанс. Поводом для их организации явилось вовлечение всех горянок в число избирателей. Выборы 1928 г. проходили зимой. А по старой традиции кабардинки и балкарки не носили пальто. Но воздействие передач «Пальто – горянке» вышло далеко за пределы выборов в местные Советы и ставило «своей целью широкую популяризацию законодательства о равноправии горянки, борьбы с бытовыми предрассудками» [36: 28]. Радио Кабардино-Балкарии наряду с печатью сделало многое для создания широкого общественного мнения вокруг этого вопроса. Крестьяне на своих сходах практически повсеместно поддерживали агитационную кампанию «Пальто – горянке». Обязательной частью таких массовых собраний было «громкое радиослушание». Из Нальчика передавали беседы областных руководителей, кооперативных, финансовых, профсоюзных работников. В передачах говорилось о том, что созданы специальные фонды для выдачи горянкам пальто с рассрочкой уплаты на год и что таким кредитом первыми воспользуются активистки культурных мероприятий, работницы изб-читален и пунктов ликбеза. В начале 1930-х годов почти в каждом ауле и селении Кабардино-Балкарии появились радиоустановки, которые, наряду с функциями пропаганды, информирования и распространения культуры, выполняли задачи «систематической связи и контроля за работой полеводческих бригад и животноводческих ферм» [362: 1935, 11 января]. В области насчитывалось 29 тысяч трансляционных точек, 24 радиоузла и 2161 радиоприемник [36: 26]. Все это говорило о достижении значительных успехов в деле радиофикации Кабардино-Балкарии.

Вслед за Нальчиком широкоэвещательные радиостанции открылись в Дагестане и Чечне. Дело в том, что большевистская пропаганда среди горцев была малоэффективной из-за неграмотности населения. К тому же доставка газет в горные районы оставляла желать лучшего. Только радио могло ликвидировать эти недостатки в распространении информации в горном крае.

Однако становление радиовещания в регионе сталкивалось с большими трудностями. Как отмечает исследователь системы СМИ Дагестана Т.Ю. Чиненная, «в этих условиях наладить радиодело, организовать вещание на родных языках – значило получить действенное, мобильное оружие оказания постоянного, культурного, политического воздействия на людей, обеспечить оперативное общение и устойчивую связь между партийными, советскими органами и горцами. Другими словами, связать разрозненные регионы Дагестана, по-настоящему, в единую республику» [217: 25].

Инициатором радиостроительства в Дагестане стал энтузиаст Нури Хайрулин. Он первым в республике сконструировал радиоприемник, возглавил республиканское движение радиолюбителей [57: 18]. В своей статье, опубликованной 21 апреля 1925 года в еженедельной газете «Новости Радио» (издание акционерного всесоюзного общества «Радиопередача»), Хайрулин отразил успехи и проблемы радиолюбительства в республике и сообщил, что в Махачкале состоялось собрание по учреждению «Общества Друзей Радио». «Будем надеяться, – писал он, – что радиолюбительство организовано разовьется и в Дагестане. В скором времени Союзом железнодорожников будет установлен громкоговоритель на 100 человек» [349: 1925, 14 июня].

В эти годы в стране в соответствии с постановлением ЦК РКП(б) от 2 марта 1925 г. «О радиоагитации» были созданы радиокомиссии, которые занимались многими вопросами: строительством передающих радиостанций и приемной радиосети, содержанием радиопрограмм, участием профсоюзов в радиофикации, деятельностью Общества друзей радио (ОДР), изданием печатной литературы, посвященной радио [254: 9].

Руководство Дагестана предприняло конкретные шаги, направленные на усиление и ускорение радиостроительства. В январе 1926 года заседание Дагестанского ЦИК приняло постановление «О радио», в котором отмечалось, что республика по радиостроительству отстала от других районов РСФСР и, «считая вопрос о развитии радио для установления связи с населением и поднятия его культурного уровня имеющим колоссальное значение, решило создать специальную радиокомиссию и предложило ей представить предложения как об установке радиостанции с громкоговорителями в Махачкале и в некоторых окрестностях, так и об изыскании на эту цель средств» [339: 1926, 28 января]. Следом при республиканском ЦИКе была создана постоянная комиссия по радиофикации ДАССР в составе Нажмутдина Самурского (председатель), Алибека Тахо-Годи, Нури Хайрулина, Рождественского, Тамбиева и других. Комиссии было поручено решить вопрос о финансировании работ по широкой радиофикации Дагестана.

В марте 1926 года Президиум Дагестанского ЦИКа заслушал доклад Н. Хайрулина, члена радиокомиссии. Президиум принял постановление, в котором подчеркивается особо важное значение радио для республики и необходимость уделяния постоянного внимания работе по радиофикации. Президиум Дагестанского ЦИКа счел также необходимым включить в смету на 1926-1927 бюджетный год расходы на приобретение и установку радиовещательной станции в Махачкале [217: 27]. Газета «Красный Дагестан» писала в номере за 24 марта 1926 года: «...радио бросит ослепительный луч света в темного дагестанского крестьянина» [339: 1926, 24 марта].

Между тем, как подчеркивает Т.Ю. Чиненная, не только отсутствие необходимых средств, специалистов, журналистских кадров, нехватка оборудования и техники тормозило развитие радио в Дагестане. Не менее серьезным препятствием на пути радиофикации были, во-первых, культурная отсталость, религиозные предрассудки, бытующие среди горцев, во-вторых, сопротивление, провокации, а кое-где и открытая борьба служителей религии против радиоэнтузиастов [217: 28].

Каждый факт установки громкоговорителя в городах и селениях отмечался на страницах областных газет как еще один шаг в культурном строительстве. «В аулах Акуша, Нижний Дженгутай, Ерси, Ачикулак, Рутул, Геджух, – сообщала газета «Красный Дагестан», – устанавливаются радиоприемники. В Махачкале установлено 38 громкоговорителей, в Дербенте – 19, в Буйнакске – 3, в Кизляре – 3» [339: 1927, 7 октября]. Вместе с тем газета отметила, что главная беда – это неумение населения обращаться с радиоаппаратурой, поэтому 30-40 процентов установок не работают. Чтобы решить эту проблему в Махачкале открыты радиокурсы для подготовки мастеров по ремонту техники [339: 1927, 18 сентября].

Активное участие в решении вопросов, связанных с радиовещанием, принимали комсомольцы, рабселькоры, радиолюбители. Они часто выступали на страницах печати с критикой недостатков. Так, селькор из Касумкента сообщал о радости, с которой жители села встречали установку радиоприемника с громкоговорителем. Вместе с тем он пишет: «Неудобно только, что он установлен в маленьком кабинете секретаря окркома. Нельзя ли его установить на площади?». А рабкор из Махачкалы сообщал о том, что установленные в разных местах города громкоговорители не работают, и вопрошал: «Как заставить говорить наши «громкомолчатели»?» [339: 1927, 28 февраля]. Таких писем, сообщений, корреспонденций, сигналов было опубликовано немало на страницах областных газет «Красный Дагестан», «Горец» (на аварском языке), «Дарган» (на даргинском языке), «Товарищ» (на кумыкском языке), «Новый мир» (на лезгинском языке), «Труженник» (на лакском языке).

Совещание, проведенное в 1927 году комиссией по радиофикации при Дагестанском ЦИКе, Обществом друзей радио, культотделом Дагестанского Совета профессиональных союзов, наметило конкретные шаги по улучшению подготовки кадров радиолюбителей в регионе. Было решено открыть специальные курсы для повышения квалификации радиолюбителей; организовать кооперативную торговлю радиоаппаратурой; создать специальную радиобиблиотечку, организовав перевод популярной литературы о радио на национальные языки; открыть две ремонтные мастерские; созвать первую

конференцию радиоловителей Дагестана 25 августа 1927 года [280.2]. Действенную помощь радиоловителям оказала изданная в те годы на языках народностей Дагестана и разосланная по всей республике брошюра «Как самому устроить радио в деревне».

Однако темпы работ по радиофикации республики, а особенно в горных районах, были недостаточными. Особенно остро стояла проблема нехватки кадров. Эти проблемы были характерны для всех национальных республик края. В Дагестане с целью решения этой задачи в сентябре 1927 года были созданы специальные радиокурсы для батраков самых отдаленных аулов: Андийского, Аварского, Гунибского, Даргинского, Лакского, Буйнакского, Кюринского округов [57: 21]. Газета «Красный Дагестан» в статье «Батрацкие радиоспециалисты для глухих углов Дагестана» отмечала важное значение радио для республики. Газета призывала местных руководителей посылать на курсы по подготовке радиоспециалистов людей, прежде всего из числа сельских активистов [339: 1927, 26 сентября].

Строительство широкоэвещательного радицентра в Махачкале завершилось в конце августа 1927 года. И уже 1 сентября 1927 года станция дала «первую волну», пробную передачу. С 50-метровой радиомачты по горам и долинам Дагестана разнеслось: «Алло! Алло! Слушайте... Говорит Махачкала на волне 700 метров!». Газета «Красный Дагестан» писала, что «... злой тайфун слабее рвет пространство, чем радиоволна» [339: 1927, 3 сентября].

Официально станция была открыта 7 ноября 1927 г. и названа именем 10-летия Октября [57: 23]. В городах и некоторых аулах впервые прозвучали радиопередачи на родных языках народов Дагестана и на русском языке. «Из-за недостаточного производства радиоаппаратуры большое внимание уделялось развитию приемных установок коллективного пользования, – пишет Т.Ю. Чиненная. – Громкоговорители обычно устанавливались в клубах, на площадях, в местах народных празднеств, организовывались коллективные радиослушания» [217: 33]. Печать тех лет сохранила многие данные, свидетельствующие о том, какое сильное впечатление радио производило на людей. При коллективном

прослушивании радиопередач часто возникали споры о том, что это обман, как можно говорить «по воздуху» из Махачкалы, тем более из Москвы. И для выяснения своих сомнений, вопросов вплоть до середины 30-х годов в Махачкалу на радиостанцию приходили ходоки из многих селений и аулов республики, представители сельских сходов, чтобы убедиться, что радио – это «не обман, не шайтан, не бес» [57: 24]. Как правило, таким крестьянским уполномоченным давали выступить по радио с обращением к своим землякам.

С подобными трудностями столкнулись и в Чечне. Газета «Грозненский рабочий» писала: «Строить ширококвещательную станцию в Грозном надо. Надо приближать глухие уголки Чечни к культуре, надо дать грозненским рабочим важную информацию и разумный отдых» [317: 1927, 30 марта]. Президиум Грозненского городского совета 7 апреля 1928 года принял решение, в котором говорилось:

«Открыть в Грозном ширококвещательную радиостанцию и радиокомитет.

Открытие радиостанции приурочить к 1 мая, проработать вопрос об обслуживании станцией митинга в дни празднования 1 мая.

Предложить радиокомитету обратиться к Ингушскому, Северо-Осетинскому и Сунженскому исполкомам с предложением об обслуживании их округов передачами Грозненской ширококвещательной радиостанции» [115: 46].

Строительство радиостанции в Грозном шло с помощью общественных организаций, которые помогли собрать необходимые средства. Радиоаппаратура для станции была смонтирована и вступила в строй. Нетерпение инициаторов скорее услышать голос своей радиостанции было настолько велико, что, спустя всего десять дней после принятия Постановления Президиума Грозненского горсовета, не дожидаясь 1 мая, 17 апреля 1928 года радиостанция впервые заговорила [117: 16]. Об этом событии газета «Грозненский рабочий» сообщала так: «Сегодня, 17 апреля, знаменательный день. В 7 часов вечера в беспредельной массе эфира был брошен новый клич: «Алло, алло, алло! Слушайте грозненскую радиостанцию на волне 380 метров» [317: 1928, 19 апреля]. Этот день и является

датой рождения Чеченского радио. Первым его начальником и радиотехником в одном лице стал бывший радист Балтийского флота И.И. Макаров.

Его сменил известный чеченский поэт и прозаик Шамсуддин Айсханов. Одними из первых журналистов радио были Азамат Саракаев, Айнди Зубайраев, Сайпи Абубакаров, Саид Дидаев, Саид-Эмин Ибриев, Хава Шамилева. В те же годы был создан Комитет по радиовещанию при Чеченском облисполкоме, в который вошли представители Грозненского городского партийного комитета, комсомола, культурного отдела областного Совета профсоюзов, объединения «Грознефть», облисполкома, редакций газет «Грозненский рабочий» и «Серло» (Свет) [117: 17].

Регулярные передачи состояли из информации, взятых из газет, коротких бесед и музыкальных программ. Велись они на русском и чеченском языках с 19 до 21 часов вечера. Станция обеспечивала информацией Грозный, нефтяные промыслы, отдаленные от города на 30-50 километров, некоторые районы Чеченской области, Ингушетии и Северной Осетии.

Активное участие в становлении чеченского радиовещания приняла образованная молодежь, особенно выпускники и студенты техникумов и вузов городов Грозный, Москва, Орджоникидзе, Ростов-на-Дону и других. Среди них ставшие впоследствии известными писателями и учеными Магомед Мамакаев, Нурдин Музаев, Сираждин Эльмурзаев, Магомед Сальмурзаев, Ахмад Нажаев, Абди Дудаев и другие. Солистами Чеченского радио работали народные сказители и исполнители Баудин Сулейманов, Идрис Цицкиев, Умар Димаев и другие [115: 29]. Грозненская станция, как и другие местные редакции, ретранслировала «Час музыки народов Кавказа», который подготовила Московская станция имени Коминтерна и выпустила в эфир 20 сентября 1928 года [296.8: 12].

Исследователь истории местных электронных СМИ С.М. Лагутин отмечает, что как только заработало радио в Грозном, «широкое развитие в городе получило радиолюбительское движение. Было организовано отделение Общества друзей радио, которое немало сделало для пропаганды радио, распространения радиотехнических знаний» [117: 17]. По местному радио регулярно давались

советы и консультации для начинающих радиолюбителей. По решению Грозненского горсовета в рабочих клубах, театрах, наиболее многолюдных местах были установлены громкоговорители, у которых всегда собирались большие группы слушателей. Пристальное внимание уделялось радиофикации сельских районов, сооружению радиоузлов, подготовке технических кадров [117: 17].

Местные власти, выполняя директивы руководства партии и страны, большое внимание уделяли радиофикации сельских районов Чечни, сооружению новых радиоузлов, подготовке технических кадров. Если в 1928 году существовал всего один радиоузел в Грозном, то в 1929 году их было уже шесть по области. Первый периферийный был установлен в одном из крупнейших сел Чечни – Урус-Мартане [117: 17]. К 1 июля 1929 года, как сказано в отчете Чеченского облсовпрофа в разделе «Радиоработа», в селах только «по клубам и красным уголкам имелось: радиоустановок – 56, громкоговорителей – 35, радиокружков – 7, участников – 79» [277.1].

В 1930 году в Чечне был создан и начал работать радиопередающий центр. И уже в январе 1931 года Резолюцией III-го Пленума Чеченского обкома ВКП(б) по линии организации всеобуча и ликвидации неграмотности в Чеченской Автономной области была поставлена перед радиоцентром задача «усилить работу по радиофикации деревни» [277.2].

Местные власти придавали огромное значение идеологической пропаганде на родном горцам языке. Так, с целью повышения ее действенности Чеченский обком ВКП(б) принимает специальное Постановление «О радиопередачах на чеченском языке», в котором подчеркнута необходимость «организовать при радиоцентре самостоятельную редакцию на чеченском языке; организовать отдельные редакции специальных передач на чеченском языке, вменив им в обязанность вести учебу по радио по вопросам реконструкции сельского хозяйства, промышленности, повышения квалификации рабочих. В круг специальных передач ввести также передачи для молодежи и женщин; передачи радиополдня во время обеденного перерыва вести как на русском, так и на чеченском языках» [277.3].

В 1932 году перед радиоцентром ставятся новые задачи по обслуживанию населения районов Чеченской области. В протоколе объединенного заседания совета профсоюзов и коллегии отдела народного образования области записано: «Предложить радиоцентру организовать переключку сельских районов о ходе весеннего сева и хлебозаготовок, также включить художественные передачи по радио в число комбинированных программ, привлечь профессиональные и самодеятельные силы для этого» [277.14; 277.2].

В течение 10 лет жители самых отдаленных районов Чечни и Ингушетии, не имевшие в эти годы представление даже об обыкновенной газете, получили возможность слушать на своем родном языке радиопередачи: последние известия, квалифицированные лекции, специальные уроки, художественные программы и концерты.

Большую помощь местным радиоэнтузиастам оказывали специальные журналы, которые стали выходить в Москве в 1920-1930-е годы «Новости радио», «Радиослушатель», «Говорит Москва». Основной формой передач с первых дней вещания оставались «Радиогазеты». «Радиослушатель» вел достаточно активно пропаганду нового вида распространения информации. «Тираж ... «Радиогазеты» – неслыханный, – утверждал журнал. – Он просто неисчислимый. Он зависит от толпы, стоящей у громкоговорителей, от числа ушей, прильнувших к трубкам, от леса антенн над крышами домов. Экспедиция ее – самая быстрая в мире: от редакции-радиостудии – непосредственно в раковину уха» [296.7: 4].

На первых порах радиожурналистика практически во всем копировала газеты. Язык, содержание и формы местного вещания тех лет отвечали потребностям слушателей и соответствовали уровню их политического и культурного сознания. Особо следует отметить наметившуюся с первых дней открытия радиостанции тенденцию учета социально-психологических особенностей радиоаудитории, традицию ценить устное слово, повышенное влияние общественного мнения, многоязычие, своеобразие культуры и быта, традиции и обычаи народов, населяющих край. Как подчеркивает историк местных СМИ М.М. Бженников «...еще до открытия радиостанции газета «Карахалк»

обратилась с просьбой к населению, к учащимся, агрономам, работникам библиотек и других учреждений культуры выявить у себя на местах народные таланты: сказителей легенд, преданий, знатоков – исполнителей старинных народных песен и истории их создания, музыкантов, гармонистов и сообщить о них в Комиссию по радиофикации области. Предполагалось сделать отбор людей, умело владеющих устным словом для общения со слушателями, обладающих даром народного творчества и музыкального фольклора» [36: 23]. В областных газетах Кабардино-Балкарии на трех языках был открыт специальный «Радиоуголок» для ознакомления жителей с опытом радиостроительства и их приобщения к радио. Интенсивно формировалось общественное мнение вокруг «чуда», каким в те годы являлось радио в представлении народных масс. Из села Сармаково сообщали, что местные жители ездят в окружной центр, чтобы послушать радио. Из станицы Прималкинское писали: «Мы, крестьяне, всю ночь внимательно слушали сообщения по всей стране, интересные доклады, лекции, концерты. Остались очень довольны». Такой повышенный интерес слушателей вылился в создание многочисленных корпунктов и кружков «Друзей радио», которые начали возникать спонтанно, а вскоре превратились в организованную систему [36: 23].

Радиовещание стало наряду с прессой важным средством информирования населения. С подачи журнала «Радиослушатель» его стали называть «митингом миллионов». В статье, озаглавленной этим словосочетанием, издание подчеркивает широкую массовость радиовещания: «Можно ли организовать митинг миллионов, в затерявшихся в дебрях тайги, в знойных степях Казахстана, разбросанных по корпусам гигантов-заводов и рудников?.. Да, можно! Такой митинг есть. На этом митинге куется единая воля трудящихся Советского Союза...» [296.1: 2].

Кабардино-Балкарское радио постоянно предоставляло эфир не только руководителям, передовикам, но и рабочим, крестьянам, учителям, врачам, агрономам. Для более полного освещения хода строительства Баксанской гидроэлектростанции, сооружение которой было начато в конце 1928 года, руководство области наладило издание многотиражной газеты «Баксанстрой».

Местное радио делало ежемесячные обзоры многотиражки, принимало активное участие в организации сбора средств в фонд «Баксанстроя». Под рубрикой «Что, где строится» в эфир выходили репортажи, посвященные открытию мостов через реки Шалушка, Чегем, Баксан, которые позволили соединить автотрассу Нальчик – Пятигорск [36: 27].

Существенный вклад вносило новое средство информации и в развитие села. Так, кабардино-балкарские радиожурналисты совместно с газетой «Ленинский путь» и областной Рабоче-крестьянской инспекцией организовали рейд по проверке качества семенного материала, заготовленного коллективными хозяйствами к севу и использованию методов хозрасчета [336: 1932, 29 января]. «Материалы таких рейдов с учетом специфики каждого средства информации печатались в газете и передавались по радио, – отмечает М.М. Бженников. – Совместная работа областных СМИ активизировала общественное мнение, способствовала решению наиболее острых вопросов, волнующих тружеников земли. Таким образом, программы областного радио, адресованные им, становились одним из важных факторов изменения их психологии в пользу преобразований на селе» [36: 24].

Молодая радиожурналистика края столкнулась, как и все советское вещание, с необходимостью выработки собственных радиийных жанров. Не всегда радиогазеты местных станций были интересны. Этот недостаток провинциальной радиожурналистики отметил журнал «Радиослушатель»: «До сего времени не изжиты случаи, когда все дело составления и даже передачи радиогазеты по радио поручается одному-двум техническим работникам» [296.4: 1]. В национальных регионах это было вызвано, прежде всего, нехваткой подготовленных кадров. Журнал предлагает широко привлечь внештатных корреспондентов: «Радио начинает оказывать могучее организующее влияние на широчайшие массы, в таких условиях важно и вполне своевременно взять курс на активного радиослушателя, на рабселькора и организованную радиообщественность» [296.4: 1]. Конечно, базой для формирования рабселькорской сети должны были стать существующие Общества друзей радио. «...Перейти от казенных, ведомственных докладов к радиожурналу, как наиболее интересной, живой и разнообразной форме

пропаганды» [296.3: 1], – призвал журнал «Радиослушатель» после ликвидации акционерного общества «Радиопередача» и подчинения сферы Народному комиссариату почт и телеграфов. Местные радиокомитеты стали осваивать новые жанры. Популярностью у слушателей пользовались внестудийные передачи. Осенью 1933 года земледельцы Кабардино-Балкарии вырастили богатый урожай кукурузы, и в период уборки не хватало рабочих рук. Часто в помощь земледельцам организовывались выезды на поля рабочих, чиновников из городов, включая областных руководителей. На ломке кукурузы работал и руководитель областной партийной организации Б.Э. Калмыков. И вот к нему прямо на поле приехали сотрудники Нальчикского радиокомитета. «Бетал Эдыкович без письменного текста говорил в микрофон около часа, – описывает этот эпизод М.М. Бженников. – Сначала на кабардинском, потом на русском языке. Он затронул волнующие колхозников вопросы уборки урожая, трудодней и оплаты определенной их части авансом (до окончательной засыпки всего урожая в закрома). Прекрасный оратор Б.Э. Калмыков хорошо понимал силу устного слова и возможности влияния на аудиторию с помощью радио. Это внестудийное выступление (которое в практике современного радиовещания называется прямым эфиром) действовало на социально-психологическом уровне: руководитель Кабардино-Балкарии, пользующийся среди масс большим авторитетом, обратился ко всему населению с поля, где трудился вместе с крестьянами. Усиливалась не только сила личного примера. Слушатели переносились в обстановку полевых работ, обращение вызывало у них чувства солидарности, поддержки того, о чем говорил выступающий, т. е. достигался эффект соучастия» [36: 26].

В 1927 году ЦК ВКП(б) отметил, что радиогазеты «уже оформляются как особые политические массовые органы, использующие материал, опыт и методы печатных газет, но развертывающие в то же время свои собственные специфические формы и методы агитации и организации масс» [291.1: 4]. Если в 1928 году насчитывалось 80 радиогазет, то к 1930-му их число выросло до 300. Из них 29 выходили на языках народов СССР [288.1: 5]. В 1930 году только Дагестанский радиоцентр выпускал в эфир пять газет: на даргинском, кумыкском,

аварском, лезгинском, лакском языках. «При каждой радиогазете имеется хоровая группа, ряд солистов и музыкантов. Кроме того, при надобности все хоры и солисты сопровождаются восточным музыкальным ансамблем и оркестром», – отмечалось в докладной записке заведующего Дагестанским радиоцентром в 1930 году [217: 41]. Однако радиожурналистику, которая уже стала на ноги, не устраивала эта, во многом повторяющая печатные издания, форма вещания.

Выводы

В начале 1930-х годов радиовещанием были охвачены все республики и области Северного Кавказа, и оно стало одним из компонентов системы журналистики края. Уже в период становления радиостанции стали активными помощниками местных властей в реализации установок большевистской партии. Программы краевых радиостанций явились средством вовлечения людей в конкретные события, политические, производственные кампании, актуальные общественные мероприятия, конечно, под большевистским идеологическим соусом.

На этапе зарождения радиовещания структура передач во многом повторяла печатные издания. Порой в эфире просто зачитывались тексты из газет. Радиожурналисты еще не умели использовать звуковые эффекты, преимущества устной речи. Но уже в середине 1930-х годов радиовещание стало превращаться в особый вид журналистики, который впоследствии получил название электронных СМИ.

Особенностью становления отечественного радиовещания как компонента системы журналистики на рубеже 1920-1930-х годов явилось то, что оно функционировало в форме акционерного общества, соучредителями которого стали не только государственные органы, но и общественные организации. Так было и в регионах. Однако в условиях тоталитарного режима оставаться даже частично независимым от правящей партократии ни одно средство массовой информации не может. Во второй половине 1930-х годов этот идеологический инструмент стал полностью подконтрольным государству.

§ 3.2. Северокавказская радиожурналистика в годы укрепления большевистского тоталитаризма

В 1930-е годы начались процессы, с одной стороны, обретения радиожурналистикой собственного голоса, с другой, окончательного превращения ее в рупор большевистского режима. Основными факторами, повлиявшими на ускоренное развитие радио, стали, во-первых, особая сила воздействия голоса без изображения на подсознание человека, во-вторых, огромные территории России, населенные полуграмотными и неграмотными людьми [64: 8].

Одной из новых действенных форм массовой работы местной радиожурналистики стали выездные передачи. Эти популярные в те годы выпуски зародились в Северо-Кавказском краевом радиоцентре, у ростовских радиожурналистов, и в первую очередь распространились в областях, непосредственно входящих в край.

Выездные редакции краевого Комитета по радиовещанию способствовали улучшению функционирования областных радиостанций, содействовали профессиональной подготовке радиожурналистов. Так, в 1932 году северокавказская краевая радиогазета «За темпы» организовала пять выездных редакций в районы Северо-Кавказского края с целью оказания помощи редакциям в проведении пропагандистской кампании в период проведения сельхозработ и уборки. Одна из них работала в Баксанском районе Кабардино-Балкарии. Выездная редакция совместно с нальчикскими радиожурналистами провела организационную и агитационную работу по преодолению отставания местных артелей. В колхозе «Заря социализма» они организовали профсоюзный субботник. Для культурного обслуживания крестьян, работающих в поле, была создана специальная радиоагитбригада. Голоса бригадиров, заметки селькоров оперативно передавались в эфир. Обобщался передовой опыт. Совместные выпуски радиогазет

«За темпы» и «Ленинский путь», рейды по проверке состояния техники и инвентаря – все это помогало земледельцам в решении производственных задач [36: 29–30].

Можно утверждать, что во второй половине 1930-х годов радиовещание стало выполнять, как и пресса, различные функции. Одна из них была связана с увеличением целенаправленных передач, адресованных конкретным категориям слушателей. Учитывались интересы различных социально-демографических групп аудитории, в особенности горянок, молодежи, детей.

Радиожурналистика, безусловно, имела преимущества по отношению к печати в условиях национальных республик, где уровень грамотности все еще был невысокий. Устное слово не требовало умения читать. Появилась также возможность привлекать для выступлений по радио людей, пользующихся авторитетом среди горцев, которые сами не могли подготовить текст для публикации, но обладали ораторскими качествами.

Между тем радиовещание тоже столкнулось с проблемами, порожденными большевистской административно-командной системой, как и вся партийно-советская журналистика. Ярким примером может служить разгоревшаяся в 30-е годы острая дискуссия между сторонниками переноса центра тяжести на внестудийные радиопередачи, прямые эфиры из гущи жизни, без журналистской обработки радиотекстов, и теми, кто считал, что важнее профессионализм журналистов. Как было принято в те годы, когда сталинский режим держался на масштабных репрессиях против придуманных «врагов народа», часто такие споры заканчивались арестами и внесудебными расправами. И, как правило, под пресс репрессий попадала немногочисленная образованная прослойка национальной интеллигенции.

Разное видение организации радиовещания получило политическую окраску. Сторонникам внестудийной работы приписали вредительские цели, обвинили в попытке подрвать советское радио. В журнале «Радиослушатель» появилась разоблачающая публикация, в которой утверждалось, что в их доктрине «в завуалированной форме мы имеем неверный левацкий лозунг «вон из студии», сформулированный так: «основным принципом перестройки радиогазеты мы

считаем развертывание массовой работы, при которой газета выносятся из студии на фабрику, завод, в места общественных собраний» – ни слова о роли студии» [296.5: 3].

Лозунг «вон из студии» привел к нагромождению переключек и радиособраний, ничем по своей подготовке, действенности, массовости не отличающихся по содержанию от передач, транслировавшихся в предыдущий период становления радиожурналистики. «...Желание охватить возможно больше городов – приводило к плохому качеству, – отмечал «Радиослушатель», – нередко намеченные переключки, собрания срывались». Техническое оснащение радиовещания по стране не позволяло обеспечивать устойчивую связь между регионами. В погоне за количеством были забыты массовая работа, организация рабселькоров, действенность передач, реализация многочисленных предложений и обязательств, принятых на этих радиопереключках. Было предложено созвать всесоюзное совещание для рассмотрения наболевших вопросов радиовещания. Одним из важных из них журнал назвал повышение действенности национального вещания [296.2: 3].

Подобный спор разгорелся и среди работников кабардино-балкарского радио. Одни отстаивали позицию «безудержного экспромта», другие придерживались принципов студийной редакторской работы, но с использованием проверенных практикой «внестудийных» передач. В резолюции бюро обкома партии «По вопросу радиовещания и радиофикации», принятой в конце октября 1932 г., было записано: «Опыт радиовещания непосредственно с поля, бригады, из цеха через коротковолновые передатчики практиковать и в дальнейшем, однако ни в коей мере не допускать введения этих форм вещания как систему» [36: 38]. Речь шла о том, чтобы сочетать в практике вещания живые, импровизационные формы со студийной редакторской работой. По этой резолюции предусматривалось также радиостроительство на 1933 год. Особое внимание уделялось коротковолновой и ультракоротковолновой связи, увеличению мощности существующих радиоузлов в Балкарии. Этим самым в условиях горного края создавалась «более экономная коротковолновая передаточная сеть» [278.9: 6].

Иногда ситуацию спасало вмешательство центральных органов журналистики. Так, благодаря выступлению «Правды», но не без трудностей, была вскрыта несостоятельность лозунгов «Вон из студии», «Дорога в студию затоптана» и др. «Совершенно очевидно, – отмечала газета «Правда», – что на данном этапе перенесение всех передач из студии на предприятия и колхозные поля не только невозможно по техническим причинам, но и нецелесообразно. Радиоработнику нужно не «левое» фразерство, а упорная работа по улучшению различных форм, в том числе и студийной работы, по изысканию новых методов радиовещания и по усовершенствованию его техники» [350: 1931, 4 июля].

Всесторонне исследовать первые шаги радиовещания в большинстве автономий Северного Кавказа не представляется возможным в связи с тем, что в тот период не только не существовала магнитная запись для сохранения радиопередач, но и не сохранились документальные источники. По этой причине все еще нет полноценных научных исследований о развитии радиовещания в Осетии, Карачаево-Черкессии, Адыгеи.

В исторической справке, размещенной на сайте ГТРК «Алания», говорится, что первые позывные радио в Северной Осетии вышли в эфир в 1931 году [221]. Однако, по утверждению С. Лагутина, в северной Осетии радиостанция появилась в 1929 году. В области в «людных местах, на площадях городов и селений, в некоторых клубах», пишет он, были установлены 95 радиоточек, которые ретранслировали передачи из Москвы и Орджоникидзе [117: 16]. Это было время усиления диктатуры большевистской партократии, индустриализации страны, коллективизации, политических репрессий. Немаловажную роль в этих процессах, судя по отрывочным данным из воспоминаний деятелей того периода, сыграло Северо-Осетинское радио.

Известно, что впервые радиопрограммы на адыгейском языке зазвучали в эфире в октябре 1926 года – на радио Краснодара. По утверждению руководителя службы радиовещания ГТРК «Адыгея» Сусаны Хачемизовой, фамилия первого диктора в истории доподлинно не сохранилась. Возможно, им был режиссер и актер адыгейского театра Меджид Ахеджаков, который стоял у истоков создания

республиканского радио. Но это лишь одна из версий. Дата первого выхода в эфир тоже не сохранилась. А вот первыми руководителями радио были Сафер Яхутль, Киримизе Жанэ [224]. Адыгейская областная газета «Серп и молот» сообщала, что жителей хутора Энем «очень интересуется радио, которое установлено в красном уголке совхоза и регулярно дает рабочим концерты и доклады» [360: 1931, 10 января].

История Карачаево-Черкесского радиовещания начинается с 1929 года, когда вступил в строй радиотрансляционный узел в станице Баталпашинской. Вокруг установленного громкоговорителя собиралась большая толпа. Первые передачи радиовещательной станции произвели большое впечатление на жителей станицы, потому что многие из них впервые слышали голос Москвы. Прибывающие из районов крестьяне не пропускали ни одной радиопередачи. «Зачастую старые аксакалы ушами слушали, а глазами стенку изучали: дескать, не спрятался ли там, за стенкой, «субчик такой», который и поёт, и говорит?», – в публикации на сайте «Исторический Черкесск». Поэтому перед сеансами радиоредакции вынуждены были делать маленькие пояснения – как, например, звук передаётся по воздушным волнам и другие [220].

Вскоре была налажена трансляция и в аулы. Газета «Молот» (г. Ростов-на-Дону) сообщала: «Черкесский облисполком дополнительно ассигновал 2 тысячи рублей для трансляции по проволоке из центра в наиболее отдалённые аулы области радиопередач. <...> Кроме трансляции ростовской радио-газеты и московской радиостанции, организуется своя радио-газета, которая на черкесском и ногайском языках будет передавать в аулы как события за день, так и последнюю информацию о работе всех учреждений области» [370: 1929, 5 августа]. В 1936 г. был построен радиоузел на 300 точек. Появились и батарейные радиоприёмники общественного пользования. Их до войны было не более 50. На прослушивание передач по радио люди приходили в клубы, как на концерты. Весной 1937 г. областной радиоузел был реконструирован. Его мощность вместо 8 ватт была доведена до 500 ватт. Общая сумма затрат на реконструкцию составила 68 тыс. рублей. Если в 1937 г. городской узел связи обслуживал трансляцией 1500

радиоточек, то в 1940 г., достигнув мощности, равной 1800 ваттам, Черкесский городской радиоузел обслуживал уже 2000 радиоточек.

К концу 30-х годов во всех регионах края функционировали радиостанции. Радио национальных республик Северного Кавказа, по утверждению историков журналистики края, стало массовым средством оперативной информации, важным инструментом манипулирования массовым сознанием горцев. Вместе с тем радио выполняло просветительскую функцию, содействовало развитию просвещения, национальной культуры, художественно-эстетическому воспитанию горских масс. Вокруг радиостанций стали складываться сети сельских и рабочих корреспондентов, многие из которых были выходцами из первичных корпунктов «Друзей радио». Они снабжали радиоредакции информацией с фабрик, заводов, строек, из колхозов и совхозов, благодаря чему радио превратилось за относительно короткий исторический отрезок времени в одно из самых действенных и компетентных средств массовой информации края. Как отмечает М.М. Бженников, в 1920-30-е годы вся Кабардино-Балкария знала имена таких рабселькоров, как Муса Каров, Андрей Яковенко, Аня Пронкина, Тоби Дышеков, Хазир Диданов, Юсуп Тилов, Федор Омельницкий. Многие из рабочих и сельских корреспондентов радио стали впоследствии известными поэтами и писателями (как, например, Хачим Теунов), достигли высокого социального статуса, стали партийными и государственными деятелями (как Хазрет Хашказов, ставший секретарем районного комитета партии, Зубер Кумехов, избранный первым секретарем Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б) [36: 39].

Интереснее и разнообразнее становились жанры радиопередач. Сухие официальные информации, подчас напоминавшие стиль протокольной хроники, сменились живыми зарисовками, комментариями, репортажами, очерками, фельетонами, обзорами и обзорами местной жизни. Более оперативно стали поступать в область материалы из центрального Телеграфного агентства.

Население все чаще стало оперировать ссылками на радио как к заслуживающему доверия источнику информации. На вопросы анкеты, распространенной газетой «Социалистическая Кабардино-Балкария» к 10-летию

областного вещания: «Слушаете ли вы Кабардино-Балкарское радио?», «Понятно ли вам содержание радиопередач?» – абсолютное большинство населения ответило положительно [36: 39].

Постепенно радио становилось действительно массовым и заняло достойное место в системе краевой журналистики. Именно через радио доносилась до самых отдаленных аулов политическая информация. Местные радиоредакции практиковали лекции, речи, выступления, доклады руководителей республики, деятелей литературы и искусства. Особенно популярными были беседы о международном положении.

Так, в программу первого дня работы Махачкалинского радио было включено выступление секретаря Дагестанского обкома ВКП(б) «О международном и внутреннем положении СССР» [217: 34]. В республике уделялось много внимания новому средству информирования и пропаганды. В начале 1928 года было созвано специальное совещание секретарей окружных комитетов партии по проблемам радиофикации Дагестана. Этот факт убедительно подтверждает то внимание, которое уделяли власти всех уровней проблемам развития радио.

Было отмечено, что радиосеть в республике значительно возросла, заработала радиовещательная станция в Махачкале (стоимостью 60 тыс. рублей), были организованы радиопередачи на национальных языках, изданы брошюры о радио. Также были отмечены и недочеты: «нерегулярность выхода в эфир радиопередач, отсутствие стабильных планов программ, однообразие форм передач (чрезмерное увлечение докладами), отсутствие во многих округах ячеек радиолюбителей, неорганизованность в работе».

Совещание сочло целесообразным создать при Дагестанском ЦИКе радиосовет (Центральную комиссию) во главе с председателем Дагестанского ЦИКа. В состав радиосовета вошли председатели окружных комиссий. Было рекомендовано аналогичные комиссии создать и в селениях, а также учредить должность инструктора, провести двухмесячные курсы руководителей радиоустановок и радиолюбительских кружков, увеличить время работы станции

до 6 часов, а в праздничные дни – до 8 часов; представить в радиосовет при Дагестанском ЦИКе список селений и аулов, в которых в первую очередь необходимо установить радиоприемники с таким расчетом, чтобы к 10-й годовщине Советской власти в Дагестане иметь радио во всех крупных населенных пунктах [217: 35].

Как отмечает Т.Ю. Чиненная, радиосовет стал больше уделять внимания улучшению и повышению художественного уровня радиопередач, обеспечению регулярного выхода в эфир программ на языках народов Дагестана, привлечению к выступлению по радио наиболее подготовленных и квалифицированных авторов, специалистов разных отраслей хозяйства, деятелей литературы и искусства. «Доклады прозвучали: 95 – на русском языке; 43 – на кумыкском; 4 – на тюркском; 2 – на лезгинском и 4 – аварском, – говорится в отчете в Дагобком ВКП(б) одного из руководителей республиканского радио С. Омарова. – В числе прочих – доклады по санпросвету, юриспруденции, о государственных займах, радиотехнике, по вопросам культпросветработы клубов, военизации, разные отчеты информационного характера» [217: 37]. Начиная с февраля 1928 года появилось стабильное расписание радиопередач на две недели вперед.

В связи с тем, что не везде техническое обеспечение радиовещания было достаточным, журнал «Радиослушатель» тоже выступил с предложением сократить число станций по стране и сосредоточить усилия по улучшению качества на крупных передающих центрах [296.2: 1]. В этом случае, конечно, в первую очередь могло бы исчезнуть национальное радиовещание как наиболее уязвимое по технической обеспеченности.

Характерные для советского режима перманентные реорганизации, чаще всего совершенно не обоснованные и не оправданные, ставили под угрозу существование сложившейся сети радиовещания на Северном Кавказе. Так, в планах Наркомата связи на 1932 год снова была заложена программа сосредоточения всего радиовещания Северного Кавказа в Ростове-на-Дону и Владикавказе, при этом ликвидируя маломощные передающие станции в национальных областях. Этот проект подвергся критике в статье А. Поспелова

«План национального вещания или «загадочные картинки», опубликованной в журнале «Говорит СССР». Программа руководства ведомства по реконструкции не учитывает, пишет автор, что Северо-Кавказское управление обслуживает сложный конгломерат территорий, населенных разными национальностями, а реализация предложений Наркомата фактически уничтожит национальное вещание в регионе. Пospelов ставит вопрос: «Но возможно ли заменить из Ростова и Владикавказа местное вещание Нальчика и Грозного для обслуживания ими горских национальностей?» [286.9: 6].

Радиовещание позволяло распространять информацию и вести агитационно-пропагандистскую работу на родных для горцев языках, подавляющее большинство которых не знало русского. Однако местные радиостанции вещали в основном на русском языке. Конечно, связано это было с отсутствием национальных кадров радиожурналистики. На необходимость решить эту проблему указал общесоюзный журнал «Радиослушатель»: «Плохо поставлено радиогазетное дело и в некоторых нацреспубликах. Возьмем, например, Дагестан (радиостанция в Махач-Кала). В Дагестане насчитывается 34 национальности. Русского населения там почти нет, кроме очень маленькой группы служащих. Несмотря на это, радиогазета издается в Дагестане на... русском языке» [296.6: 5.].

Журнал «Говорит СССР» позитивно оценил программы Грозненской радиостанции, которая формирует программы с преобладанием чеченского языка. В публикации «Чечне – национальное вещание» говорилось: «Четыре часа из девяти ежедневного вещания Грозненской радиостанции были отведены передачам на чеченском языке. Структура национального вещания выглядела так: на чеченском языке «колхозная и рабочая радиогазеты, колхозный утренник и рабочий полудневник», а также в эфир идут художественные передачи. Политическое вещание состояло из дублированных русских радиогазет и чеченской печатной газеты» [286.7: 13]. Журнал отмечает слабую связь редакции с радиослушателями, малочисленность внештатного актива, практически полное отсутствие районного вещания: из шести районных узлов собственное вещание имеет только один – Нижне-Наурский. Остальные только транслируют передачи

областной радиостанции, но чаще всего просто молчат. Как показало обследование автора, районные радиоузлы просто не укомплектованы организаторами вещания, а также не обеспечены финансовыми средствами.

Но не всегда указания центральных руководящих изданий по радиовещанию носили разумный характер. Так, политизированный директивный орган «Говорит СССР» высказал критические замечания в адрес музыкальных редакторов и этнографов национальных радиостанций по поводу того, что они беспомощны в деле применения марксистско-ленинского метода при организации вещания, что «ведет, с одной стороны, к простому некритическому коллекционированию национальных музыкальных материалов, производимому без учета классовой специфики форм и видов национального музыкального творчества, и, с другой стороны, к столь же некритической пропаганде многих образцов национальной музыки с революционными (а иногда и псевдореволюционными) текстами» [286.2: 12]. Вопреки своим же оценкам, данным в 1932 году, журнал «Говорит СССР» в 1935 году уже критикует северокавказские комитеты за стремление готовить передачи на родных для слушателей языках. «В Чечено-Ингушетии это количество одно время достигло 85 процентов всей программы» [286.8: 50], – возмущается автор обзора Х. Кожевников.

В тридцатые годы грозненский радиоцентр организовал заочное обучение чеченской грамоте. В эфир выходили специальные радиолектории. Областной комитет ВКП(б), рассмотрев вопрос «О мероприятиях по улучшению радиозаочного просвещения», предложил радиоцентру увеличить чтение лекций на чеченском языке, расширить радиосеть в сельских районах [115: 53].

Радио стало важным средством культурного развития автономий Северного Кавказа. Организация местного вещания на национальных языках стала одним из условий его эффективности. Ведь понимание передачи теми слушателями, на которых она рассчитана, – первое условие ее действенности. Это имело большое значение и с точки зрения социально-психологических аспектов радиопропаганды. Эту тенденцию становления радиовещания в крае выделяет М.М. Бженников. «Кабардинцы и балкарцы больше всего интересовались Нальчикской передаточной

станцией, так как они могли слушать речь на своем родном языке, – пишет исследователь. – Вместе с тем вещание на родных языках продолжало оставаться слабым. Передачи на кабардинском и балкарском языках в основном ограничивались десятиминутными выпусками «Последних известий», которые изредка дополнялись двух-трехминутными передачами национальной музыки. Основное время отводилось вещанию на русском языке, вследствие чего подавляющая масса жителей коренной национальности, которые еще в недостаточной степени владели русским языком, лишались радиопередач» [36: 31]. Признав такое положение ненормальным, обком ВКП(б) в апреле 1936 г. вынес решение о коренной перестройке работы областного радиокomiteта [361: 1936, 15 мая]. В результате 80% времени местного вещания отводилось передачам на кабардинском и балкарском языках, 20 – на русском языке [36: 32].

С увеличением объема вещания на национальных языках улучшился содержательный и идейно-политический уровень радиопередач, ориентированных на коренное население. В программы радиостанций на родных языках стали включать беседы на актуальные социально-экономические, политические, морально-этические темы, о классических музыкальных произведениях, о творчестве местных художников, о писателях-классиках мировой литературы, лекции по самообразованию, по воспитанию детей.

Причину огромной тяги местных народов к национальному вещанию можно объяснить и в историческом плане – в прошлой самодержавной действительности полностью игнорировались просвещение малых народов и их языки. В «Официальном сборнике документов и статей по вопросу об образовании», изданном при царизме, говорилось, что «о возведении инородческих языков в развитой литературный язык, на котором шло бы обучение, никогда не было не только речи, но и помысла, потому что подобного рода помыслы граничили бы с абсурдом» [36: 33]. Радио явилось одним из эффективных средств, с помощью которого преодолевался существовавший многие десятки лет барьер унижения языков малых народов России. Насколько оказалась эта психология живучей и стала привычной для национальных меньшинств, лучше всего выявлялось

практикой вещания: горские старики отказывались верить тому, что их языки могут звучать «по проводам» наравне с русским; они недоверчиво подходили к радиоустановке, прикладывали ухо и слушали родную речь.

Одними из самых популярных программ северокавказских радиостанций были музыкальные. До 60% эфирного времени, отданного художественным программам, представляло различные формы пропаганды музыки, отмечает М.М. Бженников. «Характерно, что радиовещание Кабардино-Балкарии следовало не только опыту, уже выработанному Всесоюзным радио, но и той общей концепции, прокладывающей путь практике, – пишет он. – Искусство, вносимое вещанием в духовную жизнь народа, в многочисленных научных исследованиях того времени рассматривалось как своеобразный резонатор, который усиливает все лучшее и прекрасное в людях» [36: 35]. Вместе с тем исследователь подчеркивает и недостатки местных радиокомитетов в пропаганде классической музыки, отрыв от культурного и образовательного уровня местных слушателей. На это указывал и журнал «Говорит СССР», который рекомендовал местным радиожурналистам «связать» музыкальное вещание с бытом, с теми задачами, которые решали руководство и трудящиеся страны. Ибо развитие художественных вкусов людей сопряжено с глубоким воздействием на сферу эмоциональных переживаний, а это ведет к переделке их сознания.

Местное музыкальное вещание поначалу составляли концерты симфонической музыки, передаваемой ростовской и московской радиостанциями. В силу названных выше причин их, можно сказать, слушала небольшая часть аудитории. Вскоре к музыкальному радиовещанию были привлечены сказатели, исполнители народных песен, популярные гармонисты [286.5: 4]. «Ашуги у микрофона» играли значительную роль в распространении музыкальной культуры. Пользуясь их поддержкой, радио выполняло двоякую функцию: развлекательную и пропагандистскую. Объяснение последней надо искать в такой традиции горских народов, как высокое уважение к старикам, к их слову, обращенному к младшим по возрасту. Своеобразный радиопризыв, устное слово из уст старца-мудреца имели громадное воспитательное значение. Большевики, конечно же, не могли не

использовать такую традицию в пропагандистских целях. Советская власть окружила народных сказателей особой заботой и почетом, выделяла и поощряла их. О них писала и местная, и центральная пресса. Журнал «Говорит СССР» отмечал, что «фольклор народностей Северного Кавказа дает богатый материал для национального художественного вещания» [286.8: 50].

Так, в Кабардино-Балкарии еще в 1927 году при радиокомитете был организован коллектив зурнистов. «На постоянную работу приглашаются искусные гармонистки Кураца Каширгова, Сакинат Малкандуева, композитор-самородок Индрис Кажаров и другие талантливые музыканты, – пишет М.М. Бженников. – Своим искусством они заслужили высокое признание и любовь людей, многочисленных слушателей радио. Кураце Каширговой впоследствии было присвоено звание народной артистки России». Учитывая значение художественных передач в повышении общей культуры населения, руководство Кабардино-Балкарии указало радиокомитету «всемерно содействовать еще большему и быстрейшему росту литературно-музыкальных творческих сил, создавая новые национальные композиции, песни, литературные произведения и одновременно добиваться их лучшего качества» [36: 36].

Нужно сказать, что появление радиовещания оказало воздействие на развитие художественной литературы и искусства во всех республиках и областях края. Эту тенденцию выделяет и историк радио Дагестана Т.Ю. *Чиненная*. Так, правительство республики Дагестана в апреле 1932 года рассмотрело вопрос «О художественном радиовещании». Руководству радиокомитета было предложено в декадный срок создать Совет художественного вещания и совместно с Народным комиссариатом просвещения определить профиль работы по художественной пропаганде [217: 47].

Становление профессионального музыкального искусства в Дагестане неразрывно связано с развитием радиовещания. С первых дней в его работе принимали участие певцы и музыканты народов Дагестана. Среди них были известные впоследствии профессиональные исполнители, народные и заслуженные артисты РСФСР, народные и заслуженные артисты ДАССР.

Радио дало возможность напрямую общаться с населением республики народным поэтам: С. Стальскому, Г. Цадасе, А. Гафурову, А. Магомедову, А. Фатахову, Э. Капиеву. Их выступления вызывали огромный интерес радиослушателей, большой общественный резонанс. Что ярко подчеркивало культуру и значение устного слова у горских народов.

Музыкальная студия была создана в структуре Чечено-Ингушского областного радиокомитета. К работе привлекли композитора Метураева, который создал музыкальный коллектив. Большой популярностью у радиослушателей пользовались слепой певец-импровизатор Багаутдин Сулейманов, гармонист-виртуоз Умар Димаев. На местной радиостанции практиковались концерты по заявкам, выезды в сельские районы с концертами. Часто у микрофона выступали писатели [286.8: 50]. На Орджоникидзевской радиостанции организовали музыкальные группы: восточное трио и осетинский вокальный квартет. Местный композитор Колесников записал до 50 осетинских народных мелодий, которые участники групп впервые исполнили по нотам [286.8: 50].

Музыкальному вещанию уделялось большое внимание и руководством Всесоюзного радиокомитета. При методическом совете комитета была создана музыкальная секция, на заседаниях которой часто рассматривались вопросы совершенствования музыкальных передач в национальных регионах. Так, в 1933 году на секции обсудили практику музыкального вещания на Северном Кавказе. Была высказана рекомендация: «Каждое из устно (без нотных записей) исполняемых национальных произведений, должно быть описано специалистом по музыке данной национальности. Описание это должно храниться в библиотеке ВКР как аннотационный материал, используемый для составления пояснительных слов» [286.2: 12].

Важную роль в пропаганде национального искусства, словесности призваны были сыграть зародившиеся в те годы литературные программы на местных радиостанциях. Но число таких передач было малым. Это объяснялось тем, что национальные литературы находились в стадии зарождения, и радиожурналисты не имели произведения на родных языках для инсценировок на кабардинском и

балкарском языках. На областном совещании партийных работников Кабардино-Балкарии отмечалось то, что отсутствие национальной литературы является тормозом для политического и культурного воспитания национальных масс. Коллектив областного радио принял меры по созданию собственных литературных программ. Эту задачу облегчило создание местного отделения Союза писателей СССР. «К микрофону регулярно привлекались молодые поэты, писатели, сатирики Кабарды и Балкарии», – отмечает М.М. Бженников [36: 34].

Региональная радиожурналистика обратила внимание на детскую и молодежную аудиторию. В качестве примера можно привести вещание для детей и юношества Кабардино-Балкарского радио. Первая передача для этой аудитории прозвучала в эфире 19 мая 1927 г. с 18 часов до 18 часов 30 минут. Называлась она «Радио-пионер» и, можно сказать, что представляла собой прообраз радиожурнала «Школьник Кабардино–Балкарии», ставшего впоследствии популярным среди слушателей. В доступной форме, преимущественно беседами старших у микрофона, радио разъясняло значение и задачи пионерской организации, призывало подрастающее поколение учиться, ибо жизнь требует от человека много знаний [36: 30].

Популярностью у подростков и молодых людей стала пользоваться передача Кабардино-Балкарского радио «О радио по радио». Содержание и цели ее лучше всего выражает само название. Вещание широко популяризировало техническое изобретение века – радио. Освещало деятельность радиокружков, призывало следовать примеру лучших радиолюбителей. Подобные передачи являлись формой технической пропаганды – одного из способов раскрытия активности людей. Передачи «О радио по радио» дисциплинировали ребят, поднимали их интерес к техническим знаниям, учили их быть полезными для страны. Задача состояла в том, чтобы расширить и улучшить программы для детей дошкольного и школьного возраста. Поэтому обком и облисполком в резолюции «По вопросу радиовещания и радиофикации» специально отметили: «Обязать Комитет радиовещания ввести в сетку часы детского вещания. К вещанию для школьников привлечь обком ВЛКСМ, облоно, школы» [36: 31].

Передачи для детей стали появляться во всех регионах края. Так, в соответствии с постановлением «О художественном радиовещании» Правительства республики Дагестана в апреле 1932 года махачкалинское радио наладило детское вещание [217: 47]. Сохранилось очень мало материалов об этих передачах. Но и отрывочные сведения дают возможность дать характеристику детского вещания. 19 ноября 1936 года успешно прошла детская радиопередача, организованная сектором детского вещания Даградиокомитета для пионеров и школьников. Газета «Дагестанская правда» сообщала: «Кроме детей в передаче участвовала также солистка радиокomiteта Т. Таманская, которая исполнила пионерские песни: «О Павлике Морозове», «Пионерский барабан». Сектор детского вещания Даградиокомитета принимает заявки от юных радиослушателей на передачи. В ближайшее время у микрофона выступят ученики школы № 6, которые расскажут о школьной самодеятельности и исполнят на кумыкском языке песни Сулеймана Стальского. Ученики школ №№ 10 и 8 исполнят песни на татском и тюркском языках» [319: 1936, 23 ноября].

В детском вещании сразу определились три направления: информационно-воспитательные программы о жизни пионеров и школьников; просветительские программы, которые, как правило, в игровой форме несли детской аудитории разнообразную информацию по разным наукам; радиотеатр, в основе которого были инсценировки отечественной и мировой классики, а также пьесы современных авторов, написанные специально для радио [179: 38].

Наиболее распространенными формами радиопередач 1930-х годов были радиогазеты, информация, доклады, лекции, ответы на вопросы радиолюбителей, трансляции концертов из студии. Местное программное радиовещание в основном состояло из двух составляющих: общественно-политическое и художественное радиовещание. Первое охватывало информационное и пропагандистское вещание, программы для детей и молодежи. Художественное включало в себя литературно-драматические и музыкальные программы.

Общественно-политическое вещание 1930-х годов – это, прежде всего, передачи о деятельности правительственных, партийных, законодательных

органов, общественных объединений. Освещалась жизнь внутри страны и в мире. Главное свойство общественно-политического вещания – это его документальный характер.

Первостепенной задачей художественного вещания было предоставление аудитории достижений национальной культуры (произведения композиторов, поэтов, драматургов, музыкальных исполнителей, лучших народных коллективов).

Так, анализ сохранившихся в небольшом количестве текстов передач тех лет показал, что основными формами, жанрами, рубриками радиопередач дагестанского радио в исследуемый период были: радиогазеты, радиожурналы, доклады, лекции, консультации, ответы на вопросы радиослушателей, трансляции собраний, конференций, концертов, спектаклей, радиомитинги, радиопереклички, радиособрания, радиоуниверситеты. В начале 1930-х годов большое значение приобретают организационные формы деятельности радио: радиоперекличка, радиоконференция, радиособрание, радиозаседание, радиослет.

Событийные трансляции имели ярко выраженную агитационную направленность, привлекая массы слушателей к сферам важнейших событий политической, экономической и культурной жизни страны. Радиособрания и радиопереклички устанавливали эмоциональный контакт информационного канала и аудитории [179: 120]. «Радиопереклички в техническом плане представляли собой довольно сложную процедуру, – писала газета «Известия». – За несколько дней до эфира проверялась готовность радиостудий районов дагестанского радио, участвующих в перекличке, а все остальные районы докладывали в Махачкалу о слышимости» [325: 1929, 17 декабря].

В 1929 году по инициативе ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ были проведены Всесоюзный радиослет ударников и Всесоюзное рабочее радиособрание по итогам первого съезда ударных бригад. В газете «Известия» было опубликовано обращение к местным профсоюзным и комсомольским организациям с призывом мобилизовать у громкоговорителей рабочие коллективы для участия в радиоперекличке 28 декабря. «Все рабочие, все трудящиеся должны быть в этот день у громкоговорителя», – давался наказ в обращении [325: 1929, 17 декабря].

В Дагестане был разработан подробный план участия республики в радиособрании, о нем сообщалось по радио и в печати. На предприятиях городов Махачкала, Дербент, Буйнакск организовывалось коллективное слушание передачи. На современном медийном языке это называется активизация аудитории. Такая же организационная работа была проведена в Чечне. Активно откликнулись на обращение грозненские нефтяники. На нефтяных промыслах, заводах, в клубах состоялось коллективное слушание радиослета [117: 18].

Действенными были и радиосовещания, которые отличались длительностью звучания в эфире и более масштабным географическим охватом. На обсуждение выносились различные вопросы. Радиосовещания требовали от журналистов большого профессионализма, новых навыков работы. В начале 1930-х годов, начиная с самой маленькой бригады на заводе или в колхозе и кончая республикой в целом, – все были вовлечены в соревнование (своеобразную форму жизнедеятельности тех лет). Радиосовещания, радиозаседания сыграли немаловажную роль в их организации.

Эти процессы протекали в условиях усиления контроля над средствами массовой информации со стороны уже сложившейся сталинской партократии. Коснулось это и радиовещания, которое возникло и развивалось в первые годы как акционерное общество «Радиопередача», учредителями которого являлись Народный Комиссариат почт и телеграфов, Высший Совет Народного Хозяйства, Всероссийский электротехнический трест Заводов слабого тока, Российское телеграфное агентство (РОСТА), профсоюзы. При этом Комиссариат обеспечивал только техническую сторону, не вмешиваясь в редакционную политику. Можно согласиться с утверждением Т.М. Горяевой, что «советское радиовещание на заре своего существования в действительности было близко к идеальной модели «народной трибуны» – доступной, демократичной, с практически беспрецедентной аудиторией. «По сравнению с периодической печатью, которая уже с 1922 г. подвергалась тотальной цензуре, – пишет она, – радио на начальном этапе имело только общее, координирующее руководство Агитпропа ЦК РКП(б) – ВКП(б)» [64: 74]. Даже в постановлении ЦК «О радиоагитации» от 2 марта 1925 года говорилось

в рекомендательном стиле о «необходимости привлечь внимание парторганизаций к делу радиоагитации...» [254: 9]. Однако уже в июне 1925 года по решению ЦК РКП(б) при Агитпропе была создана радиокомиссия для осуществления единого руководства новым видом журналистики. Контроль над радиовещанием в республиках был возложен на Наркомпросы через Главлиты и Главреперткомы [291.2: 8]. В августе 1925 г. было принято решение (секретное) ввести в состав Акционерного общества «Радиопередача» представителя военного ведомства [272.5]. Цензура в радиовещании была введена соответствующим постановлением Радиокомиссии от 3 декабря 1925 года. На Главлит возлагались обязанности: 1) политического контроля работой радиовещательных организаций; 2) обязательной регистрации всех учреждений и организаций, занимающихся радиовещанием, с указанием используемых радиостанций; 3) установления института уполномоченных, отвечающих за политическую сторону работы радиовещательных организаций; 4) предварительный контроль материалов и выдача разрешительных виз; 5) специальный контроль за трансляцией докладов, прений, происходящих на съездах и конференциях и др. [271.5]

Окончательно проблема контроля за радиовещанием была решена в специальном постановлении ЦК ВКП(б) от 10 января 1927 г. «О руководстве радиовещанием», в котором содержалась директива: «Предложить всем парткомитетам, на территории которых имеются радиотелефонные станции, взять под непосредственное руководство работу этих станций, максимально используя их в агитационных и просветительных целях». Цензуру стал осуществлять Главлит, в структуре которого появились «уполномоченные им лица в радиовещательных организациях». Этим же постановлением вводился «обязательный и предварительный просмотр планов и программ всех радиопередач». В эфир передача могла выпускаться только с «ведома и согласия ответственного руководителя» [94: 7].

В начале 1928 года был еще раз усилен контроль над радиовещанием. Приказом от 21 января по Правлению Акционерного общества «Радиопередача» был введен жесткий порядок сдачи к микрофону и хранения материалов,

передаваемых по радио [64: 82]. Но вместе с тем, опутанное многочисленными ограничениями и запретами, радиовещание в стране оставалось и к началу 1930-х годов в собственности акционерной, а не государственной. Такое положение не могло устраивать партократию, которая уже упрочила свою диктатуру. Начавшееся еще в 1925 году закручивание гаек завершилось ликвидацией АО «Радиопередача». Созданный в 1931 году Всесоюзный комитет по радиовещанию начинает государственное «радиостроительство». Организуются радиокомитеты в областях и союзных республиках. Уже через год после создания ВКР их насчитывается – 12.

Развитие радиовещания и расширение охвата им территории страны сопровождалось усилением контроля за ним и централизацией его управления. 31 января 1933 г. вышло постановление Совнаркома о создании с этой целью Всесоюзного комитета по радиофикации и радиовещанию при СНК СССР (ВРК). Особое внимание ВРК уделял развитию нового вида массовой информации в регионах. Так, уже 8 января 1934 года комитет принял постановление «О состоянии местного радиовещания на опыте Украины, Северного Кавказа и Закавказья», в котором наряду с рассмотрением актуальных проблем развития вещания на местах были поставлены задачи развернуть «большевистскую борьбу с протаскиванием в эфир контрреволюционных и низкокачественных произведений; проявлять бдительность при подборе кадров» [80: 192]. С другой стороны, централизация управления укрепила материально-техническую базу радиовещания, содействовала расширению радиопокрытия страны.

Аналогичные Комитеты были созданы и в регионах. С их созданием намного оперативнее и квалифицированнее стали решаться вопросы, связанные с радиофикацией и радиовещанием. Например, в Дагестане в 1937 году было принято решение о строительстве радиоузлов в таких отдаленных горных районах, как Цунтинский, Агульский, Ахвахский, Кулинский и т.д. [217: 51]. Через год, т.е. в 1938 году, СНК ДАССР еще раз возвращался к вопросу о радиофикации республики, и было решено увеличить продолжительность работы районных радиоузлов с 7 часов до 10 часов в сутки [217: 52]. К началу Великой Отечественной войны почти во всех районных центрах Дагестана

функционировали радиоузлы, общее количество радиоточек достигало почти 14 тысяч [96: 283].

Как средство политического надзора за радиовещанием часто выступали областные партийные печатные органы. Так, «Дагестанская правда», подчеркивая недостатки в работе республиканского радио, отмечает, что «в траурные ленинские дни сектор детского вещания передавал литмонтаж» или «под рубрикой календаря знаменательных дат диктор на кумыкском языке передавал сообщение о расстреле троцкистов...». Вывод газеты выглядит как политический донос: «В Даградиокомитете царит самая откровенная семейственность, поголовное совместительство, подхалимаж и угодничество, а вместе с этим и полный зажим критики» [319: 1937, 4 августа]. После таких публикаций в газете, как правило, следовали политические процессы, завершавшиеся каторгой или расстрелом.

В 1934 году Чеченская и Ингушская области были объединены, а в 1936-м регион получил статус Чечено-Ингушской автономной республики. Аудитория грозненского радиоцентра значительно расширилась. В республике к 1938 году насчитывалось: 21 радиоузел, 5094 радиоточек, в том числе в сельской местности – 1589 [115: 53]. Ряды радиожурналистов пополнили молодые способные кадры, среди которых были будущие руководители республиканских СМИ Андарбек Шамилев, Хамид Хасмагомадов, Арби Мамакаев.

В течение 1920-30-х годов радиовещанием были охвачены все республики и области Северного Кавказа, и оно стало одним из компонентов системы журналистики края. К этому периоду была сформирована система политического надзора над новым видом журналистики. «Стремление советской власти запустить массовое радиовещание опосредовалось потребностью сохранить контроль над этой важнейшей медийной сферой, – пишет М.И. Бабюк, – причем как политический, так и экономический» [27: 82].

Исследователь Т.М. Горяева отмечает, что «развитие радио как средства связи, его информационного и творческого потенциала совпало с историей становления сталинского режима». Оно «в своей содержательной и организационной частях очень чутко вбирало все признаки становления

тоталитарной власти» [64: 9]. Это объясняет превращение радио, начинавшегося как народная трибуна и мощная культуртрегерская струя, в «постоянно бубнящую черную тарелку», символизирующую сталинскую эпоху.

Вслед за центральным вещанием закручивались гайки и в провинциях. Так руководитель Главлита Н.Г. Садчиков в письме от 31 мая 1939 г. секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Жданову докладывал: «Из Махачкалы Нач. Главлита Дагестанской АССР сообщил, что проводимые Горкомом партии трансляции по радио, несмотря на требования цензуры, не цензурировались, в результате чего разглашалась дислокация воинских частей.

Выступивший по радио Председатель СНК Дагестанской АССР Магомедов огласил оборонный завод № 182.

Прошу ЦК ВКП(б) в интересах обеспечения охраны государственных и военных тайн дать указания всем Обкомам и Радиокomiteту при СНК СССР об обязательности цензорской проверки всех материалов, транслирующихся по радио, в том числе и выступлений руководящих работников» [263.6].

По утверждению Т.М. Горяевой, устрашающие действия власти, выразившиеся в 30-е гг. в регулярных «чистках» и репрессиях творческих кадров радиожурналистики, строжайший предварительный контроль микрофонных материалов, зарегламентированный до минуты, жестокие санкции ко всем, допустившим ошибки в эфире, выявленные путем тотального последующего контроля, привели к желаемой цели [64: 148]. Из репродукторов доносилось однообразное славословие о «новых победах и достижениях», клеймились «враги народа» и прославлялся «гений вождя», звучали многочасовые трансляции с политических процессов 30-40-х годов.

Выводы

Во второй половине 1930-х годов радиожурналистика стала обретать свое лицо, как и центре, так и в регионах. До этого наиболее распространенными формами радиопередач были радиогазеты, информация, доклады, лекции, ответы на вопросы радиолюбителей, трансляции концертов из студии. В эфир шли в звуковом формате материалы местных печатных органов.

Во второй половине 1930-х годов стали складываться собственно радиийные формы и жанры. Программное радиовещание в основном состояло из двух составляющих – общественно-политического и художественного.

Радио в 1920-1930-х годах превратилось в полноправное средство массовой информации. В 1940 году в стране действовало около двух тысяч республиканских, краевых и областных комитетов, районных и городских редакций радиовещания, 7 миллионов радиоприемных точек [80: 197]. Радиовещание национальных республик Северного Кавказа также стало массовым, средством оперативной информации, важным инструментом в реализации политики большевистской партии, просвещения и художественно-эстетического воспитания. Вокруг радиостанций стали складываться сети сельских и рабочих корреспондентов, которые пополняли ряды профессиональных журналистов.

На этом этапе радиовещание утратило относительную независимость от государства как акционерное общество и превратилось в один из рупоров большевистского тоталитиризма.

ГЛАВА 4. ПОЛИТИКА БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПАРТИИ В СФЕРЕ ПОДГОТОВКИ НАЦИОНАЛЬНЫХ КАДРОВ ЖУРНАЛИСТИКИ

§ 4.1. Организация системы обучения профессиональных журналистов в 1920-1930-е годы

Рост периодической печати в национальных районах зависел от наличия профессиональных кадров журналистики. Нужно отметить, что большевистская партия всегда держала под пристальным вниманием этот вопрос. Еще на заре создания социал-демократической партии В.И. Ленин в работе «Что делать?» писал, что для того, чтобы наладить издание периодического органа, «...необходим штаб специалистов-писателей, специалистов-корреспондентов, армия репортеров-социал-демократов», которых нужно «найти, собрать, обучить, мобилизовать» [128: 150].

Находясь за рубежом, В.И. Ленин и его соратники обучали журналистике рабочих, приехавших из России. Еще в 1904 г. русские эмигранты-партийцы пытались организовать обучение газетному делу в Женеве. Эта идея была реализована в партийных школах: в 1909 году на Капри, в 1910-м в Болонье и в 1911-м в Лонжюмо под Парижем. Известно, что в программу последней входило ознакомление слушателей с основами газетного дела. Для слушателей этих школ читали лекции и учили их практической журналистике В.И. Ленин, А.М. Горький, А.А. Богданов, А.В. Луначарский, Н.А. Семашко, Ю.М. Стеклов, И. Арманд, Н.К. Крупская и другие известные партийные публицисты.

Программа школы, которую планировалось позже открыть в Поронине, также включала курс журналистики [178: 4]. То есть большевистская партия еще задолго до прихода к власти подготавливала почву для системы журналистики в целях манипулирования массовым сознанием.

Кстати, историкам не известны случаи, когда другие политические партии России предпринимали шаги по организации подготовки своих партийных

журналистов. Отсюда следует, что только большевики готовились не только узурпировать власть, но и установить монополию на идеологию. С этой целью и было налажено обучение преданных марксизму профессиональных работников печати.

В России первые попытки создания образовательных учреждений для журналистов предпринимались профессиональным сообществом в начале XX века. Когда в несколько раз увеличилось число изданий по сравнению с дореформенным временем, встал вопрос о профессиональных кадрах. До тех пор штаты редакций комплектовались из случайных людей.

Так, идея создания высшей школы журналистики возникла в среде петербургских издателей и редакторов в 1902 году. На должность руководителя был рекомендован известный в ту пору писатель Петр Дмитриевич Боборыкин, весьма образованный человек, имеющий юридическое образование [222]. Но этому проекту не суждено было сбыться. В 1905 году в Москве открылись научные и практические курсы для журналистов под руководством профессора Леонида Евстафьевича Владимирова. Курсы предназначались для того, чтобы «лицам, не получившим образования на юридическом факультете, дать систематическое собрание этико-юридических знаний, необходимых для понимания и обсуждения вопросов общественной жизни, составляющей предмет так называемой публицистики» [34: 7-8]. Занятия начались 1 февраля 1905 года и были прерваны через девять месяцев в связи с декабрьским вооруженным восстанием.

Установив свою диктатуру и монополию на идеологию после Октябрьского переворота, большевистская партия стала формировать систему подготовки журналистских кадров, в том числе и национальных, ориентированных только на марксизм. Создание по всей стране уже в первые годы Советской власти многочисленных изданий, быстрое развитие системы партийно-советской печати потребовали большую армию журналистов, работников типографий. Только что родившаяся пресса социалистического государства ощущала острую нехватку профессиональных журналистов. VIII съезд большевистской партии, указав, «что без хорошо поставленной печати немыслимо... советское строительство»,

предложил партийным организациям «выделить для обслуживания печати наиболее стойких, энергичных и преданных работников» [240: 117].

Чтобы воспитать подготовленных журналистов, дать им минимум знаний, навыков профессионального мастерства, было необходимо разработать систему обучения и подготовки работников для печати. Как сообщала «Правда», попытки создать краткосрочные курсы для подготовки партийных журналистов предпринимались в 1918 году московским Пролеткультом [350: 1918, 13 ноября]. В Петрограде летом 1918 года функционировала Школа журнализма, предположительно организованная местным Обществом журналистов. В ее рамках по воскресеньям читались открытые лекции для работников печати [34: 10].

Российское информационное агентство в сентябре 1919 года при своем инструкторском отделе в Москве открыло краткосрочные курсы, позднее переименованные в школу журналистов. Они были призваны решить в сжатые сроки (программа была рассчитана на 1,5 месяца) проблему подготовки газетных работников из числа рабочих и крестьян. Первый набор состоял из 50 человек, направленных редакциями провинциальных газет, политотделами фронтов, а также из студентов высшей школы партийной и советской работы при ЦК партии, проявивших склонность к журналистике. Главное внимание в учебной программе было уделено практическому овладению основами газетной техники на групповых занятиях под руководством преподавателей, а также непосредственно в редакциях и типографиях.

После окончания теоретического курса была предусмотрена шестимесячная практика. В августе 1920 года учебу в Московской школе журналистики завершили 31 человек, и они были направлены в основном в провинциальные газеты, в том числе и на Кавказ [99: 71-72]. Как подчеркивал «Красный журналист», «...газетных работников более всего недостает нашим провинциальным газетам» [294.3: кол. 31].

В этих первых учебных заведениях профессионального журналистского образования стали складываться научные школы журнализма, который чаще назывался газетоведением. Как отмечает И.А. Фатеева, большевистская власть,

предпринимая попытки организовать подготовку журналистов, преданных коммунистической идеологии, исходила из прагматических соображений – в целях построения образовательных программ для работников системы периодической печати, которая только что пережила такую кардинальную трансформацию (1917-1918 гг.), в результате которой практически осталась без старых, дореволюционных кадров, следовательно, нуждалась в новых, рабоче-крестьянских... Количественно и качественно в периодике доминировали газеты, поэтому соответствующая научная область стала именоваться газетоведением [204: 106].

Одной столичной школой ликвидировать дефицит журналистов было невозможно. Поэтому РОСТА организовало подобные курсы и в некоторых областных центрах. В программу партийного отделения, созданного в 1919 году в первом в нашей стране партийном вузе Коммунистическом университете имени Я. Свердлова, был включен специальный курс «Партийная печать (история и современное положение)».

В 1919 году на базе московских курсов РОСТА было создано первое в России специализированное высшее учебное заведение журналистского профиля – Институт Красных журналистов (ИКЖ). Через два года он был переименован в Московский институт журналистики (МИЖ) и включен в систему Главпрофобра. На первый курс было зачислено 110 человек, в основном направленные провинциальными редакциями. Выпуск первого набора состоялся 12 ноября 1922 года. Среди них были и те, кто получил направление в Грозный [290.7: 55].

Необходимость организации подготовки профессиональных журналистов для провинциальной, в частности национальной, прессы отмечали профессиональные журналы, многие организаторы партийно-советской журналистики. «Пришлось к газетному делу привлекать лиц, – писал журнал «Журналист» в 1922 году, – не подготовленных к газетной работе, как в литературном, так и в политическом отношении. Это не могло, конечно, не отразиться вредно на состоянии наших газет, которые – необходимо это признать – за небольшим исключением, как в отношении архитектоники, так и в отношении содержания не выдерживают даже снисходительной критики» [290.15: 28].

Однако предпринятые шаги были недостаточны для решения проблемы журналистских кадров. «Наша Советская пресса хромает на обе ноги, – писал журнал «Красная печать, – и главная причина этой хромоты отсутствие достаточно подготовленных работников» [293.34: 5]. Ограниченность сроков обучения в МИЖ сказывалась на уровне подготовки журналистских кадров. В связи с этим декретом Совета Народных Комиссаров от 4 ноября 1923 года московский вуз был реорганизован в Государственный институт журналистики (ГИЖ) – высшее учебное заведение, находившееся в ведении Наркомпроса РСФСР, с трехгодичным курсом обучения. А с 1924 года институт был включен в сеть коммунистических вузов. При институте было создано подготовительное отделение, которое позволяло поступить в вуз рабочим и крестьянам, в том числе выходцам из национальных окраин, не имевшим соответствующий уровень образования [99: 74].

Но, несмотря на прилагаемые усилия, кадровая обеспеченность национальных изданий на Северном Кавказе все еще оставалась неудовлетворительной. Так, в 1926 году, по сведениям журнала «Красная печать», штаты редакций дагестанских газет составляли: «Красный Дагестан» (рус. яз.) – 7 литературных и 12 технических работников, «Елдаш» (кумыкский яз.) – 2 и 1, «Дагестанская беднота» (тюркский яз.) – 2 и 1, «Труженник» (лакский яз.) – 2 и 3, «Горец» (аварский яз.) – 2 и 2, «Дарган» (даргинский яз.) – только 2 литсотрудника [293.47: 57–58]. «Нужно принимать какие-то специальные меры, чтобы пополнить кадры наших национальных работников-журналистов, – констатировал журнал «Красная печать». – Нужно принять все и всяческие меры не только в центре, но и на местах. Нужно организовать институт ученичества при наиболее хорошо поставленных и наиболее богатых людьми национальных газетах. Нужно организовать в некоторых национальных республиках летние курсы по переподготовке и подготовке журналистов. Наряду с этим, нужно поставить общую задачу создания новых кадров работников печати путем усиления ГИЖа, путем создания при нем сектора национальной печати» [293.50: 11]

Специализированные журналы «Красный журналист», «Красная печать», «Журналист» постоянно держали в поле зрения проблемы подготовки профессиональных работников печати, проводили кампании по привлечению в учебные заведения журналистики склонных к профессии слушателей. «Газета, журнал, книга в состоянии хорошо выполнять свое назначение лишь тогда, когда они делаются опытными и хорошо подготовленными людьми, – отмечала «Журналист». – А у нас до сих пор такая подготовка заключается лишь в выучке на практике» [290.10: 10]. Открывая постоянный отдел «В школах печати», редакция сообщала: «Зная, что журналист-практик – особенно в провинции – часто не имеет даже общего представления о методах и учреждениях газетно-книжного профессионального образования, мы о каждом учебном заведении дадим сперва общий очерк, сопровождая его затем в последующих номерах подробной хроникой текущей академической и общественной жизни школы» [290.18: 29]. Особое внимание уделялось национально-восточному отделению ГИЖа, студенты которого, как подчеркивалось в первом выпуске рубрики, «изучают то же, что и студенты основного отделения. Но в программу их занятий входят усиленной дозой языки: русский, иностранные, и основы национальной экономики и культуры» [290.18: 30].

В 1925/26 учебном году в ГИЖе обучалось 47 студентов 23 национальностей (из общего числа в 150 человек), что составило 31,3 %. В предыдущем году всего – 13 [293.11: 57]. В 1926 году Северо-Кавказский крайком ВКП(б) командировал 6 представителей национальных газет региона на учебу в ГИЖ [293.45: 50]. Не все направленные на учебу выходцы национальных регионов имели уровень подготовки, достаточный для обучения в институте. Поэтому приходилось таких отправлять назад, хотя руководство вуза старалось идти навстречу, если есть хоть небольшая надежда, что абитуриент осилит программу. Журнал «Красная печать» ставил вопрос об создании государственного института журналистики для националов. Но в 1920-е годы реализация такого проекта не представлялась возможной прежде всего по объективным причинам: в стране функционировали издания на 47 языках, и найти специалистов для обучения на стольких наречиях

было немыслимо. Подготовка национальных журналистов как отдельное направление деятельности ГИЖа сложилось в 1927 году, когда в его составе был создан национально-восточный факультет с 4-годичным сроком обучения [70: 113].

Профессиональные журналы вносили свою лепту в становление науки о журналистике, публикуя дискуссионные статьи ведущих газетоведов страны. Так в публикации Э. Брома в «Журналисте» анализируется системы обучения журналистов и научные школы журнализма Америки и Германии [290.9]. Особенности организации журналистского образования в США посвящена статья С. Срединского [290.17]. Очень важную роль в становление журналистского образования и науки также сыграл Кабинет печати, созданный при Центральном бюро Секции работников печати ВЦСПС. Объединенные в кабинете ученые, ведущие специалисты занимались вопросами как теории журналистики, так и практики. Их публикации в журналах, издаваемые учебные пособия способствовали совершенствованию системы средств массовой информации, росту уровня подготовки практиков-журналистов, в том числе и в национальных регионах. Известный газетовед М.С. Гус отмечал: «Газетные статьи обычно еще хуже, чем очерки: они водянисты, растянуты, основная идея их тонет в море мелочей. Рассуждений так много, что факты плавают в них, как крошечные кусочки мяса в арестантском борще. И если даже такая статья имеет верное содержание, политически выдержана, то ведь она безнадежно скучна: ее трудно дочитать, когда читается последний абзац, забыты уже все прежние. Она не в состоянии убедить читателя... Заголовки – больное место газеты. Они громоздки, неуклюжи, невыразительны. У нас пристрастились к длиннющим шапкам, занимающим часто 15-20, а иногда и до 30 % всей газетой площади. Предполагается, что такая шапка облегчает читателю чтение. На самом деле она излишня. В большинстве случаев она не читается» [68: 19].

Газетовед и один из организаторов советской системы журналистского образования М.С. Гус связывал недостатки газет с нехваткой подготовленных журналистов: «И в центральных московских, и в республиканских, и в краевых

редакциях многие должности не заполнены, стон стоит: дайте людей. То же самое можно сказать и о большем количестве окружных газет. Сплошь и рядом двумя-тремя отделами ведаёт один человек, либо в крупном отделе работает «один за всех». Вот небольшая, далеко неполная сводка потребности в людях: ...Сев. Кавказу в 3 года нужно получить 620 человек... Самый слабый участок – печать национальная, восточных и особенно отсталых народностей...» [68: 21-22].

Профессиональные журналы открывали рубрики, в которых помещались публикации в помощь журналистам-практикам, среди которых подавляющее большинство не имело специального образования. В этом плане журналы можно рассматривать как учебные пособия. Часто приходилось публиковать статьи по самым простым вопросам: характеристики жанров, как найти интересную тему. Например, в «Журналисте» М.С. Гус опубликовал статью «Сенсация», в которой развеял существовавшее в те годы ошибочное представление об этом жанре как характерном для буржуазной прессы, дал рекомендации, как нужно подавать его на страницах изданий [290.11: 27–28].

О мало используемых журналистами социологических методах говорится в публикации «Как изучать читателя (Практические предложения)» автора С.И. Безбородова из города Краснококшайск. Рекомендации провинциального журналиста дельные, он приводит убедительные доводы против суждений, высказанных обозревателем А. Гринблатом в «Журналисте» о бесполезности проведения опросов [290.8: 41]. Этот вопрос поднимала и «Красная печать», которая утверждала, что «...не зная читателя, нельзя дать ему нужную книжку, отвечающую его запросам». Между тем, отмечает журнал, в национальных республиках и областях изучение аудитории сопряжено со специфическими трудностями. Они, прежде всего, связаны с тем, что крестьянство в каждом регионе отличается и по уровню образованности, и по менталитету и социально-бытовым условиям жизни. «Разнородность национальных условий, – пишет автор Г. Тегжалиев, – требует своеобразных методов, специально приспособленных к своеобразным, специфическим условиям отдельных национальных республик и областей» [293.48: 47]. В статье изложены несколько методов для изучения

читательской аудитории национальных районов, разделенных автором на две группы.

Проблему читательской аудитории национальных изданий регулярно поднимала на своих страницах «Красная печать». «Пока же нацгазеты в большинстве не знают своих читателей и их интересы, – констатирует журнал, – слабо с ними связаны, а язык их тяжел и непопулярен. Газеты нередко изобилуют иностранными и просто непонятными словами и наименованиями стран, городов и государственных деятелей (последние приводятся без объяснений). В результате у читателя – полное непонимание, а у редакции газеты – работа на холостом ходу» [293.44: 54].

Достаточно распространенным явлением в провинциальных редакциях периода социалистической модернизации стало сотрудничество с так называемыми кочующими или залетными корреспондентами, порожденное именно нехваткой профессиональных кадров. Эти «бродяги» от журналистики, как пишет М. Гус, кочевали из редакции в редакцию, проработают в одном месте несколько недель, «подкрепятся малой толикой деньжонок, ...отправляются дальше» [68: 27]. Складывались даже целые корпоративы таких гастролеров, которые делились между собой информацией, где и как платят, о редакциях, нуждающихся в сотрудниках. Редакции северокавказских изданий тоже попали в поле их зрения. В переписке между собой «халтурщики» довольно цинично высказывались в адрес местных редакций, позволивших им заработать легкие деньги. Одно такое письмо с сохранением авторской лексики привел в своей книге «За газетные кадры» М. Гус. «Здоров, забулдыга и старый ... (нецензурное слово) Тихов!, – пишет своему сотоварищу некий Леонид Зорин. – Мне сообщили, что портишь воздух в Грозном. Если это правда и, если ты еще не убрался в другие края, отвечай. Я во Владикавказе, во «Власти труда». А ты, полагаю, находишься по-прежнему во власти лени и зеленого змия и чувствуешь себя не худо. Отвечай каналья» [68: 27].

Кочующие журналисты не гнушались практикой плагиата, публиковали одни и те же тексты на страницах газет разных городов, изменяя только географические

названия, имена героев. В 1929 году «Журналист» буквально засыпали со всех концов СССР сообщениями о все новых и новых плагиатах. «Авторы» переписывали целиком чужие статьи, даже не утруждая себя тем, чтобы переделать заголовки. Так, некий Чуприн отправил в «Кооперативную жизнь» разоблачительную корреспонденцию, переписанную слово в слово из газеты «Грозненский рабочий». Нужно сказать, что такие статьи без труда попадали на страницы провинциальных газет опять из-за дефицита пишущих сотрудников [68: 30].

Наличные учебные заведения решить проблему дефицита журналистов не могли. Решением ЦК ВКП(б) от 11 ноября 1930 г. ГИЖ был преобразован в Коммунистический институт журналистики им. «Правды» (КИЖ), где стали готовить редакторов республиканских, краевых и областных и крупных районных, городских газет. Через год вышло другое постановление, в соответствии с которым опять менялось название на Всесоюзный коммунистический институт журналистики имени «Правды» при ЦИК СССР (ВКИЖ) [70: 103]. Переименование отражало отношение большевизма к журналистике не как к средству информирования масс, а как к инструменту манипулирования общественным мнением. Иосиф Виссарионович Сталин уже на начальном этапе формирования своего статуса как единственного и незаменимого вождя так сформулировал магистральное направление развития журналистского образования: «...Некоторому минимуму техники журналистики обучать их, конечно, необходимо. Но основное не в этом. Основное состоит в том, чтобы рабочие и сельские корреспонденты обучались в ходе своей работы и выработали в себе то чутье журналиста-общественника, без которого корреспондент не может выполнять свою миссию и которое не может быть привито какими-либо искусственными мерами обучения...» [186: 262]. На первый план выдвигалась преданность журналиста делу большевизма, а не профессионализм. Соответственно менялись программы профессионального журналистского образования: профессиональные дисциплины уступили пальму первенства дисциплинам идеологического характера.

Перманентно проводимые чистки редакционных аппаратов усиливали дефицит журналистских кадров. Как отмечал М.С. Гус, выдвижение рабочих и перевод опытных партийных работников не дадут результат, если не будут соединены с переподготовкой в специальных курсах или учебных заведениях. Для этой цели, как считал газетовед, нужно открывать новые и расширять существующие школы журналистики [68: 91]. Не лучшим образом сказывались на развитии медиаобразования и регулярные чистки преподавательского состава журналистских образовательных учреждений. Так, сам М.С. Гус, внесший весомый вклад в организацию ГИЖа, один из основателей научного исследования журналистики, фактически отец советского газетоведения, сделавший много для развития журналистики национальных регионов страны, был причислен к «врагам народа», вредителям, апологетам буржуазных теорий журнализма. Это несмотря на то, что в своих многочисленных публикациях М. Гус подчеркивал приоритет политической подготовки журналистов, преданности большевистской партии.

Предпринимались попытки создать систему подготовки радиожурналистов. На рубеже 1927 и 1928 гг. в Правление Государственного института журналистики поступило предложение вновь назначенного редактора институтской радиогазеты ввести соответствующие курсы. Правда, обсудив его, Правление 12 января 1928 г. посчитало возможным признать это предложение преждевременным в силу отсутствия материальной базы и соответствующего практического опыта и ограничилось предложением к редакции радиогазеты сделать в институте доклад о ней [70: 113].

Тема «радиогазеты» получила свое продолжение в 1932 г., когда в вузе были созданы все необходимые условия для ее организации. Но, видимо, реальных результатов это не принесло, потому что летом 1936 г. Председатель Комитета по радиовещанию при СНК СССР П.М. Керженцев обратился в ЦК ВКП(б) с просьбой разрешить организовать при ВКИЖе двухгодичные заочные курсы работников радиовещания, а также создать в семи журналистских учебных заведениях специальные группы редакторов радиовещания. В этих группах очного обучения предлагалось начать готовить к работе в эфире в общей сложности 325 человек.

При этом учебно-методическое руководство по специальным радиодисциплинам и финансирование всего проекта Радиокomiteт брал на себя [271.4].

Особенно острой была проблема журналистских кадров в национальных районах. Причиной тому была неграмотность. Вместе с тем в первые годы Советской власти по темпам роста национальные газеты опережали рост изданий, выходящих на русском языке. Так, на 1 апреля 1924 года по отношению к газетам на русском языке национальные составили 9,8%, а на 1 октября 1925 года – 10,5%. Количество газет на языках народностей РСФСР за такой короткий период возросло почти на 50 процентов. В постановлении «Главнейшие очередные задачи партии в области печати» указывалось: «Перенести центр тяжести подготовки работников печати на подготовку работников для крестьян и нерусских национальностей СССР» [230: 84]. Для реализации установок постановления были открыты секции газетного дела в Коммунистическом университете народов Востока и в Коммунистическом университете нацменьшинств Запада для обучения и направления кадров в газеты на национальных языках. Журналистские факультеты и отделения общим числом 45 открылись в коммунистических университетах Белоруссии, Закавказья, Средней Азии, Татарии и других [222]. Максимально увеличился нерусский состав ГИЖа, были организованы краткосрочные курсы газетного дела на Украине и в Закавказье на местных языках, школы фабзавуча по подготовке наборщиков для нерусской прессы в национальных республиках.

Состоявшийся в 1922 году 3-й Всероссийский съезд работников печати отметил, что «подготовка необходимых нашей прессе сотрудников-специалистов может быть выполнена только профессиональной школой журналистики». В резолюции съезда также говорилось, что «наряду с центральной и высшей школой журналистики в отдельных губернских и областных городах должны быть также организованы курсы журналистики...» [293.22: 22]. Таким образом можно было решить кадровую проблему для растущей местной печати. Для удовлетворения потребности в журналистских кадрах в годы строительства фундамента

социализма по всей стране были открыты курсы и школы журналистики, а в совпартшколах – газетные отделения.

В областях Северного Кавказа проблема дефицита национальных журналистских кадров решалась не так успешно. В 1920 году журнал «Красный журналист» сообщал: «На Кавказе... полное отсутствие газетных работников. Нет не только лиц, способных как следует поставить газету, но и просто грамотных людей, которые могли бы выполнять хоть небольшую работу в редакции» [294.5: кол. 398]. Так, газета «Красная Кабарда», издававшаяся с 15 июня 1921 года на русском языке, до 24 номера выходила за подписью «Редакционная коллегия», до 48-го в качестве ответственного редактора подписывал М. Васильев, следующие шесть номеров – А. Антониковский, с 54-го по 57-й – Б. Павлович, затем до конца года – П. Корыхалов. «Частая смена редакторов, – отмечает эту практику краевых партийных комитетов Ф.Ш. Ошнокова, – наблюдается и в последующие годы ее функционирования – свидетельство отсутствия достаточно подготовленных профессиональных журналистских кадров в области» [170: 58]. Подобная чехарда редакторов наблюдалась во всех регионах Северного Кавказа.

Были сделаны попытки наладить учебу для журналистов Северного Кавказа проведением семинаров, организацией краткосрочных курсов при краевых и областных органах печати. Большой вклад в подготовку газетных работников Северного Кавказа внесло РОСТА, местные отделения которого принимали непосредственное участие в организации национальной прессы, помогали журналистам повышать профессиональное мастерство. Как отмечает З.Ю. Хуако, «...составной частью строительства многонациональной печати была подготовка кадров национальной прессы, особенно газетных работников коренной национальности. Молодым журналистам, только что пришедшим в печать республик и областей, необходимо было овладеть концепцией новой прессы, практикой газетного дела. Этого требовали новое качество печати, ее просвещающая и организующая роль. Надо было помогать журналистам идти вглубь процессов, анализировать сложную диалектику, противоречивость становления нового общества во всех сферах его жизни. Кадрам печати нужны

были знания, компетентность, конструктивность и ответственность» [214: 89]. Руководитель отдела печати ЦК РКП(б) И.М. Варейкис в докладе на совещании инструкторов региональных комитетов 21 августа 1925 г. отметил, что «особенно трудную задачу представляет подбор редакторов для национальных газет» [293.35: 53].

В 1923 году в ГИЖе было организовано специальное отделение по подготовке журналистов для национальных газет, а с 1925 года при институте начали работать одногодичные курсы для работников национальной печати. В 1926 году в вузе обучались 47 студентов 23 национальностей. Однако республики не всегда заполняли выделенную квоту. Так, в 1924/1925 учебном году вместо 29 человек были приняты только 14, представлявшие 10 национальностей. Из 11 регионов абитуриентов не прислали [293.33: 62]. Для подготовки кадров национальной печати редакциям центральных, республиканских, краевых и областных газет рекомендовалось развернуть широкую сеть краткосрочных курсов, кружков рабселькоров-ударников [262: 403]. Увеличивался контингент слушателей отделений журналистики коммунистических вузов из национальных регионов, расширялась сеть учебных заведений разного уровня на местах.

По утверждению А.Ф. Бережного, даже такие масштабные меры, предпринимаемые большевистским руководством, не обеспечивали достаточным количеством разросшиеся в годы индустриализации и коллективизации средства массовой информации и пропаганды специалистами соответствующей квалификации [34: 403]. Развернуть систему подготовки журналистских кадров, особенно для национальной прессы, в полной мере не удалось и к середине 1920-х годов. Этим объяснялся низкий уровень газет и журналов на родных языках. Признавал это и журнал «Красная печать»: «Разговоры эти начались почти со дня зарождения национальной советской печати. Но сколько мы не говорим, а воз и ныне там: в восьмом году после Октября вопрос о работниках стоит так же остро, как и прежде. Стихийный рост национальной прессы, вызванный все возрастающей активностью широких национальных масс, поставил вопрос о работниках печати ребром... Ждать, когда их выпустит московский ГИЖ, нельзя. Ибо, хотя в ГИЖе

националов в общем и значительный процент, но при разбивке на отдельные национальности выходит по 1-2 студента на каждую... От ГИЖа в ближайшем будущем реальной поддержки для нашей прессы ожидать не приходится. Единственным ответом... может быть только подготовка работников печати на местах. Сами места, сама национальная печать должны взяться за эту работу» [293.41: 15].

Проблему могло решить только открытие широкой сети учебных заведений во всех национальных областях. Так, в Татарии уже в 1920 году РОСТА организовало курсы литературы и журналистики. В том же году их окончили 11 человек [160: 51]. В 1924 году в Башкирии были созданы краткосрочные курсы для журналистов, пишущих на татарском и башкирском языках [160: 125]. IV Удмуртская областная партконференция в 1922 году постановила ввести в программу совпартшколы преподавание журналистики, истории печати, техники газетного дела, практические занятия по корреспондированию в газету [78: 22].

Предпринимались попытки наладить курсы и на Северном Кавказе. Какое важное значение придавало большевистское руководство региона подготовке журналистов в автономиях, подчеркивает тот факт, что только во второй половине 1924 года Юго-Восточный крайком РКП(б) четырежды рассматривал на заседаниях бюро и пленума вопросы обеспечения газетными работниками местных периодических изданий. Так, пленум Юго-Восточного краевого комитета РКП (б) 25-26 июня 1924 г. предложил провести работу по увеличению целевых мест в Государственном институте журналистики для направления на учебу молодых работников печати края в первую очередь из национальных изданий, а также организовать стажировку их сотрудников в краевых газетах «Советский ЮГ», «Трудовой Дон» и «Советский пахарь» [274.19]. Бюро Юго-Восточного краевого комитета РКП (б) 28 августа 1924 г. рассмотрело вопрос «О подготовке горцев-журналистов» и приняло решение «командировать для практики в газетной работе четырех человек: осетина, ингуша, кабардинца и дагестанца сроком на 3 месяца в качестве практикантов в «СовЮг» [274.1].

Развитие периодических изданий на языках народностей требовало новых и новых сотрудников. Нехватка журналистов в национальных областях все еще оставалась острой. Это отметил XIII съезд РКП(б), в резолюции «О печати» которого говорилось: «Национальная пресса в особенности требует партруководства и укрепления политически выдержанными партработниками-журналистами» [245: 257].

Серьезное внимание подготовке национальных журналистов на Северном Кавказе уделяли центральные издания. Журнал «Красная печать» в 1925 году, всесторонне изучив положение в Дагестанской АССР, писал: «Дагестан не имеет кадров квалифицированных работников печати. Острый недостаток работников увеличивается со дня на день. Даже один из редакторов парторганов не член партии, ибо на такую работу партийца не нашли. Естественно, что вопрос о создании кадров работников печати в Дагестане является актуальнейшей задачей дня». Автор отметил, что только организацией обучения путем ученичества селькоров и низовых сотрудников можно ликвидировать дефицит журналистов в национальных регионах [293.2: 31].

Кадровая проблема серьезно сказывалась на качестве национальной печати. В обзоре журнала «Журналист», посвященном газете «Красный Дагестан», отмечалось: «Количество сотрудников бедно до крайности. Редактор в единственном числе обрабатывает весь поступающий материал на четыре огромные страницы. Ему же приходится и верстать газету. Получается 15-18 часовый рабочий день. Секретарь вынужден бегать по учреждениям за долгами, да с него же требуется следить за всей поступающей литературой, чтобы держать газету в курсе событий. Ему же часто, под говор посетителей, приходится стряпать передовую или фельетон. Он корректор. Счетовод – он же экспедитор. Рассыльный – он же уборщица. И так во всем. При таких условиях далеко не уедешь» [290.1: 68]. Подобная картина была характерна во всех регионах края. Один из организаторов карачаевской прессы Ислам Хубиев (Карачайлы), говоря о тяжелых условиях, в которых издавались местные газеты, также отмечал малую численность журналистского состава в редакциях: «А сколько работников <...> в трех газетах?

Два редактора, два секретаря. Один редактор и один секретарь в то же время являются переводчиками» [314: 1926, 11 июля]. На восьмом году Советской власти, констатировал журнал «Красная печать», вопрос о работниках стоит так же остро, как и прежде [293.41: 15]

В 1926 году Национальная комиссия краевого комитета ВКП(б) рассмотрела вопрос «О нацпечати». Было отмечено, что в автономиях края повысился удельный вес сотрудников коренных национальностей в редакциях. В то же время комиссия рекомендовала продолжить работу в этом направлении, заменяя редакторов не горской национальности местными кадрами [274.9]. Однако реализовать эту программу мешало отсутствие подготовленных специалистов. На слабую квалификацию журналистов указало и краевое совещание работников национальных газет, состоявшееся в 1926 году [274.18].

С целью повышения квалификации газетных работников в Ростове-на-Дону организовали постоянно действующие краевые горские курсы. Центральный комитет партии выделил в Государственном институте журналистики на 1926/27 учебный год 8 мест для национальных областей Северного Кавказа [33: 114].

Несмотря на предпринимаемые шаги, кадровая проблема редакций региональных изданий оставалась острой. «Газету часто вел один человек, – характеризует обстановку в редакциях в 1920-х годах исследователь Д.А. Барабохин. – Недаром в журналистском быту тех лет жило определение «однолошадная редакция». Так с горечью и иронией называл себя газетчик, исполнявший обязанности редактора, секретаря, литературного сотрудника, автора, обработчика большинства публикуемых материалов и корректора. Невысоким был и уровень образованности, культуры тех журналистов, которые сотрудничали в низовой печати. Сплошь и рядом ими являлись люди, не имеющие элементарной профессиональной подготовки» [31: 100]. Чеченская газета «Серло» подчеркивала, что «отсутствие соответствующих кадров работников-националов стоит на пути нашей печати, как сеть колючих заграждений» [359: 1927 г., 5 мая]. Журнал «Рабоче-крестьянский корреспондент» также отмечал: «В Чечне и во всех областях почти всякий грамотный человек является должностным лицом. Можно

смело сказать, что грамотный в нац. области, в основной своей массе, является представителем власти или партийных и общественных организаций... Редактор обычно работает по совместительству. Существует единственный секретарь, который не только правит материал, но и составляет номер, ведет переписку с аулками, принимает подписку на газету и т.д. Часто этот секретарь одновременно является и... старшим наборщиком» [295.1: 21]. Краевой журнал «Революция и горец» писал: «Такие газеты, как «Ленин-Гок» и «Ленинчи Джол» (Кабарда), «Черкес плиж» (Черкессия), «Таулу-Джарлыла (Карачай), «Серло» (Чечня), не имеют ни одного работника со специальным образованием, со специальной подготовкой» [297.21: 51].

Эта ситуация не могла устраивать партийное руководство края. Выполняя директивы центра, Северо-Кавказский краевой комитет РКП(б) старался выправить положение. Национальная комиссия крайкома в декабре 1926 года, обсудив вопрос о состоянии печати в областях, наметила обширную программу подготовки журналистов, корректоров, наборщиков из числа народностей Северного Кавказа [134: 21]. Для оперативного решения задачи ликвидации дефицита работников прессы в крае были организованы постоянно действующие журналистские курсы в Геленджике, на которых проходили повышение квалификации сотрудники областных изданий. Бюро Северо-Кавказского крайкома РКП (б) на заседании 18 февраля 1927 г. ставило задачу «продолжать в дальнейшем укрепление редакций газет работниками националами, особенно добиваясь выдвижения редакторов из среды самих националов, путем посылки молодых работников печати в ГИЖ и специальной подготовки их в крае» [274.12].

Неизменное внимание развитию сети журналистской учебы уделяли во всех областях края. III пленум Дагестанского обкома в 1928 году, рассмотрев вопрос «О состоянии и задачах национальной печати», назвал вопрос подготовки национальных журналистов важнейшим в деятельности партийных организаций по укреплению партийно-советской прессы Дагестана [24: 140].

Отсутствие квалифицированных и опытных кадров порождало немало недостатков в оформлении и содержании периодических изданий, что делало

газеты и журналы малоинтересными и непривлекательными. Отмечая эти недостатки прессы Чечено-Ингушетии, «Грозненский рабочий» писал, что периодические издания области «сурово-деловые. Ни строчки в газете, которая бы заинтересовала, вызвала улыбку... Ни рассказов, ни очерков, ни стихов... газета и в выходной день – рабочая» [317: 1934, 28 июля]. Основная причина крылась в отсутствии журналистских кадров. В докладе Северо-Кавказского краевого исполнительного комитета «О ходе коренизации нац. областей СКК (Северо-Кавказского края – Л. Т.)» от 1 ноября 1930 г. отмечалось: «В области периодической печати, во всех нац. областях издаются на коренном и частично на русском языке /от 1 до 2 стр./ свои национальные газеты, но их тираж слишком мал. Более важнейшие решения партии и правительства перепечатываются в нац. газетах на коренном языке. Вопросам коренизации газеты уделяют внимания недостаточно» [271.8]. Аналогичная картина наблюдалась во всех национальных областях РСФСР. Например, XII Удмуртская областная партийная конференция в 1929 году отметила, что в области наблюдается «почти полное отсутствие квалифицированных журналистов-удмуртов» [78: 46].

«Недочеты нашей национальной прессы, как в отношении политической линии, так и в отношении содержания и общей постановки главным образом объясняются катастрофическим недостатком квалифицированных журналистов-партийцев» [290.21: I4], – отмечал журнал «Журналист». Прежде всего, это касалось изданий на национальных языках, в составе редакций которых иногда, не говоря о квалифицированных журналистах, отсутствовали даже достаточно грамотные сотрудники. Подчеркивая острую нехватку журналистов, пишущих на языках местных народностей, один из первых северокавказских публицистов и организаторов периодической печати Ислам Карачайлы пишет, что даже в аппарате Отдела печати Северокавказского крайкома партии нет ни одного инструктора из местных народностей, «ибо вообще в природе нет подходящего для этого людей: все товарищи сколько-нибудь годные для такой работы, заняты, во-первых, в самой газете или же на другой «более важной» негазетной работе. Нет подходящих людей

для такой работы и в составе самих парторганизаций автономных областей» [290.14: 34].

Нехватка профессиональных кадров журналистики в крае снижала эффективность функционирования изданий. Направляемые партийными комитетами руководители редакций из числа функционеров партийно-советских органов не имели соответствующей подготовки. Этим объяснялось перманентное смещение редакторов и их заместителей. Как подчеркивала «Правда» в передовой «Подбор и воспитание газетных кадров», руководители печатных органов должны были соответствовать определенным критериям, к которым относились «...верность партии и ее сталинскому Центральному Комитету, политическая зрелость, бдительность и стойкость» [350: 1937, 25 сентября]. Но эти качества не делали их профессиональными редакторами изданий. Потому отбор не по профессиональным качествам, а по преданности большевизму порождал постоянную текучесть кадров в редакциях.

В 1932 году в Дагестане нужда в кадрах газетных работников выражалась так: для областных газет – 34 сотрудника, для районных – до ста [27: 159]. Из-за отсутствия журналистов из числа чеченцев редакция газеты «Серло» на первых порах состояла почти полностью из русских. Это создавало большие трудности в выпуске газеты, так как не было переводчика, понимающего русский и умеющего писать на чеченском языке.

В журнале «Красная печать» рассказывалось, как выходила газета «Серло» в первые годы. Сотрудница редакции чеченка М. Саракаева, которая знала русский язык, но не могла писать на чеченском, устно переводила тексты, составленные журналистами-русскими. С ее устного перевода сотрудники-чеченцы перерабатывали материалы на чеченском языке [293.17: 32].

Положение с журналистскими кадрами в большинстве автономных областей и республик в конце 20-х годов оставалось тяжелым несмотря на то, что Государственный институт журналистики, коммунистические вузы увеличивали контингент студентов из национальных районов. В 1926 году в ГИЖе учились

студенты 23 национальностей. Из 150 человек общего количества слушателей – 47 были представители нерусских народностей [293.33: 62].

В постановлении «Об улучшении партруководства печатью» (03.10.1927 г.) ЦК предложил «усилить привлечение в Государственный институт журналистики слушателей из нацреспублик и областей, а также расширить практику организации журналистских отделений в нацкомвузах» [264: 156]. Указывалось также на то, чтобы в короткий срок разработать план профессионального образования работников печати, важным звеном которого являлось налаживание учебы журналистов на местах. «Единственным ответом на вопрос, откуда взять работников, может быть только подготовка работников печати на местах, – писал журнал «Красная печать». – Сами места, сама национальная печать должны взяться за эту работу» [293.41: 16].

По директивам Центрального комитета областные партийные организации значительно расширили сеть курсов работников печати, увеличили состав их слушателей. В начале 30-х годов, в связи с созданием районных, фабрично-заводских газет и организации в райцентрах типографий, возросла потребность в рабочих-полиграфистах. Поэтому были созданы новые и расширены уже действующие полиграфические школы ФЗУ. В решении президиума Северо-Кавказского нацсовета от 14 марта 1932 года говорилось: «Считать необходимым организацию краевой полиграфической национальной школы ФЗУ путем расширения контингента учащихся адыгейской национальной полиграфической школы до 120 человек. Возложить на нее подготовку квалифицированных рабочих, полиграфистов для всех национальных областей края» [277.4]. Кроме того, учебные заведения Москвы, Ростова-на-Дону, Баку выделили места для представителей народностей Северного Кавказа.

На курсах, созданных в Чечено-Ингушетии, только за годы первой пятилетки было подготовлено свыше 300 специалистов для печати [74: 175]. «Серло» сообщала: «Сейчас чеченская газета создается буквально руками самих чеченцев» [359: 1934, 4 июля]. Кстати, среди национальных журналистов появились и женщины, что можно рассматривать как определенный шаг в реализации

гендерного равенства. Первой чеченкой, ставшей работником печати, была Марьям Саракаева. Она со дня образования газеты «Серло» являлась ее литературным сотрудником [317: 1933 г., 5 мая]. В своих публицистических выступлениях Саракаева затрагивали проблемы женщин-горянок. Вместе с Саракаевой в «Серло» работала еще одна чеченка – Зина Чуликова.

Если к концу первой пятилетки дефицит журналистских кадров в областных городах в основном был решен, то в районной и низовой печати положение оставалось все еще тяжелым. Чтобы выправить положение, в 1933 году были созданы курсы подготовки работников для данного типа изданий.

Руководство большевистской партии держало этот вопрос всегда под пристальным вниманием. Так, на укрепление редакций журналистскими профессионально подготовленными сотрудниками было направлено постановление ЦК ВКП(б) «О кадрах газетных работников» (22.11.1930 г.). «Одним из основных источников формирования кадров газетных работников, – говорилось в постановлении, – должны быть рабкоры и селькоры-ударники» [238: 171]. С другой стороны, кадровая политика в сфере журналистики, направленная на увеличение доли выходцев из рабочих и крестьян в кадровом составе редакций, снижала общий уровень партийно-советской прессы.

Выводы

Советская власть предпринимала определенные шаги в сфере подготовки национальных кадров для северокавказской национальной журналистики. В 1920-1930-х годах существовали самые разнообразные формы обучения журналистов: от курсовых и начальных школ, техникумов до институтов и университетов, от академических до партийно-политических. И все-таки уровень профессионализма сотрудников редакций периодических изданий и радиостанций был весьма невысок. Сфера журналистского образования находилась под жестким диктатом большевистской партократии, которая видела в журналистах не ярких публицистов, объективно освещающих жизнь, а только проводников коммунистической идеологии, преданных партии.

Укрепление местной печати квалифицированными сотрудниками шло в следующих четырех направлениях: подготовка в учебных заведениях страны журналистов для национальной печати; организация на местах курсов и школ работников прессы; выдвижение лучших рабселькоров на штатную работу в редакциях; направление в газеты и журналы партийных работников.

Однако следует признать, что в исследуемый период проблема дефицита профессиональных журналистских кадров в северокавказских национальных регионах не была решена. Объяснялось это тем, что наиболее подготовленные публицисты из числа первых просветителей с дореволюционным опытом организации прессы к концу 1930-х годов практически поголовно были репрессированы. Штаты редакции пополнялись рабселькорами, которые, как правило, имели довольно низкий уровень образования для профессиональной журналистской деятельности. По широкому исследованию, проведенному в конце 20-х годов, выяснилось, что из 4998 опрошенных сотрудников редакций закончили журналистские курсы – 1,6 процента, школы газетного ученичества – 0,4 %, техникумы печати – 0,3 %, ГИЖ – 2,2 %. То есть в целом менее 3 процентов работников прессы учились журналистике в образовательных учреждениях разного уровня [68: 55]. Этот процент на Северном Кавказе был значительно ниже. Соответственно, местные газеты и журналы заполнялись публикациями невысокого качества, однообразными клишированными текстами.

По этой причине газеты и журналы, вопреки заявлениям партийных функционеров в условиях тоталитаризма, теряли авторитет, редакции вынуждены были в соответствии с директивами партийных комитетов приукрашивать действительность, заниматься не информированием, а манипулированием общественным мнением.

§ 4.2 Особенности развития рабселькоровского движения в автономиях Северного Кавказа

Как важнейший резерв подготовки профессиональных журналистов для прессы Северного Кавказа, как и в целом по стране, рассматривались рабочие и сельские корреспонденты.

Нужно отметить, что партия большевиков всегда заботилась о привлечении в печать рядовых граждан. Еще на заре возникновения большевистской печати В.И. Ленин требовал, чтобы в ней участвовали массы трудящихся. Даже в условиях преследований царской охранки большевистские издания проводили работу по расширению сети внештатных авторов. Так, на страницах «Правды» было помещено 18 тысяч рабочих корреспонденций. Не случайно вождь большевиков отмечал, что пролетарский орган «будет живым и жизненным тогда, когда на пяток руководящих и постоянно пишущих литераторов будет пятьсот и пять тысяч работников не литераторов» [125: 106].

Поэтому одним из важнейших направлений деятельности большевистской партии по подготовке журналистских кадров, преданных идее построения социалистического общества, являлось привлечение и воспитание рабочих и сельских корреспондентов. Обеспечить редакции профессиональными работниками, путем обучения в учебных заведениях из-за их малочисленности, не представлялось возможным. К тому же широко образованные сотрудники могли представлять угрозу правящей верхушке режима. Стояла задача обучить азам журналистики огромную армию непрофессиональных корреспондентов. В основном это предстояло делать редакциям ввиду того, что столь грандиозная задача по обеспечению всей системы печати, где требовались только образованные кадры, самой партии была не под силу.

По этой причине партия взяла ориентир на рабселькоров. Но в редакциях тоже не хватало опытных наставников, а перегруженные штатные сотрудники просто не могли возиться с малограмотными активистами печати. Им было легче самим написать за рабселькора заметку, чем обучить его, тем более, занятие это чаще всего представлялось бесперспективным.

Возможности самообразования тоже были ограничены: не было пособий. «Литература о печати у нас очень бедна, – писал «Журналист». – Это в равной степени относится и к проблеме руководства печатью, и к общим вопросам работы печати, и к истории печати, и к отдельным проблемам, так сказать, технического порядка; особенно остро ощущается отсутствие учебников и вспомогательных пособий, по которым можно было бы вести подготовку и переподготовку как школьным, так и внешкольным порядком» [290.10: 10]. На языках народностей, которые обрели письменность и прессу в советский период, такая литература вообще не имелась. Этим тоже объяснялся низкий уровень профессионализма как сотрудников редакций, так и аулкоров на Северном Кавказе. В определенной степени отсутствие в достаточно количестве наставников восполняли специализированные издания: общесоюзный «Рабоче-крестьянский корреспондент», региональные журналы, также ориентированные на внештатных активистов.

Однако рабочие и сельские корреспонденты могли выступать в печати только с позиции партии и по ее указке. Большевистское руководство прагматично подходило к рабселькоровскому движению и широко использовало его борьбе с оппозицией. «Только как организационная сила, – подчеркивал И.В. Сталин в 1924 г. в беседе с сотрудником журнала «Рабочий корреспондент», – рабочие и сельские корреспонденты способны сыграть в ходе развития печати роль выразителя и проводника пролетарского общественного мнения, обличителя недостатков советской общественности, неутомимого борца за улучшение нашего строительства». Он не рассматривал рабселькоров как будущих журналистов. Сталин называл их «командирами пролетарского общественного мнения, старающимися направить неисчерпаемые силы этого величайшего фактора на помощь партии и Советской власти в трудном деле социалистического строительства». Они выступают «обличителями недочетов нашей советской общественности, борцами за упразднение этих недочетов».

Что касается их газетной работы, то она, по мнению Сталина, должна проходить под контролем партийных газет: «Непосредственное идейное

руководство рабочими и сельскими корреспондентами должно принадлежать редакциям газет, связанным с партией. Цензурование корреспонденции должно быть сосредоточено в руках редакций газет» [186: 261–262].

Деятельность местных изданий по расширению внештатного актива объективно играла положительную роль. Вот почему в постановлении Северо-Кавказского крайкома ВКП (б) «О практике партруководства рабселькоровским движением» содержалось требование к партийным организациям национальных областей усилить внимание к внештатным активистам печати [274.17]. Действительно, спасением для редакций местных изданий стали рабселькоры и партийные работники, имеющие небольшие навыки подготовки статей.

Так, 24 ноября 1924 г. в Баталпашинске состоялся карачаевский областной съезд рабочих и сельских корреспондентов, способствовавший некоторому оживлению аулкоровского движения в области. В «Таулу джашау» регулярно печатались статьи, посвященные проблемам становления и развития национального института рабселькоров, рекомендации в помощь корреспондентам, перечни наиболее актуальных тем, помещались лозунги и призывы типа: «Аулкор! Все заметки пиши коротко, ясно и правдиво!», «Будь честным корреспондентом!» и т.д. [141: 61] Однако в силу низкого уровня грамотности населения внештатный актив местных газет не отличался многочисленностью и разнообразием социального состава и был представлен в основном именами видных деятелей культуры и политики Карачая.

В «Красной Ингушетии» наряду с журналистами сотрудничали рабселькоры. С их помощью газета освещала наиболее интересные факты, события, новшества в жизни региона, утверждает историк журналистики Л.Р. Амерханова [12: 118]. Ингушская газета «Сердало» уже в первом же номере призывала читателей: «Пишите ... о своих успехах, обо всем хорошем, что у вас имеется» [358: 1923, 1 мая]. Однако людей, умеющих написать статью, среди горцев найти было трудно. Поэтому редакции шли на ухищрения: штатные журналисты сами готовили публикации, а подписи ставили рабочих и крестьян. Как отмечает исследователь журналистики Дагестана Г.А. Магомедов, «...развертывание рабселькоровского

движения в Дагестане осложнялось не только наличием многоязычия, но прежде всего слишком низким уровнем грамотности, культуры, быта. Поэтому в первое время в подавляющем большинстве в национальных газетах сотрудничали учителя, партийные и советские работники, грамотные коммунисты и комсомольцы. Хлебобоб или скотовод не писал в газеты, так как он был неграмотен» [137: 138].

То, что эта тенденция была характерна для всех национальных регионов Северного Кавказа, подтвердил и журнал «Красная печать», утверждая, что большинство местных селькоров составляет учительство, меньшинство – комсомольцы и рядовые крестьяне. «Селькором в национальных советских республиках и областях может быть только тот, кто более или менее грамотен, – пишет журнал. – А число грамотных в национальных деревнях весьма ограничено, не превышая 3-7% всего крестьянского состава аула» [293.4: 81]. Поэтому, утверждает автор обзора, селькоровское движение в регионе «не превратилось в общественное движение крестьянского актива».

Выполняя директивы большевистского руководства, местные партийные издания стали создавать рабселькоровские кружки. В Грозном их число в течение сентября-ноября 1924 года выросло с 6 до 12, в них были объединены 300 внештатных активистов печати [272.1]. Во второй половине 1924 года редакция «Грозненского рабочего» получила 6620 писем и корреспонденций, из которых 3500 были опубликованы [317: 1925, 5 мая]. Как сообщает газета «Адыгейская жизнь», только за пять месяцев 1926 года количество селькоров выросло с 88 до 238 [303: 1927, 2 февраля].

Редакции национальных районных органов печати призывали читателей писать в газеты, принимать активное участие в печати. Газетчики помогали внештатным корреспондентам работать над заметками, учили находить темы, разрабатывать их. На страницах периодических изданий печатались советы рабочим корреспондентам, как писать заметки, корреспонденции. Орган Грозненского окружкома РКП(б) «Нефтерабочий» в 1924 г. провел первую в Чечне конференцию рабкоров. Созыв совещаний, конференций, слетов, съездов рабочих и сельских корреспондентов стал традицией партийно-советской печати.

Учитывая важность рабселькоровского движения, ЦК РКП(б) в постановлении «Главнейшие очередные задачи партии в области печати» предложил «всем партийным комитетам усилить работу по политическому просвещению рабочих и крестьянских корреспондентов, вовлечению их в общепартийную жизнь, чтобы обеспечить проведение партийной линии в их работе» [230: 84].

Расширение внештатного актива газет влекло за собой улучшение содержания периодических изданий, укрепление связи с читателями. И, конечно, позволило также снизить дефицит кадров путем привлечения к штатной работе в газете наиболее одаренных активистов-рабселькоров. Многие сотрудники национальных периодических изданий начинали свой творческий путь в качестве внештатников. Только в чеченской газете «Серло» работали бывшие селькоры Магомед Хаджиев, Сераждин Эльмурзаев, Сайдулха Сириев, Нурдин Музаев, Бата Курумов, Магомед Сельмурзаев, Марьям Саракаева [134: 20].

В Дагестане рабселькоровское движение началось в 1923 году. Первые активисты печати, в основном проживающие в городах местные русские и грамотные горцы, сгруппировались вокруг газеты «Красный Дагестан». Конечно, и писали они только на русском языке. На этот перекоп в регионе указал и Центральный комитет РКП(б): «...рабкор же в национальной печати не завоевал себе должного места, что объясняется, наряду с объективными условиями, слабой связью нацгазет с рабочими массами, неудовлетворенностью освещения в газетах рабочего быта, плохого распространения нацгазет...». Если в русских газетах число рабкоров уже в 1924 году выросло до 300-400 человек, то в изданиях на языках народностей республики постоянно пишущих насчитывались единицы [22: 41]. В 1925 г. численность селькоров в Дагестане, по подсчетам журнала «Красная печать», составляла: «Красный Дагестан» (на русском языке) – 275 (из них 20% дагестанцев); «Елдаш» (на кумыкском языке) – 37 постоянных и 12 непостоянных; «Дагестанская беднота» (на тюркском языке) – 75; «Горец» (на аварском языке) – 30; «Труженник» (на лакском языке) – 32; «Даргинец» (на даргинском языке) – 28 [293.10: 30].

На прошедших в 1926 и 1927 годах Вседагестанских конференциях работников печати и рабселькоров были названы все препятствия расширению внештатного актива местных изданий, кроме идеологического диктата, оказываемого партией большевиков на прессу. Между тем именно несоответствие провозглашаемых советской властью лозунгов и практических дел, оторванность партийно-советских структур от нужд жителей делали непопулярными в массах как мероприятия большевистской партоткратии, так и ее прессу.

Краевое партийное руководство ориентировало редакции национальных изданий на привлечение горцев в качестве внештатных активистов. В постановлении бюро крайкома РКП (б) ставилась задача: «В отношении рабселькоров главнейшее внимание обратить на вовлечение в эту работу именно горского трудящегося населения аулов и городов, в частности рабочих националов, не допуская никакого даже самого незначительного искривления этой линии в сторону предпочтения хотя бы и более грамотных русских корреспонденций, корреспонденциям национальным, и продолжая линию на сужение и постепенную ликвидацию страничек на русском языке, применяясь (так в оригинале – Л.Т.) к местным условиям» [274.13].

Новый толчок развитию массовой работы редакций газет дали постановления ЦК партии «О рабселькоровском движении» (1.04.1925 г.) и «Очередные задачи партии в области рабселькоровского движения» (27.08.1926 г.). Центральный комитет указал на необходимость усиления «руководства рабселькоровским движением ... со стороны редакций газет», определил основные формы и методы руководства рабочими и сельскими корреспондентами. «Редакции газет, – говорилось в постановлении ЦК, – должны организовать у себя крепкие рабселькоровские отделы...» [266: 146].

В 1926 году «Красная печать» выступила с предложением включить в повестку дня III Всесоюзного совещания рабселькоров, которое было намечено на май, вопрос о национальном рабселькоровском движении. Доводы автора статьи А. Аршаруни заключались в том, что, во-первых, оно в национальной прессе еще «не оформлено и не взято в определенные рамки», отличается стихийностью. Во-

вторых, «в национальной газете... сплошь и рядом сталкиваемся со слабостью партруководства», что снижает авторитет прессы. В-третьих, «большая часть национальностей, имеющая свою печать, не имеет своего национального пролетариата», следовательно, вопрос о пролетарском руководстве отпадает. В-четвертых, в основном национальные селькоры представляют не крестьянство, а интеллигенцию. В-пятых, селькоры в национальных регионах организационно не объединены [293.15: 20–21].

То, что предложения А. Аршаруни имеют под собой почву, показало само совещание. Особенно это касалось третьего пункта. В выступлениях участников всплыла проблема взаимодействия рабочих и сельских корреспондентов, прослеживалась озабоченность тем, что особенно на местах в движении нет внутреннего единства. На специальном совещании по вопросам организационного руководства движением активистов печати, прошедшем 27 и 31 мая 1926 года, заведующий отделом печати ЦК ВКП(б) С.И. Гусев обратил внимание на разобщенность рабкоров и селькоров. «Чувствуется, что не спаялись эти две половины, – акцентировал он внимание делегатов, – что жизнь их различна: нет общих задач, нет общего понимания, что в силу этого не обеспечено влияние пролетарской части рабселькоровского движения на сельскую, крестьянскую его часть» [293.38: 6]. В национальных регионах это разделение превращалось в разобщенность между рабкорами, преимущественно русскими, и селькорами, подавляющее большинство которых составляли националы. На совещании были выработаны рекомендации по совершенствованию этой формы массовой работы редакций. Организаторская работа, проведенная по всей стране в период подготовки совещания, привела к всплеску числа внештатных авторов местных изданий.

После совещания Грозненский окружком ВКП(б) направил райкомам и ячейкам циркулярное письмо, в котором предлагалось обсудить эти рекомендации на партийных собраниях [317: 1926, 3 августа]. Редакция «Грозненского рабочего» разработала и разослала примерный план занятий в кружках активистов печати

[317: 1926, 2 октября]. Подобные мероприятия провели во всех регионах Северного Кавказа.

Обследование, проведенное в 1926 году краевым комитетом ВКП(б) к съезду горских народов, показало, что рабселькоровское движение в крае растет. Так, количество внештатных активистов печати за год выросло: в Чечне с 40 до 263 человек (из них 70 чеченцев и 50 чеченок), в Ингушетии с 89 – до 264, в Осетии с 35 – до 207, Кабардино-Балкарии со 109 – до 216, Дагестане с 380 – до 648 [293.13: 60]. Однако, утверждал У. Алиев, процесс развития и роста рабселькоровского движения идет стихийно, без участия газет, а учет внештатников не ведется в достаточной мере [8: 59].

В местных периодических органах были организованы отделы рабочих и сельских корреспондентов, открыты «Уголки рабселькоров», рубрики «Трибуна рабочих», «Рабселькоры сообщают», «С рабкоровским фонариком» и другие, где печатались письма внештатных активистов печати. Газеты систематически выступали с обзорами по письмам рабселькоров, регулярно отчитывались о работе, проведенной по воспитанию рабочих и сельских корреспондентов. В номере, посвященном Дню печати, «Грозненский рабочий» в 1926 году писал: «За семь месяцев ... в редакцию было прислано 5000 заметок и статей от рабочих. Использовано в газете более 3000 рабочих корреспонденций» [317: 1926, 5 мая]. 5 мая 1933 года газета выпустила полосу «Командиры пролетарского общественного мнения», посвященную лучшим рабкорам. Чеченская газета «Серло» в 1926 году ежемесячно получала до 200 писем рабселькоров [134: 20]. Эта цифра – свидетельство возросшего уровня грамотности населения Чечни, повышения активности горцев. Редакция констатировала, что с ростом процента грамотности увеличивалось число селькоров [359: 1928, 5 мая].

Вопросы развития печатной пропаганды в Ингушетии, расширения внештатного актива газеты «Сердало», выходившей в тот период на ингушском и русском языках, были рассмотрены на первых двух областных конференциях рабселькоров, которые состоялись 19 июля 1925 года [358: 1925, 5 августа] и 7 июля 1926-го [358: 1926, 7 июля]. Редактор «Сердало» М. Кац в своем докладе отметил,

что за год численность рабселькоров издания выросла с 84-х до 263-х. Из них 63 процента являлись ингушами. За это время «Сердало» получила от них 1600 писем и заметок, из которых свыше 1300 было опубликовано [358: 1926, 14 июля]. Стенограмма 2-го совещания была опубликована в четырех номерах «Сердало» 14, 17, 24, 28 июля.

Конечно, проверить сейчас эту статистику не представляется возможным из-за недостатка сохранившихся архивных документов и комплектов газеты. Можно утверждать, что руководители региональных изданий и местные партийные функционеры часто манипулировали цифрами. Так, в «Отчете о работе Ингушского областного исполнительного комитета III созыва в 1927-28 годах» приводятся цифры, опровергающие утверждения редактора «Сердало»: на 1 ноября 1926 года газета имела 136 рабселькоров [168: 117], то есть меньше в более чем два раза.

Работу совещания рабселькоров Ингушетии осветил журнал «Красная печать». В обзоре отмечалось, что в докладах и обсуждениях «не было конкретных указаний о методах работы рабселькоров, были только перечислены задачи партии и печати», а способы разрешения их в прессе остались без внимания [293.20: 84].

В то же время редакция газеты «Сердало» нашла интересную форму работы с внештатными активистами из аулов, которые не владели письменностью. Этот опыт отметил журнал «Красная печать». «Приходит неграмотный крестьянин специально в редакцию, – пишет обозреватель А. Аршуриани, – передает свои мысли и соображения редактору с просьбой напечатать в газете. Узнав, что его заметка напечатана, он уже делается регулярным корреспондентом газеты. Эта любопытная форма селькоровского движения должна быть изучена и использована» [293.9: 29]. Действительно, она была введена в практику массовой работы северокавказских газет, и с подачи «Красной печати» получила название «устный» селькор. Через год другой обозреватель журнала В. Ставский описал, как ее используют в чеченской газете «Серло». Рассказы «устных» корреспондентов

превращались в публикации или направлялись в соответствующие органы и службы для расследования и принятия мер [293.45: 50]⁴.

На недостаточный масштаб рабселькоровского движения в регионе указало бюро Адыго-Черкесского обкома партии в 1926 году. Иначе и не могло быть. В области на протяжении двух с половиной лет не выходило ни одно издание. На важность решения проблем издания в области печати и развития рабселькоровского актива изданий не раз указывали краевые власти.

По сведениям журнала «Рабоче-крестьянский корреспондент», в 1928 году рабселькоровское движение в семи нацобластях Северного Кавказа насчитывало до 1500 человек: в Чечне – 238, Адыгее – 213, Карачае – 145, Черкессии – 150 и т. д.» [295.1: 21]. На первый взгляд, достаточно многочисленный отряд. Однако, во-первых, цифры по советскому обыкновению завышены. Во-вторых, процент реально пишущих на родных языках среди них низкий. Так, в Карачае из 150 активистов печати коренную национальность представляли только 64, и из них большинство могло писать только на русском языке.

Редакция газеты «Грозненский рабочий» 5 мая 1928 года организовала конференцию рабкоров и читателей. Журналисты ведущего органа Чеченской области отчитались перед своими внештатными активистами. Так, в течение года было получено свыше 9000 заметок и писем. Из них 5748 появились на полосах издания [317: 1928, 5 мая]. Отчет о работе конференции был опубликован в двух номерах [317: 1928, 16, 18 мая].

Вовлечению в рабселькоровское движение новых активистов способствовала ставшая популярной в 1920-1930-х годах стенная печать. Так, первая стенная газета в Ингушетии «Крахмальник» появилась в 1923 году на крахмальном заводе. Затем предпринимались попытки выпуска стенных изданий «Искра» (обком ВЛКСМ), «На заре» (с. Пседах), «Смычка» (Ингушская советско-партийная школа), «Пробуждение» (профком областного исполкома), «Искра (с. Ачки-Юрт), «Кооператор» (Ингсоюз), «Кожевник» (Кожзавод), «Дробилка» (Крахмальный

⁴ Ставский В. Национальная печать и рабселькоры (Северный Кавказ) // Красная печать. – 1926, № 21. – С. 50.

завод), «Печатник» (Союз ингушских печатников), «Маяк» (педагогический техникум), «Пионер» (Ингушский пионерский отряд). Как правило, стенгазеты оказывались недолговечными по причине нехватки пишущих, однако, как констатировал областной орган «Сердало», стенная печать в области заговорила [358: Сердало. – 1926, 12 мая]. В 1926 году в Дагестане насчитывалось 206 стенгазет на русском языке и 71 – на национальных [293.47: 57–58].

В период подготовки к VI Всесоюзному совещанию рабселькоров 5 августа 1928 года редакция газеты «Грозненский рабочий» обследовала 43 производственных стенгазеты. Были проанализированы 405 номеров. В них было опубликовано 7989 заметок рабкоров, из которых две трети были посвящены вопросам производства и быта. Из наиболее одаренных членов редколлегии стенгазет областной орган вербовал внештатников.

В 1933 году только в Кабардино-Балкарии выходили 854 стенгазеты. Порой стенные газеты превосходили по качеству материалов печатные районные и многотиражные издания, потому что были продуктом творчества энтузиастов и меньше подвергались цензуре, так как до них не доходили руки служб надзора.

Все краевые издания прилагали усилия, чтобы увеличить и укрепить внештатный актив. Так, при редакции североосетинской газеты «Власть труда» в конце 20-х годов была организована «коллегия отдела массовой работы», состоявшая из девяти рабселькоров. Эта форма массовой работы позволила газете увеличить число внештатников до 710 человек. А количество писем от них выросло с 4378 в 1926-м году до 7688 только за 9 месяцев 1929-го. Использовала редакция и такие формы, как инструктивные и товарищеские письма активистам печати, редколлегиям стенных газет [66: 245].

Селькоровский актив «Растзинада» в отличие от остальных национальных изданий Северного Кавказа представлял из себя довольно разветвленную сеть. В 1926 году их число составляло свыше 165-ти. Среди них были 11 женщин, что редко можно было встретить в других национальных регионах края. Еще одна особенность заключалась в том, что 100 экземпляров «Растзинада» из 1500 распространялись за границей (США, Китай, Франция), где проживали осетины-

эмигранты. Больше того, газета имела внештатных корреспондентов в Америке – 7, Франции – 2, Турции – 1, в регионах Советского Союза – 1 [293.16: 42].

В 1926-1927 годах газеты Дагестанской АССР провели в горных аулах конференции и совещания читателей, пропагандистские беседы о роли печати в социалистическом строительстве. В результате произошел ощутимый сдвиг в поступлении материалов с мест. Ежедневно «Красный Дагестан» получал 70, а газеты на национальных языках – 50 писем. В городах и селениях возникли кружки рабселькоров [27: 134].

Третья Карачаевская областная партийная конференция, состоявшаяся в декабре 1929 г., отметив отсутствие «должного внимания к делу рабселькоровского движения при наличии большого роста рабочих и сельских корреспондентов», рекомендовала обкому ВКП(б) принять все меры к улучшению работы с низовым активом печати [22: 119]. С того периода редакционным аппаратом областной карачаевской газеты практиковались проведение аульных совещаний, созыв семинаров, отправка товарищеских писем, конкретных заданий, подготовка отдельных аулкоров для работы в качестве специальных корреспондентов. Стали регулярными районные и областные слеты рабаулкоров. Принимались меры к точному учету актива корреспондентов и низовой печати – в первую очередь через публикацию в прессе обязательных для заполнения анкет состояния рабселькоровских кружков и редколлегий стенгазет, а также анкет аулкоров [141: 93].

Между тем, иметь статус рабселькора в тех условиях было небезопасно. «Первым селькорам приходилось вступать в конфликт с обычаями и традициями, – отмечает историк даргинской печати Г.А. Магомедов, – они своей деятельностью способствовали ломке старых адатов, согласно которым запрещалось критиковать, тем более опротестовывать поступки старших, своих родственников, сельчан. Их называли антизаконниками и нарушителями адатов, преследовали и часто с ними расправлялись. Вот почему корреспонденты первых даргинских газет скрывались за различными псевдонимами. Приходилось соблюдать строгую конспирацию. Выезды на места были невозможны в силу того, что таким путем могло произойти

«расшифровывание» селькоров. По этой причине длительное время в аулах и селениях не существовали кружки сельских корреспондентов» [137: 66]. В дагестанском ауле Мекеге в 1926 году был убит селькор местной газеты «Даргинец» Абдулла Исаев. «Маленькая газета, издающаяся в горах Дагестана в количестве 500 экз. (литографским способом), – сообщает «Красная печать», – собравшая вокруг себя первую горсточку крестьянского актива даргинцев – 13 человек, понесла большую утрату...» [293.4: 82]⁵. Подобные случаи были нередки во всех регионах края.

Периодические издания автономных республик и областей совершенствовали формы и методы руководства движением рабселькоров. Черкесская газета «Адыге псаукья» печатала советы, о чем писать аулкорам. Наиболее важными названы темы: реализация займов, призыв в Красную армию, как проходит кампания по сбору сельхозналогов, о работе среди женщин, о партийной учебе, о борьбе с пьянством [302: 1938, 7 сентября]. Осетинская газета «Растдзинад» выпустила в помощь рабселькорам пособия «Задачи корреспондентов на современном этапе» и «Корреспондент и редколлегия» под редакцией видного осетинского публициста Сармата Косирати [66: 17].

Особенно остро стояла проблема кадров для появившегося в конце 20-х годов местной радиожурналистики. Дело в том, что в республиках края не хватало не только квалифицированных журналистов, умеющих работать со звуком, но и просто технических работников. Характерной в этом отношении является ситуация в Дагестане. На просьбу общества «Радиопередача» о выделении кадров для будущей радиопередающей станции Дагестанский ЦИК ответил, что он может рекомендовать лишь одного техника [217: 29].

«Главная наша беда на местах, – писала газета «Красный Дагестан», – неумение обращаться с радиоаппаратурой. В результате этого 30-40 процентов установок не работают» [339: 1927, 18 сентября]. Газета также сообщала о том, что в Махачкале созданы радиокурсы, в скором времени занятия будут закончены и

⁵ Анур. Селькоровское движение в Дагестане // Красная печать. – 1926, № 7–8. – С. 82.

выпускники распределены по районам для проведения радиопропаганды и восстановления неработающих радиоприемников. Вопросы подготовки кадров радиодела, строительства дагестанской ширококвещательной станции, установки громкоговорителей в сельской местности, продажи радиоаппаратуры и радиодеталей постоянно находились в центре внимания партийного и советского руководства национальных республик.

Конечно, вся эта работа проводилась под непосредственным контролем Центрального комитета партии. Так, в 1931 году ЦК указал на «недостаточность руководства рабселькоровским движением в нацобластях и районах» [241: 177] со стороны партийных организаций. Как отмечалось в постановлении, не всегда национальные газеты уделяли должное внимание работе с рабселькорами. Местные партийные комитеты иногда формально подходили к выдвижению рабселькоров, не всегда реагировали на сигналы внештатных активистов в печати, слабо защищали их от гонений, недостаточно заботились об организации учебы и идейно-политического воспитания рабочих и сельских корреспондентов.

Наличие таких недостатков в работе с рабселькорами Чечни отметило бюро Чеченского обкома ВКП(б) в 1933 году. В принятом постановлении «О состоянии работы с селькорами в Чечне» ставилась задача более широкого вовлечения горцев в рабселькоровское движение. Редакции газет «Грозненский рабочий», «Серло» и «Чеченский комсомолец» обязывались произвести учет внештатных корреспондентов, организовать их учебу, чаще проводить конференции и слеты рабселькоров [279.17].

Пресса Чечено-Ингушетии развернула организационно-пропагандистскую кампанию по улучшению руководства активистами печати. В статье «Усилить руководство над печатью на чеченском языке и армией селькоров» газета «Серло» писала, что в горах Чечни «надежными помощниками партийных организаций являются селькоры» [359: 1933, 12 июня]. «Серло» рассылала селькорам анкету, ответы на которую позволяли газете иметь более полное представление о составе внештатных активистов, об их образовательном уровне и так далее. Почин «Серло»

– первая в истории печати Северного Кавказа попытка провести социологическое исследование в целях улучшения руководства рабселькоровским движением.

При редакциях местных газет Чечено-Ингушетии, в соответствии с решением бюро обкома партии, были созданы трехмесячные семинары по подготовке и переподготовке редакторов низовых газет и рабселькоров. В 1935 году их окончили свыше 80 человек [317: 1935, 5 мая].

Организаторская деятельность чечено-ингушской прессы по развитию движения рабселькоров позволила к концу второй пятилетки привлечь к участию в газетах новых активистов печати. Так, если в первый год издания чеченская газета имела только 9 селькоров [134: 20], то в 1935 году «Ленинан некъ» («Ленинский путь») насчитывала до 1000 постоянно пишущих внештатных корреспондентов. Только за первый квартал того же года газета получила 1482 материала от рабселькоров [343: 1935, 5 мая]. Хотя, конечно, эти цифры представляются в значительной степени завышенными, как было принято в статистических данных того времени.

Но нужно признать, что движение рабселькоров в автономных областях и республиках Северного Кавказа все-таки было относительно массовым к началу 1940-х годов. Например, в Дагестане в 1939 году, по отчетам, насчитывалось свыше 10 тысяч рабселькоров [27: 176]. К концу 1935 года газета «Социалистическая Кабардино-Балкария» имела свыше 750 внештатных корреспондентов [170: 16].

Узким местом в деятельности краевых изданий было привлечение в рабселькоровское движение школьников. Кружки юных активистов печати были редкостью. Например, в Грозном под руководством сотрудников «Серло» в начале 20-х годов был создан кружок деткоров, члены которого выпускали свою стенгазету «Красный галстук», писали заметки в областную партийно-советскую газету [359: 1926, 2 июля]. Газета «Горская правда» отмечала слабую работу газет Северного Кавказа по организации движения детских корреспондентов: «И лишь здесь, в сердце Горской республики – во Владикавказе юнкоры до сих пор не выступают объединенно. Хотя страницы «Горской правды» нередко пестрят и их заметками, работа идет неорганизованно, неналаженно. Нет объединения, в рядах

которого исправляли бы свои недочеты юнкоры, совместными усилиями творили бы свое дело, под руководством старых работников учились бы стать их сменой, а те, можно уверенно сказать, не откажутся помочь юным силам» [315: 1924, 21 марта].

В связи с задачами индустриализации и коллективизации в 1920-1930-е годы многократно возрастала потребность в газетных работниках. Нужны были экстраординарные меры по улучшению системы работников журналистского образования. Они были предприняты: в 1930 г. вышло специальное постановление ЦК ВКП (б) «О кадрах газетных работников», в котором предлагалась развернутая система подготовки и переподготовки всех категорий руководящих и рядовых работников печати, в том числе внештатных активистов.

Рост армии рабселькоров, наряду с созданием специальных учебных заведений, позволил увеличить количественный и улучшить качественный состав сотрудников редакций периодических изданий автономных республик. Однако партийно-советская пресса использовала рабселькоров и для бичевания противников сталинской партократии. «Постепенно рабселькоровское движение было скомпрометировано тем, что подписью рабочего и сельского корреспондента нередко спекулировали, от его имени одобряли то, что одобрению никак не подлежало, – утверждает З.Ю. Хуако в своей докторской диссертации. – Подобная практика отталкивала от участия в печати честную, критически и реально мыслящую часть общества. Таким образом, рабселькоровское движение в многонациональной советской печати отвлекалось от социально значимых дел, оно теряло свое предназначение» [214: 246]. «Правда» в передовой «Подбор и воспитание газетных кадров» писала: «Оружием печатного слова пролагала партия дорогу ленинскому учению к сознанию и чувству сначала тысяч, впоследствии миллионов и десятков миллионов трудящихся... Оружием этим наша партия разоблачала, жгла, политически уничтожала и уничтожает всех врагов социализма» [350: 1937, 25 сентября]. По указке большевистского руководства местные газеты рассматривали внештатных активистов в качестве исполнителей директив сверху. А инициатива рабселькоров, вскрывающих недостатки

социалистической системы, не особенно поощрялась. «Аулкор в первую очередь должен освещать те кампании, – наставляла редакция «Таулу джашау», – которые считаются ударными, о которых пишет газета, и выполнять те задания, которые ему дает редакция <...>. Те аулкоры, которые не напишут об этом, редакция может считать, что они никакого участия в общественной жизни аула, в наиболее важных, ответственных политических кампаниях не принимают» [364: 1928, № 198]. Вожди большевистской партии, чтобы отвлечь внимание масс от своих просчетов в строительстве «социалистического рая», приписывали их надуманным «врагам народа». А активисты печати должны были проявлять бдительность и сообщать о всех фактах, вызывающих подозрение. «Что касается характера деятельности рабселькоров, его особенности определялись общественно-политической обстановкой в стране – сломом НЭПа и переходом к командно-репрессивной системе управления, – пишет Ф.А. Магулаева. – В полной мере новые черты рабселькоровского движения проявились в первой половине 1930-х годов, однако уже в 1927 г. стало очевидным постепенное приближение работы корреспондентов к доносительству» [141: 94].

В местной прессе стали появляться публикации о роли аулкоров в борьбе за революционную законность, в которых они наделялись правами чуть ли ни прокурорского надзора. Газеты призывали внештатников «беспощадно разоблачать» так называемых «врагов народа»: «Аулкоры, селькоры! Корреспонденты с мест! Помните о конкурсе на лучшую заметку о худшем председателе и секретаре местного Совета. Ваш долг – писать, беспощадно на основании фактов разоблачать таких должностных лиц, выставлять их на конкурс!» [141: 94]. По замечанию Р.П. Овсепяна, в годы первых пятилеток политическое доносительство превратилось в негласную функцию советской печати, пронизывавшую все звенья периодики [162: 69]. Редакции газет призывали аулкоров «разоблачить происки кулака-мироеда, ошельмовать его, вскрыть его потуги» [364: 1928, № 191], «присоединиться к чистке, ни на минуту не забывая свой классовый долг» [364: 1929, № 49]. При этом они гарантировали соблюдение полной анонимности авторов: «Если аулкор сам себя не выдаст в селе, ни один

человек не узнает о нем. А если кто выдаст его имя получит по закону до трех лет тюремного заключения» [363: 1933, № 45]. Таким образом в обществе насаждались массовое доносительство, подозрительность, а как следствие – всеобщая покорность.

Можно утверждать, что рабселькоровское движение, ставшее формой активного участия граждан в общественной жизни страны, в 1930-е годы деформировалось. «В обстановке складывавшегося культа личности, – отмечает Д.Н. Ахмедов, – оно, имея вроде бы высокие темпы роста, утрачивало изначальные функции, требовавшие критического осмысления окружающей действительности, выявления недостатков, показа ростков нового» [23: 59]. Внештатные активисты печати теперь в основном использовались для идеологического обеспечения репрессий против так называемых «врагов народа», а по сути укрепления сталинского тоталитаризма. Страницы газет и журналов были заполнены прославлением социализма, в них практически отсутствовали статьи о негативных сторонах большевистской диктатуры. Были отдельные попытки публикаций на страницах изданий объективных статей. Так, в Чечено-Ингушетии с разоблачительными публикациями о методах проведения индустриализации и коллективизации выступил Абдурахман Авторханов, впоследствии известный западный критик теории и практики большевистской партии. Однако такие инициативы заканчивались репрессиями.

Выводы

Одним из важнейших направлений деятельности партийно-советской прессы Северного Кавказа было вовлечение читателей в рабселькоровское движение. Оно также явилось основным источником формирования штатов редакций газет, массовых журналов и радиостанций.

Расширение рабселькоровского движения повышало культурно-образовательный уровень населения в национальных областях, способствовало зарождению национальной интеллигенции. Вместе с тем политика массового вовлечения рабочих и сельских корреспондентов в прессу снижала ее

качественный уровень. Редакции часто завышали количество внештатных активистов. За подписью рабселькоров появлялись статьи, подготовленные штатными журналистами, а порой сотрудниками карательных органов.

Большевистская партия определяла только политику в сфере развития рабселькоровского движения, а организацию, руководство осуществляли непосредственно редакции СМИ, на них возлагался и учет внештатников, их обучение, защита. Рабселькоровское движение использовалось в целях манипулирования общественным мнением, укрепления большевистского тоталитаризма.

Обещанные для граждан социальные и экономические условия, юридические гарантии, предоставление права свободного участия в печати реализовывались не в полной мере. Рабселькоровское движение, являясь выражением социального творчества трудящихся, теряло созидательное, конструктивное, соревновательное начало. Его содержание и формы в условиях социально-политических деформаций не получали полного простора для своего развития и совершенствования. В результате проявлялись непонимание роли и места рабселькоровского движения в печати, невнимательное, бюрократическое отношение к письмам рабселькоров.

ГЛАВА 5. ВКЛАД ЖУРНАЛИСТИКИ РЕГИОНА В СТАНОВЛЕНИЕ ТОТАЛИТАРНОГО РЕЖИМА

§ 5.1 Местная печать как инструмент манипулирования массовым сознанием

Система журналистики большевистского тоталитарного режима складывалась под воздействием многочисленных, порой противоречивых как объективных, так и субъективных факторов. Как ключевой из них можно рассматривать роль СМИ в осуществлении идеологических, политических и социальных задач, поставленных правящей партией в контексте зарождения и функционирования государства тоталитарного типа. Уничтожению свободы прессы были посвящены специальные декреты советской власти. Первый от 10 ноября 1917 года запретил либерально-демократические издания с оговоркой, что это «временное мероприятие». В эту категорию не попала социалистическая пресса, кроме меньшевистских «Дней». Между тем, именно социалистическая печать в первую очередь подвергла критике новые большевистские порядки. Эту свою оплошность, пишет А. Авторханов, «Ленин очень быстро заметил... и через шесть дней 16 ноября издал дополнительный декрет о запрещении всех социалистических газет» [3: 323]. Пролетарский писатель М. Горький в своей газете «Новая жизнь» (несмотря на то, что ее не коснулись репрессии) выступил с осуждением мер большевиков: «Ленин, Троцкий и сопутствующие им уже отравились ядом власти, о чем свидетельствует их позорное отношение к свободе слова, личности и ко всей сумме тех прав, за торжество которых боролась демократия. Слепые фанатики и бессовестные авантюристы, сломя голову, мчатся, якобы по пути «социальной революции» – на самом деле это путь к анархии, к гибели пролетариата и революции. На этом пути Ленин и соратники его считают возможным совершать все преступления вроде бойни под Петроградом, разгрома Москвы, уничтожения свободы слова, бессмысленных арестов – все мерзости, которые делали Плеве и Столыпин <...> Я верю, что разум рабочего класса скоро

откроет пролетариату глаза на всю несбыточность обещаний Ленина, на всю глубину его безумия<...>» [63].

Что касается цензуры, утверждает А. Авторханов, то ее ввели буквально через день после переворота [3: 322]. В подтверждение своих слов ученый приводит свидетельство соратника Ленина Суханова «<...> На другой же день после победоносного восстания петербуржцы не досчитались нескольких столичных газет<...> Подобных массовых расправ с печатью никогда не практиковалось царизмом» [189: 1028].

Нужно сказать, что определенная критика методов партийного руководства прессой в начале 1920-х годов еще была возможна. Тоталитаризм советского образца находился еще на таком этапе своего развития, который позволял использовать в публичном обсуждении данные, во многом соответствовавшие действительному положению вещей. Достаточно привести пример с направленным в ЦК РКП (б) так называемым «Письмом 46-ти» о необходимости демократизации внутрипартийной жизни, составленного в 1923 г. видными деятелями большевистской партии. Советские и партийные газеты в 1924 г. еще уделяли место для относительно свободного – в рамках коммунистической модели – обсуждения будущего партии и государства [15: 139].

О наличии в партии еще в начале 1920-х годов элементов демократии свидетельствует постановление бюро Северокавказского крайкома от 19 июня 1925 года, в котором содержится несогласие с решением отдела печати ЦК РКП (б) о реорганизации ежедневной газеты «Терек» с сокращением периодичности до двух раз в неделю. В обращении секретаря Терского окружного партийного комитета С.О. Котляра на имя руководителя агитационно-пропагандистского отдела Северо-Кавказского крайкома партии Н.Ф. Гикало приведены убедительные доводы в пользу сохранения формата выхода издания. В письме утверждается, что сокращение периодичности приведет к падению интереса крестьян и казаков к самой газете. Причина связана с тем, что ослабнет связь с читателями. «Газета «Терек» за последние три мес. (март, апрель, май) получила 2217 корреспонденций и писем от селькоров, крестьян и казаков, – говорится в обращении. – Помещено за

3 мес. в газете «Терек» (ежедневно уделяется страница в 1200 строк) – 1922 корреспонденции. При сокращении <...> газета перестанет отражать в должной мере (как это делается теперь) жизнь деревни, потеряет читателей» [274.3]. Бюро крайкома вынесло решение «возразить против постановления Отдела печати ЦК РКП (б)..., разрешить Терокркому ЦК РКП (б) оставить газету на прежних основаниях» [274.4]. Но эта «демократия» продолжалась в стране недолго.

Уже во второй половине 1920-х годов сталинская партократия стала укрепляться. «Заложенные с ноября 1917 года в Декрете о печати временные положения о чрезвычайных мерах по отношению к прессе в условиях командно-административной системы руководства и культа личности стали постоянными, больше того, они получили дальнейшее развитие», – справедливо отмечает З.Ю. Хуако. – Игнорировалась, в частности, установка о том, что «стеснение печати даже в критические моменты допустимо только в пределах абсолютно необходимых» [214: 67].

Складывалась такая ситуация, когда «в пределах абсолютно необходимых» не было пределов. Установленные декретом «всякие административные воздействия на печать» не прекращались, а напротив, наращивались, хотя их отмена предусматривалась «по наступлении нормальных условий общественной жизни». Так и не восторжествовала обещанная печати «полная свобода». «Применяя с самого начала диктаторские, жесткие, кровавые методы самоутверждения, большевики стремились обеспечить их пропагандистское подкрепление и обоснование, – выделяет эту характерную черту большевистской журналистики Н.М. Тобольцева. – Через печать они убеждали массы в «революционной законности» форм своего правления и утверждали, что только таким путем можно прийти к победе пролетариата и крестьянства, построить новое общество, но, предупреждали большевики, за него надо бороться. Бороться с «буржуями», с «белыми», с «контрреволюцией». Последнее – применялось как объединяющее в отношении всех идеологических врагов, что Н. Бердяев назвал «нравственным шантажом» [195: 23].

Вся система печати контролировалась большевистской партией. С ее помощью партократия «по указаниям вождя манипулировала общественным мнением в собственных интересах; осуществляла партийный контроль за всеми сторонами жизни общества, выполняя этим и цензурные функции» [80: 115]. Эти процессы в национальных автономиях, которые отставали от центральных областей советского государства во всех отношениях, а особенно по уровню образованности, протекали в более уродливой форме. Как отмечает А.В. Голубев, «местные власти в своем рвении зачастую превосходили центральные». «Вообще «перегибы на местах» стали постоянной составной частью советской политической культуры и как реальность, и как своеобразное «алиби» для политического руководства, – пишет он. – К тому же в центре некоторые социальные группы ... сохраняли остатки собственной автономии, несмотря на репрессии, которым они подвергались. В провинции подобных исключений практически не было» [61: 25].

Если в исторической науке достаточно полно изучена репрессивная политика сталинского режима в столицах и ведущих экономико-культурных центрах страны, то процессы, протекавшие в годы «Большого террора» в северокавказских автономиях, исследованы недостаточно. По утверждению К.С. Гаджиева, большевистская партократия в своем стремлении подавить всякое инакомыслие, провести «интеллектуальную стерилизацию, духовную кастрацию и массовую манкуртизацию населения» [53: 169], а также с целью монополизировать общественное мнение и установить вездесущий контроль над всеми сферами жизни человека, использовала различные пропагандистские кампании по разоблачению мнимых «врагов народа», по идеологическому обеспечению массовых репрессий против граждан, развернутых в 1920-1930-е годы. Сегодня нельзя обойти вопросы участия СМИ в укреплении сталинского тоталитарного режима. Как утверждает историк журналистики Р.П. Овсепян, «советская журналистика всей своей деятельностью способствовала созданию культа личности Сталина. В его личную заслугу ставились победы в первых пятилетках, демократических завоеваниях, провозглашенных в новой Конституции СССР, успехах строительства социализма. Пресса стала трибуной идейно-теоретического

обоснования сталинизма. Как величайшие образцы творческого развития марксизма расценивались книги Сталина «Об основах ленинизма», «Краткий курс истории ВКП(б)» и др. Настойчивая пропаганда периодикой и радиовещанием авторитарной идеологии способствовала тому, что она проникла во все сферы духовной жизни общества и в том числе в журналистику, ставшую неотъемлемой частью аппарата тоталитарной системы» [162: 110].

В советской исторической науке была внедрена и окончательно утвердилась на десятилетия марксистская методология, предполагавшая грубую фальсификацию постреволюционного переустройства советской России, безудержное прославление «мудрости и прозорливости» лидера ВКП(б) И.В. Сталина, сокрушавшего на пути к светлому будущему многочисленных внутренних и внешних «врагов», «предателей» и «шпионов», мечтавших о возрождении в стране капитализма [16: 26-27]. В массовом сознании все еще бытует миф о том, что культ вождя партии создавало его окружение, а не сам он. Этот стереотип тиражируют некоторые современные историки и политологи. Между тем к формированию своего культа приложил руку и Иосиф Виссарионович. В текст собственной биографии, написанной идеологическими функционерами, он вставил тезис о руководящем ядре партии, констатируя: «Руководителем этого ядра и ведущей силой партии и государства был товарищ Сталин» [291.3: 118]. «Став автором Краткого курса, – утверждает Г.В. Жирков, – Сталин окончательно занял созданную самим собой вакансию главного партийного теоретика» [80: 59].

Нужно признать, что основная масса сторонников ленинской концепции социализма не имела глубоких познаний в философии, истории, экономике, они были воспитаны на примитивных постулатах и догмах, провозглашенных классиками марксизма-ленинизма истинами в последней инстанции. Поэтому они, часто даже не постигая сути выдвигаемых лозунгов, высказывали им поддержку. Такой же примитивностью отличалась сталинская концепция об обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму, выдвинутая на июльском пленуме ЦК ВКП(б) в 1928 г. «Классовый подход был объявлен единственным

мерилом, – отмечает Е.П. Волкова, – в политике, экономике, науке, искусстве, морали, психологии, – в любой сфере человеческой деятельности» [52: 26].

Характеризуя последствия этой политики большевистской партии для развития местной журналистики, исследователь З.Ю. Хуако пишет: «С конца 20-х годов, когда в идеологии и на практике взяли верх властно-административные методы управления, пресса становится средством агитационно-пропагандистского обеспечения курса на жесткую систему централизации и командования. Тенденция к жесткой централизации власти, когда приоритет отдавался принуждению и насилию по отношению к личности, породила социально-политические деформации, которые своим деструктивным воздействием не обошли и печать. Это отразилось прежде всего на формировании системы печати национальных образований, когда из центра диктовалось, какое издание, какую сеть газет и журналов иметь в той или иной автономной республике и области» [214: 244].

Заявленный большевистской партией в качестве основного курса на победу коммунизма в мировом масштабе не воплотился в конкретный план преобразований в России после установления диктатуры пролетариата. Бессистемные реформы, «поспешная и непродуманная национализация собственности, запрет свободной торговли, сокращение денежного обращения, внедрение практики временного выборного коллективного управления производственной сферой имели для народного хозяйства страны негативные последствия» [16: 8]. В то же время пропаганда партийно-советской печати порой велась с перегибами, грубо. Страницы газет заполнялись постановлениями, решениями, резолюциями съездов, приказами ведомств различных уровней. Объявлялись месячники, декады, пятидневки и дни выполнения партийных установок. Появились новые формы журналистских публикаций, которые несли в себе угрозу тем, кто не рьяно относился к выполнению поставленных задач: «Доска позора», «Черный список», «Отсталые районы», «Ишачьи премии».

Перегибы на местах были спровоцированы самой большевистской партократией. Уже в первые годы советской власти зародилась практика принудительного труда, введенного политикой «военного коммунизма». Если в

условиях разрухи и гражданской войны эти методы в определенной степени были вызваны необходимостью, то в годы индустриализации и коллективизации они применялись с целью исключить всякое неподчинение граждан тоталитаризму. В ходе укрепления авторитарного режима, особенно в период, получивший название «Большого террора», власть фактически учредила принудительную трудовую повинность, ввела в практику милитаризованную, основанную на военной дисциплине организацию труда. Граждане были лишены возможности свободного выбора работы. Как отмечает Н.М. Тобольцева, печать, в соответствии с новой идеологией, должна была «сформировать новые психологические установки, показав, как должен трудиться передовой член общества для достижения высшей цели – коммунизма, – популяризируя образцы этого принудительного труда» [195: 25].

Ужесточение внутренней репрессивной политики на практике преследовало цель массовой мобилизации населения на реализацию идеи мировой пролетарской революции. Неразработанный в теоретическом и практическом отношении проект переустройства мира на новых идеологических принципах, тем более с опорой на единственную и немногочисленную социальную группу – большевистскую часть РСДРП, не мог иметь перспективу.

В ходе социалистических преобразований во всех областях и республиках Северного Кавказа была создана экономика, достигнуты успехи в культурном строительстве. Однако одновременно укреплялся большевистский режим, которому были характерны монополия в области идеологии, отсутствие свободомыслия, свободной прессы. Печать использовалась как орудие внедрения в сознание масс коммунистической идеологии, бичевания политических противников. Сталинизм рассматривал прессу как инструмент укрепления культа личностей партийных вождей. «Особенно популярным методом влияния в советской массмедийной кампании является ссылка на авторитет – в данном случае на товарища Сталина, – характеризует журналистику периода укрепления тоталитаризма Е.Г. Ткаченко. – Он упоминается практически в каждой публикации, что создает иллюзию его постоянного присутствия, а значит, читатель

не может ставить под сомнения ни одно слово, опубликованное в газете, иначе он – «враг народа» [193: 87]. Таким образом насаждалось населению представление о силе партии, гениальности вождей.

На рубеже 1920-1930-х годов в качестве врагов стали рассматривать наиболее дееспособную часть крестьянства – кулачество. Проводились многочисленные митинги и собрания, участники которых не жалели ярлыков для тех, кто не желал смириться с большевистской коллективизацией, не пользовавшейся популярностью среди горцев. Все неудачи политики партии возлагались на «мифических врагов». В отчетном докладе Чеченского обкома партии на IV областной партконференции в 1933 году говорилось: «Кулачество, организующее политический бандитизм, духовенство, использующее религиозный фанатизм горцев в интересах остатков капиталистических элементов, – все эти элементы вели активную борьбу против социалистического строительства» [279.19].

Неудачи в проведении коллективизации, вызванные насильственно-административными методами, партия через пропаганду в печати перекладывала на происки кулацкой агентуры. Все перегибы, социально-экономические промахи и ошибки были оправданы на страницах партийной печати «необходимостью сломить бешенное сопротивление кулачества, ликвидировать его как класс, уничтожив тем самым последний оплот капитализма в деревне» [52: 60].

Северокавказская пресса обеспечивала идеологическое сопровождение курса партии на ликвидацию кулачества. Со страниц газет звучали призывы «объявить войну не на жизнь, а на смерть кулаку и в конце концов смести его с лица земли» [158: 39]. Так, печать Чечено-Ингушетии вслед за партийными комитетами и карательными органами Советской власти объявила на своих страницах войну кулакам и муллам, под предлогом того, что они саботировали строительство колхозов в области. Практически во всех номерах «Грозненского рабочего», «Серло», «Сердало», «Чеченского комсомольца», районных и политотдельских газет помещались корреспонденции, статьи, заметки, в которых подвергались резкой критике зажиточные крестьяне и духовенство. Орган обкома ВКП(б), облисполкома и Совпрофа Адыгеи газета «Серп и молот» негодовала: «Колхозное

строительство, подъем и перестройка отсталого сельского хозяйства национальных областей встречает сопротивление в виде сохранившихся до сих пор сословных и родовых пережитков, влияния мулл, шейхов, и главное... кулачества...» [360: 1931, 4 января]. Этот стиль выступлений был характерен публикациям во всех северокавказских изданиях.

Волевые методы преобразования сельского хозяйства, которые в конечном итоге привели к насильственной коллективизации, на практике обернулись катастрофой для отрасли, привели к резкому падению сельскохозяйственного производства, разорению деревни. Однако партия, несмотря на эти явно негативные последствия, продолжала неуклонно реализовывать ленинский план коллективизации, приписывая издержки якобы провокационной деятельности врагов советской власти. «В настоящий период задача объединения и преобразования мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективы, – говорилось в решениях XV съезда партии, провозгласившего курс на коллективизацию сельского хозяйства, – должна быть поставлена в качестве основной задачи партии в деревне» [248: 299].

Важнейшим инструментом партии по пропаганде социалистической модернизации сельского хозяйства являлась, конечно, печать. Перед партийной журналистикой была поставлена задача показа преимуществ коллективных хозяйств. Вся советская пресса, в том числе и национальная, вела пропаганду колхозов. В 1926 году на страницах газеты «Серло» была проведена дискуссия, которая односторонне демонстрировала преимущества артелей. Начало дискуссии положило письмо крестьянина-единоличника Муратаева, в котором автор рассказывал, как он пришел к убеждению, что только ТОЗы выведут горцев из нищеты [359: 1926, 11 апреля]. Однако на страницах газеты не нашлось места публикациям, в которых была иная трактовка коллективизации, хотя среди даже партийных чиновников Чечни были и те, кто, по крайней мере, не одобрял методы ее проведения.

Как отмечает А.В. Видяева, «...перед журналистами стояла задача оказывать существенное влияние на коллективные настроения крестьянства и общественно-

политические процессы в деревне. Поэтому часто при подготовке газетного материала они руководствовались потребностно-мотивационным фактором, когда для решения определенных задач использовались такие инструменты, как своеобразный лексический строй, определенная жанровая специфика, «правильное» оформление медиатекстов» [50: 27]. Многочисленные статьи, корреспонденции, подборки писем в газетах автономных республик Северного Кавказа разъясняли читателям решения съезда коллективизации. В ингушской газете «Сердало» публикуются статьи, в которых, используя общие слова, внушали мысль о преимуществах коллективизации [156: 16]. Между тем, как отмечает Х. Текеева, «решение такой сложной задачи, как коллективизация сельского хозяйства, коренным образом менявшее экономическое положение и сознание широких масс трудящихся, не обошлось без ошибок и извращений. Они объяснялись в значительной степени все более усиливавшимися административно-командными методами руководства. Некоторые газеты национальных областей Северного Кавказа решительно выступили против нарушения принципа добровольности вступления в колхоз» [191: 96]. Так, карачаевская газета «Таулу джашау» писала: «Весьма своеобразно проходит коллективизация в Сеннетах, где людей без всяких собраний зачисляют в колхозы» [364: 1930, 5 февраля].

Процесс социалистического переустройства сельского хозяйства в Ингушетии, как и во всей стране, протекал очень противоречиво и с большими трудностями, отмечает Л.Р. Амерханова [12: 131]. Однако местная партийно-советская пресса замалчивала неудачи в этой деятельности. Несмотря на то, что горцы чаще всего не поддерживали мероприятия советской власти в деревне, «Сердало» сообщала с пафосом, как «перестраивается жизнь ингушских крестьян» или о «преимуществах коллективного ведения хозяйств» [358: 1928, № 44]. По мнению исследователя, материалам в местных газетах данного периода была свойственна пропагандистская патетика. Большая часть полос отводилась под лозунги и призывы: «Каленым железом очищать колхозы от кулаков!», «Ударим по антиколхозной агитации железным единством рабочих и крестьян!» [358: 1929, № 60].

Вместо критического анализа неэффективной аграрной политики партии газеты писали о «недостатках в работе некоторых колхозных руководителей». Вопреки очевидным фактам пресса выступала за создание новых колхозов. Экономический анализ состояния дел в сельском хозяйстве подменялся лозунгами: «Необходимо наладить регулярную отчетность перед широкими массами, уделять больше внимания маломощному крестьянству, организовывать сбыт сельхозпродуктов, регулировать систему сельхозкредита» [358: 1930, № 12]. Историк журналистики края З.Ю. Хуако также отмечает, что в пропаганде колхозного движения в газетах Северного Кавказа «преобладал крикливый и назидательный тон, не проявлялось должного внимания к тем социальным явлениям, которые происходили в деревне, не было политически выверенного отношения к огромному массиву трудового крестьянства, каким являлся середняк» [209: 105].

Культивируя образ «врага народа», советская печать программировала устремления, настроения и даже психические состояния масс, обеспечивая тем самым такое поведение и, что самое главное, такой ход мышления, который был необходим тем, кто владел средствами манипуляции [52: 29]. Политические процессы над «врагами народа» стали неотъемлемыми сегментами созданной Сталиным мифосреды. Они сплывали вокруг мифологемы «генеральная линия партии» все общество, «а Сталин как их дирижер и режиссер изобретал все новые мифологемы для обозначения этих процессов и тех, кто представал на них» [80: 63]. По образному выражению Г.В. Жиркова, журналистика выступала в роли послушной палочки дирижера хора, который со страниц периодики и из радиотарелок пел дифирамбы генеральной линии партии, в том числе и на языках народностей.

Как отмечает эксперт Автандил Цуладзе, при коммунистическом режиме «СМИ отводится роль приводного ремня государственного аппарата. Задача СМИ – создавать ту «картину мира», которая выгодна аппарату, а не обществу» [226]. И в соответствии с этой моделью проблема взаимодействия государства и СМИ

решается жесткой системой запретов, четкими правилами «политкорректности», которым должны были следовать все журналисты.

Партийно-советские СМИ, принадлежавшие монополю одной партии, а на практике узкой партийной верхушке, которая занимала руководящую роль, как в государстве, так и в обществе, выступали не только как рупор коммунистической идеологии, но и как инструмент публичной порки малейшего поползновения к оппозиции.

С целью манипулирования массовым сознанием в прессе в 1920-е и особенно в 1930-е годы была развернута беспрецедентная идеологическая кампания по «разоблачению» так называемых «врагов народа». Как правило, травля очередной группировки, обвиненной в мелкобуржуазности или причастности к шпионской, диверсионной деятельности, начиналась в ведущих центральных газетах. Известно, что из центра рассылались разнарядки, сколько человек должны быть репрессированы на местах. Характерны были выражения типа: «классовые враги» внутри страны «с остервенением загнанного зверя и с исступлением бесславно погибающего продолжали свою подрывную работу» [352: 1930, 24 сентября]; или: «пускали в ход все свое оружие, «чтобы подорвать и затруднить социалистическое строительство» [341: 1932, 14 августа]. «Идеологические враги» были представлены внутрипартийной оппозицией – например, правым уклоном, который, по утверждению партийных публицистов, стремился к «сращиванию с контрреволюционным троцкизмом на почве объективной защиты дела восстановления капитализма в нашей стране<...>» [352: 1930, 31 октября]. Исследователь Г.В. Жирков так сформулировал политику большевистского руководства в сфере массовой информации: «Особую роль в цензурной практике советского периода сыграл так называемый принцип партийности, относившийся прежде всего к литературе, но Сталин добился того, что он стал всеобъемлющим, был распространен на идеологию, науку, литературу и журналистику. Вождь выступал в качестве разработчика таких «основополагающих» мифологем, как «генеральная линия партии, обязательная для всех членов партии», и не только. Ей противостояли «гнилые теории», якобы создаваемые оппонентами Сталина, а на

деле приписываемые им Сталиным. В борьбе с ними требовалась «большевистская революционная бдительность», которую необходимо постоянно проявлять, так как классовая борьба, по Сталину, с построением социализма в отдельно взятой стране усиливается. Все это обосновывало внутреннюю репрессивную политику, вылившуюся в многочисленные процессы над «врагами народа», организацию ГУЛАГа и др.» [80: 35].

Местные руководители принимали непосредственное участие в инициировании, думается по указке из центра, репрессий, развернутых против определенных персон из политической элиты того периода, ставших неудобными. В системе, жестко выстроенной по вертикали, нижестоящий чиновник не может выступить с критикой вышестоящего. Об этом недвусмысленно утверждалось во всех регламентирующих документах большевистской партии, включая устав. Но репрессивная политика сталинизма находила оправдание нарушению этого уставного принципа, когда травля неудобного Сталину функционера даже из числа высшего эшелона власти инициировалась нижестоящими чиновниками. Или использовались печатные издания из одного уровня вертикали власти, причисляемого к «врагам народа», а то и ниже. Практиковалось это несмотря на то, что принципы партийности и централизма не позволяли изданиям вскрывать недостатки в деятельности большевистских комитетов, чьими органами они являлись. Один из ведущих газетоведов сталинской эпохи М.С. Гус так разъяснял работникам редакций: «Если газета не согласна с линией местного партруководства, считает ее неверной, то она обязана бороться за исправление ошибок... Она обязана использовать все способы, предусмотренные партийным уставом и традициями большевистской партийности: ставить вопрос в партийном комитете, на партийных конференциях, поднимать его перед вышестоящими партийными инстанциями и в газетах этих инстанций. А выступать публично против линии партийного комитета лишь тогда может, когда имеет директиву высших парторганов или вопрос о линии комитета партконференцией или вышестоящим партийным комитетом поставлен на обсуждение данной

парторганизации» [68: 18].⁶ На практике же любой подчиненный мог оговорить своего непосредственного руководителя, даже, иногда, с целью занять его кресло.

Спускаемые партийные директивы находили живой отклик у региональных властей. Типичным примером служит постановление Пленума Чечено-Ингушского обкома от 13-15 февраля 1936 г., обязывающее членов ВКП (б) «беспощадно вскрывать все махинации классового врага, усилить на каждом участке революционную бдительность...» [277.11]. Печать Северного Кавказа, как и вся партийно-советская журналистика, тоже оказывала содействие карательным органам выполнять этот большевистский заказ. Как утверждает Х.А. Текеева, «национальная пресса в силу своей принадлежности партийным комитетам не смогла избежать рокового участия в репрессивной машине сталинской эпохи. Будучи органами партийных комитетов, периодические издания национальных регионов участвовали во всех политических кампаниях, которые приносили и позитивные, и негативные, с точки зрения истории, результаты» [191: 98]. Так, непосредственным толчком к началу чисток в Карачаево-Черкессии послужила опубликованная 15 сентября 1928 года в «Правде» статья «Карачаевский заповедник», после обсуждения которой V пленум областного комитета ВКП(б) и областной контрольной комиссии констатировал «засоренность советского аппарата чуждыми людьми» и призвал к «решительной чистке советского и кооперативного аппарата от антисоветских и контрреволюционных элементов» [33: 141–142]. В областной газете «Таулу джашау» 25 ноября 1928 г. был помещен «План областной комиссии по чистке советско-кооперативных и других общественных учреждений КАО», где особо отмечалось, что «комиссия гарантирует подавшим заявление на лиц, подлежащих чистке, сохранение фамилий и местожительства в тайне». А в руководящей статье следующего номера редакция призывала «все трудящиеся массы Карачая» проявить «всю свою инициативу в помощи комиссии по выявлению враждебных нам элементов» [364: 1928, № 191].

⁶ Гус М. За газетные кадры [Текст] / М. Гус. – М., Л.: Работник просвещения, 1930. – С. 18.

Как отмечает Л.Р. Амерханова, с конца двадцатых годов большинство директив Ингушского обкома большевистской партии были посвящены «чистке коммунистических рядов от классовых врагов» [12: 136]. Так, в отчете на Пятой Ингушской областной партийной конференции, которая, «одоблив решения ноябрьского Пленума ЦК партии и ЦКК, постановила оздоровить свои ряды от чуждых элементов (служивших в полиции, добровольцев белой армии), имеющих также связь с чуждыми элементами (бандами, кулаками, торговцами, муллами), посещающими мечети, берущими и платящими калым, растратчиками, взяточниками, многоженцами», содержится прямой призыв объявить войну этим так называемым «врагам народа». В связи с публикацией были созданы специальные комиссии, работа которых была нацелена на «выявление подобных элементов». Газета подробно освещала деятельность таких комиссий. Публикации «по очистке» повествовали о том, какое «значение имеет изоляция и разгром партией антиленинских оппозиционных групп троцкистско-зиновьевского блока, правых капитулянтов, национал-уклонистов». Будучи главным партийным органом автономной области, газета публиковала официальные документы, посвященные этапам «очистки»: постановления и решения ЦК партии, сопровождавшиеся обязательными «положительными откликами» ингушских коммунистов, «полностью одобрявших ленинскую политику партии» [12: 137].

«Революция и горец» критикует в 1930 году национальную прессу края за непоследовательное разоблачение так называемой оппозиции. «Ряд газет допустил смазывание четкой классовой линии и затушевание классовой борьбы, – пишет журнал, – не сумел своевременно вскрыть «левые» заскоки в коллективизации, мало способствовал нацпарторганизациям в решительной борьбе с кулаком, в организации бедноты, в укреплении союза с середняком, в непримиримой борьбе за генеральную линию партии на два фронта» [297.13: 24]. Обычный набор общих обвинений. Даже в тезисах, где указываются конкретные издания, невозможно понять, в чем же виноваты журналисты местных изданий: «В газетах «Таулу джарлыла» (Карачай), «Карахалк» (Каб.-Балкария), «Серло» (Чечня), «Сердало» (Ингушетия) и др. были допущены грубейшие ошибки: проникновение в печать

контрреволюционной агитации, смазывание вопросов классовой борьбы, примиренчество к конкретным проявлениям правого и «левого» оппортунизма, недостаточно разъясняли нацгазеты кулацкую сущность платформы и двурушническую тактику право-«левого» блока Сырцова – Ломиндзе и К^о и т. д.» [297.13: 24]. В такой тезисно-декларативной форме составлен весь семистраничный текст обзора: нет и попытки анализа контента изданий, только огульные обвинения, совершенно бессодержательные рекомендации.

Демонстрируя готовность выполнять директивы партийных комитетов, редакции местных газет организовывали в структуре изданий специальные рубрики для разоблачения «чуждых, примазавшихся, перерожденцев»: «Чистка в Карачае», «Время чистки в партии и комсомоле», «Дурную траву с поля вон», «Листок Рабоче-Крестьянской Инспекции» [141: 88]. Поскольку внутрипартийные чистки следовали в стране одна за другой, в прессе с окончанием одной кампании вскоре открывалась следующая. Так, газета «Таулу джашау» 2 декабря 1928 г. констатировала: «Чистка в Карачае началась»; 3 декабря 1929 г.: «Чистка закончилась», а 11 ноября 1930 г. снова призывала: «Подготовимся к чистке антисоветских элементов в партаппарате». Адыгейская областная газета «Серп и молот» 2 января 1931 г. выпустила полосу под шапкой «Чистка соваппарата началась», которая положила начало серии публикаций на эту тему.

В подавляющем большинстве преследованиям подвергались совершенно безвинные люди. В основном сфабрикованные материалы для публикаций предоставлялись органами НКВД. Как правило, выдавали их в свет с подписями якобы рабочих и сельских корреспондентов. «Адыгейская жизнь» опубликовала заметку, в которой утверждалось, что председатель сельского совета села Штурбино покровительствует местному кулаку. Подписана псевдонимом «Комсомолка». В тексте мелкий донос о том, что они выпивали вместе в гостях у заведующего местной школой [303: 1927, 4 января]. Только за 1926 год «...селькоры через печать указали прокуратуре на 169 случаев тех или иных ненормальностей-нарушений и злоупотреблений», – сообщала газета в том же номере.

Адыгейская областная КК – РКИ, изучив деятельность «Серпа и молота» с внештатными активистами печати, в январе 1931 г. приняла постановление «О расследовании рабселькоровских заметок», в котором отмечалось, что существует «недопустимое игнорирование газ. заметок со стороны областных и районных партийно-советских и профорганизаций, выражающееся в невыполнении директив Край КК – РКИ о помощи и содействии в деле расследования рабселькоровских заметок» [360: 1931, 16 января]. Также было указано на необходимость введения в штаты редакций ответственного лица по массовой работе рабселькоров.

В период проведения коллективизации местные партийные и советские органы при поддержке своих печатных изданий не только стремились выполнить разнарядку на раскулачивание, но и стали широко применять перевод середняков в разряд кулаков, чтобы перевыполнить спущенный сверху план. Повсеместное распространение получило «перекрытие норм», «контрольных цифр», «заданий» по раскулачиванию. В газетах появлялись заметки и корреспонденции, рассказывавшие о том, кого и где раскулачивали, как передавали их дома и имущество беднякам. Нередко в печати публиковались письма селькоров, в которых назывались фамилии тех, кто, по мнению авторов, был кулаком или «подкулачником». Так, в заметке в адыгейской областной газете «Колхозное знамя» сообщалось: «В Кошехабльском райкоме партии работал зав. культпропом Ловпаче. Прикрываясь партийным билетом, этот «высокообразованный» выродок, под вывеской райкома партии занимался пропагандой контрреволюционных троцкистско-зиновьевских теорий» [332: 1936, 6 января]. С развитием рабселькоровского движения краевые газеты стали использовать такую форму массовой работы, как публикацию результатов мероприятий, проведенных редакциями по неопубликованным письмам внештатников. «Колхозное знамя» в рубрике «Газета помогла» разместила информацию о результатах расследования нарушений в местном фельдшерском пункте, описанных в заметке селькора из села Верхнее Назарово [332: 1936, 14 марта].

Такие газетные материалы являлись основанием для последующих репрессий. Главный большевистский орган «Правда» так оценил в статье под

названием «Сделать все выводы из процесса» деятельность печатных изданий в организации травли так называемых уклонистов, которые сами и не ведали, что таковыми являются: «...Велика и роль печати в ликвидации последствий вредительства... Она вела и разоблачительную работу, вскрывая безобразия, но, очевидно, далеко недостаточно» [350: 1937, 2 февраля]. В советской периодике стало обычной практикой приклеивание ярлыков к так называемым «правым» или «левым» уклонистам [52: 39]. Пример подавали вожди партии. Все неудачи советской власти они связывали с этими мифическими «врагами народа», которых в прессе называли «лакеями» [105: 3] кулачества. Для их характеристики в публикациях выстраивались сложные словесные конструкции, суть которых читателю невозможно было понять. Как писал Л. Каганович, эти «лакеи» придумывали новые формы борьбы, соглашаясь на словах с линией партии, но на деле подрывая и разлагая её, действуя «тихой сапой», отражали «новую тактику их хозяина, их вдохновителя – кулака» [106: 5]. Газеты правдами и неправдами были обязаны обеспечивать идеологическое оправдание этой репрессивной политики большевизма.

Применяемые Сталиным и его окружением методы осуществления коллективизации, жестокость и насилие вызывали несогласие у некоторых общественных деятелей и ученых, стремление предотвратить массовые репрессии, переселения. В печати появляются статьи Г. Каминского, В. Кондратьева, В. Чаянова, в которых критиковалась политика, проводимая большевистской партией, предлагались альтернативные пути коллективизации. Но созданная Сталиным система рухнула бы в условиях свободного обмена мнениями и поиска оптимальных решений. Поэтому любые идеи, даже правильные, но высказанные не вождем и его сторонниками, отвергались, а сами авторы причислялись к разряду врагов народа. «Меньшевиков-интернационалистов к высшей мере наказания» – призывает ведущий орган Адыгеи «Серп и молот», одобряя расправу над так называемой группой «Чаянова-Кондратьева». При этом еще до вердикта Верховного суда газета выносит приговор: «Большинство из этих лиц, занимая ответственные должности, старались путем приуменьшения имеющихся в стране

ресурсов, неверными расчетами на капитальное строительство, в рыбном хозяйстве и снабжении товарами, срывом заготовок: расстройством снабжения рабочих центров, срывом хлебозаготовок и т. д, вплоть до расстройства денежного обращения СССР, ввергнуть страну в тяжелое положение, задуть ее костяной рукой голода и тем облегчить интервенцию» [360: 1931, 4 марта].

В арсенале репрессивных органов были различные приемы для дискредитации выбранных по разнарядке жертв. Использовались надуманные предлоги: зачисление в оппозиционеры, сбор силовыми органами компромата, фальсификация, клевета. Партийная номенклатура, опасаясь за собственное положение из-за внедрения в практику репрессивных методов, в ряде случаев стремилась смягчать наказания, что в результате обернулось «большим террором» и против партийных кадров [16: 11].

Ситуация в провинциях, особенно в национальных регионах, вообще принимала гротескный формат в силу малограмотности чиновников и сотрудников карательных органов. Низкий уровень их подготовки показывают документы тех лет. Ярким примером бюрократического творчества является «Доклад штаба особой группы войск о проведении операции по ликвидации бандитизма на территории Чеченской и Ингушской Автономных Областях в период с 14.3 по 12.4 1930 г.». Приводим выдержку с сохранением авторской редакции: «Идеологи контрреволюционного блока, учитывая уроки декабрьского поражения, тесно увязались между собой, обьактивляя бандитизм, придавали ему политический характер, стремясь к объединению различных религиозных сект, используя уже организованных и спаянных религиозным фанатизмом их последователей, разъезжая в зоне своих влияний, широко развернули вербовку новых членов организаций, пытались установить связь с к.р. (контрреволюционной – Л.Т.) частью Терского, Кизлярского, Сунженского казачества и соседних нац. областей – Дагестана, Ингушетии и Грузии. Все это наряду с крайней напряженной обстановкой в чеченском ауле представляло обширное поле для провокации, способствовало растущему к.р. обьактивлению и вместе с тем указывало на тенденции развития антисоветского движения в мировом масштабе и требовало

принятия немедленных и решительных мер ликвидации действующих банд и баз бандитских формирований, дабы пресечь отдельные вооруженные выступления и предотвратить возможность их объединения и перерасти во всеобщее восстание в Чечне и смежных районах Дагестана и Ингушетии» [277.12]. Образцы такой абракадабры часто изобиливали не только в бюрократических реляциях, но и на страницах газет и журналов тех лет.

Теперь стало известно, что чаще всего так называемые «восстания» горцев были спровоцированы карательными органами «с целью физического уничтожения наиболее дееспособной части населения» [56: 95]. Сохранились и свидетельства такой политики ВЧК-ГПУ-НКВД. Так, в докладной записке с грифом «Совершенно секретно» за № 0204 командующего ОГВ С.П. Урицкого говорится: «Мы считаем излишним распространяться о совершенно недопустимых перегибах и извращениях линии партии, имевших место в горах, так как они известны (сбор на трактора, попытки коллективизации, предложения сжигать трупы, налог на мечети, неправильное лишение избирательных прав и т.п.)» [277.13].

Заявленные большевистскими вождями планы индустриализации, социалистического преобразования сельского хозяйства, попытки «наскоком» решить экономические и социальные проблемы не были подкреплены соответствующими ресурсами, естественно, не могли быть реализованы в короткие сроки. Партократия свое неумение организовать на деле столь грандиозное строительство, свои промахи переносила с экономической сферы в политическую область. Для достижения этих целей в первую очередь использовалась пресса. «Массированное внедрение в общественную жизнь извращенных представлений о реальной картине происходящих событий и тенденциях их развития должно было укрепить в сознании большинства своем люмпенизированной массы населения мысль о единственно верной и правильной генеральной линии правящей партии, — пишет исследователь К.Г. Дендиев. — Информационное воздействие в сочетании с репрессиями призвано было стать превентивной мерой, обеспечивающей

сохранность политической и идеологической монополии власти, унификации в культуре, идеологии» [73: 134].

Новый виток разоблачений «контрреволюционеров» по всей стране начался после февральского (1937) пленума ЦК ВКП(б), на котором выступил И. Сталин с критикой в адрес местных руководителей за недостаточно последовательную борьбу с «врагами народа». В «Правде» 26 января 1937 года была опубликована статья «Троцкистская шайка реставраторов капитализма» по итогам судебной расправы над так называемым блоком правых уклонистов. И уже 27 января появилась перепечатка в «Грозненском рабочем». В том же номере под рубрикой «Суровая рука закона сметет с лица земли троцкистскую нечисть» были опубликованы письма трудящихся, в которых осуждались известные деятели государства, якобы готовившие переворот в стране. Только непонятно, как успели читатели прислать отклики на публикацию в тот же день. Ведь номер за 27 января сдавался в печать 26-го. Заголовки «писем» читателей говорят сами за себя: «Лютые враги партии Ленина-Сталина, фашистские выродки-троцкисты, ставили целью насильственное свержение советской власти, чтобы лишить нас величайших завоеваний». Подборки печатались в каждом номере несколько недель. Это было характерно для всей местной партийно-советской прессы. Также под рубрикой «Письма» в «Пролетарии Осетии» 27 января опубликованы отклики читателей с заголовками «Выкорчевать до конца последышей Троцкого – презренных предателей родины», «Мерзавцам – высшую меру наказания» [351: 1937, 27 января]. «Адыгейская правда» не нашла другие слова для заголовков, кроме таких же: «Страна клеймит подлых убийц», «Готовы, как один, дать отпор злодеям», «Сталин – разум и сердце народа», «Враги просчитались», «Грозная ненависть к террористам», «Презренные имена», «Гнев колхозников», «Сурово наказать гнусных убийц», «Врагам народа – нет пощады», «Агенты охранок», «Наемники фашизма», «Омерзительная шайка бандитов», «Нет большого преступления, чем измена родине» – это заголовки только одной первой страницы [303: 1936, 21 августа]. «Социалистическая Кабардино-Балкария» не более оригинальна: заметки и письма на первой полосе под шапкой «Уничтожить гадину!» [362, 27 января]

озаглавлены «Фашистским наймитам суровую кару», «Стереть с лица земли бешенных псов фашизма!», «Раздавить гадов!», «Смерть врагам народа» и т.д. Такими же слоганами были заполнены страницы всех краевых газет и журналов, как, впрочем, и по всей стране.

За семнадцать месяцев, с августа 1936 по март 1938 года, НКВД была пресечена деятельность трех якобы крупнейших антисоветских центров, что вызвало естественный резонанс в стране. По делу первого процесса «объединенного антисоветского троцкистско-зиновьевского центра» в августе 1936 года на скамье подсудимых оказались 16 политических оппонентов Сталина, в их числе старейшие члены партии Л.Б. Каменев, Г.Е. Зиновьев. В последний день судебного заседания, 24 августа, главные обвиняемые были приговорены к высшей мере и расстреляны. Директивный журнал ЦК ВКП(б) «Большевицкая печать» писал: «Вся Советская страна, десятки миллионов людей властно потребовали: взбесившихся псов расстрелять – всех до одного!» [285.1: 4]. Этот тон публикаций подхватывала вся партийно-советская печать.

Обвинительное заключение по делу второго «параллельного антисоветского троцкистского центра» в январе 1937 года, известного и как «процесс 17-ти», в главной партийной газете Чечено-Ингушетии было напечатано в нескольких номерах. И в каждом текст занимал три-четыре печатные страницы [317: 1937, 24 января; 1 февраля]. Размещение состряпанного следователями обвинения было обязательным для всех областных газет, хотя оно уже было опубликовано и в ведущих центральных изданиях. В числе главных подсудимых были первый заместитель наркома тяжелой промышленности Г. Пятаков, нарком финансов Г. Сокольников, К. Радек и другие, обвиненные в шпионско-вредительской деятельности.

Публикации в газетах нагнетали обстановку. В мозги читателей день за днем вбивались идеологемы. Атмосферу, царившую в дни, когда шли процессы над «врагами народа», передают заголовки газет в январе 1937 года: «Расстрелять фашистскую банду» [317: 1937, 26 января], «Суровая рука закона сметет с лица земли троцкистскую нечисть» [317: 1937, 27 января], «Никакой пощады

презренным врагам народа» [317: 1937, 28 января], «Уничтожить врагов народа» [317: 1937, 28 января]. На первой странице «Дагестанской правды» рядом с передовой статьей «Троцкистские гады» под шапкой «На страх врагам пусть долгие годы живет великий, любимый СТАЛИН!» опубликованы отклики собраний коллективов, отдельных граждан: «Уничтожить троцкистских бандитов!», «Мы разрушим все подлые замыслы и планы врагов», «Удесятерим нашу бдительность», «Никакой пощады врагам народа», «До конца выявить последышей троцкизма», «Смерть бешеным псам фашизма» [319: 1937, 24 января].

Репортажи с митингов в красках описывали «всенародное» возмущение якобы имевшими место преступлениями еще вчера преданных делу революции и «великому вождю» высших партийных и государственных функционеров. Так, только на одном из старейших заводов Северного Кавказа «Красный молот», по сообщению «Грозненского рабочего», три тысячи человек единодушно высказались: «Пощады троцкистским гадам не может быть. Приговор должен быть один – расстрелять мерзавцев!». В резолюции митинга звучали слова поддержки приговора суда, заявлялась солидарность с учителем, наставником и «другом трудящихся» Сталиным: «Эти гады хотели убить нашего дорогого и любимого вождя. Мы отдадим все до последней капли крови, но защитим жизнь нашего родного Сталина» [317: 1937, 28 января].

По мнению исследователя К.Г. Дендиева, это массированное психологическое воздействие со страниц газет оказывало преломляющее влияние на сознание общества и убеждало большинство советских людей в необходимости применения самых суровых санкций к так называемым «реставраторам» старого строя [73: 140]. Кроме того, покаянные речи подсудимых лишь усиливали производимый эффект, а их ретрансляция посредством СМИ как бы подчеркивала негативный моральный облик «перерожденцев» и должна была вызвать чувство омерзения у рядовых граждан.

Но, с другой стороны, это массовое «волеизъявление» носило больше постановочный характер, отклики в газетах строчили сами штатные сотрудники.

Тексты изобилуют фразами, которые подавляющая часть горцев вряд ли могла бы выговорить, а не то, что написать. Нельзя не согласиться с утверждением О.Д. Минаевой: «Анализ печати советского периода представляет определенную сложность, так как мы получаем представление о содержании и методах пропаганды, но не можем сделать выводы о ее действенности, реакции на нее аудитории. Печать тоталитарного периода не отражала реальные представления и чаяния аудитории, ее запросы. В условиях массовой неграмотности населения и наличия системы тотального контроля за печатным словом со стороны органов цензуры воздействие на массовое сознание велось очень агрессивно» [150: 7].

Громкий процесс против высших чинов генералитета Красной Армии общественность встретила уже психологически подготовленной навязчивой пропагандой печати и радиовещания. Представшие 11 июня 1937 перед закрытым Верховным судом СССР, подсудимые дали «признательные» показания о совершенных тяжких преступлениях против рабоче-крестьянского государства. По уже обкатанному сценарию по стране прокатилась волна организованных митингов, требовавших самой суровой кары отступникам. Но основное идеологическое сопровождение обеспечивали газеты. Так, «Грозненский рабочий» откликнулся на «раскрытый заговор» военных рядом публикаций. «Чечено-Ингушская Республика – родная дочь великого Советского Союза, – говорится в одной из них. – Враги социализма шлют к нам шпионов и диверсантов, чтобы сорвать наше победоносное шествие к коммунизму. Не бывать этому! Сделаем нашу страну более неприступной, чем ледяные вершины Кавказа, укрепим обороноспособность» [317: 1937. 4 июля].

Наиболее заметный след в борьбе с надуманными «врагами народа», а на самом деле реальными соперниками Сталина, оставил состоявшийся в январе 1938 года судебный процесс, на котором в качестве обвиняемых предстали главный редактор газеты «Известия» Н.И. Бухарин, нарком почт и телеграфа А.И. Рыков, нарком связи Г.Г. Ягода, замнаркома юстиции СССР Н.И. Крестинский, нарком земледелия М.А. Чернов и еще шестнадцать известных политических деятелей, среди которых были руководители союзных республик.

По всей стране в газетах появились гневные обличения новых «врагов народа». Так, «Грозненский рабочий» своевременно извещает общественность о еще одной раскрытой антисоветской организации [317: 1938, 1-13 марта]. Информировав местного читателя о десятках писем, резолюций колхозников и рабочих, выказывающих удовлетворение работой правоохранительных служб, газета систематически размещала и сообщения из других регионов. Так, в публикации из Коломны утверждается, что горожане проявили единодушие в оценке «чудовищно-гнусной предательской деятельностью презренных изменников Родины...» [317: 1937, 8 марта].

Подобные подборки должны были продемонстрировать единство партии и народа и служить примером в «выкорчевывании» скрытых врагов народа. В общий хор голосов, требовавших самой суровой кары «трижды презренных кроважидных убийц, шпионов, диверсантов Бухарина, Рыкова, Ягоду, Чернова, Гринько и всю свору из антисоветского «право-троцкистского блока», органично вплетались резолюции женских собраний [317: 1938, 4 марта]. В поддержку требований отцов и матерей высказались и члены пионерской организации средней школы № 3 города Грозного. В открытом письме в редакцию газеты учащиеся 7 класса отмечают: «Мы, дети свободного народа, присоединяем свой голос к голосу всех трудящихся нашей любимой родины, требующих физического уничтожения озверелых врагов народа, которые готовили покушения на руководителей партии и правительства и вождя народов любимого Сталина, давшего нам счастливое и радостное детство» [317: 1938, 11 марта]. Стиль текста далеко не детский, скорее присущ графоманам советского пошиба.

Свое единодушие выразили и жители одного из районов Грозного, потребовавшие на митинге от командования вооруженных сил расстрела «взбесившихся фашистских собак» [317: 1938, 5 марта]. Организовывая такие тотальные пропагандистские кампании в СМИ, большевистское руководство добивалось «абстрагирования общества от насущных ключевых проблем» [73: 143].

В эту инициируемую из центра массированную пропаганду органично вписывались публикации региональных изданий о процессах над провинциальными сподвижниками столичных вредительских центров. В национальных областях эти кампании проходили со своей спецификой, чаще всего приправленной соусом местного национализма. «Уничтожая местных руководителей, сталинская власть не только снимала с себя ответственность за произвол и насилие ею вызванные, – справедливо отмечает И. Павлова, – но и делала народ соучастником террора» [171: 98]. Публикация в местной печати отчетов с открытых судебных слушаний [317: 1937, 20 августа, 30 сентября] вызывает у «широких» слоев общественности шквал эмоциональной бури. Данному обстоятельству способствовали и регулярные объявления СМИ, информирующие население о начале предстоящих процессов [317: 1937, 27 сентября].

Каждый процесс в центре сопровождался заведением подобных дел против местных сподручников столичных «вредительских» центров. Раскрытые работниками местных подразделений НКВД вредительские «дела» благодаря региональным СМИ получали широкую известность. Так, в январе 1936 г. после сигнала в газету неизвестного автора в Старо-Юртовском районе Чечено-Ингушетии была выявлена вредительская деятельность руководства колхоза им. Евдокимова. Последовавшая проверка «установила» якобы грубейшие нарушения колхозной демократии, факты администрирования и иные деяния, квалифицированные компетентными органами как контрреволюционные преступления. Как сообщил «Грозненский рабочий», по итогам работы комиссии были сняты и отданы под суд: Исаков (председатель), заместитель председателя Темуркаев, парторг Исмаилов, счетовод Голошапов и другие [317: 1936, 9 января].

Определенную роль в активизации общественного мнения сыграли размещаемые в рубрике «Письма в редакцию», заметки, представляющие интерес скорее для работников карательного ведомства. Так, некий Кравченко состряпал информацию о родственных связях служащих финотдела с врагами народа. «В Атагинском райфинотделе работает Магомед Мударов – сын бывшего помощника

пристава, осужденного в 1926-1927 гг. к десяти годам лишения свободы за убийство, – доносит бдительный селькор. – Мударов пьянствует, запутал отчетность. Заместителем завфинотдела работает Исмаил Ибрагимов, отец которого, как крупный кулак, сослан в отдаленные районы Союза ССР» [317: 1936, 11 февраля]. Публикуя аналогичные сообщения касательно и частной жизни граждан, СМИ постепенно подготавливали массы к положительному восприятию намечающихся изменений в политической жизни страны.

Без внимания бдящих органов не оставались даже отдаленные регионы, куда вряд ли могли бы пробраться самые пронырливые «англо-франко-германо-американо-японские эмиссары». Часто мишенью «Правды» становились национальные области Северного Кавказа. Восьмого сентября 1937 года в главном партийном органе «Правда» появилась статья «Буржуазно-националистический клубок в Чечено-Ингушетии», подписанная специальным корреспондентом Н. Кузовкиным. Под удар попало практически все руководство республики, обвиненное в национализме. Главный партийный орган вынес вердикт: «Корни вредительской работы буржуазных националистов надо искать не только в районах, но и в республиканском центре, в самом обкоме» [350: 1937, 8 сентября]. Первым на «сигнал» центрального издания отреагировал «Грозненский рабочий», опубликовав уже 11 сентября статью «Распутать буржуазно-националистический клубок». Автор изощряется, чтобы сформировать в массовом сознании картину всеобщей поддержки выводов «Правды»: «Об огромном интересе к статье можно судить хотя бы по тому факту, что из 587 членов и 132 кандидатов партии, присутствовавших на собрании, выступило 520 человек» [317: 1937, 11 сентября]. Автор также сообщает, что в принятых резолюциях участники собраний единодушно признали критику «Правды» справедливой и потребовали немедленного созыва пленума обкома партии. В следующем же номере на эту статью появляется отклик читателя под заголовком «Одобряем большевистскую критику» [317: 1937, 12 сентября], открывший «шлюз» доноительства бдительным трудящимся [317: 1937, 15, 16, 17 сентября]. Отклик, вероятнее всего, тоже

принадлежит перу автора статьи в силу того, что письмо читателя не могло поступить в редакцию в день выхода предыдущего номера.

Каждая пропагандистская кампания, инициированная сверху, заканчивалась организационными выводами. В Грозном 8-10 октября 1937 г. по следам публикации в «Правде» состоялся пленум Чечено-Ингушского областного комитета ВКП(б). Прибывший из Москвы секретарь партколлегии при ЦК М.Ф. Шкирятов выразил от имени ЦК партии политическое недоверие чечено-ингушской партийной организации и прямо на форуме приступил к распутыванию «клубка». «Руководимые партией Ленина-Сталина органы НКВД к настоящему моменту разоблачили и арестовали, – отмечается в решении пленума, – свивших себе гнезда в Чечено-Ингушети и ингушских врагов народа – троцкистов и буржуазных националистов» [277.5]. Среди них чуть ли не весь руководящий состав Грозненской нефтяной промышленности, председатель облисполкома М. Омаров, прокурор республики Х. Мехтиев, директор Национального издательства Х. Арсанукаев и другие. Кроме них на самом собрании актива были освобождены от занимаемых должностей первый секретарь областного комитета партии В.Г. Егоров, как не оправдавший «доверия партии и требующий политической проверки», управляющий Нефтекомбинатом С. Л. Розиноер, заведующий отделом обкома С. Куркиев, как не оправдавшие доверия парторганизации, а также исключены из обкома и рядов ВКП(б) Вахаев Хаси, Окуев Хамид, Окуев Хусейн, Горчханов Али, Юсупов Юнус, Налаев Султан, Мамакаев Магомет, Ханиев Исраил, Цицкиев Висангирей, Алероев Асланбек, Саламов Абдул-Халим и Шамилев Мааз. Пленум заверил ЦК партии и тов. Сталина, что Чечено-Ингушская парторганизация «до конца выкорчует и искоренит все охвостье буржуазно-националистических и шовинистических, троцкистско-бухаринских, к.-р. банд...» [277.6].

Это означало, что обличительные кампании будут продолжаться. Так оно и произошло. Уже 29 октября 1937 г. были выведены из состава Пленума обкома и сняты с работы А.Г. Гойгова, А.У. Гайтукаева, И.И. Курбанова, М.Ч. Чалаева и другие, всего 10 человек [277.7]. Вместе с тем итоги этой порочной практики очень

скоро дают о себе знать. Уже с 13 ноября 1937 г. 12 райкомов из 28, ввиду отсутствия кворума для проведения заседаний бюро, неправомочны были принимать какие-либо решения. То есть, партийная жизнь в этих районах была фактически заморожена. К примеру, в «Ачалукском из 5 членов райкома остался 1, в Ачхой-Мартановском из 7 – 3, Галанчожском из 8 – 3, в Итум-Калинском из 5 – 1, в Курчалоевском из 7 – 2» [277.8]. Схожая картина сложилась и в других районах ЧИАССР.

Подобные кампании, с подачи центральных органов, проводились практически во всех регионах края, как, впрочем, по всей стране. Так, состоявшаяся 26 мая – 3 июня 1937 года XIV конференция Дагестанской областной партийной организации прошла под флагом усиления борьбы с «буржуазными националистами». К их числу были отнесены даже старые большевики, которые фактически устанавливали Советскую власть в республике. Среди них председатель Совнаркома ДАССР К. Мамедбеков и председатель Дагестанского ЦИКа М. Далгат. Вина первого заключалась, по утверждениям выступавших, в том, что он на заседании бюро обкома «не очень твердо голосовал за исключение из партии» Б. Астамирова, обвиненного в принадлежности к троцкистской оппозиции, а второго обвинили за то, что не выступил против своего брата [180: 16].

Травля видных руководителей республики, которые якобы проявляют нерешительность в борьбе с «врагами народа», развернулась на страницах местной прессы. Газеты выходили под аншлагами «До конца разоблачить и разгромить буржуазных националистов», «Вредителей в сельском хозяйстве – к суровой ответственности», «Отребье буржуазно-националистической нечисти в Каякентском районе», «Когда будет уничтожен классовый враг». В «Дагестанской правде» 12 сентября появилась статья без подписи «Выкорчевать и разгромить до конца буржуазных националистов», которая содержала бездоказательные обвинения в адрес заслуженных общественных деятелей, по сути дела призывала расправиться с ними.

Публикации республиканской печати на эту тему получили поддержку центральных изданий. В «Правде», «Известиях», «Комсомольской правде» в сентябре одна за другой появились статьи, о направленности которых можно судить только по названиям: «Политические слепцы в Дагестанском обкоме», «Буржуазные националисты орудуют в Дагестане», «Гнилая позиция Дагестанского обкома». Публикации недвусмысленно призывали к карательным мерам против руководства республики. Так, статья И. Шустера в «Известиях» от 21 сентября 1937 года «Буржуазные националисты орудуют а Дагестане», в которой подвергся серьезной критике Научно-исследовательский институт национальных культур при Совнарком Дагестанской АССР, спровоцировала репрессии против республиканской интеллигенции. Поводом стало дело Лабория (Георгия) Лелевича, бывшего сослуживца Л.Д. Троцкого, арестованного еще в 1936 году и сосланного в Махачкалу [97: 100]. По подсчетам Г.И. Какагасанова, в Дагестане только в 1936 году были арестованы 36 представителей интеллигенции, которые имели непосредственное отношение к журналистике и публицистике [97: 102].

Явно провокационную роль сыграла публикация в руководящем органе ЦК ВКП (б) специального корреспондента «Правды» М. Мзенина. Статья была направлена непосредственно против республиканского руководства и содержала огульные обвинения. «Буржуазные националисты вкупе с троцкистами, шпионами и диверсантами – Коркмасов, Шовринский, Астемиров, «литератор» Лелевич – пробрались в руководящие советские и партийные органы, – клеймит автор известных местных деятелей. – В течение ряда лет они предавали народы многонациональной республики, хотели вернуть власть князьям, помещикам и духовенству... Председатель Дагестанского ЦИК и член бюро обкома Магомед Далгат – близкий друг разоблаченных врагов Габиева, Ковалева, Коркмасова – всегда считал этих презренных выродков своими «идейными» руководителями... Не менее ясна антипартийная физиономия председателя Совнаркома Дагестана... Керима Мамедбекова... Отлично понимая исключительную роль печати в Дагестане, буржуазные националисты усиленно засорили аппарат издательств и

редакций крупных республиканских газет – на русском, аварском и кумыкском языках темными элементами, бывшими белыми офицерами, кулацкими и поповскими сынками... Секретарь обкома тов. Самурский располагает всеми материалами о действиях буржуазных националистов. Но он, странно, непонятно, бездействует, – и заканчивает призывом. – До каких пор будет терпеть Дагестанская партийная организация такое положение?» [319: 1937, 25 сентября].

Одной публикацией было обвинено практически все руководство Дагестана. И ни одного конкретного факта. Уже 26 сентября, через день после появления публикации в «Правде» (номер еще не успел поступить в продажу и подписчикам в Дагестане), бюро обкома партии исключило из рядов ВКП (б) М. Далгата и К. Мамедбекова. В тот же день оба они были арестованы органами НКВД [180: 22].

На следующий день бюро обсудило публикацию в «Правде». В принятом постановлении содержалась негативная оценка местных СМИ, во многом повторяющая текст публикации «Дагестанской правды» за предыдущее число: «Отметить, что республиканские газеты до последнего времени не мобилизовывали массы на разоблачение буржуазных националистов. «Дагправда» фактически взяла под защиту буржуазного националиста Гаджибекова. Не вели разоблачения буржуазных националистов газеты «Ленин-Елу» и «Большевик гор», особенно засоренные классово-чуждыми, националистическими элементами» [246]. Отчет с собрания махачкалинского городского партийного актива, на котором обсуждались статья в «Правде» и постановление бюро обкома, занял целые полосы в нескольких номерах республиканской газеты [319: 1937, 2, 3, 4, 5 октября].

Обсуждение публикации в партийных организациях республики продолжалось в течение трех месяцев. «В редакцию нашей газеты партийцы и беспартийные шлют многочисленные отклики, приветствуя разоблачение врагов народа, вскрывая притаившихся, замаскировавшихся гнусных предателей интересов дагестанского народа, их подлую подрывную работу, направленную на срыв социалистического строительства в Дагестане, на реставрацию старых проклятых порядков», – писала «Дагестанская правда» [319: 1937, 30 сентября].

Авторы изобличающих статей придумывали бичующие выражения, наполняя ими абзацы, как нанизывают бисер на нитку. В конечном итоге тексты состояли из ругательных фраз без смысла, убедительных доказательств. В одной из них автор, скрывшийся по псевдонимом «А.Г.», клеймит директора педагогического института Махмудова, но не приводит ни одного конкретного факта, одни общие слова [319: 1937, 27 сентября].

Подобные публикации следовали одна за другой. Через три дня вышла новая «старая» передовица под заголовком «Разгромить все гнезда буржуазных националистов» [319: 1937, 29 сентября]. На следующий – «Разоблачить всех до одного буржуазных националистов» [319: 1937, 30 сентября] и т. д. Тот же набор штампов, огульных обвинений. Такая массивированная пропаганда была рассчитана на то, чтобы не давать читателям возможность думать, сформировать в их сознании убежденность в реальном существовании «врагов». С другой стороны, эта массивированная пропаганда на страницах изданий и по радио создавала искаженную картину действительности, будто массы поддерживали столь абсурдные обвинения в адрес личностей, пользовавшихся уважением среди населения. Сложившийся стереотип о всенародной поддержке политики репрессий, по сути, преступной, советская историческая наука закрепила в общественном сознании настолько сильно, что по сей день немало сторонников данной концепции, как среди исследователей и политиков, так и рядовых граждан.

В ходе обсуждения «Дагестанская правда» демонстрирует образцы самобичевания: «Неприглядна роль республиканской печати, и в частности «Дагестанской правды». Лишь в последнее время республиканская печать начала разоблачать, и то еще робко, притаившихся буржуазных националистов. «Дагестанская правда», базируясь на материалах собрания коммунистов-писателей и первой комиссии Дагобкома, фактически взяла под защиту буржуазного националиста Гаджибекова. Когда часть националистов была разоблачена, наша газета не помогла парторганизации в разоблачении вредительской работы националистов, в показе их как врагов и предателей дагестанского народа. «Правда» указывает на засоренность редакций республиканских газет. В самом

деле: например, в газете «Большевик гор» зав. отделами работают несколько бывших иттихадистов. Можно ли ожидать, что редакция этой газеты действительно развернет непримиримую большевистскую борьбу с буржуазными националистами» [319: 1937, 26 сентября].

В итоге этой кампании к концу 1937 года были исключены из партии, сняты с работы и репрессированы 330 человек [180: 28]. Даже через год все еще слышались отголоски ее. На XIV конференции Дагестанской областной партийной организации в июне 1938 года первый секретарь обкома М. Сорокин сообщал, что после выхода статьи М. Мзенина в обком поступило более 1500 заявлений на 400 партийно-советских работников республиканского и районного звена, руководителей предприятий и организаций с сигналами об их политической неблагонадежности и большинство – как он выразился – подтвердилось [180: 32].

Разгром так называемых оппозиционных блоков открыл путь к окончательному утверждению административно-командного государства в стране. Тоталитаризм утвердился как форма государственного управления, впервые так четко проявившая себя в период раскулачивания. Миллионы людей стали узниками ГУЛАГа, дармовой силой в осуществлении планов индустриализации, в выполнении заданий первых пятилеток. Обострение международного положения в 1930-е годы «было использовано административно командным аппаратом для укрепления власти, происходило сращивание партийных и цензурных структур, что позволяло партии большевиков контролировать все стороны жизни и деятельности общества» [80: 22].

Нужно признать, что в формировании сталинского режима печать сыграла важную роль как орудие административно-командной системы. Это проявилось в том, что она превратилась в политический пресс и средство расправы с инакомыслием, в проводника идеологии классовой борьбы и ее обострения по мере продвижения страны к социализму. Пресса в условиях тоталитарного режима стала средством формирования культа личности Сталина, жестким орудием осуществления административно-командного давления сверху, средством расправы с теми, кто не выполнял указаний и директив.

Сталинизм наложил глубокий отпечаток на работу прессы. Со страниц изданий лились призывы физически уничтожать так называемых врагов народа, навешивались ярлыки, обвинения в шпионстве, вредительстве преподносились без доказательств. Вообще заслуги прессы и журналистов в становлении и «обслуживании» тоталитарных режимов, по мнению Т.М. Горяевой, не только значительны, но и определяющи. Подмена нравственных основ в понимании сущности профессиональной этики журналистов принципами «партийности печати и литературы», обусловили функции и характер советских СМИ [64: 9]. Административно-командная система власти «ломала и умело перестраивала психологию людей, не позволяя им иметь свою точку зрения, лишала их свободы творчества, социальной и правовой защиты, в значительной степени способствовала созданию целой системы доноительства и клеветы. Такое положение только укрепляло власть, во всем поддерживавшую массовые доносы со стороны всех слоев населения, в том числе и интеллигенции» [111: 116–117].

В деятельности прессы конца 1920-х и в 1930-е годы было немало трудностей и ошибок. Особенно это касалось местных изданий, которые по многим причинам, и в первую очередь из-за того, что местная партийная бюрократия была намного менее образованная, чем в столицах, и, соответственно, больше занималась демагогией и страховалась от обвинений в уклоне от генеральной линии партии. «Пресса Северного Кавказа в силу своего положения в обществе всегда считалась рупором новой власти и выполняла ее политический заказ осознанно, – указывает на эту особенность Х.А. Текеева – Нельзя полагать, что она была вне этого и не имела никого отношения к формированию и укреплению репрессивной машины в лице государственных и местных институтов управления обществом» [191: 100]. Это было характерно для всей советской печати. «Лакская пресса внесла... свою незавидную лепту в претворении в жизнь ошибочных решений властей в общественно-политическом, хозяйственном и культурном строительстве в Дагестане, – подчеркивает М.Ш. Гусейнова. – И это объяснимо, поскольку она являлась «проводником линии партии», и о ее «оппозиционности» к режиму не могло быть и речи. А потому, как советовал еще издатель «Колокола», не следует

отдавать «своих предшественников на копья за допущенные ими ошибки и просчеты» [69: 175].

Большевистские лидеры, как в центре, так и на местах, стремились скрывать собственные ошибки, перекладывая вину на конкретные персоны, в основном руководителей среднего и низшего звена, отмечает И.А. Анфертьев. В качестве идеологической маскировки подлинных причин кризисных явлений муссировались: ожидание мировой революции, происки внутренних и внешних врагов, корыстолюбие сельских тружеников. Кампании по подписке на государственные займы, организации бесплатного труда (субботники, воскресники), «социалистического» соревнования, борьбы с «волокитой, спекуляцией, разгильдяйством и бюрократизмом» свидетельствовали о растерянности партийных руководителей из-за невозможности реализовать на практике иллюзорные доктринальные установки учения марксизма–ленинизма [16: 12].

Но, вместе с тем, общая атмосфера приверженности идеологии сталинизма сохраняла доверие масс к журналистике. К ее голосу прислушивались, за ней шли. Стремлением к дальнейшему усилению идеологического и организационного воздействия прессы на массы объясняются меры, связанные с увеличением числа газет и их тиражей. Манипулирование массовым сознанием в интересах партийной верхушки стало важнейшей чертой партийно-советской журналистики. Как отмечает Е.П. Волкова, «семантическое пространство советской пропаганды периода формирования тоталитарного режима было задано формированием четкой и устойчивой, непротиворечивой и односложной системы со своим пантеоном богов, которым гору Олимп заменила ВКП(б), главное божество – И. В. Сталин – в риторике печати именовалось не иначе как «гений революции, наш вождь, отец и учитель, создатель нашего могущества и нашего счастья <...>! Мудрый и смелый, твердой поступью он идет впереди, указывая и озаряя путь трудящемуся человечеству» (цит.: «Гудок», 1937, 1 января) [52: 50].

В 1930-е годы с подачи центральных партийных изданий в структуру образа «врага народа» на страницах местных газет и журналов включились различные

антисоветские организации, как правило, выдуманные карательными органами и идеологическими институтами. Так по всей стране активно развернулась пропагандистская кампания по формированию враждебного образа «право-троцкистского блока» или, как его еще называли «право-«левого» блока» [52: 35]. Тон обличительной публицистике задавала «Правда».

Как отмечает Г.В. Жирков, руководящие издания и партаппаратчики наставляли журналистов смотреть по-новому «на отдельные, так называемые производственные неполадки, аварии, и взрывы» – не как на издержки неумелого руководства, несчастные случаи, а докапываться «до подлинных корней аварийности, или, попросту говоря, вредительства» [80: 38]. То есть большевистская партократия изобрела иезуитский метод обоснования своих неудач, неумения руководить, промахов, списывая их на «врагов народа», шпионов. Пресса же способствовала им, тиражируя обвинения, бездоказательность которых скрывалась за набором гневных, но бессодержательных фраз. Статьи наполнялись однотипными клише: «Процесс японо-немецко-троцкистских агентов вскрыл, что в течение ряда лет эти агенты фашистской буржуазии осуществляли в тяжелой промышленности Советского Союза вредительскую, диверсионную и шпионскую деятельность, которая нанесла немалый ущерб развитию нашей социалистической промышленности» [284.1: 33], «Троцкистско-зиновьевское отречение во главе с обер-подлецом и обер-террористом Троцким добивалось реставрации капитализма в нашей стране» [285.1: 3-4].

По утверждению Н.М. Тобольцевой, пропагандируя классовую ненависть, советская пресса превратилась в орудие массового устрашения, что является одной из основных ее характеристик как журналистики авторитарного режима. На страницах газет декларировалась система ограничений и запретов, при этом демонстрировалось, чем грозит их нарушение. Устрашение стало одним из средств воздействия на сознание. Таким способом культивировался в людях страх в качестве определяющего побудительного мотива поведения. «Парализующий волю индивида, он способствовал трансформации его как личности и превращал людей в «массы», атомизированные «винтики», т.е., говоря словами Ленина, в

«человеческий материал», что обеспечивало неограниченные возможности для его полного подчинения и осуществления целенаправленного тотального воздействия на общественное сознание путем внедрения унифицированных образцов поведения, – подчеркивает исследователь. – На этой основе активизировалась и направлялась в заданное властью русло энергия масс. Возбуждались массовые «психические эпидемии», характерные для соответствующих режимов» [195: 27]. Таким образом, в качестве основного формировался пропагандистский механизм, наиболее полно отвечающий целям большевистской власти и ставший одним из наиболее характерных способов воздействия в системе пропаганды при тоталитаризме.

С одной стороны, способствуя развитию экономики, культуры, просвещения, региональная пресса в то же время оказалась подчиненной административно-командной системе, абсолютно лишенной самостоятельности, политизированной. Перекосы особенно сильными были в идеологической сфере. Пресса создавала и навязывала аудитории искаженную картину советской действительности. Даже очевидные несоответствия признанной непогрешимой теории коммунизма не становились темой выступлений. Когда Центральный комитет иногда вынужден был отменять свои же неверные решения, страницы газет заполнялись дифирамбами в адрес вождей. Складывалась парадоксальная ситуация: решения принимались на самом верху, а отвечать за ошибки приходилось низшим эшелонам власти, которые вообще лишены были самостоятельности.

Учредив с первого дня советской власти монополию на средства пропаганды, большевистская партократия получила в свое распоряжение мощный инструмент психологического воздействия на массовое сознание и целенаправленно использовала его для идеологического обоснования своей диктатуры. Тотальная пропаганда в СМИ позволила И. В. Сталину психологически подготовить общественность к массовым политическим репрессиям, жертвами которых стали все слои населения, в том числе и ближайшие соратники основателя советского государства В.И. Ленина и самого генерального секретаря, и тем самым укрепить свою личную власть.

Под особым контролем коммунистической партии была сфера печати как основного инструмента идеологического обеспечения большевистской партократической системы. Любое отклонение от марксистской теории могло поколебать веру в советскую власть, открыть глаза людям, которых кормили утопическими идеями. Поэтому все остальные идеологические парадигмы были объявлены антинаучными и несостоятельными: «марксизм вечен, потому что верен». То есть, по сути дела, коммунистическая концепция была возведена в ранг божественной. Но в головах людей может быть только одно божество. Им, конечно, мог быть только вождь победившей партии. Иллюзия строительства коммунизма «... служила оправданием подавления инакомыслия и проведения репрессивной внутренней политики, нацеленной на создание в трудных условиях, с помощью нечеловеческих усилий трудящихся и, по Сталину, бешенных темпов строительства общества всеобщего счастья» [80: 5].

В публикациях замалчивалось все, что могло бросить тень на руководящую роль Коммунистической партии, посеять сомнение в абсолютной правильности ее линии, хотя внутрипартийная борьба шла именно среди вождей. Конечно, верх одерживали более искусные кукловоды. А журналистика ими использовалась как политический пресс и средство расправы со своими оппонентами, проводник идеологии классовой борьбы и ее обострения по мере продвижения страны к социализму. Преподносилось это под лозунгом «...один народ, одна партия, одна идеология, одна пресса» [72: 47].

Выводы

Подмена нравственных основ в понимании сущности профессиональной этики журналистов принципами «партийности печати и литературы» обусловила функции и характер советских СМИ, которые были заложены Лениным и доведены до совершенства Сталиным. Журналисты вынуждены были заниматься не столько информационной деятельностью, сколько пропагандой, чаще всего, искажая действительность по указке партийных комитетов.

Национальная печать северокавказских регионов, как сегмент централизованной и выстроенной иерархически системы журналистики, вносила свой вклад в укрепление большевистской партократической диктатуры. Выполняя директивы партийного руководства, местные СМИ стали важным инструментом манипулирования общественным сознанием горских народов. Таким образом, как это ни прискорбно, пресса, от центральной до низовой, вносила свой посильный «вклад» в дело формирования тоталитаризма в стране, в оправдание политических репрессий тоталитарного режима.

Социалистический строй, который рисовался как общество всеобщей свободы, равноправия и благоденствия, установил монополию на духовную сферу и диктатуру в управлении обществом одной партией, вернее, ее вождями с криминальным прошлым. Слабое выражение сомнения в правильности большевистской политики теперь не ограничивалось переселением в соседний город, как при царизме, а заканчивалось расправой по «законам пролетарской революционности».

§ 5.2. Журналистика и журналисты Северного Кавказа в контексте репрессий сталинского режима

В истории советской журналистики примеров использования СМИ для расправы с инакомыслящими достаточно. Однако масштабные репрессии, развязанные большевистским руководством страны в годы так называемого социалистического строительства, не идут ни в какие сравнения. Между тем в научной литературе все еще повторяется сложившийся в советский период стереотип, будто жесткий политический контроль в идеологической сфере стал следствием укрепления сталинского режима в 1930-е годы.

Этот укоренившийся в советской науке миф развенчивается в трудах многих историков. Как формировался партийный диктат в сфере печати на Северном

Кавказа, достаточно подробно рассмотрел известный политолог А. Авторханов, который был сам непосредственным участником строительства региональной большевистской системы журналистики и стал жертвой репрессивной политики режима. По его мнению, Ленин уже в ходе октябрьского переворота заложил основы будущего тоталитаризма. То есть «красный террор» начался не в годы Гражданской войны. Авторханов утверждает, что «полоса духовных и физических репрессий в стране <...> началась на второй же день после победы революции – надо было очистить почву для победы социализма в стране в «фантастический короткий срок» – в шесть месяцев!» [3: 320]. Подтверждает этот вывод и соратник «вождя революции» Лев Троцкий в своих воспоминаниях: «Я очень хорошо помню, как в первый период, в Смольном, Ленин на заседаниях Совнаркома неизменно повторял, что через полгода у нас будет социализм и мы станем самым могущественным государством» [198: 88]. «Прежде всего Ленин, как предпосылку к уничтожению «врагов народа» (это расхожее при Сталине выражение Ленин позаимствовал у Робеспьера), создал два важнейших механизма диктатуры: цензуру для уничтожения свободы слова и политическую полицию с чрезвычайными правами для уничтожения «врагов народа» без суда и следствия<...>. Она была создана, когда не было ни «белого террора», ни гражданской войны – через месяц и 20 дней после захвата власти, а именно 7(20) декабря 1917 года» [3: 320]. Ленин откровенно признавал, что «...без такого учреждения власть трудящихся существовать не может» [121: 328]. Так, комиссия, созданная при штабе армии Деникина, насчитала только в 1918-1919 годах 1700000 жертв красного террора [148: 108]. Как утверждают Г.Б. Куликова и Л.В. Ярушина, целью насильственной высылки в 1922 году из России известнейших представителей интеллигенции «было не только желание наказать и избавиться от инакомыслящих, но и предостеречь от свободомыслия, напугать тех, кто остался, что стало как бы прологом массовых репрессий 30-х годов» [111: 105]. Рассчетливость вождя большевиков, как творца тоталитарного государства, в том и заключается, что он создал надежную гарантию его долголетия в лице Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем

(ВЧК) и монополии на средства массовой информации. По Авторханову, «<...>при Ленине чекистская машина была инструментом партии, а при Сталине сама партия превратилась в инструмент чекистской машины» [3: 321].

Террор против политических противников Сталина имел целью уничтожить всякую возможность политической оппозиции, пресечь любые попытки инакомыслия [80: 176]. Политические репрессии стали масштабными именно в годы так называемого социалистического строительства. Исследователь Г.В. Жирков утверждает, что партийный диктат и партийная цензура развивались с геометрической прогрессией. «Все решали партийные структуры, – пишет он, – начиная от Политбюро, его комиссии: семерки, пятерки, тройки, Партия большевиков стала государством в государстве. Функции государственных учреждений, в том числе и цензурных, были узурпированы партийным аппаратом, возглавляемым Политбюро. В этой контролирующей работе особую роль приобретал генеральный секретарь И.В. Сталин, от мнения и решения которого зависело мнение и решение всего Политбюро» [80: 29].

Со страниц изданий потоком лились призывы физически уничтожать так называемых «врагов народа». В советской пропаганде стереотип «врага» стал одним из главных. Как правило, импульсом к очередной репрессивной кампании против той или иной «антисоветской» группы, выдуманной узурпировавшей власть партократией, служили выступления на партийных мероприятиях Сталина или его приближенных соратников. Чаше же старт давали публикации в центральных большевистских органах, главным из которых была газета «Правда», выступавшая как блюститель принципа партийности, а в 1930-е годы принципа большевистской бдительности. Затем разоблачительные публикации как метастазы расползались по всем местным изданиям. Директивные статьи в «Правде» подлежали перепечатке в провинциальных органах. Обличительные публикации руководящего органа «обычно сопровождались принятием практических мер, что нередко вело в период культа личности к репрессиям против человека, учреждения, коллектива» [80: 29]. В партийном руководстве печатью была задействована целая сеть специальных журналов: «Красная печать», «Рабоче-крестьянский корреспондент», «Селькор»,

«Районная печать», «Фабрично-заводская печать». Немало места отводил прессе народностей и орган Наркомнаца «Революция и национальности». На Северном Кавказе в роли наставников в проведении линии партии в местной печати выступали не только центральные, но и краевые журналы «Революция и горец», «Колхозная печать», «Партработник Северного Кавказа».

В 1933 году на смену «Красной печати» пришел журнал «Большевицкая печать». Он разительно отличался от своего предшественника, представлял из себя сугубо политизированный орган, нацеливавший журналистов на отстаивание генеральной линии партии, проведение политических кампаний и борьбы с надуманными «врагами народа». При этом, отмечает Г.В. Жирков, тон его публикаций нередко был директивно-ругательным [80: 28].

Руководящие издания отражали на своих страницах дух партийной политики в области печати, трактовали партийное руководство прессой как жесткий диктат. Так, анализируя данные выборочного обследования районных национальных газет, журнал «Революция и национальности» отмечал их «значительное неблагополучие» и сетовал: «Весьма значительная часть (до 20 процентов) районных национальных газет плохо борется за коллективизацию сельского хозяйства, не понимает, а часто даже искажает задачи классовой борьбы в национальной деревне, не ведет нужной борьбы на два фронта против уклонов от генеральной линии партии. Справляются с этими задачами лишь немногие национальные районные газеты – до 15 процентов» [298.3: 99].

Таким образом местная печать «под пристальным контролем партийных комитетов превратилась в орудие, в политический пресс и средство расправы с инакомыслием, в проводника идеологии классовой борьбы, в средство расправы с теми, кто не выполнял указаний и директив» [50: 32-33]. Публикации, по сути, становились политическими доносами, которые выступали основанием для заведения дел силовыми структурами.

Одним из направлений коммунистического перевоспитания масс на Северном Кавказе стала борьба с национальными обычаями, религией. С целью повышения эффективности этой пропаганды редакции привлекали национальных

просветителей и литераторов, которые первыми еще при царизме стали на защиту самобытности кавказских народов. Так, в газетах Чечни и Ингушетии вынуждены были выступать с произведениями антирелигиозного содержания писатели и поэты С. Бадурев, А. Нажаев, М. Мамакаев. Лезгинский поэт Алибек Фатахов печатал в прессе антирелигиозные публицистические статьи. В одной из них, озаглавленной «Курбан-байрам», на страницах лезгинской газеты «Цийн дунья» (Красный мир) он критиковал мусульманский праздник жертвоприношения [24: 144].

Известный общественный деятель и публицист того времени, редактор карачаевской газеты, впоследствии и краевого журнала «Революция и горец», Ислам Хубиев часто публиковал статьи, в которых пропагандировал атеистическую концепцию большевизма, призывал отбросить в прошлое старые адаты и включиться в экономические и культурные преобразования горского общества. «С позиций сегодняшнего дня можно лишь сожалеть о том, как один из ярких представителей северокавказской национальной интеллигенции, несомненно, колоритная и интересная личность, И. Хубиев отверг вековые культурные ценности горских народов – адаты, – пишет Х.А. Текеева, – но в то же время нельзя не понимать, что поступить иначе он не мог, будучи «шестеренкой и винтиком» советской идеологической машины. Ислам Хубиев и сам не избежал репрессий, погиб в 1938 г. в 42-летнем возрасте» [191: 79].

В то время, когда в центральных областях антирелигиозное движение, объединенное в союзы безбожников, в 1930-е годы стало массовым, на Северном Кавказе позиции атеизма были очень слабыми. Не получила развитие в крае и антирелигиозная периодика. Пропаганда атеизма в местной партийно-советской прессе тоже не имела эффекта. Это направление деятельности большевистской печати исследователь Г.В. Жирков охарактеризовал как «вульгазирующую и примитивную» [80: 273]. Так, владикавказская «Власть труда» 1 апреля 1930 года сообщает: «Общее собрание учащихся 11-й школы... вынесло свой красношкольный протест против подготовляемого мировой контрреволюцией под руководством хищника – папы римского «крестового похода» на первое в мире пролетарское государство. В ответ на гнусную клевету против СССР школьники

постановили: – всем вступить в союз воинствующих безбожников; усилить военную подготовку учащихся школы; еще больше приложить усилий к стопроцентному выполнению учебных планов, путем создания ударных бригад» [307: 1930, 1 апреля].

Эти формы пропаганды атеизма не добавляли популярности местным изданиям. Ингушская газета «Сердало» («Свет») помещала на своих страницах целые полосы, посвященные антирелигиозной тематике. Как отмечает Л.Р. АмерхановаЮ «...этот период в истории газеты наглядно иллюстрирует систему взаимоотношений СМИ и власти в условиях авторитарности. Справедливости ради, необходимо отметить, что в ряде регионов, и Ингушетия в их числе, антирелигиозная кампания по инициативе местных руководителей буквально достигала абсурда» [12: 134]. Так, 14 января 1930 года бюро Северо-Кавказского крайкома партии, рассмотрев вопрос о закрытии церквей и мечетей, приняло решение: «Категорически запретить на период кампании по коллективизации на местах поднимать вопрос о закрытии церквей в селах и станицах и особенно мечетей в национальных областях. Обязать секретарей обкомов и окркомов провести эту директиву и строжайше соблюсти ее выполнение». Руководитель ингушской областной партийной организации И. Черноглаз воспринял постановление крайкома партии по-своему, ужесточив требования до крайности. Черноглаз дал установку своим помощникам перейти в борьбе с религией «от болтовни к делу». Газета «Сердало» получила директиву развернуть широкую кампанию по вербовке ингушей в «союз безбожников». Многих мулл вызывали в ГПУ и заставляли подписывать заявления об отказе от религиозной службы, их заявления печатались в «Сердало» [4: 210].

В обстановке становления режима личной власти Сталина, преподносимого средствами массовой информации как высшая форма пролетарской демократии, доносительство в глазах граждан приобретало оттенок борьбы за справедливость. Однако и авторы провокационных корреспонденций, вскрывающие якобы негативные моменты общественной жизни, из соображений конспирации нередко подписывались одними инициалами или псевдонимами. Так, в «Грозненском

рабочем» они скрывались под именами: «авт. В.К.», «И.Я», «Гарный», «Иванов-Янус» [317: 1937, 5, 20 октября]. «Несанкционированная расшифровка», – как отмечает Т.Б. Манцаева, – являлась «уголовно-наказуемым преступлением» [145: 97]. Чаще всего же заметки внештатных корреспондентов печатались без подписи. В анонимных сообщениях якобы рабселькоров прослеживается наличие компромата, который рядовой гражданин вряд ли мог бы раздобыть. Это явно слив карательно-следственных органов. На такой вывод наталкивает и то обстоятельство, что без санкции ответственных лиц газеты даже не посмели бы выдавать компромат на работников, занимающих высокие должности в партийно-советской иерархии.

Рабселькоровское движение иногда использовали провокаторы для ложного обвинения своих оппонентов. Так, «Дагестанская правда» 3 ноября 1936 года опубликовала письмо из селения Шари, подписанное родителями школьников. В письме приводились негативные факты из жизни местной школы, а заведующий обвинялся в разгильдяйстве и злоупотреблениях. Последовавшее расследование показало, что редакция стала жертвой обмана. Подписи оказались поддельными, описанные факты не подтвердились. Редакция вынуждена была принести извинения оклеветанному руководителю школы [319: 1937, 5 января].

Признания в том, что подписанные псевдонимами заметки внештатных активистов порой содержали дезинформацию, изредка попадали на страницы газет тех лет. Так, в публикации «Псевдонимы» в органе Адыгейского обкома партии «Колхозное знамя» Я. Тушев откровенничает: «Многие селькоры, разоблачая того или работника, очень часто подписываются так: «Свой», «Собутыльник», «Друг» и пр. ...Селькор почему-то боится поставить под заметкой свое настоящее имя: или боится гонений, или не уверен в правильности описуемых им фактов» [332: 1936, 6 января].

Пресса использовалась как инструмент организации травли надуманных «врагов народа», там, где, как выражались большевистские лидеры, была ослаблена «большевистская бдительность». Сами сотрудники изданий тоже не были застрахованы от подобной травли. Исследователь журналистики

тоталитарного большевистского режима А.В. Видяева отмечает, что редакциям постоянно напоминали в директивной форме, чтобы в публикациях разоблачались попытки проникновения в журналистику «врагов народа», их стремление захватить в свои руки газеты, «притупить такое острое орудие борьбы, как печать, обратив его против партии», «пролезть в аппарат газет, журналов и издательств» [50: 25].

Сталин изобретал все новые способы держать партийные органы под постоянным контролем не только «сверху», но и «снизу». Одной из таких идеологием являлся лозунг «критики и самокритики». Данная система, внешними атрибутами напоминающая институт власти, основанный на демократических принципах, по мнению К.Г. Дендиева, по своей внутренней структуре была близка к тоталитарной модели и достаточно гибка, чтобы эффективно решать возложенные на нее задачи [73: 149]. Ловко манипулируя лозунгом демократизации внутрипартийной жизни, «вождь народов» при содействии СМИ проводил в необходимом ему русле политическую линию, обновляя кадры новыми, более послушными работниками, способными обеспечить поддержку в нужный момент. Общепринятая в те годы по указке сверху практика самоотчетов облегчала задачу «обнаружения» так называемых «двурушников». С этой целью использовались критика и самокритика, которые были провозглашены как принципы социалистического общежития, важное средство воспитания большевистского мировоззрения. «Образцовый» пример самокритики дает С. Куркиев, сотрудник аппарата Чечено-Ингушского обкома партии, опубликовавший в «Грозненском рабочем» статью под многозначительным названием «Большевистской самокритикой вскроем наши недостатки»: «Я должен по-большевистски признать, что ОРПО (Отдел руководящих партийных органов – Л.Т.) обкома и я, как заведующий им, в практической своей работе не обеспечил проведение в жизнь уставных обязанностей партийной организации, своевременность выборов и отчетность перед партийными массами, не сумел прекратить кооптации в партийные организации; спокойно мирился с установившейся непартийной системой работы» [317: 1937, 27 марта]. И никакой конкретики, какой-то набор слов.

Журналисты вынуждены были заниматься не столько информационной деятельностью, сколько пропагандой, чаще всего, искажая действительность по указке партийных директив. Чтобы выполнить поставленные перед ними задачи, приходилось использовать глобальную и своего рода системную ложь, которую А.В. Видяева назвала «черной» пропагандой» [50: 37]. Информация становится дезинформацией во всех случаях, «когда надо скрыть имеющуюся действительность и когда надо построить «новую» – отмечает К.В. Бахнян [32: 109]. Применительно к советским реалиям такая ситуация была повсеместной, использовались, и надо сказать, с большой эффективностью, различные способы искажения действительности. Как пишет Н.А. Купина, в результате тотальной идеологизации общества «появляется огромное количество людей, слушающих, не слыша, и говорящих, не думая, а тоталитарное общество в целом становится обществом двоедушия» [112: 3].

В стремлении проявить классовую бдительность журналисты порой вели себя, не особенно заботясь об аргументации выдвигаемых обвинений. Так, чеченскому писателю, публицисту и ученому Саид-Бею Арсанову (автор первого романа на чеченском языке) газета «Грозненский рабочий» вменила в вину то, что он получил образование в дореволюционный период. Корреспонденты Ильский и Гарный в статье, написанной в стиле «доносительства», задаются вопросом: «Что представляет собой прошлое Арсанова?». Следует «разоблачение»: «По анкетам, он сын старо-юртовского батрака. Однако в царское время ему удастся окончить реальное училище и высшее учебное заведение в Петрограде. История не знает таких примеров, чтобы детям батраков так широко раскрывали двери к учебе царские сатрапы... Мы не сомневаемся, что под маской директора научно-исследовательского института Арсанова Саид-Бея скрывается враг...» [317: 1937, 23 сентября]. А в какой «социалистической» стране, интересно, получили образование сами авторы, или, скажем, вождь Ленин, и кто кроме царских «сатрапов», мог им открывать двери университетов? О том, что у читателя могут возникнуть такие вопросы, журналисты даже не предполагают.

Вирус «бдительности и доноительства» насаждался большевистским руководством с подачи Сталина повсеместно. Наиболее эффективным инструментом распространения эпидемии выступала пресса. Откровенным доносом можно назвать публикацию «Грозненского рабочего», в которой сообщается: «Председателем старо-атагинского сельсовета работал некий Богачаев Люты, ныне работающий заместителем председателя райисполкома. В прошлом Богачаев – ординарец генерала Алиева, «правителя» Чечни при Деникине. Председателем сельского совета селения Чечен-аул работает Мазаев Яхъяд – сын царского старшины, исключенный из партии за контрреволюционную работу. Председателем селения Дуба-юрт работает Осуев Осман, покровитель кулаков, в прошлом судившийся за казнокрадство...» [317: 1937, 5 октября].

Обличительные тексты изданий повсеместно выделялись идентичностью содержания, стилистики, заголовков. Различными были только география, имена «героев». Митинги, на которых выступающие, словно читая по заготовленной бумажке, возносили гений Сталина и «сталинского» политбюро», предавали хуле всех, попавших в сети НКВД и советского «судопроизводства», заканчивались, как правило, вынесением традиционного требования самой суровой кары «контрреволюционным вредителям», были организованы партийно-государственными функционерами. Тоталитарная система не могла бы допустить стихийные собрания, даже если они проводились с целью демонстрации верноподданничества. По поводу организации таких «стихийных» митингов рассылались местным комитетам директивы. В шифрограмме, направленной 2 августа 1936 года под грифом «секретно» во все областные, краевые партийные комитеты и в ЦК национальных компартий, в связи с событиями в Испании, предписывалось организовать массовые митинги «от имени профсоюзных организаций» и открытие поручить профсоюзным работникам [272.6].

В силу своеобразной ментальности горских народов, тесных общественных связей, присущим малым этносам, на Северном Кавказе эти процессы имели свои особенности. «У малых этносов традиционные связи оказывались более

устойчивыми, – отмечает А.В. Голубев, – с другой стороны, местные власти в своем рвении зачастую превосходили центральные» [61: 25].

Представители северокавказских этносов, численность которых часто составляла всего несколько десятков тысяч, а порой и несколько сотен представителей, в большинстве были знакомы или связаны кровно. А немногочисленная образованная прослойка вообще формировалась друг у друга на глазах, поэтому практически все знали, как живет, какие взгляды и убеждения имеет чуть ли не каждый соплеменник. Сами обвиняемые в принадлежности к различным политическим блокам, разведкам капиталистических стран не имели представления об их существовании. Они даже не могли толком произнести названия всяких мифических оппортунистических, вредительских, шпионских организаций, членство в которых им приписывали. Будучи убежденными в невиновности тех, кого знали с младенчества, местные журналисты вынуждены были писать разоблачительные статьи с приклеиванием ярлыков «оппозиционеров», «врагов народа» и т. д. Создается впечатление, что заготовки этих статей создавались в одном центре, потому что публикации, напечатанные в газетах далеких друг от друга регионов, отличаются только персонажами и местными топонимами. Им были характерны нагромождение погромных эпитетов, политическое словоблудие, трескотня, которые были призваны завуалировать отсутствие конкретных фактов вредительской или иной антисоветской деятельности.

Нельзя сказать, что горское население безропотно принимало репрессивную политику властей. «Несмотря на все коллизии, у горцев постепенно сформировалось свое мироощущение, которое не всегда совпадало с официальной точкой зрения действовавшей власти, – пишет Х.А. Текеева. – И потому оно было безжалостно уничтожено громкими лозунгами и тотальным очернительством любого инакомыслия через средства массовой информации региона» [191: 125]. Между тем вне влияния большевистской идеологии оставались «острова сепаратизма», представленные семьей, религиозными сообществами, академическими кругами, сферой культуры и искусства. Однако террористическая

политика режима исключала развитие этих «островов» до уровня составных элементов гражданского общества. Это в полной мере относится и к северокавказским этносам.

Репрессивная машина не обходила и саму журналистику, хотя она вносила свой весомый вклад в манипулирование массовым сознанием, формирование культа вождей партии, оправдание развернутых в стране репрессий. Даже прилежное исполнение указаний «сверху» не спасало редакционных работников, талантливых публицистов. Партийные комитеты часто обвиняли в пособничестве «врагам народа» и редакции местных изданий. За этим, как правило, следовали оргвыводы вплоть до репрессивных мер против редакторов и авторов. Так, северокавказский краевой журнал «Революция и горец» указывает: «Быть непримиримыми в борьбе с уклонами и шатаниями от линии партии (правый уклон, «левый» уклон, национализм и т.д.) и добиться классовой четкости в освещении каждого вопроса» [297.4: 7]. В статье содержится критика в адрес чеченской газеты «Серло», выступившей за социальную справедливость при распределении земельных наделов, в «смазании классовой сущности политики землеустройства и сущности советской демократии». Журнал призывает «Серло» «развернуть пролетарскую самокритику и взять под революционный обстрел недостатки области». Еще больше досталось ингушской «Сердало», опубликовавшей к весенней посевной кампании рекомендации специалиста. Газета подвергнута резкой критике за то, что «и материалы, и заготовки проникнуты какой-то земщиной, в них бледно говорится о классовой установке партии в вопросах сева и повышения урожайности, они сугубо «агрономичны» и слишком «аполитичны»» [297.4: 9]. Как все-таки связать чисто агрономические работы с коммунистической теорией, журнал разъяснения не дает.

Также крайне вредной в политическом отношении называет журнал «Революция и горец» и редакционную статью в карачаевской газете «Таулу джарлыла», посвященную проблемам развития скотоводства в автономной области. Главной ее ошибкой признается «отсутствие хоть намека о нашей классовой политике, о бедняке, середняке, наступлении на кулака, о колхозном

строительстве и его перспективах» [297.4: 11]. Даже обзорные статьи хвалебного характера региональных изданий не отличаются аргументированными, основанными на анализе выводами. Орган северокавказского крайкома ВКП(б) «Колхозная печать» в статье «Осуществляя ленинскую национальную политику» отмечает: «Печать Черкесской автономной области значительно окрепла и выросла... в борьбе с классовым врагом – кулачеством и его соратниками – правыми и «левыми» оппортунистами» [284.2: 26]. Но в чем суть «успехов», контент не дает, одни голословные утверждения.

Карачаево-Черкесский обком ВКП(б) 21 сентября 1937 года принял решение исключить из рядов партии и привлечь к ответственности бывшего редактора «Таулу джарлыла» (Горская беднота) А.-С. Гербекова, «разоблаченного врага народа, проводившего по заданию бандита Курджиева подрывную вредительскую работу в издательском деле». В тот же день на заседании бюро обкома рассматривалась статья «Дела карачаевские», опубликованная в газете «Правда» 20 сентября 1937 года, в которой областная пресса Карачая обвинялась в утрате «элементарной большевистской бдительности». Был снят с должности редактор газеты «Къызыл Къарачай» (Красный Карачай) Магомет Кипкеев, который помимо «вопиющей политической беспечности к выкорчевыванию буржуазных националистов» обвинялся в недостаточной партийной активности и был признан не заслуживающим политического доверия как сын муллы. Три месяца спустя с формулировкой «за засорение аппарата чуждыми элементами, <...> допущение грубых технических и политических ошибок в газете» был снят с работы и редактор «Красного Карачая» Николай Висицкий. За период с 1928 по 1937 год в национальной областной газете редакторов меняли четырнадцать раз [141: 98].

Статус директивного органа не стал индульгенцией от критики и для журнала «Революция и горец». Северокавказский крайком партии подверг издание резкой критике, указав на то, что в отдельных статьях допускаются серьезные политические ошибки. Однако весь текст постановления от 16 мая 1932 года содержит расплывчатые обвинения типа «правооппортунистическая трактовка

вопросов классовой борьбы, в частности, борьбы с национальным кулачеством, националистическая идеализация феодального строя, родовых пережитков и мюридизма..., «левацкое» искажение линии партии в отношении темпов коллективизации ..., политически ошибочные оценки национально-освободительного движения и гражданской войны»[236: 4] и т.д. Никакой конкретики, кроме общих слов. Стиль, присущий директивным партийным документами той эпохи. В постановлении повторяются те же задачи, которые ставились перед изданием в передовой статье А. Цехера «К задачам «Революции и горца» [297.22], опубликованной в первом номере в 1928 году.

Репрессиям подвергались не только представители творческой интеллигенции, но и их произведения. Так, Чечено-Ингушский обком ВКП(б) 13 ноября 1937 года утвердил два списка, не подлежащие огласке: № 25/97 об изъятии литературы, изданной в ЧИАССР и № 31/107 об изъятии в обязательном порядке книг из библиотек и книготорговой сети. В числе запрещенных изданий оказались произведения Д. Мадаева, Х. Яндарова, Н. Музаева, Д. Мальсагова, Х. Ошаева и др., всего 29 авторов [277.9]. Уже через неделю, 20 ноября 1937 года, бюро обкома принимает постановление о «ропуске правления писателей Чечено-Ингушетии, как оказавшееся засоренным враждебными буржуазно-националистическими элементами (Арсанов, Мамакаев, Айсханов и другие)» [277.10].

Вместе с тем, этот специфический аспект деятельности советской прессы исследован мало, что не позволяет сегодня извлечь из нее уроки и избежать их повторения.

Особенно ощутимый удар был нанесен по только что зародившейся интеллигенции национальных республик. «Нельзя не признать, что сформировавшаяся в 30-е гг. национальная интеллигенция республик Северного Кавказа <...>была представлена в основном преданными советской власти людьми, – пишет Х.А. Текеева. – В то же время она была наиболее идеологизированной частью населения и была подчинена начинающей складываться административно-командной системе. Она проводила новую идеологию, пользовалась предлагаемыми советской властью формами и методами

идеологического воздействия на массы, но даже будучи таковой, не сумела избежать репрессий, которые происходили в середине и конце тридцатых годов. Тяжело осознавать, но печати региона, ставшей инструментом идеологического воздействия на массы, пришлось принять участие в фактическом уничтожении национальной интеллигенции республик и областей Северного Кавказа. Если бы можно было избежать этой чудовищной несправедливости, интеллигенция Северного Кавказа смогла бы внести значительно бóльший вклад в развитие всех сфер науки, техники и искусства» [191: 125].

Это коснулось всех народов Северного Кавказа. Жертвами политических репрессий стали представители народов края, занимавшие ответственные посты в партийном аппарате, внесшие большой вклад в развитие науки, литературы и способствовавшие становлению и развитию национальной печати. Так, в 1937 году был репрессирован весь журналистский коллектив редакции газеты «Адыгейская правда», за исключением одного ответственного секретаря [224]. «Большой урон для литературы был нанесен политическими репрессиями 1930-х годов, – отмечает историк прессы Карачаево-Черкессии Э.Н. Урусова. – В сталинских тюрьмах и лагерях погибли молодой и талантливый поэт Азрет Уртенов, публицист и литературовед Ислам Хубиев (Карачайлы), ученый и государственный деятель Умар Алиев, деятели культуры, представители интеллигенции Саид Халимов, Курман Курджиев, писатели Хасан Аппаев и многие др. И это было не последним испытанием для культуры народов России и других республик» [203: 81]

Жертвой репрессий стал известный карачаевский публицист, ученый-историк и исследователь прессы Северного Кавказа Ислам Хаджи-Бекирович Тамбиев. Его арестовали в январе 1937 г. и решением Военной коллегии Верховного суда СССР приговорили к расстрелу (21 июля 1937 г.). Он работал редактором газеты «Таулу Джарлыла» (с № 37), в 1931 г. стал членом редколлегии журналов «Колхозная жизнь» и «Революция и горец», в 1932 г. – сотрудником журнала «Большевицкая печать». Вел активную научную и публицистическую деятельность (псевдонимы "И.Т-ев", "Т.И.", "Сызганов Ислам", "С.И.").

Репрессии опустошили выросшие в предреволюционные годы и на начальном этапе советской власти немногочисленные кадры чеченской национальной интеллигенции. Так, четверть века провел в заключении С. Арсанов, М.А. Мамакаев – 19 лет, Х.Д. Ошаев – 15, А. Мамакаев – 14, А.-Х. Саламов – 10. Подобную участь выпало разделить многим осужденным по делу так называемого «Чечено-Ингушского буржуазно-националистического центра» (далее – ЧИБНЦ). По мнению органов обвинения, задача «центра» заключалась в тесном союзе с другими националистическими «центрами» Северного Кавказа «подготовить провозглашение «Северо-Кавказской федеративной республики под протекторатом Турции и Англии». Для координации своих действий с другими «центрами» представители ЧИБНЦ, преимущественно националы, работавшие в Москве, вошли в «Московский межнациональный центр». «Головку» ЧИБНЦ составили около 130 ответственных работников республики во главе с секретарем обкома партии Вахаевым, председателем Совнаркома Горчхановым [4: 498].

Вместе с тем нельзя не подчеркнуть, что и сама пресса тоже сыграла свою роль в развертывании репрессий как против общественных деятелей, так и своих собратьев по перу. Так, в одном из номеров «Дагестанской правды» была опубликована статья М. Дадашева «Буржуазные националисты в редакции «Захметкаш» [319: 1937, 20 сентября], которая дала импульс для травли коллег из редакции татской национальной газеты. «К сожалению, одну из главных, но далеко не положительных ролей в спектакле под названием «политические репрессии» сыграла именно журналистика, в частности печать, – пишет А.В. Видяева. – Советская журналистика принимала активное участие в создании культа личности Сталина. Восхваляя на все лады его «прозорливость, мудрость в достигнутых победах в годы первых пятилеток, она утверждала в сознании масс непререкаемость его авторитета. Настойчивое проведение СМИ авторитарной идеологии способствовало тому, что она проникала во все сферы не только экономической, но и духовной жизни общества, в том числе в журналистику» [50: 32]. Показательной является полоса в «Пролетарии Осетии» от 26 ноября 1936 года

под шапкой «Сталин – это наше солнце». Такие слоганы регулярно повторялись на страницах краевых газет.

Один из организаторов прессы Чечни Х.Д. Ошаев так оценил губительные последствия репрессий для развития национальной культуры: «Ряды чеченской интеллигенции были жидки, а по уровню образования совсем низки. А в 1937-1938 годах интеллигенцию так потряхнули, что от нее остались огрызки. В частности, из 12 членов Союза писателей Чечено-Ингушетии было арестовано 9 человек, осуждено 7 человек, расстреляно 4 человека. Сам я, член Союза писателей с 1934 года, просидел в заключении 14 лет, из них два года в одиночной камере-карцере» [169: 96]. Из шести первых редакторов газеты на чеченском языке «Серло» («Свет») – «Ленинан некъ» («Ленинский путь») четверо были репрессированы.

Стоявший у истоков чеченской литературы и публицистики Абади Дудаев на республиканском съезде писателей прочитал свои стихи, написанные на смерть одного из большевистских вождей Серго Орджоникидзе. Завершил декламацию под бурные аплодисменты зала. Взволнованный таким приемом, он неосторожно обмолвился, что напишет еще лучше, когда умрет Сталин. За эти слова он заплатил дорого: был арестован за якобы подготовку «террористического акта против Сталина» и расстрелян [4: 192].

Примером того, какие последствия имели попытки даже порассуждать о целесообразности некоторых установок вождей большевизма, может служить и публикация А. Авторханова «За выполнение директив партии по национальному вопросу» в газете «Правда», написанная им в годы учебы в Институте красной профессуры в июне 1930 года (текст статьи он предварительно обсудил со своим преподавателем ИКП). Суть ее заключалась в том, что автор, сам столкнувшись с перегибами при проведении коллективизации на Северном Кавказе, выдвинул тезис о необходимости учитывать в этой деятельности национальные особенности, сначала решить актуальную в крае проблему землеустройства [350: 1930, 22 июня]. Остроту ее в многонациональном регионе в годы социалистических преобразований иллюстрирует и исследователь Х.А. Текеева, которая считает, что отличительной чертой землепользования в национальных автономиях Северного

Кавказа было неравномерное распределение земельных угодий [191: 87]. Именно данный вопрос чаще других выносился на обсуждение исполнительных органов регионов Северного Кавказа. Не случайно руководитель Карачаевского окружного исполкома Умар Алиев отмечал, что «попытка Горской республики прежде всего разрешить земельный голод горских народов одним лишь внутренним перекраиванием наличия горских земельных фондов с самого начала была обречена на неуспех... Не было принято своевременное разрешение земельного голода среди горских народов за счет расширения земельной площади вне пределов Горской Республики» [10: 181].

Между тем, еще в мае 1928 г. в Москве обсуждался вопрос о землепользовании и землеустройстве в национальных областях Северного Кавказа, на котором было рекомендовано провести сплошное обязательное землеустройство с тем, чтобы нормализовать чрезвычайно запутанные земельные отношения [191: 88]. То есть проблема, поднятая А. Авторхановым, признавалась как местными властями, так и руководством партии и государства. Впрочем, в известной статье И. Сталина «Головокружение от успехов», напечатанной в «Правде» несколькими месяцами раньше публикации А. Авторханова, в более резкой форме осуждались «перегибы на местах», допущенные при коллективизации [350: 1930, 14 марта]. Но о своей личной вине в этих просчетах «вождь» не проронил ни слова.

Однако далеко не столь радикальные выводы рядового члена партии А. Авторханова имели для их автора серьезные последствия. Этот факт подчеркивает, что Сталин на самом деле не собирался исправлять ошибки партии, а публикацию же использовал как громоотвод от критики в свой адрес, переложив ответственность на местных руководителей, которые и пальцем шевельнуть не смели без директивы из центра.

Буквально через несколько дней в «Правде» началась публикация серии статей, в которых тезисы Авторханова объявлялись правооппортунистическими, а сам он, соответственно, «врагом народа».

Первым выступил Коста Таболов, член постоянной национальной комиссии ЦК ВКП(б). «Партия против подмены крупных вопросов политики партии якобы

национальными соображениями, против преувеличения особенностей республик и национальных областей, против замалчивания наших успехов, – поучает он автора письма в «Правду». – Неправ т. Авторханов, когда противопоставляет землеустройство задачам создания тозов и артелей в национальных окраинах» [350: 1930, 26 июня].

Еще один из оппонентов Лев Готфрид в своей статье «О правильных и правооппортунистических предложениях т. Авторханова» расценил тезисы слушателя Института красной профессуры как «попытку потащить партию назад и в сторону от генеральной линии партии, на ту самую дорожку, о которой ноют и скулят все правооппортунистические элементы». Вывод Готфрида фактически выглядит доносом: «Предательские уши правых дел мастера торчат из рассуждений Авторханова о путях коллективизации национальных окраин...» [350: 1930, 30 июня].

Как вспоминал сам А. Авторханов, «после такого выступления «Правды» слово обычно переходило к чекистам, и там уже с «предателями» разговаривали другим языком и при помощи более веских аргументов» [5: 276].

Сразу же у автора публикации в «Правде», как он и предполагал, начались проблемы в Институте красной профессуры, где он учился. Не успел Абдурахман Авторханов в этот день появиться в институте, его окружили слушатели и стали оскорблять. Дело закончилось потасовкой. «На второй день, 1 июля, меня вызвали на заседание бюро ячейки ИКП, – пишет в своих мемуарах А. Авторханов. – На повестке дня стояли два вопроса:

1. О правооппортунистическом выступлении т. Авторханова в «Правде».
2. О хулиганском поступке т. Авторханова» [5: 279].

Он был исключен из Института красной профессуры, несмотря на то что опубликовал в «Правде» 4 июля 1930 года письмо, в котором признавал свои ошибки. Это была его вынужденная игра с целью избежать ареста.

Авторханов вернулся в Чечню, активно включился в общественно-политическую деятельность, снова поступил в ИКП. Но возникла новая история, связанная с «Правдой». Делегация чеченских литераторов, приехавшая на Первый

Всесоюзный съезд советских писателей, представила в редакцию «Правды» материалы о незаконных действиях руководителей Чечено-Ингушского обкома большевистской партии в сфере развития национальной культуры. Газета выступила 10 сентября 1934 года со статьей под названием «Потворствуют великодержавным шовинистам» без подписи. Приведенные в публикации факты были настолько неоспоримыми, что обком вынужден был признать объективность статьи. Но получившие партийные взыскания руководители развернули травлю Авторханова, посчитав его организатором обращения в «Правду». Это вылилось в арест и осуждение на пять лет в 1937 году. Но по апелляции Верховный суд Чечено-Ингушской автономной республики оправдал его. В 1940 году был снова арестован и осужден. Но снова оправдан – теперь уже Верховным судом Российской Федерации. Убедившись, что карательные органы не оставят его в покое, эмигрировал за границу.

К 1938 году были расстреляны или стали узниками ГУЛАГа практически все публицисты Северного Кавказа, которые стояли у истоков зарождения национальных письменностей, литератур и журналистики. «Несомненно, репрессии затронули прежде всего тех, – пишет А.В. Видяева, – кто уже проявил себя как талантливая личность, отличался природными организаторскими способностями, умел объединить вокруг себя или какой-либо идеи людские массы, был способен размышлять и сомневаться, не боялся высказывать собственное мнение» [50: 43]. Как утверждает Г.В. Жирков, «<...> никакой талант и никакая преданность идее не могли быть гарантией свободного творческого труда публициста и литератора» [80: 44]. Поводом для ареста могли стать рядовая кляуза, ложный донос, вызванный завистью коллеги по редакции. Жертвами политических репрессий стали представители национальной интеллигенции, занимавшие ответственные посты в партийном аппарате, внесшие большой вклад в развитие науки, литературы и способствовавшие становлению и развитию национальной печати.

Однако столь бдительный контроль фискальных органов не всегда оказывался эффективным. Хотя картина, которую рисовали местные газеты, далеко

не соответствовала реальному положению вещей, на страницы северокавказских изданий порой попадали статьи, в которых журналисты невольно вынуждены были демонстрировать настроения людей. Так, в карачаевской газете «Таулу джарлыла» появилась публикация М. Халилова об имеющих хождение в народе песнях антисоветского содержания. Автор, конечно, с целью бичевания этих контрреволюционных куплетов цитирует выдержки из них:

Если не выпьем ведро крови большевиков,

Мы не напьемся.

И не оставим на Кавказе человека,

Который не скажет: «Нет бога, кроме Аллаха» [363: 1929, № 23].

Газета оставила свидетельство, которое ставит под сомнение, провозглашаемые в годы строительства социализма лозунги о «всеобщей» поддержке горцами большевистского режима. С другой стороны, появление подобных публикаций в советских изданиях доказывает, что партийные функционеры, призванные осуществлять контроль за содержанием прессы, не особенно разбирались в таких вопросах, требующих определенного уровня образованности.

В условиях диктата большевистской партии сдерживалась инициатива и ограничивалась самостоятельность редакций газет, возможность проявления творческого потенциала журналистов. В публикациях полностью отсутствовала полемика. Текстам были характерны безапелляционность суждений, категоричность заявлений, угрозы, огульные и бездоказательные обвинения, приклеивание ярлыков, призывы к карательным органам применить самые суровые меры к тем, кто якобы спустя рукава относится к своим обязанностям, и – к властям о снятии их с должностей. Любая попытка здраво оценить проекты партии рассматривались как вредительство. «Газетные полосы наполнялись лозунгами, призывами, обращениями, цифрами, – пишет исследователь журналистики периода коллективизации Е.Г. Ткаченко. – Изложение материалов имело ярко выраженные признаки пропаганды и характеризовалось агрессивностью, воинственностью и экспрессией» [193: 86].

В результате пресса проигрывала в авторитете, содержании, идейной направленности и действенности, оперативности подачи материалов, разнообразии жанров, выразительности и злободневности журналистских выступлений, в популярности среди читателей. Таким образом, печать, прежде всего провинциальная, теряла позиции, завоеванные в 20-е годы, особенно в начальный период своего развития. «В 30-е годы печать полностью была поглощена административно-командной системой руководства, – отмечает З.Ю. Хуако. – И она в большинстве случаев переключила свои изначальные функции на формирование ложного общественного мнения. Объективные, искренние, жизненные публикации уступали место письмам очернительского, разоблачительного характера. «Мнение» людей формировалось в высших звеньях административно-командной системы руководства, спускалось через печать в виде неукоснительных директив, а в ответ газеты широко публиковали «письма трудящихся», благодарящие, ликующие, заверяющие или, напротив, клеймящие – в зависимости от потребностей дня, момента. Пресса оказалась запутанной в сетях различных «установок» [214: 245]. Эту тенденцию северокавказской прессы выделяет и Ф.А. Магулаева. Анализ публикаций газет Карачая показывает, пишет она, что «в конце 1920-х – первой половине 1930-х годов национальная пресса все более утрачивала просветительную направленность, свойственную ей на первом этапе развития, и складывалась как инструмент идеологического и организационного обеспечения партийных решений» [141: 107].

Все предназначенные для печати тексты проходили строжайшую проверку на соответствие идеологическим установкам. Внимание органов цензуры сосредотачивалось не только на содержании, но и на грамматическом и техническом оформлении периодических изданий. Вне поля зрения радетелей большевистской бдительности не оставались даже случайные опечатки, оформительские промахи. В середине 1930-х годов в стране была объявлена настоящая война «контрреволюционным опечаткам». Направлял кампанию директивный орган ЦК ВКП(б) «Большевистская печать». «Особенная вспышка этих «опечаток» и «ошибок» имела место в ряде газет после злодейского убийства

С.М. Кирова, – писал журнал, словно была выполнена криминалистическая экспертиза. – Эти «опечатки» искажали в махрово-контрреволюционном духе важнейшие материалы и политические документы» [285.1: 4].

За случайную ошибку в текстах редактор и автор могли поплатиться не только должностями, но быть зачислены во «враги народа». В статью к годовщине смерти Ленина в районной газете «Большевик» Хакуратенского района Адыгеи закралась оговорка. Обнаружил ее работник райкома ВЛКСМ. Ошибка получила статус контрреволюционного выражения, направленного на подрыв советской власти. Редактору пришлось снарядить специальных верховых в населенные пункты района для изъятия номера [332: 1936, 10 марта].

Редактора стенной газеты коммуны «Заря» в Адыгее отстранили от должности за пропущенную фразу в тексте заметки «Разве может человек не имевший никогда своего собственного хозяйства управлять большим коммунальным хозяйством». Эти слова партийным вожаком ячейки были охарактеризованы как «кулацкой складки» ошибку. Бдительный автор письма в газету «Серп и молот», скрывшийся под псевдонимом «Коммунар», выразил недовольство тем, что ячейка «слишком мягко подошла к явной оппортунистической вылазке в стенгазете и не сделала определенных оргвыводов по отношению «ответредактора» А. Зазулина как члена ВКП(б)» [360: 1931, 2 января]

Под огонь критики попало и радиовещание. Так, «Правда» обратила внимание на то, что в радиопередачах, в том числе и в национальных республиках, часто встречаются «враждебные опечатки» [350: 1937, 22 июля]. «Дагестанская правда» откликнулась, подтверждая выводы главного партийного органа: «Через микрофон Даградиокомитета часто просачиваются в эфир явно антисоветские обмолвки, политические искажения, а иногда и прямо вражеские вылазки» [319: 1937, № 177].

Партийное руководство страны создало миф о якобы носящих массовый характер попытках проникновения в редакции антисоветчиков, «врагов народа», священников, стремящихся захватить в свои руки периодические издания и

радиостанции, чтобы вести пропаганду против советской власти. Главный партийный орган – «Правда» – раздувал истерию по этому поводу: «Тот, кто ставит своей задачей расшатать социалистический строй, подорвать социалистическую собственность, кто замыслил покушение на неприкосновенность нашей родины, – тот враг народа. Он не получит ни клочка бумаги, не перешагнет порога типографии, чтобы осуществить свой подлый замысел. Он не получит ни зала, ни комнаты, ни угла для того, чтобы внести устными словами отраву» [350: 1936, 22 июня]. Активный организатор журналистского образования и талантливый исследователь прессы М.С. Гус тоже вынужден был проповедовать в своих трудах «большевистскую бдительность». «Обострение классовой борьбы проявляется и в том, что враг пытается воздействовать на печать. – учил он будущих журналистов. – Разными путями проникает вредное влияние, самыми неожиданными. Иногда его трудно распознать сразу, оно гримируется «архи-революционно»! Любовь к преувеличениям и погоня за сенсацией – вот первое. Фактический отказ от рабселькоровского материала, во многих случаях оправдываемый специально подогнанными «теориями», – вот второе. Нежелание отказаться от старых, отживших методов и системы репортажа – вот третье» [68: 25].

Директивный партийный журнал «Большевистская печать» наставлял «еще и еще раз прощупать, нет ли среди редакционного коллектива, среди псевдорабкоров и в рядах авторского актива скрытых врагов, вроде «журналистов» Радеков и Сосновских, Роммов и Бухарцевых, Пикалей и Вернеров и прочих разоблаченных их мелких подручных. История последних лет борьбы с врагами народа знает не один факт настойчивых попыток проникнуть на идеологический участок, и в частности в печать» [285.2: 4-5.].

В этом отношении показательна судьба первопечатника и просветителя Дагестана М. Мавраева. После революции, сначала конфисковав все типографии, его цинично использовали для организации издательской отрасли советского Дагестана. И, как выдающийся организатор и знаток типографского дела, Мавраев приложил все свои знания и опыт, чтобы наладить в республике издание книг и прессы. Ни заслуги в становление и развитие отрасли, ни содействие в публикации

материалов местных большевиков в дореволюционных печатных органах, которые выпускал, не спасли его от «красного террора». Он тоже стал объектом начавшейся после установления диктатуры пролетариата травли интеллигенции.

Официальный орган дагестанской областной партийной организации «Красный Дагестан» опубликовал в 1929 году статью под красноречивым названием «Классовый враг в соваппарате», «героем» которой стал Магомед-Мирза Мавраев. Газета гневно обличала: «Для читателей... еще памятно, очевидно, дело Мавраева, о котором не раз писалось в прошлом году. Мавраев – крупный собственник, бывший владелец типографии и других предприятий. Он долгое время был на руководящей работе в Даггосиздате, используя свое положение в личных интересах. Устойчиво укрепился классовый враг, и много усилий пришлось приложить общественности и печати, чтобы выдворить его из насиженного гнезда» [339: 1929, 17 ноября]. За год до этого партийный орган направил свои «стрелы» против всего рода Мавраевых, считая, что никто из них не имеет даже право обучаться в учебных заведениях [339: 1928, 15 ноября]. Примечательно, что вышла публикация за подписью «Обиженный батрак». Однако за анонимным авторством виднелись уши батрака бедного по состоянию души, а не по занимаемому положению в социальной структуре советского общества. Если же попал в тиски бюрократов от компартии, надежды на спасение не оставалось. Это хорошо было известно Мавраеву, на чьих глазах устанавливалась советская власть. Он прекрасно понимал, кем направлялись публикации в «Красном Дагестане» и какую угрозу они представляют. Те, кто стоял за публикациями, не успокоились бы, пока окончательно его не уничтожат. Газета снова выступила, озаглавив свой навет «Магомед-Мирза, вы еще в Даггизе?». Теперь автор не скрывался за псевдонимом. Это был заместитель ответственного редактора и работник обкома комсомола А.Ф. Назаревич. Значит, судьба Мавраева уже была решена на самом верху.

Просветитель, сделавший так много для развития культуры народов Дагестана, понимая, чем закончится эта атака на его персону, тайно уехал из Махачкалы, оставив жену с пятью детьми. Как умный человек, Мавраев

перехитрил своих преследователей. Он отправил своего извозчика в Москву, который должен был отправлять из разных городов, лежащих на пути, телеграммы за подписью своего начальника. Извозчик аккуратно исполнил поручение. А сам Магомед-Мирза уехал в Баку, в надежде перебраться в Турцию или Иран. Однако реализовать этот план не удалось, и он уехал в Узбекистан, затем переселился в Казахстан. Жил под чужим именем. Семья не имела о нем сведений 28 лет. В 1957 году через ингуша, возвращающего после ссылки в 1944-го года, смог родным передать известие [86: 60-61].

Даже хрущевская оттепель не открыла уже старому, ослепшему первопечатнику Дагестана дорогу домой. В 1960 году он обратился в советские и партийные органы с просьбой разрешить ему вернуться в Дагестан, но ответа так и не получил. Умер он в 1964 году и похоронен в казахском городе Акмолинске (ныне Астана).

В результате перманентных репрессий большевистского режима против интеллигенции, как старой, сложившейся в дореволюционный период, так возвращенной при советской власти, был нанесен серьезный ущерб культуре народов России, в частности сфере журналистики. Как утверждает И.А. Гращенков, «<...> можно лишь догадываться, какие произведения человеческого гения не увидели свет, потому что их авторы ощутили на себе разрушительное воздействие административной системы власти. Для одних трагическим результатом этого соприкосновения явились ненаписанные книги, несыгранные роли, незавершенные художественные полотна, искалеченные творческие судьбы, изломанные биографии. Другим пришлось заплатить ценой собственной жизни» [65: 88].

С одной стороны, печатные органы и радиовещание выступали в роли инструмента идеологического обеспечения репрессий, оклеветания так называемой оппозиции, в большинстве случаев по указке карательных органов. С другой, сами журналисты становились жертвами иезуитской политики тоталитаризма. Режим уничтожал самых одаренных, активных публицистов. Порой их кресла занимали те же доносчики, подхалимы, льстецы. «Атмосфера партийной вседозволенности, бюрократизма, номенклатурности, культа личности,

– пишет Г.В. Жирков, – воспитала в обществе своеобразную фигуру деятеля около журналистики, которую можно назвать идеологической, цензорской дубинкой» [80: 45].

Объяснить причины столь противоречивой, на первый взгляд, политики сталинизма трудно. Выглядит так, как будто большевистская партия рубила сук, на котором сидит, уничтожая преданных ей «бойцов идеологического фронта». По мнению чеченского писателя и историка Х.Д. Ошаева, испытавшего на себе все невзгоды ГУЛАГа, партократия видела угрозу именно в интеллигенции, которая в первую очередь могла разобраться в тиранической сути режима. «Почему Сталин ополчился на интеллектуальный пласт наших наций и общества в целом? – вспоминал он. – Потому что не мог чувствовать себя спокойно под взглядами понимающих и мыслящих людей: они рано или поздно заговорили бы. Уничтожение духовных лидеров нации, носителей ее совести, памяти, корней необходимо было тирану, чтобы превратить народы в население, население – в стадо, а личности – в «винтики» [113: 84]. Концепция обострения классовой борьбы служила оправданием репрессий против только сложившей национальной интеллигенции.

Выводы

Репрессии в стране начались не в годы укрепления сталинского единовластия, а еще при его учителе Ленине. Волонтаристские шаги партии перманентно порождали кризисные ситуации. Однако, чтобы скрыть свою неумелую политику, большевистское руководство страны перекладывало ответственность на каких-то мифических «врагов народа». А чтобы, не дай бог, население не сомневалось в их реальности, регулярно проводились «чистки» на всех уровнях, которым подвергались и соратники в борьбе за власть. Чаще всего жертвами репрессий становились представители образованной прослойки общества и руководящие кадры, так как выдвигать обвинения в идеологическом перерождении или «шпионаже в пользу империалистических государств» против

малограмотных или неграмотных рабочих и крестьян было абсурдно даже в условиях тоталитаризма.

С другой стороны, с целью закрепить и упрочить свое правящее положение в партии ее лидеры и их ближайшее окружение применяли превентивное удаление из нижестоящих эшелонов властной партийной вертикали возможных соперников за высшую власть. Замена репрессированных кадров велась не с учетом деловых качеств, наличия образования. В приоритете были такие качества, как управляемость, демонстрация идеологической приверженности, участие в пропагандистских кампаниях.

Как справедливо подчеркивает Н.М. Тобольцева, «осуществление большевиками «культурной революции» было связано не только с проявлением гуманизма и стремлением «освободить людей от темноты и невежества», но и необходимостью ввести население в сферу большевистского идеологического влияния через печать» [195: 33] и на этой основе формировать «активного строителя коммунизма», под которым подразумевались члены общества, безропотно выполняющие установки вождей партии.

Особенно негативно эта политика отразилась на духовной сфере малых народов, в силу малочисленности образованной прослойки. На словах провозглашая важность развития их культуры, партия на практике уничтожала интеллигенцию, которая выполняла просветительскую роль.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приход к власти в России в конце 10-х – начале 20-х годов XX столетия большевистской партии во многом стал возможным благодаря поддержке населения национальных регионов, которым было обещано право на самоопределение. Однако реализация на практике этого права привела бы к демократическому устройству России, что было неприемлемо для коммунизма, который был объявлен единственной верной теорией. Демократия в конечном итоге привела бы к поражению большевиков в силу того, что сами догмы коммунизма были утопичны и непонятны массам. Для закрепления своей победы и укрепления коммунистической диктатуры большевикам необходимо было обеспечить полную монополию в сфере идеологии. В связи с этим ленинская партия придавала первостепенное значение печати как наиболее эффективному инструменту манипулирования массовым сознанием. Без газеты «невозможно то систематическое ведение пропаганды и агитации, которое составляет постоянную и главную задачу социал-демократии...» [128: 9], – говорил В.И. Ленин.

Многонациональный состав страны поставил на повестку дня вопрос организации коммунистической пропаганды среди населения национальных окраин, от поддержки которого зависела судьба пролетарской революции, а впоследствии и советской власти. Этим объяснялась активная деятельность ленинской партии по организации социал-демократических периодических изданий в национальных регионах.

На окраинах России, значительно отстававших в экономическом, социально-политическом и культурном развитии, печать появилась позже, чем в крупных промышленных центрах. Кроме того, большинство народностей не имели своей письменности, без которой невозможно было создать печать на родных языках. Между тем, важность ведения пропаганды на местных языках не раз подчеркивали большевистские лидеры.

До 1917 года печать в национальных районах Северного Кавказа в основном была представлена немногочисленными газетами, журналами, бюллетенями. В

царской России выходили газеты и журналы только на 16 языках [164: 39]. Преимущественно они издавались на русском языке. Многопартийная печать на Северном Кавказе стала зарождаться после падения царизма и объявления свободы слова Временным правительством. Большевистская пресса в структуре краевой журналистики составляла небольшой сегмент. Однако региональные большевистские организации использовали, часто довольно эффективно, местную либеральную и просветительскую прессу для пропаганды идей марксизма.

В ходе установления диктатуры большевизма партия поставила задачу привлечь на свою сторону население национальных окраин. Важное место в комплексе мероприятий Советского правительства занимало создание национальной печати – мощного орудия манипулирования массовым сознанием. Между тем, нужно подчеркнуть, что формирование системы прессы на языках малых народов Северного Кавказа столкнулось с трудностями, связанными с незнанием русского языка и неграмотностью горского населения, отсутствием национальных письменностей, нехваткой журналистских кадров. Этим объясняются низкие тиражи первых изданий, нерегулярность их выхода. Поэтому можно утверждать, что тезис о массовости большевистской печати Северного Кавказа в первые годы советской власти и ее ведущей роли в мобилизации местного населения на социалистическое строительство не соответствует действительности.

Огромное значение для развития народностей имело создание собственных письменностей. Это было необходимым условием возникновения и развития печати, литературы и искусства на национальных языках. Решение этой задачи является, безусловно, главным достижением социалистических преобразований в национальных регионах.

Уже в течение первого десятилетия после установления Советской власти свою письменность и печать обрели свыше 40 народностей Советского Союза. Арёалом проживания восемнадцати из них является Северный Кавказ. Получила развитие система журналистики на языках: аварском, адыгейском, абазинском, абхазском, аварском, даргинском, ингушском, кабардинском, балкарском,

карачаевском, кумыкском, лакском, лезгинском, осетинском, татском (горско-еврейском), ногайском, черкесском, чеченском. Эти процессы в республиках Северного Кавказа в основном завершились к концу периода построения социализма. В регионе сложилась широкая сеть периодических печатных изданий, рассчитанных на основные категории и группы читателей, а также радиовещание. Система местных СМИ включала издания и радиовещание на русском и местных языках. В этот период возник своеобразный тип национальных газет и журналов, которые выходили на двух или нескольких языках. В то же время в крае около двадцати этносов, насчитывающих каждый несколько тысяч человек и даже меньше, остаются бесписьменными.

Очерченный в работе период характеризовался тем, что в директивных документах органов государственной и партийной власти закладывались основы и намечались принципы двуязычия в печати, методологические подходы при выработке типологии национальной журналистики, всецело подчинённой интересам диктатуры пролетариата и господству коммунистической идеологии.

В формировании системы средств массовой информации северокавказских автономий можно выделить несколько периодов:

1. 1917-1922 гг. Зарождение партийной прессы в крае в условиях перехода от монархии к советскому режиму. Периодические издания в большинстве выходят на русском языке.

2. 1922-1925 гг. Становление партийно-советской печати в условиях окончательного установления советской власти и восстановления экономики в северокавказских национальных регионах. Руководство процессом развития национальной журналистики начали осуществлять отделы и подотделы местных партийных комитетов. В этот период родилась печать на языках народностей, не имевших до революции своей письменности.

3. 1926-1938 гг. Формирование структуры системы национальной журналистики, появление радиовещания, становление типа и дифференциация изданий в связи с завершением национально-государственного и административно-территориального строительства в автономных республиках.

Полный перевод национальных письменностей на единый унифицированный алфавит на основе русской графики.

Отметим, что границы указанных периодов не являются строгими. Это объясняется тем, что время становления национальной государственности, создания национальной письменности и рождения печати в различных республиках, в силу неоднородности их социально-политического и культурного развития, не совпадает. Например, Дагестан стал автономной республикой еще в 1921 году, в то время как в соседних с Дагестаном северокавказских республиках – Чечено-Ингушетии, Северной Осетии и Кабардино-Балкарии – национально-государственное развитие, которое привело к созданию автономных советских социалистических республик, завершилось в 1936-1938 годах. А Адыгея и Карачаево-Черкессия оставались в статусе автономной области вплоть до развала СССР.

Большинство народностей Северного Кавказа свою письменность обрели уже в 1921-1925 годах, а таты, лезгины, ногайцы, табасаранцы – только в конце 20-х – начале 30-х годов. Эти исключения делают предложенную нами периодизацию недостаточно строгой. Однако, на наш взгляд, она отражает процесс развития национальной печати на Северном Кавказе в целом.

В условиях национальных республик и областей, народы которых обрели письменность в советское время, печать на русском языке сыграла важную роль в развитии национальной печати и национальной письменности. На первых порах в выпуске изданий на национальных языках непосредственное участие принимали редакции местных органов на русском языке. Журналисты и полиграфисты национальной печати проходили школу в русских изданиях. Очерченный в работе период характеризовался тем, что в директивных документах органов государственной и партийной власти закладывались основы и намечались принципы двуязычия в печати, методологические подходы при выработке типологии национальной журналистики, всецело подчинённой интересам диктатуры пролетариата и господству коммунистической идеологии.

Комплекс мероприятий по подготовке журналистов позволил в 20-30-е годы обеспечить прессу кадрами коренных национальностей. Системе подготовки газетных работников 1920-1930-х годов была характерна дифференциация уровней обучения. Существовали и журналистские техникумы, и даже учреждения начального профессионального уровня, а многочисленные курсы повышения квалификации газетных работников часто функционировали на базе журналистских учебных заведений. Это обстоятельство заставляет сегодня повнимательнее присмотреться к опыту газетно-кадровой работы того периода.

По идеологическому содержанию СМИ, выходившие в различных автономиях на разных языках, были исключительно коммунистическими, что характерно для любого тоталитарного режима. Вместе с тем они имели свою специфику, которая определялась особенностями развития каждого народа, была связана с его историей, традициями, нравами, обычаями. Отмечая эту особенность функционирования печати автономных республик, журнал «Красная печать» писал: «...Трудящиеся массы подрайонов, кроме своей общей отсталости, имеют и специфические национальные особенности (патриархально-родовые пережитки, своеобразный семейный быт и т.д.). Наша печать должна уметь учитывать эти особенности и приспособлять к ним свое содержание» [293.40: 49].

Национальные СМИ являлись инструментом большевистской партии в ходе реализации программы социалистических преобразований национальных окраин. Организаторская и агитационно-пропагандистская деятельность органов журналистики была важным фактором внутренней политики большевистской партии. Выступления местных прессы и радио обеспечивали идеологическую базу политики индустриализации и коллективизации национальных районов.

Важна роль СМИ в ликвидации культурной отсталости народностей Северного Кавказа. Национальная журналистика в годы строительства социализма развернула широкую организаторскую и агитационно-пропагандистскую кампанию по подъему образовательного уровня населения национальных окраин, по развитию национальных письменностей и культуры в республиках.

Вместе с тем масс медиа выполняли также роль важнейшего инструмента манипулирования массовым сознанием, в установлении тотального контроля партии в сфере идеологии. Нельзя оправдать деятельность большевистских СМИ, в том числе и местных, по формированию в массах негативного отношения к национальным традициям, религии, по формированию культа личностей большевистских лидеров, оправданию репрессий, развязанных партией против граждан.

Однако многие формы и методы работы национальной партийно-советской журналистики 1920-х – 1930-х годов имеют практическое значение и в настоящее время. Некоторые приемы подачи материалов на страницах газет и журналов, журналистские находки с использованием живого разговорного языка в выступлениях, формы массовой работы редакций того периода незаслуженно забыты. Например, современные местные издания не практикуют анкетирование внештатных корреспондентов. Между тем краевая пресса в тридцатых годах регулярно вела анкету рабселькоров, что помогало газетам и журналам более эффективно использовать внештатных активистов печати.

Анализ и сопоставление содержания обзоров печати профессиональных журналистских изданий, различных докладов, сводок, справок агитпропотделов партийных комитетов всех уровней, правительственных структур, общественных организаций позволяет сделать вывод, что при столь жестко выстроенной вертикали власти в отчетности царил хаос, отсебятина, отсутствовала единая методика выборки данных. Не существовал единый критерий определения эффективности функционирования СМИ. Сведения разных источников порой противоречат и даже взаимоисключают друг друга. Это серьезно затрудняет изучение процессов развития системы журналистики в очерченный период. Считаю целесообразным дальнейшие исследования истории журналистики советского периода проводить с привлечением современных методов выявления достоверности сведений, содержащихся в документах, что может породить отдельное научное направление.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А. Национальная горская печать в 1927 году / А. – Бюллетень Северо-Кавказского краевого горн. научно-исследовательского института. – 1927, № 1. – С. 10–22.
2. Абдулатипов А.-К. Публицистика Мавраева / А.-К. Абдулатипов // Республика в зеркале газеты “Дагестанская правда” / Сост. Р. Ризванов, Гл. ред. Р. Идрисов. – Махачкала: Даг. правда, 2000. – 68 с.
3. Авторханов А.Г. Ленин в судьбах России: размышления историка / А.Г. Авторханов. – Garmisch-Partenkirchen: Prometheus-verlag, 1990. – 448 с.
4. Авторханов А.Г. О себе и времени. Мемуары / А.Г. Авторханов. – Москва: Дика-М, 2003. – 736 с.
5. Авторханов А.Г. Технология власти / А.Г. Авторханов. – Frankfurt/Main Printed: Посев, 1976. – 720 с.
6. Азизханов А.А. Говорит Махачкала / А.А. Азизханов. – Махачкала, 1997. – 120 с.
7. Алиев У.Д. Национальный вопрос и национальная культура в северокавказском крае / У. Д. Алиев. – Ростов н/Д: Севкавказкнига, 1926. – 128 с.
8. Алиев У. Национальный вопрос и национальная культура в Северо-Кавказском крае (Итоги и перспективы): предстоящему съезду горских народов / У. Алиев. – Ростов-на-Дону: «Севкавказкнига» и «Крайнациздат», 1926. – 72 с.
9. Алиев У. Организация издательского дела на национальных языках Северо-Кавказского края / У.Д. Алиев // Вопросы просвещения. – Ростов-на-Дону, 1926, № 6–7. – С. 86-93.
10. Алиев У.Д. Карачай / У.Д. Алиев. – Ростов н/Д: Севкавказкнига, 1927. – 306 с.
11. Алиханова А.А. Печать Дагестана. Справочник / А.А. Алиханова. – Махачкала, 1989. – 172 с.
12. Амерханова Л.Р. Становление и развитие ингушской национальной периодической печати в первой трети XX в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Л.Р. Амерханова. – Москва, 2013. – 192 с.

13. Антипина О.А. Агитационно-пропагандистская, политико-массовая работа большевиков среди трудящихся Терека в годы гражданской войны (июнь 1918 – март 1920 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / О.А. Антипина. – Орджоникидзе, 1984. – 228 с.
14. Антонов-Овсеенко А.А. Временное правительство и Петроградский совет в регулировании вопросов печати в России в 1917 г. А.А. Антонов-Овсеенко // Журналистика: взаимодействие науки и практики. Актуальные вопросы медиарегулирования: опыт Германии и России. Материалы международных научно-практических конференций 3–6 октября 2012 г. Ростов-на-Дону. – 2012. – С. 10-13.
15. Антонов-Овсеенко А.А. Роль периодической печати в формировании общественного сознания в России в 1917 г.: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.10 / А.А. Антонов-Овсеенко. – Тверь, 2013. – 400 с.
16. Анфертьев И.А. РКП(б)-ВКП(б) и модернизация РСФСР/СССР в 1920–1930-е гг.: программа преобразований и борьба за власть: дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02 / И.А. Анфертьев. – Москва, 2019. – 789 с.
17. Арипов Г.Г. Печать комсомола Дагестана / Г.Г. Арипов. – Махачкала: Даг. кн. изд-во. 1973. – 70 с.
18. Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. VII. Журналы заседаний Временного правительства: Март–октябрь 1917 года. В 4-х т. Том 1. Март–апрель 1917 года / Б. Ф. Додонов (отв. ред.), Е.Д. Гринько, О.В. Лавинская (сост.). – М.: РОССПЭН, 2001. – 448 с.
19. Ахмадулин Е.В. Задачи исследования региональной печати Юга России / Е.В. Ахмадулин // Журналистика: взаимодействие науки и практики. Актуальные вопросы медиарегулирования: опыт Германии и России. Материалы международных научно-практических конференций 3–6 октября 2012 г. Ростов-на-Дону. – 2012. – С. 16-19.
20. Ахмадулин Е.В., Станько А.И. Региональная печать Дона и Северного Кавказа / Е.В. Ахмадулин, А.И. Станько. – Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального ун-та, 2014. – 370 с.

21. Ахмедов Д.Н. Истоки печати малых народов / Д.Н. Ахмедов // Публицистика Дона и Северного Кавказа. Сборник статей (Отв. ред. Е.А. Корнилов). – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1979. – С. 29-44.
22. Ахмедов Д.Н. Национальная печать Северного Кавказа (1917–1937) / Д.Н. Ахмедов. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1989. – 136 с.
23. Ахмедов Д. Н. Пресса малых народов / Д. Ахмедов // Типология местной прессы. Советский Союз – Польша: Сборник статей (Отв. ред. Е. А. Корнилов). – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1991. – С. 53-66.
24. Ахмедов Д. Периодическая печать Дагестана (1900-1940 гг.) / Д. Ахмедов. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1963. – 184 с.
25. Ахмедов Д., Камалов А. Столетие дагестанской прессы (история возникновения, становления и развития журналистики Страны гор) / Д. Ахмедов, А. Камалов. – Махачкала: Союз журналистов РД, 2006. – 252 с.
26. Ахмедов Д.Н. Флагман дагестанской журналистики. К 85-летию со дня основания «Дагестанской правды» / Д.Н. Ахмедов. – Махачкала, 2003. – 55 с.
27. Бабюк М.И. Правовое и организационное обеспечение развития массового радиовещания в СССР в условиях НЭПа / М.И. Бабюк // Вестник Московского университета. Сер. Журналистика, 2017. – № 6. – С. 73-100.
28. Бадахова И. Т. Ислам Абдул-Керимович Хубиев (Карачайлы) – известный карачаевский журналист, государственный и общественно-политический деятель 20-30-х годов XX века.: дис. ... канд. ист. наук. / 07.00.02 / И. Т. Бадахова. – Карачаевск, 2009. – 149 с.
29. Бадоев К. Страницы былого / К. Бадоев // Литературная Осетия: Альманах. – Орджоникидзе: Ир, 1976. – С. 34-36.
30. Базанов П.Н. Красное и белое: pro et contra. Русская эмиграция о Гражданской войне 1917–1922 гг.: антология / П.Н. Базанов. – Санкт-Петербург: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии (РХГА), 2018. – 800 с.
31. Барабохин Д.А. Профессионально-журналистские издания и руководство печатью в первые годы советской власти / Д.А. Барабохин // Типология

- местной прессы. Советский Союз – Польша: Сборник статей (Отв. ред. Е.А. Корнилов). – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1991. – С. 98-113.
32. Бахнян К.В. Язык и идеология: социолингвистический аспект / К.В. Бахнян // Язык как средство идеологического воздействия: сборник обзоров / Отв. ред. Ф. М. Березин. – М.: ИНИОН, 1983. – С. 34-58.
 33. Бекижев М.М. Формирование социалистической интеллигенции у народов Северного Кавказа (1917-1941 гг.) / М.М. Бекижев; Черкесск: Ставр. кн. изд-во, 1978. – 287 с.
 34. Бережной А. Ф.О некоторых итогах и проблемах развития журналистского образования и журналистской науки в университетах нашей страны / А.Ф. Бережной // Журналистика, наука, образование, практика. – Л., 1971. – С. 3-40.
 35. Беретарь Х.Я. Возникновение и развитие партийно-советской печати в Адыгее (1918–1941): дис. ... канд. ист. наук. / Х.Я. Беретарь. – 1969. – 354 с.
 36. Бженников М.М. Радио и телевидение КБР: история и социология / М. М. Бженников. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2012. – 280 с.
 37. Блюм А.В. Советская цензура в эпоху тотального террора, 1929–1953 / А.В. Блюм. – СПб.: Гуманит. агентство "Академ. проект", 2000. – 312 с.
 38. Борьба трудящихся масс за установление и упрочение советской власти на Ставрополье (1917-1921 гг.): Сборник документов и материалов / Сост.: Н.С. Дикалова, Л.В. Зарубина, Ю.И. Кузьменко: 2-е изд., доп.; Ставрополь: Кн. изд-во, 1968. – 245 с.
 39. Бугаев А.М. Исторический опыт строительства национальной автономии чеченского народа (1917-1936 гг.). Учебное пособие /А.М. Бугаев. – Махачкала: АЛЕФ, 2019. – 244 с.
 40. Булгаков В. Начинаящий корреспондент / В. Булгаков. – Пятигорск: Издание «Терека», 1924. – 32 с.
 41. Бутаев М.Д. «Правда» и Дагестан / М.Д. Бутаев. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1967. – 79 с.
 42. Бутаев М.Д. Большевистская печать Дагестана / М.Д. Бутаев. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1988. – 296 с.

43. Бутаев М.Д. История периодической печати и журналистики Дагестана и Северного Кавказа в фактах и фотографиях. 1906–2006 гг. / М.Д. Бутаев. – Махачкала, 2008. – 113 с.
44. Бутаев М.Д. Летопись революции / М.Д. Бутаев. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1971. – 116 с.
45. Бутаев М.Д. Приравнено к оружию / М.Д. Бутаев. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1975. – 208 с.
46. Буттаев М., Идрисов Р. 85 лет «Дагестанской правде». У истоков / М. Буттаев, Р. Идрисов. – Махачкала, 2003. – 87 с.
47. Вакку Г.В. Возникновение и становление радиовещания в Чувашской Республике, 1920–1941 гг. / Г.В. Вакку. – Чебоксары: Изд.-во Чувашского университета, 2007. – 167 с.
48. Варнакова Г.С. Некоторые аспекты системного изучения отечественной прессы 1917–1918 гг. (С чего начать исследование?) / Г.С. Варнакова // История отечественных СМИ. Ежегодник. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, фак-т журн-ки, 2014. – С. 18-27.
49. Вартанова Е.Л. Постсоветские трансформации российских СМИ и журналистики / Е.Л. Вартанова. – Москва: Изд-во «МедиаМир» 2014. – 280 с.
50. Видяева А.В. Отражение политических репрессий 30-х гг. XX в. В периодической печати Мордовии: дис. ... канд. филолог. наук. 10.01.10/ А.В. Видяева. – Саранск, 2014. – 180 с.
51. Волкова Е.П. Приемы конструирования образа «врага народа», в советской пропаганде (по материалам центральной партийной печати конца 1920-х – первой половины 1930-х гг.) / Е.П. Волкова // История отечественных СМИ. Ежегодник–2013. М.: Фак. журн-ки МГУ им. М.В. Ломоносова, 2014. – С. 29.
52. Волкова Е.П. Феномен «врага народа» в советской печати конца 1920-х – первой половине 1930-х гг. (по материалам центральных партийных изданий): дис. ... канд. филолог. наук: 10.01.10 / Е.П. Волкова. – 2013. – 229 с.
53. Гаджиев К.С. Фашизм и большевизм: облики тоталитаризма / К.С. Гаджиев // Тоталитаризм: что это такое? (исследования зарубежных политологов).

- Сборник статей, обзоров, рефератов, переводов / Л.Н. Верченков (отв. ред.) и др. – М.: ИНИОН РАН, 1993. – Ч. 2. – С. 156-184.
54. Гадиев Ц. Осетинские газеты (Библиографическая заметка) / Ц. Гадиев // Сборник научного общества этнографии, языка и литературы при Горском педагогическом институте. – Т. 1. – Владикавказ, 1929. – С. 143-149.
55. Газеты советской России (по сведениям на 1 января 1921 г.). – М., 1921. – 63 с.
56. Гакаев Д.Ж. Очерки политической истории Чечни (XX век). В двух частях / Д.Ж. Гакаев. – М.: Изд-во ЧКЦ, 1997. – 474 с.
57. Гамидов М.Х. Без бумаги и расстояний / М.Х. Гамидов. – Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1977. – 168 с.
58. Гапеева М.С. Некоторые вопросы формирования советской национальной печати в автономиях Северного Кавказа в 1920-е годы / М.С. Гапеева // История, археология и этнография Кавказа. – 2019, Т. 15. – № 1. – С. 28-36.
59. Геллер М.Я. История Российской империи: в трех томах / М.Я. Геллер. – М.: Издательство "МИК", 1997. – Том III. – 304 с.
60. Герандоков М.Х. Из истории развития печати в Кабардино-Балкарии / М.Х. Герандоков. – Нальчик, 1989. – 93 с.
61. Голубев А.В. Тоталитаризм как феномен российской истории XX века / А.В. Голубев // Власть и общество в СССР: и политика репрессий (20–40-е гг.). – М.: ИРИ РАН, 1999. – С.7-33.
62. Горчева А.Ю. Пресса ГУЛАГа. Списки Е.П. Пешковой / А.Ю. Горчева. – М., 2009. – 237 с.
63. Горький М. К демократии / М. Горький // Новая жизнь. – 1917, 7 (20) ноября.
64. Горяева Т. Радио России. Политический контроль советского радиовещания в 1920–1930-х годах. Документированная история / Т. Горяева. – 2-е изд. – М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2009. – 159 с.
65. Гращенко И.А. Цензура литературного творчества и печати в СССР (1929–1930 гг.) / И.А. Гращенко // Власть. – 2008. № 6. – С. 85-88.

66. Гуриев М.А.(а) Очерки истории партийно-советской печати Северной Осетии: дис. ... канд. ист. наук / М. А. Гуриев; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 1965. – 320 с.
67. Гуриев М.А.(б) Очерки истории партийно-советской печати Северной Осетии: автореф. дис. ... канд. ист. наук / М. А. Гуриев. – М., 1965. – 20 с.
68. Гус М. За газетные кадры / М. Гус. – М., Л.: Работник просвещения, 1930. – 110 с.
69. Гусейнова М.Ш. Становление и развитие лакской национальной прессы и ее роль в общественной, экономической и культурной жизни лакского народа, 1920-1953 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / М.Ш. Гусейнова. – Москва, 2001. – 186 с.
70. Гутнов Д.А. Из истории журналистского образования в России: Институт красных журналистов и его ближайшие преемники (1919–1938) / Д.А. Гутнов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Журналистика, 2014. – № 6. – С. 103-113.
71. Данилов А. Печать Дагестана за годы Советской власти / А. Данилов. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1970. – 56 с.
72. Демченко С.В. Массова комунікація як чинник формування громадського суспільства в незалежній Україні (глобальне і національне): монографія [Массовая коммуникация как фактор формирования гражданского общества в независимой Украине (глобальное и национальное)] / С.В. Демченко. – Днєвськ: Вид-во Маковецький, 2009. (на укр. яз.)
73. Дендиев К.Г. Политические репрессии в Чечне 1920-1930-х гг.: предпосылки и динамика развития: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / К.Г. Дендиев. – Грозный, 2019. – 223 с.
74. Джамбулатова З.К. Культурное строительство в Советской Чечено-Ингушетии (1920–1940 годы) / З.К. Джамбулатова. – Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1974. – 233 с.
75. Джафаров К.И. История техники и технологии нефтяного дела на Северном Кавказе: дис. ... докт. техн. наук/07.00.10 / К.И. Джафаров. – Москва. – 1999. – 326 с.

76. Дзиов Э.А. Партийно-советская печать Северной Осетии в борьбе за социалистическую индустриализацию области (1926–1936 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.01 / Э.А. Дзиов. – Орджоникидзе, 1977. – 202 с.
77. Дыхаев В.А., Исаев Э.А. Пресса, рожденная Октябрем (1917-1932 гг.) / В.А. Дыхаев, Э.А. Исаев. – Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1975. – 108 с.
78. Емельянов Л.П. Печать Удмуртии: из истории возникновения и развития партийно-советской печати Удмуртии / Л.П. Емельянов. – Ижевск: Удмуртия, 1964. – 81 с.
79. Жирков Г.В. Журналистика России в период падения самодержавия / Г.В. Жирков // Журналистика XXI века: исторический опыт и современное развитие. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. XXII. Владикавказ, 2022. – С. 92-123.
80. Жирков Г.В. Журналистика сталинской эпохи. 1928-1950-е годы / Г.В. Жирков. – 2-е изд., стер. – Москва: Флинта: Наука, 2016. – 500 с.
81. Жирков Г.В. История цензуры в России XIX–XX вв. / Г.В. Жирков. – Москва: Аспект Пресс, 2001. – 367 с.
82. Жирков Г.В. Советская крестьянская печать – один из типов социалистической прессы / Г.В. Жирков. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1984. – 177 с.
83. Журналистика в политической структуре общества: Некоторые проблемы организации системы средств массовой информации и пропаганды / Под ред. Я.Н. Засурского. – М.: Изд-во МГУ, 1975. – 334 с.
84. Иванова Г.М. Репрессивная система и карательная политика государства / Г.М. Иванова. – // Власть и общество в СССР: политика репрессий (20-40-е гг.). Сборник статей. – Москва: Институт российской истории РАН, 1999. – С.165-192.
85. Иванова Р.А. Журналистика 30-х годов: особенности ее деятельности в условиях тоталитарного государства / Р.А. Иванова // Неизвестные страницы отечественной журналистики (Под. ред. Засурского Я.Н.). – М.: Изд-во «ВК», 2006. – С. 75–86.

86. Исаев А.А. Магомедмирза Мавраев – первопечатник и просветитель Дагестана / А.А. Исаев. – Махачкала: Даг. НЦ РАН, 2003. – 240 с.
87. Исаев Э.А. Первые партийно-советские газеты Чечено-Ингушетии / Э.А. Исаев // Публицистика Дона и Северного Кавказа. Сборник статей (Отв. ред. Е.А. Корнилов). – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1979. – С. 44-68.
88. Исаев Э.А. Роль партийно-советской печати Чечено-Ингушетии в экономическом и социально-политическом развитии республики (1917-1932 гг.): дис. ... канд. ист. наук. 07.00.01 / Исаев Э.А. – Москва, 1973. – 298 с.
89. Исаев Э.А. Страницы из истории молодежной печати в Чечено-Ингушетии / Э.А. Исаев. – Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1973. – 36 с.
90. История журналистики Осетии: Сборник статей / Сост. Тедтеева З.Х., Туаева Б.В., Хозиев Б.Р. Вып. I: Сев.-Осет. гос. ун-т им. К.Л. Хетагурова. Владикавказ: ИПЦ СОГУ, 2018. – 568 с.
91. История журналистики Осетии: Сборник статей / Сост. Тедтеева З.Х., Туаева Б.В., Хозиев Б.Р. Вып. II: Сев.-Осет. гос. ун-т им. К.Л. Хетагурова. Владикавказ: ИПЦ СОГУ, 2019. – 546 с.
92. История советской многонациональной литературы в 6 т. / Отв. ред. Г.И. Ломидзе. – Т. 2. Кн. 2. – Москва: Наука, 1972. – 560 с.
93. История советской политической цензуры. Документы и комментарии / Сост. Т.М. Горяева. – М.: РОССПЭН, 1997. – 672 с.
94. История советской радиожурналистики, 1917-1945: Документы. Тексты. Воспоминания / Составитель Т.М. Горяева. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 434 с.
95. Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.) / С.М. Исхаков. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: «Социально-политическая мысль», 2004. – 600 с.
96. Каймаразов Г.Ш. Очерки истории культуры народов Дагестана: от времени присоединения к России до наших дней / Г.Ш. Каймаразов. – М., 1971. – 475 с.
97. Какагасанов Г.И. Массовые политические репрессии 20-40-х и начала 50-х годов XX в. В Дагестане и их последствия (Историко-документальное

- исследование) / Г.И. Какагасанов. – Махачкала: ИИАЭ ДФИЦ РАН, АЛЕФ, 2020. – 234 с.
98. Капитан Т.Ф. Региональная журналистика: печать Дона и Северного Кавказа. Учебное пособие / Т.Ф. Капитан. – Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2019. – 100 с.
99. Каравашкова С.В. Подготовка журналистских кадров в первые годы советской власти / С.В. Каравашкова // Вестник Московского ун-та. – Сер. 10. Журналистика. – 1967. – № 5. – С. 70-76.
100. Каражаева М.Б. Периодическая печать Осетии в 20–30-е годы XX века / М.Б. Каражаева // Журналистика на пороге XXI века: исторический опыт, современное развитие. Вып. II / Под. ред. А. А. Магометова. – Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1997. – С. 179-185.
101. Каражаева М. Б. Становление системы журналистики Северной Осетии: Путь к автономии, 1917–1924 гг.: дис. ... канд. филолог. наук. 10.01.10/ М. Б. Каражаева. – Санкт-Петербург, 2003. – 186 с.
102. Катков Н.Ф. Агитационно-пропагандистская работа в войсках в тылу белогвардейцев в период 1918-1920 гг. / Н.Ф. Катков; Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. – 168 с.
103. Кенез П. Красная атака, белое сопротивление. 1917–1918 / П. Кенез // Пер. с англ. К. А. Никифорова. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. – 287 с.
104. Кидакоева З.Ш. Историко-типологические особенности прессы социалистов-революционеров: региональный аспект (на материале периодики Кубанской области): дис. ... канд. филолог. наук: 10.01.10 / З.Ш. Кидакоева. – Краснодар, 2013. – 194 с.
105. Коганович Л. Задачи украинских большевиков в работе на селе / Л. Коганович. – Партийное строительство, 1932. – № 14. – С. 3
106. Коганович Л. О чистке партии / Л. Коганович. – Партийное строительство, 1933. – № 11. – С. 5.

107. Коркмасов Д. Роль и значение печати в Дагестане: Доклад на I Вседагестанской конференции работников печати и рабселькоров / Д. Коркмасов. – Махачкала: Отдел печати ДК ВКП(б), 1926. – 30 с.
108. Корнилов Е.А. Проблемы исторического исследования советской печати Дона и Северного Кавказа / Е.А. Корнилов // Публицистика Дона и Северного Кавказа. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1979.– С. 4–29.
109. Корнилов Е.А. Советская печать Дона и Северного Кавказа. 1917-1925: Ист. типология / Е.А. Корнилов. – Ростов-н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1984. – 176 с.
110. Кузнецов И.В. Партийно-советская печать в годы социалистической индустриализации страны (1926–1929): Лекции / И.В. Кузнецов. – М.: Изд-во МГУ, 1974. – 60 с.
111. Куликова Г.Б., Ярушина Л.В. Власть и интеллигенция в 20–30-е гг. / Г.Б. Куликова, Л.В. Ярушина // Власть и общество в СССР: политика репрессий (20–40-е гг.). Сборник статей. – Москва: Институт российской истории РАН, 1999. – С. 90-122.
112. Купина Н.А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции / Н.А. Купина. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1995. – 144 с.
113. Кусаев А.Д. Писатели Чечни (Очерки жизни и творчества) / А.Д. Кусаев. – Грозный: ИПК «Грозненский рабочий», 2011. – 720 с.
114. Кусаев А.Д. Писатели Чечни / А.Д. Кусаев. – Грозный: ГУП «Кн. изд-во», 2005. – 410 с.
115. Кусаев А.Д. Чеченское радио и телевидение: этапы становления и развития / А. Д. Кусаев. – Грозный: Изд.-во ЧГУ, 2013. – 312 с.
116. Кучирь А.Г. Большевистские военные газеты – боевой помощник коммунистической партии в создании красной армии (Окт. 1917 – июль 1918 гг.) / А.Г. Кучирь: дис. ...канд. ист. наук: 07.00.01 / ЛГУ им. А.А. Жданова.– Ленинград, 1986.– 232 с.
117. Лагутин С.М. Митинг миллионов / С.М. Лагутин. – Грозный: Чеч.-Инг. кн. из-во, 1978. – 88 с.

118. Ленин В.И. Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, 25-26 октября 1917 г.: Рабочим, солдатам и крестьянам! / В.И. Ленин // Полн. собр. соч., изд. 5-е. Москва, Изд-во политической лит-ры, 1974. – т. 35. – С. 11-12.
119. Ленин В.И. Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций Востока 22 ноября 1919 г. / В.И. Ленин // Полн. собр. соч., изд. 5-е. Москва, Изд-во политической лит-ры, 1970. – Т. 39. – С. 318-331.
120. Ленин В.И. Запись на приеме дагестанской делегации / В.И. Ленин // Полн. собр. соч., изд. 5-е. Москва, Изд-во политической лит-ры, 1970. – Т. 42. – С. 420.
121. Ленин В.И. О внутренней и внешней политике республики: Отчет ВЦИК и СНК 23 декабря на IX Всероссийском съезде советов 23-28 декабря 1921 / В.И. Ленин // Полн. собр. соч., изд. 5-е. Москва, Изд-во политической лит.-ры, 1970. – Т. 44. – С. 291-330.
122. Ленин В.И. О задачах профсоюзов / В.И. Ленин // Полн. собр. соч., изд. 5-е. Москва, Изд-во политической лит.-ры, 1969. – Т. 37. – С. 403–406.
123. Ленин В.И. О характере наших газет / В.И. Ленин // Полн. собр. соч., изд. 5-е. Москва, Изд-во политической лит.-ры, 1969. – Т. 37. – С. 89-91.
124. Ленин В.И. Ответ на вопросы американского корреспондента / В.И. Ленин // Полн. собр. соч., изд. 5-е. Москва, Изд-во политической лит.-ры, 1970. – Т. 39. – С. 113–117.
125. Ленин В.И. Письмо к товарищам (к выходу органа партийного большинства) / В.И. Ленин // Полн. собр. соч., изд. 5-е. Москва, Изд-во политической лит.-ры, 1967. – Т. 9. – С. 103-109.
126. Ленин В.И. Письмо М.А. Бонч-Бруевичу 5 февраля 1920 г. / В.И. Ленин // Полн. собр. соч., изд. 5-е. Москва, Изд-во политической лит.-ры, 1970. – Т. 51. – С. 128.
127. Ленин В.И. Проект программы РКП(б) / В.И. Ленин // Полн. собр. соч., изд. 5-е. Москва, Изд-во политической лит.-ры, 1969. – Т. 38. – С. 81-124.

128. Ленин В. И. С чего начать? / В. И. Ленин // Полн. собр. соч., изд. 5-е. Москва, Изд-во политической лит.-ры, 1967. – Т. 5. – С. 1-13.
129. Ленин В.И. Телеграмма Г.К. Орджоникидзе, 15 апреля 1920 г. / В.И. Ленин // Полн. собр. соч., изд. 5-е. Москва, Изд-во политической лит.-ры, 1970. – Т. 51. – С. 178.
130. Ленин В.И. Товарищам коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана, Горской республики / В.И. Ленин // Полн. собр. соч., изд. 5-е. Москва, Изд-во политической лит.-ры, 1970. – Т. 43. – С. 198-200.
131. Ленин В.И. Что делать? / В.И. Ленин // Полн. собр. соч., изд. 5-е. Москва, Изд-во политической лит.-ры, 1963. – Т. 6. – С. 1-192.
132. Лепилкина О.И. Структурно-типологическая трансформация системы русской провинциальной прессы в XVIII – начале XX вв.: дис. ... д-ра филолог. наук: 10.01.10 / О.И. Лепилкина. – Ставрополь, 2010. – 430 с.
133. Лепилкина О.И. Типологическая специфика дореволюционных провинциальных периодических изданий в рефлексивном дискурсе редакций / О.И. Лепилкина // Журналистика: взаимодействие науки и практики. Актуальные вопросы медиарегулирования: опыт Германии и России. Материалы международных научно-практических конференций 3–6 октября 2012 г. Ростов-на-Дону. – 2012. – С. 99-101.
134. Лорсанукаев С.М. Первая чеченская газета «Серло» / С.М. Лорсанукаев. – Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1962. – 44 с.
135. Магомадов М.Г. Журналистика Чечни накануне Первой мировой войны (1900–1914) / М.Г. Магомадов; Грозный, Изд-во ЧГУ, 2014. – 312 с.
136. Магомаев С.Д. «Даймохк» газет а, цуьнан журналисташ а. Газетан 95 шо кхачарна [Газета «Даймохк» и его журналисты. Сборник исторических и портретных очерков к 95-летию газеты] / С.Д. Магомаев. – Грозный: ИПК «Грозненский рабочий», 2018. – 352 с. (на чеченском языке)
137. Магомедов Г.А. История даргинской национальной прессы 1920–1940 гг. Зарождение и развитие: дис. ... канд. историч. наук: 07.00.02 / Г.А. Магомедов. – Махачкала, 1998. – 169 с.

138. Магомедов Ш.М. Кумыкская печать в 1917-1918 годах // Труды Института истории партии при Дагестанском обкоме КПСС. – Махачкала: Даг. кн. изд., 1958. – Т. II. – С. 3–21.
139. Магометов А.А. Исторический опыт КПСС по руководству партийно-советской печатью автономных республик Северного Кавказа (1921-1925 гг.): дис. ... докт. ист. наук: 07.00.01 / А.А. Магометов. – Орджоникидзе, 1982. – 347 с.
140. Магометов А.А. Светом правды озаряя путь / А.А. Магометов. – Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1978. – 79 с.
141. Магулаева Ф.А. Становление и развитие прессы Карачая (1918–1959) / Ф.А. Магулаева; Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010. – 288 с.
142. Мальсагов А.У, Туркаев Х.В. Писатели Советской Чечено-Ингушетии / А.У. Мальсагов, Х.В. Туркаев. – Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1969. – 148 с.
143. Мальсагова А.Б. Становление и развитие системы СМИ Чеченской Республики в постсоветский период (1992-2017 гг.): дис. ... канд. филолог. наук: 10.01.10 / А.Б. Мальсагова. – Москва, 2019. – 199 с.
144. Мамилов М.С. Партийное руководство печатью Чечено-Ингушетии в начальный период социалистического строительства (1921-1929 гг.) / Мамилов М.С. // Деятельность Чечено-Ингушской партийной организации в период борьбы за победу социализма: Сб. науч. трудов: Чеч.-Инг. госуд. ун.-т: К.И. Ефанов (отв. ред.) и др. – Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1979. – С. 69–86.
145. Манцаева Т.Б. Политические репрессии в Калмыкии во второй половине 1920-х – 1930-е гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Т.Б. Манцаева. – Элиста, 2010. – 199 с.
146. Мартиросиан Г.К. Владикавказская периодическая печать / Г.К. Мартиросиан // Сборник научного общества этнографии, языка и литературы при Горском педагогическом институте. – Т. 1. – Владикавказ, 1929. – С. 100-104.
147. Мартыненко К.М. Большевицкая печать в борьбе за власть Советов на Дону и Северном Кавказе (март 1917 – дек. 1920) / К.М. Мартыненко. – Ростов-н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1986. – 175 с.

148. Мельгунов С.Б. Красный террор в России. 1918–1923 / С.Б. Мельгунов. – Симферополь: Таврия, 1991. – 256 с.
149. Местная и национальная печать. Вопросы истории и методологии. Отв. редактор Кучерова Г.Э. / Г.Э. Кучерова. – Ростов-на-Дону: Ростовский гос. ун-т, 1983. – 124 с.
150. Минаева О.Д. Журналы «Работница» и «Крестьянка» в решении «женского вопроса» в СССР в 1920-1930-е гг.: модель пропагандистского обеспечения социальных реформ [Академические монографии] / О.Д. Минаева. – Москва: МедиаМир, 2015. – 232 с.
151. Минаева О.Д. Февральская революция 1917 года и свобода русской печати / О.Д. Минаева // Неизвестные страницы отечественной журналистики (Под ред. Засурского Я.Н.). – М.: Изд-во «ВК», 2006. С. 87-104.
152. Многонациональная советская журналистика (ред. коллегия: Засурский Я.Н., Мишурис А.Л., Овсепян Р.П. и др.) / Я.Н. Засурский, А.Л. Мишурис, Р.П. Овсепян. – М.: Мысль, 1975. – 371 с.
153. Многонациональная советская журналистики / Под редакцией Б.Д. Дацюка и др. – Москва: Изд. Московского университета, 1972. – 370 с.
154. Молчанов Л.А. Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны (окт. 1917-1920 гг.) / Л.А. Молчанов. – М.: Издатпрофпресс, 2002. – 272 с. [<http://evartist.narod.ru/text9/01.htm>]
155. Мурадов М.К., Турпалов Л.А. «Грозненский рабочий» – 90 лет / М.К. Мурадов, Л.А. Турпалов. – Москва: Экскилибрис, 2007. – 143 с.
156. Мякиев А.А. «Сердало» за 40 лет (1923-1963 гг.): Первая ингушская газета / А.А. Мякиев. – Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1964. – 94 с.
157. Национальный вопрос на перекрестке мнений: 20-е годы: документы и материалы / Сост. В.А. Горный и др.; М.: Наука, 1992. – 268 с.
158. Нежинская Т.Т. Партийное руководство периодической печатью для села в годы коллективизации / Т.Т. Нежинская // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Научно-теоретический и прикладной журнал. – Ростов-н/Д. 1982. – № 2(38). – С. 36-43.

159. Несоветские газеты (1918-1922 гг.) Каталог собрания Российской национальной библиотеки / Отв. сост. Снигирева И.А. – Санкт-Петербург: Изд. РНБ, 2003. – 168 с.
160. Нуруллина Р.М. Становление партийно-советской печати на татарском языке (1917-1925 гг.) / Р.М. Нуруллина. – Казань: изд-во Казан. ун-та, 1978. – 168 с.
161. Овсепян Р.П. Многонациональная печать большевиков (1900-1917 гг.) / Р.П. Овсепян. – М.: Изд.-во МГУ, 1972. – 230 с.
162. Овсепян Р.П. История новейшей отечественной журналистики / Р.П. Овсепян. – М., Изд-во МГУ, 1999. – 304 с.
163. Овсепян Р.П. История новейшей отечественной журналистики: февраль 1917–начало 90-х годов / Р.П. Овсепян; под ред. Я.Н. Засурского. – 3-е изд., допол. – М.: Изд-во МГУ, 2005. – 349 с.
164. Овсепян Р.П. Советская многонациональная печать: Учеб.-метод. пособие / Р.П. Овсепян. – М.: Изд-во МГУ, 1968. – 55 с.
165. Овсепян Р.П. Строительство многонациональной печати Советского государства / Р.П. Овсепян // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика, 1977. – № 3. – С. 23-35.
166. Овсепян Р.П. Этническая журналистика в полиэтническом обществе / Р.П. Овсепян // Журналистика: взаимодействие науки и практики. Актуальные вопросы медиарегулирования: опыт Германии и России. Материалы международных научно-практических конференций 3–6 октября 2012 г. Ростов-на-Дону. – 2012. – С. 114-119.
167. Осетинская горка. Восхождение: к юбилею ГТРК «Алания» / Сост. Т.В. Кусов. – Владикавказ: Перо&Кисть, 2011. – 696 с.
168. Отчет о работе Ингушского областного исполнительного комитета III созыва в 1927–28 годах. – Владикавказ. – 1929. – 196 с.
169. Ошаев М.Х. «Ответственность таланта» / М.Х. Ошаев // Несгибаемый борец: к 100-летию Ошаева Х. Д. Сост. И. Николаенко. Грозный: «Zhaina», 1997. – С. 70-97.

170. Ошнокова Ф.Ш. Возникновение и развитие партийно-советской печати Кабардино-Балкарии (1917–1936 гг.): дис. на соискание ученой степени кандидата исторических наук. (580) / Ф.Ш. Ошнокова. – Москва, 1971. – 263 с.
171. Павлова И.В. Показательные процессы в российской глубинке в 1937 году / И.В. Павлова // Гуманитарные науки в Сибири. – 1998. – № 2. – С. 98-103.
172. Партийно-советская печать в период борьбы за строительство социализма: Сб. статей / Под ред. А.Л. Мишуриса. – М.: Изд-во МГУ, 1964. – 147 с.
173. Периодическая печать Советского Дона (1920–1958 гг.). Библиографический указатель / Сост. Руманова Д.И. – Ростов-на-Дону, 1961. – 184 с.
174. Петрушин Ю.А., Шилова О.С. СМИ как инструмент информационно-пропагандистской политики во время Гражданской войны в Сибири / Ю.А. Петрушин, О.С. Шилова / Вопросы теории и практики журналистики. – 2019. – Т. 8. – № 1. – С.72-80.
175. Печать Дагестана: справочник. Ред.-состав. Алиханова А.А. / А.А. Алиханова. – Махачкала: Даг. Кн. изд-во, 1983. – 172 с.
176. Порсукова З.А. Роль журнала "Танг-Чолпан" ("Утренняя звезда") в становлении и развитии национально-художественного сознания дагестанцев: дис. на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.01.02 / З.А. Порсукова; Дагестанский государственный педагогический университет. Махачкала, 2010. –171 с.
177. Привалов В.З. Ленинские принципы и опыт подготовки журналистских кадров, воспитания и обучения народных корреспондентов: дис. ... канд. филолог. наук: / В.З. Привалов; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Москва, 1984. – 202 с.
178. Привалов В. Ленинская школа журналистики / В. Привалов // Журналист, 1960. – № 4. – С. 4-7.
179. Радиожурналистика; учебник / под ред. А.А. Шереля. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во Моск. ун-та: Наука, 2005. – 477 с.

180. Репрессии 30-х годов в Дагестане (Документы и материалы) / Сост-ли Какагасанов Г.И., Бутаев М.Д., Джамбулатова Р.И. – Махачкала: Изд-во «Юпитер», 1997. – 528 с.
181. Сабанчиев Х. Из истории советской печати в Кабарде / Х. Сабанчиев. – Нальчик: Кабард. кн. изд-во, 1953. – 15 с.
182. Сахаров К.В. Белая Сибирь (Внутренняя война 1918-1920) / К.В. Сахаров. – Мюнхен, 1923. – 324 с.
183. Свитич Л.Г. Профессия: журналист. Учебное пособие / Л.Г. Свитич. – М.: Аспект Пресс, 2003. – 255 с.
184. Смирнова И. Почему белые проиграли? / И. Смирнова // Труд. – 2019. – 8 ноября.
185. Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917-1918 гг.), Горская республика (1918-1920 гг.). Документы и материалы / Отв. ред. А.И. Османов. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 1994. – 440 с.
186. Сталин И.В. О рабкорах: Беседа с сотрудником журнала “Рабочий Корреспондент” / Сталин И.В. // Сочинения. – Т. 6. – М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1947. – С. 261-263.
187. Станько А.И. Журналистика Дона и Северного Кавказа / А.И. Станько. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1990. – 128 с.
188. Старкова Г.И. Билингвизм и вариативность моделей юношеских газет в 1930-е годы как особенности национальной прессы / Г.И. Старкова // Журналистика: взаимодействие науки и практики. Актуальные вопросы медиарегулирования: опыт Германии и России. Материалы международных научно-практических конференций 3–6 октября 2012 г. Ростов-на-Дону. – 2012. – С. 153-156.
189. Суханов Н.Н. Записки о революции / Н.Н. Суханов. – Кн. 7. Public Domain, 1921. – 1060 с.
190. Таказов В.Д. Журналистика и литературный процесс в Осетии (вторая половина XIX – середина XX вв.): дис. ... докт. филологических наук: 10.01.10 / В.Д. Таказов. – Санкт-Петербург, 1998. – 370 с.

191. Текеева Х.А. Национальная печать Северного Кавказа: формирование, структура, тенденции (на материалах периодики Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Осетии. 1920–1936 гг.): дис. ... канд. филолог. наук: 10.01.10 / Х.А. Текеева. – Москва, 2003. – 150 с.
192. Теммоев С.М. Национальная и федеративная политика советского государства на Северном Кавказе: исторический опыт (1917–1937 гг.): дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / С.М. Теммоев. – Владикавказ, 2010. – 202 с.
193. Ткаченко Е.Г. Медиакампания «Коллективизация» в советских СМИ: идейно-тематические принципы, особенности проведения / Е.Г. Ткаченко // Развитие региональной журналистики: от первой газеты до интернета. Материалы Международной заочной конференции (г. Астрахань, 10–12 июня 2013 г.) /. – Астрахань, ИД «Астраханский университет», 2013. – С. 83-87.
194. Тобольцева Н.М. Журналистика первого десятилетия советской власти как инструмент тоталитарной индоктринации / Н.М. Тобольцева // Неизвестные страницы отечественной журналистики (Под. ред. Засурского Я. Н.). – М.: Изд-во «ВК», 2006. – С.124-139.
195. Тобольцева Н.М. Тоталитаризм и журналистика / Н.М. Тобольцева. – М.: Московский гос. ун-тет им. М. В. Ломоносова. Фак. Журналистики, 2004. – 143 с.
196. Толчинская Т.И. Печать в борьбе за общественное мнение в России в 1900–1930-х годах: традиции и особенности исторической эволюции (на примере центральных и региональных газет: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Т.И. Толчинская. – Владикавказ, 2012. – 186 с.
197. Троцкий Л.Д. Очередные задачи хозяйственного строительства: Доклад на IX съезде РКП(б) / Л.Д. Троцкий // Девятый съезд РКП(б). Под ред. Н.Л. Мещерякова. – М.: Партийное изд-во, 1934. – С. 100-123.
198. Троцкий Л. О Ленине. Материалы для биографа / Л. Троцкий. – Москва: Грифон. 2005. – 135 с.

199. Туркаев Х.В. Просветитель, писатель и патриот / Х.В. Туркаев // Несгибаемый борец. К 100-летию Ошаева Х. Д. / Сост. И. Николаенко. Грозный: «Zhaina», 1997. – С. 5-18.
200. Турпалов Л.А. Особенности развития прессы автономных республик Северного Кавказа в период борьбы за построение социализма (на опыте печати Чечено-Ингушской АССР: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.10. / Л.А. Турпалов; Московский государственный университет. Москва, 1980. – 219 с.
201. Турпалов Л.А. Тенденции развития системы журналистики республик Северного Кавказа в период построения социализма (1917–1938 годы) / Л.А. Турпалов. – Грозный: Изд-во ЧГУ, 2017. – 234 с.
202. Тягленко Г. Вооружайтесь опытом передовых / Г. Тягленко. – Ростов-на-Дону: Партиздат, 1932. – 56 с.
203. Урусова Э.Н. Возникновение и развитие журналистики Карачаево-Черкесии: национально-культурное своеобразие (конец XIX – середина XX вв.): дис. ... канд. филолог. наук: 10.01.10 / Э.Н. Урусова. – Санкт-Петербург, 2006. – 225 с.
204. Фатеева И.А. Российское газетоведение 1920-х годов: контуры научного направления / И.А. Фатеева // Коммуникации. Медиа. Дизайн. – 2017. – Том 2, №4. – С. 105-122.
205. Хлынина Т.П. Становление советской национальной государственности у народов Северного Кавказа. 1917–1937 гг.: проблемы историографии / Т.П. Хлынина. – М.: Изд-во МГОУ, 2003. – 266 с.
206. Хоруев Ю.В. 109 голосов. Справочник периодических изданий на Тереке (1863-1917) / Ю.В. Хоруев. – Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1966. – С. 127.
207. Хоруев Ю.В. Печать Терека и царская цензура / Ю.В. Хоруев. – Орджоникидзе: Изд-во «Ир», 1971. – 126 с.
208. Хуако З.Ю. Печать, рожденная Октябрем / З.Ю. Хуако. – Майкоп: Краснодар. кн. изд-во. Адыг. отдел-е, 1979. – 91 с.

209. Хуако З.Ю. Газеты для малограмотных в системе печати Северного Кавказа (1921-1936 гг.) / З.Ю. Хуако // Типология журналистики. Вопросы методологии и истории. – Ростов-н/Д., 1987. – С. 104.
210. Хуако З.Ю. Мир печати Адыгеи: К 300-летию рос. прессы / З.Ю. Хуако. – Майкоп: Адыг. респ. кн. изд-во, 2003. – 606 с.
211. Хуако З.Ю. Социокультурное измерение становления системы национальной журналистики на Северном Кавказе в 20-30-е гг. XX вв. / Хуако З.Ю. // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2018, Вып. 4. – С. 65-73.
212. Хуако З.Ю. Участие печати национальных областей Северного Кавказа в осуществлении плана социалистического строительства: По материалам прессы Адыгеи и Карачаево-Черкесии 1928–1937 годов: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.00 / З.Ю. Хуако. – Москва, 1972. – 281 с.
213. Хуако З.Ю. Формирование системы печати в советских автономиях Северного Кавказа (1920–1936) / З.Ю. Хуако. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1988. – 144 с.
214. Хуако З.Ю. Формирование системы печати в условиях советской автономии (на опыте партийно-советской прессы народов Северного Кавказа. 1920–1936 гг.): дис. ... докт. ист. наук: 07.00.01/ З.Ю. Хуако. – Москва, 1991. – 294 с.
215. Царькова Т.С. История советской журналистики: «Тяжелое дыхание времени» / Т.С. Царькова // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2018. № 6. С. 254-257.
216. Цензура в Советском Союзе, 1917–1991. Документы / Сост.: А.В. Блюм. М.: РОССПЭН (Рос. полит. энцикл.), 2004. – XXII. – 576 с.
217. Чиненная Т.Ю. Радио в многонациональной республике: исторический опыт, социальные функции, жанровая специфика (на примере радиовещания Дагестана): дис. ... канд. филолог. наук: 10.01.10 / Т.Ю. Чиненная. – Москва, 2009. – 176 с.
218. Энгельгардт Б. Контрреволюция / Б. Энгельгардт. – М.: Унив.-т Дмитрия Пожарского, 2020. – 320 с.

219. Baberowski J. Der Feind ist überall. Stalinismus im Kaukasus. München: Deutsche Verlags-Anstalt, 2003. 882 p. (In German)

Электронные ресурсы

220. CHERKESSK.SU. Информационно-развлекательный ресурс.
<http://cherkessk.su/groups/group/14/wiki/Радиовещание%20и%20телевидение/>
 (дата обращения 31.03.2020 12:37)
221. ГТРК «Алания». Официальный сайт. URL: <http://amanita.run/o-Kompania/> (дата обращения 31.03.2020 12:56).
222. Кихтан В.О развитии журналистского образования в России и за рубежом В.О Кихтан // RELGA 2011, № 6 (<http://www.reflag.run/Environ/WebObjects/tug-www.woe/wa/Main?textid=2885&level1=main&level2=articles>) (12.04.2020 10:16)
223. Киянская О.И., Фельдман Д.М. Из истории журналистики конца 1920-х – начала 1930-х гг.: показания А.Н. Гарри / О. И. Киянская, Д. М. Фельдман / <https://cyberleninka.ru/article/n/iz-istorii-zhurnalistiki-kontsa-1920-h-nachala-1930-h-gg-pokazaniya-a-n-garri/viewer>.
224. Советская Адыгея. Официальная газета Правительства Республики Адыгея. URL: <https://sovetskaya-adygeya.ru/index.php/stati/17411-den-radio-93-goda-nazad-v-efir-vpervye-vyshli-pozyvnye-radioveshchaniya-adygei> (дата обращения 21.02.2020 16:48)
225. Фатеева И.А. Профессиональная подготовка журналистов 20-30-х годов в системе формального образования: формы существования и взаимодействия с социальными институтами / И.А. Фатеева // <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-podgotovka-zhurnalistov-20-30-h-godov-v-sisteme-formalnogo-obrazovaniya-formy-suschestvovaniya-i-vzaimodeystviya-s> (Дата обращения 17.01.2023. 4:39)
226. Цуладзе А. СМИ в системе общественного диалога в контексте формирования установок толерантности / А. Цуладзе // Социальное насилие и толерантность: реальность и медиа-образы [Электронный ресурс]. – Москва, 2004]. –

http://www.dzyalosh.ru/03-toler/books/nasilie/2_culadze.htm (дата обращения 31.10.2019)

Документы

227. XIII съезд РКП(б). Май 1924 года: Стенографический отчет. – М.: Госполитиздат, 1963. – 884 с.
228. XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б), 18–31 декабря 1925 г. Стенографический отчет. – М.: Гос. изд.-во, 1926. – 1029 с.
229. Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов / Подгот.: К. Г. Котельников; авт. предисл.: Я. А. Яковлев. – М.; Л.: Гос. изд.-во, 1928. – 179 с.
230. Главнейшие очередные задачи партии в области печати: Пост-е ЦК РКП(б), 6 февраля 1924 г. // КПСС о средствах массовой информации и пропаганды. – М.: Изд-во политич. лит.-ры, 1979. – С. 81-85.
231. Декларация прав народов России. 2(15) ноября 1917 г. // Декреты советской власти. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. – Т. 1. – М.: Госполитиздат, 1957. – С. 39-41.
232. Декрет о печати. 27 октября (9 ноября) 1917 г. // Декреты советской власти. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. – Т. 1. – М.: Госполитиздат, 1957. – С. 24-25.
233. Декрет о Революционном трибунале печати. 28 января (10 февраля) 1918 г. // Декреты советской власти. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. – Т. 1. – М.: Госполитиздат, 1957. – С. 432-434.
234. Записка отдела печати ЦК ВКП(б) (до 5 авг. 1927 г.) // История советской политической цензуры: док. и мат-лы / Сост. Т. М. Горяева. М., 1997. С. 52.
235. О «Страничке работницы и крестьянки» в местных газетах: Письмо ЦК РКП(б), 10 июня 1922 г. // О партийной и советской печати, радиовещании и телевидении: Сборник документов и материалов. – М.: Мысль, 1972. – С. 89.
236. О журнале «Революция и горец. Пост.-е Северо-Кавказского крайкома ВКП(б), 16 мая 1932 года // Революция и горец. – 1932. – № 4. – С. 4-5.

237. О задачах национальной печати Северо-Кавказского края в условиях социалистической реконструкции нацобластей. Пост.-е секретариата Северокавказского крайкома, 13 марта 1931 г. // Парработник Северного Кавказа. – 1931. – № 9. – с. 28-29.
238. О кадрах газетных работников: Пост.-е ЦК ВКП(б), 2 ноября 1930 г. // О партийной и советской печати, радиовещании и телевидении: Сборник документов и материалов. – М.: Мысль, 1972. – С.169-171.
239. О крестьянской периодической печати: Пост.-е Оргбюро ЦК РКП(б), 16 февраля 1925 г. // О партийной и советской печати, радиовещании и телевидении: Сборник документов и материалов. – М.: Мысль, 1972. – С. 128-129.
240. О партийной и советской печати: Резолюция VIII съезда РКП(б), 18–23 марта 1919 г. – // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). – 9-е изд., доп. и испр. – Т. 2. Москва: Политиздат, 1983. – С. 115-117.
241. О перестройке рабселькоровского движения: Пост.-е ЦК ВКП (б), 16 апреля 1931 г. // О партийной и советской печати, радиовещании и телевидении: Сборник документов и материалов. – М.: Мысль, 1972. – С. 175-178.
242. О печати и пропаганде: Резолюция XI съезда РКП(б), 27 марта – 2 апреля 1922 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). – 9-е изд., доп. и испр. – Т. 2. Москва: Политиздат, 1983. – С. 523-528.
243. О печати. Резолюция Северо-Кавказского краевого совещания редакторов и заведующих издательствами // Революция и национальности. – 1930, № 1. – С. 27-28.
244. О печати: Постановление Временного Правительства от 27 Апреля 1917 года // Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 1, 27 февраля – 5 мая 1917 г. / Сост. Отд. свода законов Гос. канцелярии. – Пг.: Государственная типография, 1917. – С. 212-215.

245. О печати: Резолюция XIII съезда РКП(б), 23–31 мая 1924 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986. – 9-е изд., доп. и испр. – Т. 3. Москва: Политиздат, 1984. – С. 254-261.
246. О положении и задачах партийной печати в крае. Постановление пленум Юго-Восточного краевого комитета РКП (б) 25-26 июня 1924 г. // Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. 7. Оп. 1. Д. 15. Л. 39-43.
247. О программе местной газеты: циркуляр ЦК РКП(б) губкомам и убкомам РКП(б) от 4 апреля 1921 г. // О партийной и советской печати, радиовещании и телевидении: сборник документов и материалов. М.: Изд-во "Мысль", 1972. С. 67-71.
248. О работе в деревне: Резолюция XV съезда ВКП(б), 2–19 декабря 1927 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986. – 9-е изд., доп. и испр. – Т. 4. Москва: Политиздат, 1984. – С. 293-311.
249. О работе комсомола в области печати: Пост-е ЦК РКП(б), 14 августа 1925 г. // О партийной и советской печати, радиовещании и телевидении: Сборник документов и материалов. – М.: Мысль, 1972. – С. 136-139.
250. О работе областных газет «Колхоз бракъ» и «Колхозное знамя». Постановление бюро Адыгейского ОК ВКП(Б), 26 февраля 1936 г. // Колхозное знамя. – 1936, 14 марта
251. О работе среди молодежи: Резолюция XIII съезда РКП(б), 23–31 мая 1924 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). – 9-е изд., доп. и испр. – Т. 3. Москва: Политиздат, 1984. – С. 272-283.
252. О рабселькоровском движении. Постановление ЦК РКП(б), 1 июня 1925 г. // Красная печать. – 1925. – № 14. – С. 36-37.
253. О радио: Постановление Дагестанского ЦИК, 25 января 1926 г. // Красный Дагестан. – 1926, 28 января.

254. О радиоагитации: Постановление ЦК РКП (б), 2 марта 1925 г. // Известия ЦК РКП (б). – 1925. – № 9. – С. 9.
255. О расследовании рабселькоровских заметок. Постановление Адыгейского областного КК–РКИ, январь 1931 г. // Серп и молот. – 1931, 16 января.
256. О сокращении ведомственной печати: Пост-е ЦК РКП(б), 26 марта 1924 г. // КПСС о средствах массовой информации и пропаганды. – М.: Изд-во политич. лит.-ры, 1979. – С. 89-90.
257. О состоянии политической агитации в Ачалукском и Атагинском районах Чечено-Ингушской АССР. Постановление Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) от 26 декабря 1936 года // Пролетарий Осетии. – 1936. – 29 декабря.
258. О статье «Правды» «Гнилая позиция Дагестанского обкома». Постановление бюро Дагестанского обкома ВКП(б), 27 сентября 1937 г. // Дагестанская правда. – 1937, 28 сентября.
259. О типе рабочих и крестьянских газет: Пост-е Оргбюро ЦК РКП(б), 1 декабря 1924 г. // КПСС о средствах массовой информации и пропаганды. – М.: Изд-во политич. лит.-ры, 1979. – С. 102-103.
260. Об извращениях в политической работе среди колхозников в Чечено-Ингушской области и Азово-Черноморском крае: Постановление ЦК ВКП(б), 3 мая 1934 г. // Грозненский рабочий, 1934, 8 мая.
261. Об издании Центральным комитетом массовой рабочей газеты «Рабочий»: Письмо ЦК РКП(б), 17 июня 1922 г. // О партийной и советской печати, радиовещании и телевидении: Сборник документов и материалов. – М.: Мысль, 1972. – С. 89-90.
262. Об издательской работе. Постановление ЦК ВКП (б) 13 августа 1931 г. // О партийной и советской печати: сб. документов. М.: Изд-во «Правда», 1954. – С. 403-409.
263. Об очередных задачах партии в национальном вопросе: Резолюция X съезда РКП(б), 8–16 марта 1921 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). – 9-е изд., доп. и испр. – Т. 2. Москва: Политиздат, 1983. – С. 360-370.

264. Об улучшении партруководства печатью: Пост-е ЦК ВКП(б), 3 октября 1927 г. // О партийной и советской печати, радиовещании и телевидении: Сборник документов и материалов. – М.: Мысль, 1972. – С. 155-156.
265. Об усилении местной периодической печати: Резолюция совещания секретарей обкомов, оббюро и губкомов РКП(б) 27-29 декабря 1921 г. // О партийной и советской печати, радиовещании и телевидении: Сборник документов и материалов. – М.: Мысль, 1972. – С. 75-78.
266. Очередные задачи партии в области рабселькоровского движения: Пост-е ЦК ВКП(б) 27 августа 1926 г. // О партийной и советской печати, радиовещании и телевидении: Сборник документов и материалов. – М.: Мысль, 1972. – С. 145-147.
267. По вопросам пропаганды, печати и агитации: Резолюция XII съезда РКП(б), 17–25 апреля 1923 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). – 9-е изд., доп. и испр. – Т. 3. Москва: Политиздат, 1984. – С. 100-114.
268. По национальному вопросу: Резолюция XII съезда РКП (б), 17–25 апреля 1923 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). – 9-е изд., доп. и испр. – Т. 3. Москва: Политиздат, 1984. – С. 79-88.
269. Постановление по докладу отдела печати коллегии подотдела по национальной печати отдела печати ЦК ВКП(б). 1925 г. // Красная печать. – 1926, № 9. – С. 59–60.
270. Программа Российской коммунистической партии (большевиков) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2: 1917-1922. – Под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. - 9-е изд., доп. и испр. - Москва: Изд. политич. лит-ры. – 1983. – С.71-92.

Архивные фонды

271. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)
271.1. Ф. 439. Оп. 1. Д. 25. Л. 4 об.

- 271.2. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 179. Л. 23, 32.
- 271.3. Ф.1318, Оп.1. Д. 661. Л. 398-399.
- 271.4. Ф. 5214. Оп. 1. Д. 64. Л. 19-20.
- 271.5. Ф. Р-8454. Оп. 8. Д. 487. Л. 28-29.
- 271.6. Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 12. Л. 87.
- 271.7. Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 12. Л. 174-176.
- 271.8. Ф. 1235. Оп. 125. Д. 118. Л. 10 об.
272. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)
- 272.1. Ф. 17. Оп. 16. Д. 888. Л. 109.
- 272.2. Ф. 17. Оп. 16. Д. 891. Л. 106-107.
- 272.3. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3460, Л. 84.
- 272.4. Ф. 17. Оп. 67. Д. 169. Л. 246.
- 272.5. Ф. 17. Оп. 113. Д. 804. Л. 166.
- 272.6. Ф. 17. Оп. 167. Д. 50. Л. 184.
273. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СП).
- 273.1. Ф. 31. Оп. 2. Д. 1. Л. 87-87 об.
274. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО)
- 274.1. Ф. 7. Оп. 1. Д. 17. Л.119.
- 274.2. Ф. 7. Оп. 1. Д. 105. Л. 2.
- 274.3. Ф. 7. Оп. 1. Д. 126. Л.15-16.
- 274.4. Ф. 7. Оп. 1. Д. 126. Л.1.
- 274.5. Ф. 7. Оп. 1. Д. 333. Л. 13.
- 274.6. Ф. 7. Оп. 1. Д. 333. Л. 16.
- 274.7. Ф. 7. Оп. 1. Д. 333. Л. 20.
- 274.8. Ф. 7. Оп. 1. Д. 347. Л.5.
- 274.9. Ф. 7. Оп. 1. Д. 385. Л. 19.
- 274.10. Ф. 7. Оп. 1. Д. 446. Л. 34-37.
- 274.11. Ф. 7. Оп. 1. Д. 840. Л. 74.

- 274.12. Ф. 7. Оп. 1. Д. 446. Л. 38.
- 274.13. Ф. 7. Оп. 1. Д. 446. Л. 38-39.
- 274.14. Ф. 7. Оп. 1. Д. 446. Л.39.
- 274.15. Ф. 7. Оп. 1. Д. 732. Л.16-18, 61.
- 274.16. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1340. Л. 15.
- 274.17. Ф. 1485. Оп. 1. Д. 347. Л. 10.
- 274.18. Ф. 1485. Оп. 1. Д. 347. Л. 100.
- 274.19. Ф. 7. Оп. 1. Д. 15. Л. 39-43

275. Национальный архив Республики Адыгея (НА РА)

- 275.1. Ф.1. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.
- 275.2. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 4. Л. 80.
- 275.3. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18. Л.151.
- 275.4. Ф. 1. Оп. 1. Д. 87. Л. 219.
- 275.5. Ф. 1. Оп. 1. Д. 87. Л. 220.

276. Центр документации общественных движений и партий КЧР (ЦДОДП КЧР)

- 276.1. ФП-1. Оп. 1. Д. 4. Л. 10-11.
- 276.2. ФП-45. Оп. 1. Д. 17. Л. 27.
- 276.3. ФП-45. Оп. 1. Д. 25. Л. 106.

277. Архивное управление Чеченской Республики (АУП ЧР)

- 277.1. Ф. Р-162. Оп. 1, Д. 45. Л. 1-14.
- 277.2. Ф. Р-241. Оп. 1, Д. 53. Л.11-14.
- 277.3. Ф. Р-241. Оп. 1, Д. 60. Л. 34-36.
- 277.4. Ф. 158, оп. 1, д. 1143, л. 1-2.
- 277.5. Ф. Р-1212. Оп. 1. Д. 488. Л. 2.
- 277.6. Ф. Р-1212. Оп. 1. Д. 488. Л. 11-12.
- 277.7. Ф. Р-1212. Оп. 1. Д. 488. Л.14.
- 277.8. Ф. Р-1212. Оп. 1. Д. 502. Л. 3-4.
- 277.9. Ф. Р-1212. Оп. 1. Д. 502. Л. 55-56.
- 277.10. Ф. Р-1212. Оп. 1. Д. 502. Л. 61-62.
- 277.11. Ф. Р-1212. Оп. 1. Д. 487. Л. 34.

- 277.12. Ф. Р-1299. Оп. 1. Д. 31. Л. 10.
- 277.13. Ф. Р-1299. Оп. 1. Д. 33. Л. 50.
- 277.14. Р-264. Оп. 1, Д. 206. Л.201–241
278. Центральный государственный архив Чечено-Ингушской АССР (бывший).
- 278.1. Ф. 81. Оп. 1. Д. 17. Л. 1-2.
- 278.2. Ф. Р-162. Оп. 1, Д. 45. Л.1-14.
- 278.3. Ф. 584, Оп. 1. Д. 23. Л.102.
- 278.4. Ф. 584, Оп. 1. Д. 23. Л.288.
- 278.5. Ф. 158, оп. 1, Д. 1143. Л. 1-2.
- 278.6. Ф. 287, Оп. 1. Д. 143. Л. 53.
- 278.7. Ф. 38. Оп. 2. Д. 4. Л. 4.
279. Партийный архив Чечено-Ингушского обкома КПСС (ПА ЧИОК) (бывший)
- 279.1. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7. Л. 26.
- 279.2. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7. Л. 30.
- 279.3. Ф. 1. Оп. 1. Д. 19. Л. 198.
- 279.4. Ф. 1. Оп. 1. Д. 378. Л. 187.
- 279.5. Ф. 1. Оп. 1. Д. 130. Л. 59.
- 279.6. Ф. 1. Оп. 1. Д. 243. Л.19.
- 279.7. Ф. 9. Оп. 1. Д. 60. Л. 107.
- 279.8. Ф. 233. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.
- 279.9. Ф.233, Оп. 1. Д. 58, Л. 11.
- 279.10. Ф. 241. Оп. 1. Д. 9. Л. 2.
- 279.11. Ф. 241. Оп. 1. Д. 25. Л. 34-35.
- 279.12. Ф. 241. Оп. 1, Д. 53. Л. 11-14.
- 279.13. Ф. 241. Оп. 1. Д. 58. Л. 200.
- 279.14. Ф. 241. Оп. 1. Д. 60. Л. 34-36;
- 279.15. Ф. 241. Оп. 1. Д. 79. Л. 65.
- 279.16. Ф. 241. Оп. 1. Д. 85. Л. 96-97.
- 279.17. Ф. 241. Оп. 1. Д. 108. Л. 102 об.
- 279.18. Ф.241. Оп.1. Д.126.Л.38, 40.

- 279.19. Ф. 241. Оп. 1. Д. 132, Л. 5.
279.20. Ф. 241. Оп. 1. Д. 212, Л. 10.
279.21. Ф. 241. Оп. 2. Д. 56. Л. 29-32.
279.22. Ф. 241. Оп. 2. Д. 59. Л. 14.
279.23. Ф. 244. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.
279.24. Ф. 244. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.
279.25. Ф. 244. Оп. 1. Д. 25. Л. 13.
279.26. Ф. 244. Оп. 1. Д. 33. Л. 161-162.
279.27. Ф. 244. Оп. 1. Д. 56. Л. 99.
279.28. Ф. 244. Оп. 1. Д. 83. Л. 1-2.
279.29. Ф. 244. Оп. 1. Д. 85. Л. 29.
280. Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД)
280.1. Ф. 1. Оп. 2. Д. 163. Л. 20.
280.2. Ф. 1. Оп. 9. Д. 46. Л. 5.
281. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания
(ЦГА РСО-А)
281.1. Ф.204. Оп. 1. Д.13. Л.31.
282. Магомаев С. Личный архив. Л. 1.
283. Чуликова З. Личный архив. Л. 1.

Периодические издания

Журналы:

284. *Большевик*. Политико-экономический двухнедельник ЦК ВКП (б). 1923.
284.1. Б\а. Повысить бдительность и овладеть большевизмом. – 1937. –
№ 5-6. – С. 33-40.
285. *Большевистская печать*. Издание ЦК ВКП (б)
285.1. Б\а. – Бдительность и еще раз бдительность: Передовая статья. –
1936. – № 9. – С. 3-6.
285.2. Б\а. – Уроки процесса и печать: Передовая статья. – 1937. – № 1.
– С. 3-5.

286. *Говорит СССР*. Орган Всесоюзного комитета по радиофикации и радиовещанию.

- 286.1. Б/а. Методсовет о нацмузвещании. – 1933. – № 7. – С. 13.
- 286.2. Беляев В. О национальных передачах. – 1933. – № 7. – С. 12.
- 286.3. Будылин А. На высоте 4135 метров (Ультракоротковолновая станция на вершине Эльбруса. – 1932. – № 19. – С. 14-15.
- 286.4. Будылин А. УКВ на Эльбрусе и Ай-Петри. – 1932. – № 28-29. – С. 13.
- 286.5. Вердиев В. Ашуги перед микрофоном. – 1932. – № 28-29. – С. 4.
- 286.6. Гринблат А. Приказ был точен и краток. – 1932. – № 8. – С. 15.
- 286.7. Зузюков Е. Чечне – национальное вещание. – 1932. – № 31. – С. 13.
- 286.8. Кожевников Х. Национальное вещание на Северном Кавказе. – 1935. – № 11-12. – С. 50.
- 286.9. Поспелов А. План национального вещания или «загадочные картинки». – 1932. – № 14. – С. 6.
- 286.10. Презент М. Нужен точный отточенный язык. – 1932. – № 2. – С. 7.
- 286.11. Шнейдер А. Язык радиопрессы. 1931. – № 2. – С. 3-4.

287. *Горская мысль*. Орган Народного Комиссариата по просвещению Горской АССР. 1922.

- 287.1. Костерин А. Наши задачи. – 1921. – № 1. – С. 1-2.

288. *Горский вестник*. Литературно-краеведческий журнал Наркомпроса ГССР. 1924.

- 288.1. Мальсагов З. Общечеченская письменность. – 1924, № 1. – С. 35-39.

289. *Горский коммунист*.

- 289.1. Делерт Д. Печать Горской республики. – 1923, № 3. – С. 15-17.

290. *Журналист*.

- 290.1. Александровский. Юбилей «Красного Дагестана». – 1922. – № 1. – С. 67-68.
- 290.2. Апресян Г. Газета через пять лет. – 1929. – № 14. – С. 420–421.
- 290.3. Аршаруни А. Национальная печать. – 1927. – № 11. – С. 48-49.
- 290.4. Генкин Л. Корреспондентский актив. – № 6. – С. 56-57.
- 290.5. Б/а. В школах печати. – 1927. – № 12. – С. 29.
- 290.6. Б/а. Наши основные вопросы. Редакционная статья. – 1923. – № 3. – С. 3-9.
- 290.7. Б/а. Первый выпуск красных журналистов. – 1923. – № 3. – С. 55.
- 290.8. Безбородов С. И. Как изучать читателя (Практические предложения). – 1927. – № 3. – С. 41.
- 290.9. Бром Э. Журналистика как наука.: «Германизм» или «Американизм»? // Журналист. – 1927. – № 7–8. – С. 11-12.
- 290.10. Гус М. Журналистское образование (В порядке обсуждения). – 1927. – № 6. – С. 10-12.
- 290.11. Гус М. Сенсация (В порядке обсуждения). – 1927. – № 1. – С. 27-28.
- 290.12. Делерт Д. Среди аулов (Владикавказ). – 1923. – № 6. – С. 59-60.
- 290.13. Зильперт Б. О радио-прессе и радио-журналисте. – 1927. – № 7–8. – С. 23-24.
- 290.14. Карачайлы И. Печать национальностей Северного Кавказа. – 1928. – № 2. – С. 34-35.
- 290.15. Новицкий К. Газетное дело, как предмет преподавания. – 1922. – № 1. – С. 25-29.
- 290.16. Рысаков П. Национальная печать в социалистическом наступлении. – 1931. – № 18. – С. 6-8.
- 290.17. Срединский С. Американские университеты журнализма // Журналист. – 1927. – № 12. – С. 32-36.
- 290.18. Судачков А. Государственный институт журналистики // Журналист. – 1927. – № 12. – С. 29–31.

- 290.19. Тарасов Г. Наши достижения (Владикавказ). – 1923. – № 7. – С. 47–48.
- 290.20. Филов В. Как готовить кадры. – 1931. – № 14–15. – С.10–12.
- 290.21. Шварц Д. Национальная печать. – 1925. – № 5. – С. 13-15.
- 290.22. Ястребов Г. «Грозненский рабочий». – 1931. – № 7. – С. 10-11.
291. *Известия ЦК РКП(б)–ВКП(б)–КПСС*.
- 291.1. Б/а. Постановка радио-вещания. – 1927, № 30-31. – С. 4-5.
- 291.2. Б/а. Радио-агитация. – 1925. – № 22-23. – С. 8.
- 291.3. Беляков В. А. И. В. Сталин сам о себе. Редакционная правка собственной биографии. – 1990, № 9. – С. 113-129.
292. *Колхозная печать*. Журнал культурно-пропагандистского отдела Северо-Кавказского крайкома ВКП(б).
- 292.1. Б/а. Лицом к экономике своего района. Передовая статья // Колхозная печать. – 1931, № 1. С. – 1-3.
- 292.2. Бабаевский С. Осуществляя ленинскую национальную политику. – 1931. – № 3. – С. 26-28.
- 292.3. Магомедов Г. Ошибки исправить немедленно. – 1931. – № 3. – С. 22-23.
293. *Красная печать*. Инструкторский орган Агитационно-пропагандистского отдела ЦК РКП и Управления печати Главполитпроса. 1920.
- 293.1. Амский И. Иллюстрация газеты. – 1922. – № 5. – С.13-16.
- 293.2. Анур. Националистическая идеология и нацпечать. – 1927, № 3. – С. 10-13.
- 293.3. Анур. Периодическая национальная печать Дагестана. – 1925. – № 22. – С. 30-31.
- 293.4. Анур. Селькоровское движение в Дагестане. – 1926, № 7–8. – С. 81–82.
- 293.5. Аршаруни А. «День печати» (Итоги проведения кампании национальной периодической прессы на Кавказе в 1926 г.). – 1926. – № 11. – С. 50-55.

- 293.6. Аршаруни А. Национальные газеты и «День печати». – 1926. – № 6. – С. 24-27.
- 293.7. Аршаруни А. «Карахалк». – 1926. – № 1–2. – С. 68-69.
- 293.8. Аршаруни А. Аулкоровское движение в национальной печати. – 1925. – № 21. – С. 29-31.
- 293.9. Аршаруни А. Аулкоровское движение в нацпечати. – 1925. – № 22. – С. 28-30.
- 293.10. Аршаруни А. Аулкоровское движение в нацпечати. – 1925. – № 20. – С. 32-35.
- 293.11. Аршаруни А. ГИЖ и национальные студенты (Итоги годовой работы). – 1926, № 14. – С. 57-58.
- 293.12. Аршаруни А. Национально-культурная работа. – 1927, № 14–15. – С. 55–57.
- 293.13. Аршаруни А. Национальные рабселькоры. – 1926, № 13. – С. 58-63.
- 293.14. Аршаруни А. Национальный автор. – 1926, № 20. – С. 62-65.
- 293.15. Аршаруни А. Национальный рабселькор (К III всесоюзному совещанию рабселькоров). – 1926, № 10. – С. 20-21.
- 293.16. Аршаруни А. Печать Северной Осетии. – 1926. – № 4. – С. 41-43.
- 293.17. Аршаруни А. Печать Чечни. – 1926. – № 3. – С. 31-33.
- 293.18. Аршаруни А. Рабселькоровское движение в нац. печати. – 1925. – № 23. – С. 35-41.
- 293.19. Аршаруни А. Третий этап. – 1927. – № 5–6. – С. 42-47.
- 293.20. Аршаруни А. Четыре съезда. – 1926, № 17-18. – С. 81-89.
- 293.21. Б/а. «Красный Дагестан». – 1922. – № 4. – С. 5-6.
- 293.22. Б/а. 3-й Всероссийский съезд работников печати. Резолюция. – 1922, № 7. – С. 20-22.
- 293.23. Б/а. Газета «Грозненский рабочий» (1000 номер). – 1925, № 15. – С. 45-46.
- 293.24. Б/а. К тысячному номеру. – 1925, № 15. – С. 45.

- 293.25. Б/а. Отзывы о газетах. – 1925, № 15. – С. 50-53.
- 293.26. Б/а. Отзывы о газетах: «Сердало». – 1925, № 20. – С. 49-50.
- 293.27. Б/а. Отзывы о газетах: печать Юго-Востока. – 1923, № 20. – С. 20-22.
- 293.28. Б/а. Печать Юго-Востока. – 1923. – № 26. – С. 54-58.
- 293.29. Б/а. Хроника. Для нацпечати. – 1925. – № 13. – С. 5-9.
- 293.30. Б\а. «Адыгейская правда». – 1922. – № 3. – С. 6.
- 293.31. Б\а. Газеты Кавказа улучшаются. – 1923. – № 6. – С. 6.
- 293.32. Б\а. Отзывы о газетах: «Горская правда». – 1923. – № 14. – С. 3-4.
- 293.33. Бикбулат М. Националы в ГИЖе. – 1926. – № 7-8. – С. 62-63.
- 293.34. В. Валь. Подготовка журналистов. – 1922. – № 3. – С. 5.
- 293.35. Варейкис И. М. О дальнейшей работе отдела печати ЦК РКП(б). Речь на совещании инструкторов отдела печати ЦК РКП(б), 21 августа 1925 г. – 1925. – № 20. – С. 52-53.
- 293.36. Варейкис И. М. Очередные задачи советской печати. Доклад на V всесоюзном съезде работников печати. – 1925. – № 14. – С. 7-9.
- 293.37. Волин Б. Задачи дня (О местном характере наших газет). – 1921. – № 1. – С. 9.
- 293.38. Гусев С. И. Об особенностях рабселькоровского движения. – 1926, № 13. – С. 5-7.
- 293.39. Делерт Д. Печать Горской республики. – 1923. – № 14. – С. 2.
- 293.40. И. Упор на качество. – 1927. – № 5-6. – С. 48-51.
- 293.41. Касым. О подготовке работников национальной печати. – 1925. – № 16. – С. 15-16.
- 293.42. Катаев И. Так было, но так не будет (По поводу инструкционной заметки М. Смоленского «Нефтяная промышленность в № 25): Письмо из Грозного. – 1921. – № 3. – С. 8.
- 293.43. Нухрат А. Женская национальная печать. – 1925. – № 12. – С. 12-13.

- 293.44. Оборин А. Вопросы, которые нужно разрешить. – 1926, № 14. – С. 53-57.
- 293.45. Ставский В. Национальная печать и рабселькоры (Северный Кавказ). – 1926, № 21. – С. 50-53.
- 293.46. Тюрякулов Н. К вопросу о национальных алфавитах. – 1925. – № 12. – С. 14-15.
- 293.47. Хайруллин. Печать Дагестана. – 1926, № 9. – С. 56-59.
- 293.48. Тегжалиев Г. Изучение национального читателя. – 1926, № 11. – С. 46-49.
- 293.49. Хашченко В. К. К вопросу о национальной печати. – 1924. – № 12. – С. 2-3.
- 293.50. Шварц Д. Национальная газета (Итоги и очередные задачи) // Красная печать. – 1925, № 12. – С. 9-11.
- 293.51. Щацкий И. За краевую газету: К вопросу о горской сети. – 1925. – № 4-5. – С. 30-33.
294. *Красный журналист*. Издание Инструкторского отдела «ЦентроРОСТА» («Агит-Роста»). 1920.
- 294.1. Б/а. От редакции. – 1920. – № 1. – Кол. 1-2.
- 294.2. Богдатыев С. «Кавказская коммуна» (Стенная газета КавРОСТА). – 1920. – № 4-5-6. – Кол. 315-316.
- 294.3. Грандов М. О курсах журналистики. – 1920. – № 1. – Кол. 29-32; 1920. – № 2-3. – Кол. 133-136.
- 294.4. Лин... Свежие силы. – 1920. – № 2-3. – Кол. 137-138.
- 294.5. Пилацкая Н. Наша работа на Кавказе. – 1920. – № 4-5-6. – Кол. 397-398.
295. *Рабоче-Крестьянский корреспондент*. Издание редакции газеты «Правда».
- 295.1. Апресян Г. Трудности рабселькоровского движения в нацреспубликах. – 1928. – № 13. – С. 21-23.
296. *Радиослушатель*. Издатель – Народный комиссариат почт и телеграфов СССР
- 296.1. А. Ю. Митинг миллионов // Радиослушатель. – 1928, № 7. – С. 2.

- 296.2. Б/а. борьба за качество. – 1928, № 4. – С. 1.
- 296.3. Б/а. На новом пути // Радиослушатель. – 1928, № 2. – С. 1.
- 296.4. Б/а. Радиогазета и ее рабселькоры // Радиослушатель. – 1928, № 3. – С. 1.
- 296.5. Миньков М. За большевизацию политического вещания. – 1931. – № 22. – С.3.
- 296.6. Рюмин Е. Как делается радиогазеты на местах. – 1929. – №3. – С. 5.
- 296.7. Самойлова А. Л. Газета рассказывает..., поет..., и играет. – 1928, № 1. – С. 4-5.
- 296.8. Б/а. Четверг, 20 сентября. – 1928, № 2. – С. 12.
297. *Революция и горец.* Орган Северо-Кавказского краевого национального совета при Краевом исполнительном комитете, Северо-Кавказского краевого комитета нового тюрского алфавита и Северо-Кавказского краевого Горского научно-исследовательского института. 1928-1933.
- 297.1. Алиев У. Латинизация письменности, борьба за новый алфавит и наши успехи. – 1928. – № 1. – С. 29-39.
- 297.2. Апресян Г. «Серло» – чеченская газета. – 1928. – № 2. – С. 50-56.
- 297.3. Б\а. За четкое проведение линии партии, за исправление ошибок. – 1932. – № 4. – С. 32-38.
- 297.4. Бегеулов А. Критические заметки о нацпечати. – 1929, № 5. – С. 7-13.
- 297.5. Бегеулов А. Периодическая национальная печать и рабселькоры. – 1928. – № 2. – С. 38-49.
- 297.6. Белячков П. Очередные задачи советского строительства в национальных областях. – 1928. – № 2. – С. 9–15.
- 297.7. Богданов А. Колхозное строительство в национальных районах. – 1930. – № 3. – С. 40.

- 297.8. Будный Г. Л. Об основных особенностях в организации и методике политпросветработы среди горских народностей. – 1929. – № 5. – С. 28-32.
- 297.9. Бурина А. На путях к бытовому и экономическому раскрепощению горянок. – 1929. – № 6. – С. 6-10.
- 297.10. Голынский П. За большевистские кадры нацпарторганизаций. – 1932. – № 1. – С. 26–31.
- 297.11. Городецкий Б. М. Горские вопросы в русской журналистике и полиграфии (1923-1928 гг.). – 1929. – № 1–2. – С. 58-63.
- 297.12. Городецкий Б. М. Горские вопросы в советской журналистике (Окончание.). – 1929. – № 3. – С. 69-73.
- 297.13. Игрицкий Б. Боевые задачи большевистской печати нацобластей края. – 1931. – № 1–2. – С. 23-29.
- 297.14. Карачайлы И. Родной язык в национальных областях Северного Кавказа. – 1928. – № 1. – С. 39-43.
- 297.15. Мальсагов Д. Современное состояние искусства в Ингушетии. – 1932, № 2–3. – С. 99-104.
- 297.16. Мамакаев М. Как не надо писать о Чечне. – 1929. – № 3. – С. 65-68.
- 297.17. Мамакаев М. Чечня на путях социалистического наступления. – 1931. – № 4. – С. 44-45.
- 297.18. Нагиев Дж. Задачи коренизации советского аппарата в нацобластях С.-К. Края. – 1929. – № 1–2. – С. 29-37.
- 297.19. Перенбийнос Ф. Кабардино-Балкария на культурном подъеме. – 1931. – № 4. – С. 54-59.
- 297.20. Семякин А. За дело (К итогам совещания работников нацпечати и издательств. – 1928. – № 2. – С. 33-37.
- 297.21. Тамбиев И. Национальная печать к 7-й краевой партийной конференции. – 1932. – № 1. – С. 46-56.
- 297.22. Цехер А. К задачам «Революции и горца. – 1928. – № 1. – С. 5-6.

298. *Революция и национальности*. Орган Народного комиссариата по делам национальностей

298.1. Акопов С. Подготовка национальных кадров. – 1934. – № 4. – С. 54-60.

298.2. Аммосов М. Проблема национальных кадров в период социалистической реконструкции. – 1930. – № 1. – С. 20-28.

298.3. А-ов Р. Лицо наших национальных газет. – 1931. – № 5. – 99-101.

298.4. Мостовая Е. Советы в национальных республиках и областях. – 1930. – № 4-5. – С. 47-57.

298.5. Рысаков П. Обзор национальной печати к XVI съезду партии. – 1930. – №2. – С. 122-125.

299. *Танг чолпан* (Утренняя звезда). Литературно-театральное общество дагестанских мусульман. Темир-Хан-Шуру.

299.1. Булач Г. Братьям-дагестанцам. – 1917, №1. – С. 13-14.

299.2. Булач Г. Падение Риги: Действия генерала Корнилова. – 1917, № 2. – С. 13-19.

299.3. Гайдбеков З. Голоса женщин. – 1917, № 2 – С. 11-13.

299.4. Буйнакский У. Международные отношения. – 1917, № 4. – С. – 13-16.

Газеты

300. *«Грозненский рабочий», «Ленинский путь» и «Ленинец»*. Объединенный выпуск. 1935 г. Грозный. Разовый выпуск.

301. *«Грозненский рабочий», «Техника нефти»* на заводе Красный молот». Разовый выпуск. 1934, 8 сентября. Разовый выпуск.

302. *Адыге псаукIэ* (Черкесская жизнь). Орган Карачаево-Черкесского обкома РКП (б). На черкесском языке.

303. *Адыгейская жизнь – Адыгейская правда*. Орган Адыгейского обкома РКП (б), облисполкома. 1926.

304. *Адыгэ макъ* (Голос адыга). Частная. Нальчик.

305. *Баталпашинская правда*. Орган Баталпашинского (Карачаевского) отдельского комитета РКП(б) и отдельского ревкома.
306. *Вестник Горской республики*. Беспартийное, прогрессивное, демократическое» издание, ставящее цели обслуживать духовные и экономические интересы всех граждан Горской республики.
307. *Власть труда*. Владикавказ.
308. *Вольный горец*. Независимая газета. Орган социал-демократической мысли Северного Кавказа (меньшевистская ориентация). Тифлис.
309. *Вольный Дагестан*. Социал-демократическая (меньшевистская). Порт-Петровск.
310. *Голос Дагестана*. Орган временных властей Дагестанской области. Темир-Хан-Шуру.
311. *Голос рабочего*. Социал-демократический орган Адыгеи. Майкоп.
312. *Горская беднота*. Отдел по работе в деревне Терского обкома РКП(б) Владикавказ.
313. *Горская жизнь*. Орган Временного Центрального Комитета Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана (с ноября 1917 года Горское правительство). Ориентация – буржуазно-демократическая. Владикавказ. 1917-1920.
314. *Горская жизнь*. Орган Карачаево-Черкесского обкома РКП (б), облисполкома.
315. *Горская правда*. Орган ЦИК Горской АССР. Владикавказ.
316. *Горский пионер*. Орган ЦИК Горской АССР. Владикавказ.
317. *Грозненский рабочий*. Орган Грозненского окружного комитета РКП(б) и окрисполкома (Чеченского ОК ВКП(б) и облисполкома, Чечено-Ингушского обкома ВКП(б) и облисполкома). Грозный
318. *Гудок*. Орган ЦК профсоюза железнодорожников. Москва.
319. *Дагестанская правда*. Орган Дагестанского обкома ВКП(б), облисполкома и облсовпрофа. Махачкала.
320. *Дагестанские областные ведомости*. Проденикинское правительство М.М. Халилова. 1919
321. *Дагестанский труженник*. Орган Дагестанского РВК. Темир-Хан-Шуру.

322. *Жизнь национальностей*. Орган Народного комиссариата по делам национальностей. Москва
323. *ЗахIматчи*. Лакская окружная газета, орган окружного комитета РКП(б).
324. *Известия* Комитета бакинских мусульманских общественных организаций. Баку.
325. *Известия*. Орган ЦИК Советов рабочих и крестьянских депутатов. Москва.
326. *Известия* Грозненского отдельного исполнительного Комитета Советов рабочих, красноармейских и трудовых казачьих депутатов (В 1918 *Известия* Грозненского окружного комитета РКП(б), Грозненского Совета рабочих и крестьянских депутатов).
327. *Илчи* (Вестник). Дагестанское просветительно-агитационное бюро. (На лакском яз.). Темир-Хан-Шуру.
328. *Ингушская беднота*. Орган Ингушского окружного комитета и окрисполкома. Владикавказ.
329. *Искра нового*. Орган Грозненского горкома ВЛКСМ. Грозный. 1928-1931. С 1932 г. «*Нохчийн комсомолхо*» (Чеченский комсомолец) – орган Чеченского обкома ВЛКСМ. С 1934 г. «*Ленинхо*» (Ленинец) – орган Чечено-Ингушского обкома ВЛКСМ.
330. *Ишчи халкъ* (Трудовой народ). Военно-революционного комитета Дагестана. Темир-Хан-Шуру.
331. *Карахалк*. 1924. Орган областного комитета ВКП(б), облисполкома и облсовпрофа Кабардино-Балкарской области. Нальчик.
332. *Колхозное знамя*. Орган Адыгейского областного комитета ВКП(б), областного Исполкома и областного Совпрофа.
333. *Коммунист*. Орган Терского областного бюро и Владикавказского городского комитета РКП(б). Владикавказ.
334. *Комсомольское племя*. Орган Чечено-Ингушского ОК ВЛКСМ. Грозный.
335. *Красная Ингушетия*. Орган Ингушского окружного комитета и окрисполкома. Владикавказ. Владикавказ.

336. *Красная Кабарда*. Орган областного комитета ВКП(б), облисполкома и облсовпрофа Кабардинской области. Нальчик.
337. *Красное знамя*. Орган Терского областного и Владикавказского Совета рабочих и солдатских депутатов. Владикавказ. 1917 г.
338. *Красные горы Кубани* Орган Баталпашинского (Карачаевского) отдельского ревкома.
339. *Красный Дагестан*. Орган Дагестанского обкома ВКП(б), облисполкома и облсовпрофа. Порт-Петровск.
340. *Красный труд*. Грозненский окружной комитет РКП(б), Грозненский Совет рабочих и крестьянских депутатов. Грозный. 1921.
341. *Крестьянская газета*. Массовая советская газета, издание ЦК ВКП (б). 1923–1939.
342. *Кызыл Черкес* (Красный Черкес) – Кызыл байрак (Красное знамя) (ногайский яз.).
343. *Ленинан некъ* (Ленинский путь). Орган Чеченского (с 1934 г. Чечено-Ингушского) обкома и облисполкома и облсофпрофа. Грозный.
344. *Ленинский путь*. Орган Кабардино-Балкарского обкома ВКП (б), облисполкома и облсовпрофа.
345. *Мусават* (Равенство). Издатель – М. Мавраев. (На кумыкском яз.). Темир-Хан-Шуру.
346. *Народная власть*. Официальный орган Терского областного народного совета. Владикавказ.
347. *Нефтерабочий*. Грозненский окружной комитет РКП(б), Грозненский Совет рабочих и крестьянских депутатов. Грозный. 1921. 1922-1924.
348. *Новая жизнь*. Москва.
349. *Новости Радио*. Издание акционерного всесоюзного общества «Радиопередача». Москва.
350. *Правда*. Орган ЦК ВКП(б). Москва.
351. *Пролетарий Осетии*. Орган Северо-Осетинского обкома ВКП(б), облисполкома и облсовпрофа. Владикавказ.

352. *Рабочая газета*. Ежедневная массовая газета, Орган ЦК ВКП(б). 1922-1932
353. *Растдзинад* (Правда). Орган Северо-Осетинского обкома ВКП (б), облисполкома и облсовпрофа. Владикавказ.
354. *Революционный горец*. Горская фракция Терского областного народного совета. Владикавказ.
355. *Речь*. Ежедневная политическая, экономическая и литературная газета. Позиционировала себя как «внепартийная» независимая газета. Но поддерживала Конституционно-демократическую партию. Основана инженером и меценатом Ю. Б. Баком. Фактические руководители – И. В. Гессен и П. Н. Милюков. Санкт-Петербург, 1906-1918 гг.
356. *Русское слово*. (Общественно-политическая, экономическая и литературная) газета Российской империи. Основана издателем и редактором А. А. Александровым в 1885 году. С 1887 издатель – И. Д. Сытин. Ориентация – конституционно-монархическая. Москва, 1895-1918 гг.
357. *Свободный Терек*. Владикавказ. 1919.
358. *Сердало* (Свет). Орган обкома ВКП(б), облисполкома и Совпрофа Ингушской автономной области с 1936 г. Чечено-Ингушской АССР). Владикавказ, Грозный.
359. *Серло* (Свет). Орган обкома ВКП(б), облисполкома и Совпрофа Чеченской автономной области с 1936 г. Чечено-Ингушской АССР).
360. *Серп и молот*. Орган обкома ВКП(б), облисполкома и Совпрофа Адыгейской Автономной области.
361. *Советский Юг*. Орган Северо-Кавказского крайкома ВКП(б). Ростов-на-Дону.
362. *Социалистическая Кабардино-Балкария*. Нальчик.
363. *Таулу джарлыла* (Горская беднота). Орган Карачаевского ОК ВКП(б), облисполкома и Совпрофа.
364. *Таулу джашау* (Горская жизнь). Орган Карачаевского ОК ВКП(б), облисполкома и Совпрофа.

365. *Терек*. Ежедневная политическая и литературная газета либерально-буржуазного направления. Изд-во «Казбек» С. Казарова. Владикавказ. 1906–1918 гг.
366. *Терская правда*. Орган Владикавказского комитета РКП(б). Владикавказ.
367. *Терский вестник*. Орган Терского областного гражданского исполнительного комитета.
368. *Терский казак*. Терское казачье войско. Владикавказ.
369. *Труд*. Орган Всесоюзного Центрального Совета профессиональных союзов.
370. *Молот*. Орган Северокавказского крайкома ВКП(б) и крайисполкома.
371. *Хайтархо* (Ударник). Орган политотдела Грозненского МТС Чеченской области.
372. *Цийи дунья* (Новый мир) (лезгинский яз.) Лезгинская окружная газета.
373. *Цьен ламанхо* (Красный Горец). Орган Шатойского районного комитета ВКП(б) и райисполкома. Чеченская область.
374. *Колхозхо* (Колхозник). Орган Урус-Мартановского районного комитета ВКП(б) и райисполкома. Чеченская область.
375. *Сунженский колхозник*. Орган Сунженского районного комитета ВКП(б) и райисполкома. Чеченская область.
376. *Уру Табасаран* (Красный Табасаран) (табасаранский яз.). Табасаранская окружная газета
377. *Черкес къаниц* (Красная Черкессия) (абазинский. яз.). Орган Черкесского обкома ВКП (б) и облисполкома
378. *Черкес плъыж*. Орган Черкесского обкома ВКП (б) и облисполкома
379. *Черкесская правда*. Орган Адыгейского облоргбюро РКП(б).1922 г.
380. *Терский край*. Демократическая, общественно-политическая и литературная ежедневная газета. Грозный. Издатель – Товарищество Терского печатного и издательского дела. Редакторы – Н. Стрижов, М. З. Финкельштейн, М. Н. Членов. Грозный.11 июня 1917-1918.